

КНИГА
В
РОССИИ

ДО
СЕРЕДИНЫ
XIX
ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ БИБЛИОТЕКА АН СССР

КНИГА
В
РОССИИ
—•—
ДО
СЕРЕДИНЫ
XIX
ВЕКА

Под редакцией
А. А. СИДОРОВА и С. П. ЛУППОВА

Ленинград
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1978

В сборнике публикуются доклады, прочитанные на Всесоюзной научной конференции «Книга в России до середины XIX в.» (Ленинград, 1976 г.) и посвященные различным аспектам истории русской книги начала XV—середины XIX в.: развитию рукописной книжности, книгопечатанию, книжной торговле, частным книжным собраниям и библиотекам. Большое внимание уделено наиболее ценным книжным коллекциям, хранящимся в крупнейших библиотеках СССР. Ряд материалов вводится в научный оборот впервые. Сборник состоит из трех разделов: 1) общие вопросы истории книжного дела; 2) книгопечатание; 3) книжные собрания в библиотеках СССР.

Издание рассчитано на историков, историков культуры, книговедов, библиотечных работников, а также на всех интересующихся историей русской культуры.

Предисловие

В октябре 1976 г. в Ленинграде по инициативе Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР и Библиотеки АН СССР была проведена Всесоюзная научная конференция на тему «Книга в России до середины XIX в.». В конференции, вызвавшей большой интерес научной и библиотечной общест-венности, приняли участие представители 39 учреждений РСФСР и союзных республик. В качестве докладчиков выступали специалисты по истории книги различных городов СССР. В «Рекомендациях», принятых конференцией, отмечена необходимость публикации ее материалов.

В настоящем сборнике публикуется основная часть докладов и сообщений, заслушанных на конференции. Ма-териал распределен по трем разделам: «Общие вопросы истории книжного дела», «Книгопечатание», «Книжные собрания в библиотеках СССР». Первый раздел сборника открывается статьей А. А. Сидорова «Об исследователь-ской работе по истории русской книги», в которой гово-рится о традициях советской науки в изучении истории книжного дела. Основные задачи в области исследований по истории русской книги эпохи феодализма излагаются в статье С. П. Луппова. Автор исходит из широкой трак-товки термина «история книги», который включает весь комплекс проблем, относящихся к состоянию книжного дела в стране в ту или иную историческую эпоху: кни-гопечатание, развитие рукописной книжности, книготор-говля, распространение книг среди населения, библиотеки и т. д. На основе положений доклада С. П. Луппова были

выработаны рекомендации, вошедшие в состав настоящего сборника.

О некоторых важных задачах, стоящих перед исследователями истории книги, говорится и в статьях С. О. Шмидта и Е. Л. Немировского. С. О. Шмидт поднимает вопрос о создании источниковедческих трудов справочно-информационного и учебно-обобщающего характера. Речь идет о каталоге владельческих записей на рукописных и печатных книгах, о перечне всех сохранившихся книжных собраний и архивов и т. д., что облегчит подготовку научной истории русской книги. В статье Е. Л. Немировского излагаются теоретические и методологические основы «Сводного каталога славянской старопечатной книги кириллического и глаголического шрифтов XV—XVII вв.».

А. И. Копанев подводит в своей статье итог исследовательской работе в области истории русской книги феодального периода за последние десять лет (1966—1976), обращая особое внимание на подготовку фундаментальных монографий, докторских диссертаций по истории книги и издание ряда крупных сводных каталогов, являющихся надежной базой в научной работе.

Некоторые статьи первого раздела посвящены истории книжного дела в России в различные исторические периоды. В статье Н. Н. Розова говорится о русской рукописной книге XV в., исследованием которой автор занимается в настоящее время, в статье Б. В. Сапунова — о русском читателе XVII в. Г. Н. Моисеева на новых материалах освещает тему «А. И. Мусин-Пушкин — издатель древнерусских памятников», И. Е. Баренбаум говорит об издании в России французских переводных книг во второй четверти XVIII в. и дает характеристику этих изданий. И. Ф. Мартынов публикует новые данные о распространении книг в русской провинции в екатеринское время, обращая основное внимание на состояние книжной торговли. Д. В. Тюличев приводит любопытные высказывания М. В. Ломоносова об организации академической книжной торговли, подчеркивает, что Ломоносов видел в торговле академическими изданиями средство распространения просвещения в России.

Остальные статьи раздела посвящены книге XIX и частично (статья А. А. Апинис) — второй половины XVIII в. В статье А. А. Апиниса освещается очень мало

исследованная до настоящего времени проблема развития рукописной книжности в Латвии. Автор дает характеристику крестьянской рукописной книги и устанавливает факторы, влиявшие на развитие латышской демократической книги. Н. П. Рудь приводит в своей статье интересные данные об украинских литературных альманахах первой половины XIX в., связывая характер этих изданий с особенностями развития просвещения и литературы на Украине. Статья В. С. Агриколянского посвящена книжным связям России и Польши. Автор характеризует польскую литературу, имевшую распространение в России в первой половине XIX в.

Во втором разделе помещено пять статей. В статье О. О. Зандерса говорится о деятельности двух первопечатников Риги — Николая Моллина и Герхарда Шредера. Я. Д. Исаевич прослеживает взаимное влияние русских изданий на украинские и украинских — на русские в XVI—первой половине XVIII вв., подтверждая наличие прочных культурных русско-украинских связей еще до воссоединения Украины с Россией. Статья Т. А. Афанасьевой посвящена малоизученным изданиям XVIII в. — так называемым «реестрам» Московской типографии. Автор отмечает значение этих изданий как источника для исследований в области истории книги. Книгопечатание в России на стыке двух столетий — XVIII и XIX — тема статьи А. А. Зайцевой. Наибольшую ценность статьи представляют новые данные о русском книгопечатании в начале XIX в. Несколько особняком по своей тематике стоит статья Т. И. Кондаковой, посвященная вопросам терминологии. На ряде примеров автор прослеживает, как формировалось понятие «издатель» в России в XVIII в.

В третьем разделе сборника помещены статьи о различных книжных собраниях, хранящихся в крупнейших библиотеках СССР. Статья Е. М. Апанович, открывающая раздел, представляет собой обзор рукописных книг XVI—XVIII в. исторического содержания в Центральной научной библиотеке АН УССР. В статье А. А. Гусевой на основе материалов, хранящихся в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, дается характеристика украинской книжной графики второй половины XVIII в. Тема статей И. Н. Лебедевой, А. Х. Рафикова и В. Ю. Пореша — частные книжные собрания XVIII вв., входящие в состав книжных фондов

Библиотеки АН СССР. И. Н. Лебедева излагает методику работы по выявлению в фондах Библиотеки книг, принадлежавших ранее известным русским деятелям первой половины XVIII в. Изучение состава такого рода книжных собраний представляет большой интерес для истории книги. В статье А. Х. Рафикова (расширенный вариант его доклада) дается обзор востоковедческой литературы в частных собраниях и в Библиотеке АН. Автор устанавливает, что интерес к литературе по Востоку в России в первой половине XVIII в. не был случайным явлением. Анализу библиотеки А. Ф. Хруцова, состоявшей почти исключительно из французских книг, посвящена статья В. Ю. Пореша. Это исследование позволяет утверждать, что гуманитарная часть библиотеки А. Ф. Хруцова формировалась под влиянием прогрессивных философско-политических идей, распространенных в Западной Европе в XVIII в.

Статья Р. Я. Клейман представляет собой обзор гуманитарной литературы XVI—первой половины XIX в. Центральной научной библиотеки МССР. Автор прослеживает связь между составом этого книжного собрания и важнейшими событиями в истории формирования Библиотеки. Статьи С. Р. Долговой и Л. И. Киселевой посвящены известным книжным собраниям Ф. В. Каржавина и Ф. А. Толстого. Давая обзор редких книг библиотеки Ф. В. Каржавина, С. Р. Долгова подробно останавливается на пометках, сделанных владельцем на книгах: они отражают прогрессивные черты мировоззрения Каржавина. В статье Л. И. Киселевой рассматриваются хранящиеся в Библиотеке АН СССР иллюминированные рукописи книжного собрания Ф. А. Толстого.

В качестве приложения к сборнику публикуются «Рекомендации Всесоюзной научной конференции „Книга в России до середины XIX в.“», являющиеся широкой программой научных исследований по истории книги, и описание выставки книг, устроенной для участников конференции. Это представляет несомненный интерес не только для научных и библиотечных работников, но и для всех тех, кто интересуется историей русской книги.

І. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА

А. А. Сидоров

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ

В 1973 г., объявленном ЮНЕСКО Международным годом книги, вышло в свет фундаментальное издание на французском языке под названием «5000 лет искусства книги». Качество репродукций и широкая трактовка термина «искусство книги» (в понятие «книга» включались и надписи на камне) привлекли к нему внимание ученых. Тем досаднее было то, что в таком издании отсутствовали сведения по истории письменности и книжного дела в СССР и некоторых других странах, хотя в СССР проделана огромная исследовательская работа по истории письменности, и пройти мимо такого факта было, конечно, ошибкой.

Именно поэтому в очень небольшой статье, открывающей сборник докладов на научной конференции, посвященной прошлому русской книги, мне хотелось бы остановиться на традициях советской науки в изучении истории книжного дела. Советские историки книги всегда руководствовались известным положением В. И. Ленина: «Смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».¹

Еще в 1924—1925 гг., т. е. более 50 лет назад, была сделана попытка осветить некоторые вопросы истории русской книги до XX столетия в сборнике «Книга в Рос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

сии», подготовленном Академией художеств под редакцией В. Я. Адарюкова и пишущего эти строки. Так поступали в те годы и исследователи ряда зарубежных стран (Франции, США, Германии): XX век они рассматривали как «современность», а все предшествующее считали «историей».

Стадия общих набросков по истории русской книги и разработки конкретных частных проблем истории книжного дела, характерных для 20-х годов, сменилась стадией монографических исследований. Это труды, посвященные либо крупным деятелям книгопечатания, например Ивану Федорову, либо какой-то определенной проблеме истории книжного дела, например истории оформления книги. Особо следует отметить опыт подготовки фундаментального коллективного труда: два тома по истории русского книгопечатания, вышедшие в 1964 г. (в ознаменование 400-летия книгопечатания в России) под редакцией А. И. Назарова и пишущего эти строки, являются примером систематического комплексного изучения состояния книжного дела в различных наших национальных республиках в различные исторические эпохи.

Большой вклад в историю русской книги вносят научные конференции, организуемые Научным советом «История мировой культуры» Академии наук СССР в сотрудничестве с крупнейшими библиотеками Москвы и Ленинграда, которые являются авторитетными научными центрами в области изучения истории книжного дела.

Качество исследований советских историков книги непрерывно растет. Мы подошли сейчас к этапу издания крупных, обобщающих монографий взамен не поднимающихся над уровнем обзорных статей работ 1960-х годов. Так, капитальные труды С. П. Лущова по русской книге XVIII в. несомненно во всех отношениях стоят на ином уровне, нежели статьи Т. А. Быковой в коллективном труде 1964 г., посвященные той же эпохе; статья автора этих строк о возникновении типографии в Москве и затем на Украине в связи с деятельностью Ивана Федорова была сравнительно краткой главой общей юбилейной книги и сыграла свою роль, подготавливая читателя к появлению больших монографий, во много раз более подробных и насыщенных новыми материалами, — монографий Е. Л. Немировского и А. П. Запаско. Ученого может

только радовать развитие выдвинутой им темы его премниками.

Вместе с тем в истории книжного дела имеется ряд проблем, до конца не решенных, над которыми еще немало надо трудиться, и только коллективные усилия обеспечат успех в этой работе. Здесь уместно указать лишь на некоторые из них.

Одним из важнейших вопросов, над которыми работают ученые нашей страны, является вопрос о взаимоотношениях рукописной книжной культуры восточного славянства с культурой книгопечатной, во многом связанной с Западом, но сохранившей свое национальное лицо, а также продолжавшей традиции рукописной книжности.

Как известно, этапы развития рукописного оформления книг допечатного периода в России, на Украине и, очевидно, везде, где восточнославянская культура встречалась с балканской и западной, приводили исследователей к установлению четкой периодизации «влияний» или взаимосвязей русской книжной культуры и с византийской традицией, и с Болгарией, и с Западом. Загадочны по своему стилю открытые Е. Л. Немировским гравированные на металле и вклеиваемые в рукописные книги начала XVI в. заставки Феодосия. Целый ряд открытий и наблюдений недавнего времени в области связей русской книжной культуры с иноземной позволяет шире и разнообразнее строить картину культуры книги Московской Руси в эпоху зарождения абсолютизма, нежели это делали более ранние историки. По-новому освещена роль самого Ивана Федорова. Но имеется еще одна важная задача, стоящая перед историками книги. Украина-московско-польские связи, взаимное влияние в отношении содержания, технологии, убранства, в общем культурном облике восточнославянской книги XVII в. представляются нам теперь более сложными, интересными, а в ряде случаев — и более неясными, нежели это казалось нам раньше.

А жизнь и деятельность рукописности как таковой, жизнь книги в народе, в различных регионах нашей многонациональной страны! Сейчас в науке установилось общее мнение, что изучение книжной культуры, книжного дела в его развитии плодотворно только в комплексе: сначала дифференцированное и специализированное изу-

чение объектов — отдельных книг, экземпляров изданий и вариантов рукописей, затем — интеграция найденного, изученного, полученного. Культура книги — часть общественной культуры определенного периода — мыслится нами ныне только как комплекс всего, многого, изученного отдельно. Мы обязаны уметь и выделить в книге ее неповторимо индивидуальные черты и наряду с этим видеть их общность, неотделимость истории книжного дела от истории культуры в целом, от истории развития общества. Изучение книги должно сочетаться с изучением людей, читающих книгу, и условий, при которых книга читалась (ведь необходимость, например, чтения книг в слух при исполнении церковных обрядов породила потребность в крупном и четком шрифте). Наконец, изучение читателя в широком плане связано с исследованием проблемы книгособирательства, состава частных и «учрежденческих» библиотек в разные исторические эпохи. А эта работа у нас только началась.

Исследования, проводимые по инициативе Комиссии комплексного изучения книги, работающей в составе Научного совета «История мировой культуры» АН СССР, показывают, насколько шире и глубже изучаются ныне коллективами советских специалистов проблемы истории книги. Книга исследуется в различных аспектах, но рассматривается как единый комплекс. На очереди создание капитальной истории книжного дела нашей страны, а в будущем — и ряда стран, объединенных общностью культуры.

Совместные усилия целого ряда научных коллективов обусловили достижение больших успехов в области изучения истории книжного дела. И именно коллективным усилиям обязаны своим появлением такие издания, как тематические сборники издательств «Наука» и «Книга», «Федоровские чтения» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, как выходящая в недалеком будущем советская энциклопедия «Книговедение».

Настоящий сборник докладов на конференции по истории русской книги до середины XIX в., проведенной в стенах старейшей нашей научной библиотеки — Библиотеки Академии наук, также должен быть упомянут в числе прочих. Появление его — несомненный шаг вперед по пути изучения прошлого русской книги.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КНИГИ
В РОССИИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

При определении задач научных исследований в области истории книги мы должны прежде всего договориться о главном: что понимать под термином «история книги». Является ли она сравнительно узкой научной дисциплиной, занимающейся лишь вопросами книгопечатания, художественного оформления книг и рукописей, а также изучением памятников рукописной книжности и рукописных школ, или это комплексная наука, охватывающая весь круг проблем, связанных с книгой, включая и такие вопросы, как распространение книг среди населения, книготорговля, библиотеки и т. д. Нам представляется, что вторая точка зрения в настоящее время доминирует и сторонников трактовки истории книги лишь в ее, если так можно выразиться, полиграфическом, рукописном и искусствоведческом аспектах становится все меньше.

Итак, мы понимаем историю книги как комплексную науку, как часть истории культуры, одну из исторических наук в целом комплексе книговедческих дисциплин.¹ При изучении истории книги мы подходим к ней с двух точек зрения, поскольку книга является и наиболее ярким проявлением духовной жизни общества, и важнейшим фактором, влияющим на ее развитие. И, очевидно, нельзя говорить о книге в отрыве от ее использования, воздействия на общественное мнение; нельзя изучать историю книги, не учитывая потребностей ее читателя, т. е. тех кругов общества, для которых книга создавалась и интересами которых определялось ее содержание и оформление.

Исходя из указанных предпосылок, попробуем определить наиболее актуальные проблемы в области истории книги, не пытаясь охватить все задачи, стоящие перед исследователями, так как осуществить это в одной статье

¹ См.: Луппов С. П. История книги как комплексная научная дисциплина. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 3—11.

практически невозможно. Да и было бы излишне повторять, например, задачи, стоящие перед исследователями начала русского книгопечатания и четко сформулированные акад. Д. С. Лихачевым.² Мы не коснемся также целого ряда традиционных для историков книги тем, таких как история отдельных издательств и типографий, эволюция шрифтов, художественное оформление книг и рукописей, исследование отдельных рукописных памятников, изучение рукописных школ и т. д. Несмотря на то что эти темы не утратили своей актуальности, в трактовке их едва ли имеются в настоящее время существенные расхождения.

Одной из самых важных проблем истории книги является, на наш взгляд, проблема уточнения репертуара книг, созданных в ту или иную историческую эпоху. Репертуар книг характеризует и общий уровень культуры страны, и основное направление книгопечатания, и реакцию различных кругов общества на важнейшие сдвиги в области экономики и культуры, и появление новых прогрессивных идей (нелегальная литература), и для изучения его за последние годы сделано много. Достаточно назвать 5-томный «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», описания книг гражданской и кирилловской печати Петровской эпохи, описания рукописных собраний библиотек и др.

Но это только начало. Работу надо всемерно продолжать, привлекая к ней возможно большее число библиотек. Недостаточно фиксации книг, изданных только на русском языке и только гражданским шрифтом. Мы знаем, что сейчас готовится сводный каталог книг, вышедших в России в XVIII в. на иностранных языках, поднимается вопрос о создании сводного каталога старопечатных книг XV—XVII вв., изданных кириллицей и глаголицей. Очень важно возобновление ранее начатой работы по составлению сводного каталога русских книг XIX—XX вв., составление каталогов книг, вышедших на языках народов СССР, — и в этой работе имеется широкое поле деятельности для библиотек союзных и автономных республик.

² Лихачев Д. С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 8—9.

Нельзя забывать одного важного обстоятельства: фиксация только того, что дошло до нашего времени (т. е. учет лишь сохранившихся изданий), дает искаженную картину подлинного репертуара книг данной эпохи. Так, например, документальными данными доказывается, что существовал целый ряд не дошедших до нас изданий Московской типографии, выпущенных для массового потребления в 1729—1730-х годах большими тиражами: учебные азбуки, учебные псалтыри и т. д. (азбуки выходили тиражом 12—16 тыс. экземпляров).³ И если бы мы учитывали лишь то, что сохранилось, то получили бы превратную картину обеспечения населения пособиями для начального обучения. На основании подобного рода неверных предпосылок иногда в нашей печати делаются неправильные выводы. Например, по отсутствию изданий Черниговской типографии 1724—1743 гг. предполагают, что типография в эти годы не работала,⁴ хотя имеется прямое указание В. М. Ундольского на то, что «Каноник» черниговского издания 1739 г. имелся в собрании А. И. Кастерина.⁵ Такие факты не единичны.

Таким образом, для выявления истинного положения с репертуаром книг какой-либо эпохи необходимо широкое привлечение архивных и других документальных материалов, а это очень нелегкая задача, требующая многих лет кропотливого труда. Можно все же с удовлетворением отметить, что в последнее время необходимость привлечения дополнительных данных к работе по уточнению репертуара книг становится очевидной для многих. Мы являемся свидетелями публикации (правда, небольшими тиражами) Библиотекой им. В. И. Ленина «Списков разыскиваемых изданий», а недавно усилиями коллективов ряда библиотек под руководством Библиотеки им. В. И. Ленина вышел дополнительный том к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века». Очевидно, подобных изданий, даже по книге

³ Азбука 1726 г. — 16 800 экз.; азбука 1728 г. — 12 000 экз.; азбука 1730 г. — 2295 экз. (см.: Описание документов и дел архива Синода. Т. 10. СПб., 1901, прил. XII, с. 1086—1094; т. 11, СПб., 1903, с. 93—96).

⁴ Быкова Т. А. Книгопечатание в России во 2-й четверти XVIII в. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 4. М., 1961, с. 239.

⁵ Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871, стб. 188.

XVIII в., будет еще не одно, и каждое из них лишь в какой-то степени приблизит нас к познанию истинного положения вещей.

Говоря о репертуаре книг той или иной эпохи, мы имеем в виду не только печатную, но и рукописную книгу. Рукописи каких произведений создавались в исследуемый нами хронологический период? На этот вопрос мы можем получить ответ, изучая каталоги рукописных материалов наших книгохранилищ, а состояние таких каталогов, несмотря на значительную, уже проделанную в этой области работу, нельзя еще признать удовлетворительным. Задача описания рукописных фондов и публикации этих описаний еще более трудна, чем задача составления каталогов печатных книг, учитывая индивидуальность каждого экземпляра рукописи. Однако только сочетание репертуаров печатных и рукописных книг дает полное представление о состоянии книжного дела и общем уровне культуры страны, поскольку духовные запросы определенных кругов общества отражает только рукописная книга. Следует также иметь в виду, что сопоставление репертуаров печатных и рукописных книг дает возможность получить выводы большой ценности. Этим путем устанавливаются причины устойчивости позиции рукописной книги в эпоху развитого книгопечатания, выявляется борьба идей, различных идеологий.

Именно необходимость уточнения репертуара рукописной книжности делает особенно актуальными такие начинания, как составление «Сводного каталога рукописей XI—XV веков, хранящихся в СССР», подготовку и издание описаний крупнейших рукописных собраний страны, регулярную публикацию обзоров различных собраний рукописных книг. На конференции по проблемам рукописной и печатной книги (Москва, 1973 г.) была высказана мысль о подготовке многотомного справочника, раскрывающего корпус рукописных книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Такое предложение надо всячески поддерживать.

Но установление одного лишь факта выхода в свет какой-либо книги дает еще немного. Новое издание может пользоваться огромным спросом — и остаться незамеченным, может иметь успех у одних слоев населения — и встретить равнодушие и даже враждебность у других. Отсюда

важность исследования проблемы реакции общества на выход книги, отношения к ней различных групп населения, влияния книги на общественную мысль. Здесь мы подходим вплотную к вопросу о читателе и его запросах. Для исследовательской работы в этой области могут быть использованы различные источники: данные книготорговли, материалы о читателях, сохранившиеся в архивах наших библиотек, пометы на книгах и рукописях, списки подписчиков на периодические издания и книги, а также всякого рода другие архивные и литературные материалы. Ценность каждой из перечисленных групп источников различна для разных исторических эпох, что определяется различием объема дошедших до нас материалов по каждой группе. Для нашего времени, например, имеет особое значение возможность получения данных о читательских запросах непосредственно из библиотек, для более отдаленных эпох приходится довольствоваться материалами записей на книгах и сведениями, извлеченными из архивов книжных лавок.

Архивные материалы книготорговых организаций изучены еще недостаточно, но они содержат богатейший материал о спросе на книги, о распространении книг по территории страны. Изучение этих данных подводит нас и к решению таких проблем, как уровень образованности населения, широта культурного влияния крупнейших центров страны, степень ее культурного единства и др. В архивах могут быть обнаружены настоящие сокровища, например выявленные нами в фондах ЦГАДА подробные данные о продаже изданий Печатного двора в середине XVII в.⁶ или о продаже в 1739—1741 гг. изданий Петербургской типографии.⁷ И в том и в другом случае фиксировались буквально каждая проданная книга и каждый покупатель. Таким образом, мы получили интересные данные о спросе на книги различных слоев населения (включая крестьян), о перемещении московских и петербургских изданий в другие населенные пункты страны (значительная часть книг была приобретена жителями различных городов России).

Специального внимания заслуживает исследование динамики книжных цен. И дело не только в том, что уров-

⁶ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 47, 65.

⁷ Там же, ф. 1184, оп. 1, № 393.

нем цен в значительной мере определяется спрос на книги, покупательная способность населения (в особенности низших его слоев), но также и в том, что изучение движения книжных цен дает возможность получить новые данные для решения ряда проблем. Например, от уровня цен на печатную книгу зависит соотношение числа обращающихся в исследуемый период рукописных и печатных материалов; степень расхождения государственных и рыночных цен на книги говорит о большей или меньшей обеспеченности населения литературой данной тематики, а расхождение уровня цен в центре и на периферии характеризует степень экономического и культурного единства страны.

Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что выявление и исследование документальных данных о книготорговле является одной из актуальных задач, стоящих перед историками книги.

Изучение материалов архивов библиотек имеет, как уже говорилось, первостепенное значение в исследованиях, касающихся проблемы читателя и читательских запросов поздних исторических эпох. Для XVIII в. эти данные сохранились слабо, для более ранних эпох — практически отсутствуют. Точно так же до нас дошли лишь начиная с XVIII в. списки подписчиков на периодические издания и книги, причем данные, относящиеся к XVIII в., сравнительно немногочисленны. Сохранившиеся материалы представляют большую ценность для исследователей, и одна из главных задач, стоящих перед историками книги, — это выявление, публикация и изучение архивных материалов библиотек, касающихся читателя и его запросов, а также списков подписчиков на периодические и непериодические издания. Нам представляется, что подобное положение не требует дополнительного обоснования.

Большое значение в исследовательской работе по истории книги имеет изучение записей на старинных книгах и рукописях. В ряде случаев (особенно для ранних исторических эпох) такие записи являются единственным видом источников, позволяющим нам подойти к разрешению проблемы читателя. Анализ сохранившихся записей дает возможность установить тематику,

интересовавшую различные слои населения, а при большом числе собранного материала — и степень образованности этой группы. Исследованию подвергаются различные виды записей: владельческие, вкладные, продажные и т. д. Особую ценность представляют те записи, в которых фиксируется отношение к прочитанному. Таким образом, выявление, публикация и изучение записей на книгах и рукописях очень важны для историков книг.

До последнего времени публикация таких записей делалась попутно, например при описании какого-нибудь книжного фонда. Но, как нам представляется, настало время для подготовки специальных изданий, в которых будут публиковаться записи на книгах и рукописях, предварительно систематизированные по тематическим группам и эпохам. Подобные издания, подготовленные коллективами ряда библиотек, оказали бы неоценимую помощь исследователям, тем более что во многих записях фиксируются не только имена владельцев книг, но и разного рода другие важные сведения, например о цене книги, месте покупки и т. д. Следовало бы подумать также о подготовке указателей к уже имеющимся публикациям записей, рассыпанных по большому числу изданий.

Другим источником, который дает ценные сведения для характеристики потребностей читателя, являются описи книжных собраний, принадлежавших представителям различных групп населения. В своей статье, помещенной в 25-м сборнике «Книга. Исследования и материалы», А. С. Мыльников рассматривает изучение состава книжных фондов библиотек и частных книжных собраний как один из методов книговедческого анализа.⁸ В данном случае мы подходим к изучению состава частных книжных собраний как одной из серьезных задач, стоящих перед историками книги. При этом для нас имеет особое значение широта охвата объекта исследования, т. е. возможность получения данных о библиотеках большего числа лиц. Именно при таком подходе можно получить очень ценные выводы: о характере духовных запросов различных групп населения, уровне образованности, проникновении иностранных

⁸ Мыльников А. С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1972, сб. 25, с. 8—21.

влияний. На основе анализа состава книжных собраний, принадлежавших частным лицам, устанавливается, например, факт постепенного возрастания в России в XVII—XVIII вв. интереса к светской тематике. Подобного же рода данные позволяют выяснить, культурное влияние какой из зарубежных стран было наиболее сильным в исследуемый период, какие идеи были наиболее злободневными и т. д. Из сказанного видно, что перед историками книги стоит проблема выявления, публикации и последующего анализа частных книжных собраний (личных библиотек), а также составление указателей к ранее опубликованным описям. Разумеется, публикация описей личных библиотек, принадлежавших крупным историческим деятелям и деятелям культуры, имеет особое значение. Материалы описей личных книжных собраний представляют большую ценность лишь при их умелом использовании. Нужно учитывать следующее.

1. Описание книг может не вполне четко характеризовать интересы владельца. Надо иметь в виду, например, возможность случайности попадания в собрание тех или иных книг. Поэтому исследование описей необходимо сочетать с изучением истории складывания книжных собраний, биографических материалов и характерных особенностей интересов их владельцев. Так, например, большая часть широко известной библиотеки Феофана Прокоповича (около 80%) попала в это собрание в числе трофеев, захваченных русскими войсками в Прибалтике; и здесь можно лишь условно говорить о планомерности подбора книг.

2. Характер описей XVII—XVIII в., сделанных зачастую малосведущими людьми, приводит к большим ошибкам вследствие крайней неясности описаний книг. Например, в описи книг епископа Вятского Лаврентия Горки под № 54 значились «риторские книги». При ближайшем ознакомлении оказалось, что под таким невыразительным названием записан конволют, состоящий из 9 произведений разных авторов, в числе которых были ранние произведения Томмазо Кампанеллы. Так же прямо не значилась в описи «Божественная комедия» Данте и другие произведения эпохи Возрождения.⁹ В свете этих поправок библиотека Л. Горки выглядит по-иному.

⁹ Петряев Е. Д. Литературные находки. Киров, 1968, с. 56—58.

3. Иногда опись книг того или иного лица является не единственной, а одной из нескольких. И об этом заранее трудно было предположить. Так, например, опись книг, конфискованных у вице-канцлера М. Г. Головкина при его опале, хранящаяся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР,¹⁰ как выяснилось, отражала лишь меньшую, хотя и более ценную, часть его собрания. Другая же часть его книг была обнаружена в 1764 г. в Воскресенской церкви Покровского дворца в Москве вместе с книгами А. И. Остермана.¹¹

Очень перспективно для исследователей изучение истории формирования книжных фондов государственных и церковных библиотек. Здесь параллельно шли два процесса: планомерное пополнение фондов по профилю библиотек и стихийное вливание в библиотеку литературы за счет пожертвований (вкладов), выморочного имущества и т. д. Второй процесс особенно интересен. Как установлено М. В. Кукушкиной, весьма значительную часть книжных фондов библиотек Северной Руси составляли вклады частных лиц (в Соловецком монастыре свыше половины всего собрания, в Антониево-Сийском монастыре — треть собрания).¹² Таким образом, тематика книжных фондов библиотек в большой мере отражала духовные запросы жертвователей — представителей различных групп населения. Но и при регулярном пополнении библиотек новыми книгами имели место не всегда сразу объяснимые явления. Например, в составе книг, вывезенных во время экспедиции Арсения Суханова на Афон, имелось много книг светского содержания по различным отраслям знания. Это объяснялось тем, что духовные власти России были озабочены в это время проблемой открытия школ. Однако эти книги попали не в школу, а в Ризную библиотеку патриарха.

Анализ состава библиотечных фондов того или иного периода дает возможность установить целый ряд интересных явлений культурной жизни страны. Каким образом, например, в церковных и монастырских библиоте-

¹⁰ ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 183—184, 189.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1329, оп. 1/51, л. 1—11 об.

¹² Кукушкина М. В. Пути создания рукописных собраний в северных монастырях (Соловецком, Антониево-Сийском, Николо-Карельском, Александро-Свирском). — Вспомогат. истор. дисциплины, 4, Л., 1972, с. 106—108.

как оказалась в большом количестве не только светская литература, но и книги, гонимые церковными властями? Следует также иметь в виду, что богатство книжного фонда крупнейших библиотек в какой-то мере отражает степень культурного развития страны, общий уровень образованности населения. Изучение истории формирования книжных фондов библиотек, выявление, публикация и анализ описей библиотечных собраний за разные годы — одна из существенных задач для историков книги. К числу более частных вопросов, имеющих вместе с тем к ней прямое отношение, следует отнести такие, как реконструкция состава крупнейших древнерусских библиотек, составление и публикация обзоров наиболее ценных собраний, входящих в состав крупнейших библиотек СССР.

Здесь попутно необходимо отметить, что анализ состава книжных фондов библиотек, так же как и анализ состава частных книжных собраний и изучение записей на книгах, дает богатый материал о культурном влиянии разных зарубежных стран — особой проблемой, стоящей перед исследователями истории книги.

Следует остановиться еще на одной проблеме, представляющей несомненный интерес: составлении персоналий лиц, связанных с книжным делом. Выявление имен скромных тружеников книжного дела (переписчиков, типографских работников, переводчиков, библиотекарей, книгопродавцев и т. д.), установление (по возможности) данных о их деятельности, так же как сбор сведений о жизни и деятельности лиц более крупного плана (владельцев личных библиотек, издателей, крупных библиотечных работников, владельцев книжных магазинов и т. д.), несомненно даст богатый материал для исследователей. В этом направлении пока сделано еще очень мало, и имеющиеся в нашем распоряжении возможности использованы очень слабо. Следовало бы подумать в этой связи о подготовке специальных справочных изданий: словарей, каталогов и т. п.

В исследованиях по истории книги, как во всякой исторической научной дисциплине, используются и методы, характерные для исторических наук: накопление фактов и их анализ с позиции диалектического материа-

лизма, использование для получения выводов данных не только исторических, но и естественных наук. В настоящее время особенно актуально широкое использование статистических данных, гарантирующее получение точных выводов. Будет ли идти речь о репертуаре новых изданий, или о динамике развития книжного дела в стране, или о составе книжного фонда частных собраний и библиотек, мы всегда имеем возможность основывать свои выводы на данных таблиц, составленных в результате систематизации имеющихся в наших руках материалов. Применение такого метода делает наши выводы более обоснованными, убедительными и избавляет нас от грубых ошибок. Характеристика книжного собрания, например, являющаяся результатом простого ознакомления с описью книг без соответствующих подсчетов, не гарантирована от неверных выводов. Но если предварительно классифицировать книги этого собрания (по разделам знания, языкам), то наши выводы становятся точными, а весь анализ — более глубоким. То же самое можно сказать и в отношении репертуара книг, относящихся к какой-либо исторической эпохе, а также при установлении темпов развития издательского дела.

Современное состояние исследований в области истории книги позволяет ставить на очередь вопрос о создании фундаментальной научной истории русской книги. Целый ряд капитальных трудов, таких, например, как «400-летие русского книгопечатания», по истории крупнейших библиотек СССР, работы А. А. Сидорова и других исследователей, наличие ряда прекрасных справочных изданий («Сводный каталог русской книги XVIII века», описания книг Петровской эпохи и др.), материалы последних книговедческих конференций вплотную подвели нас к постановке этой трудной задачи, которая может быть решена только в результате коллективных усилий ряда научных учреждений, и в первую очередь библиотек.

Библиотека Академии наук готова внести свой вклад в общее дело путем продолжения ранее начатой серии «Книга в России». Помимо трех вышедших монографий, в настоящее время ведется работа над тремя следующими изданиями, охватывающими период от 40-х годов XVIII в. до 1815 г., т. е. от Ломоносова до Пушкина. Они будут завершены в первой половине 1980-х годов. В даль-

нейшем мы надеемся довести издание до середины XIX в. и с помощью других научных коллективов охватить этой серией более ранние хронологические периоды.

Работа над фундаментальной историей русской книги должна сочетаться с накоплением новых данных. Здесь мы возвращаемся к тому, от чего «отмахнулись» в начале статьи. Это традиционные темы по истории книгопечатания, рукописной книги, художественному и издательскому оформлению книг. Из них хотелось бы выделить те, которым в настоящее время не уделяется должного внимания. Я имею в виду историю переплета, историю организации и техники издательского дела, исторические исследования о стоимости переписки книг, о реставрации рукописных и печатных книг.

Для изучения истории переплета в наших крупнейших книгохранилищах имеются неограниченные возможности, однако этим в настоящее время практически никто не занимается (если не считать отдельных статей). Между тем исследования по истории переплета могли бы дать в руки историков книги богатый материал: новые данные по истории прикладного искусства и техники и новые ориентиры по датировке рукописей и печатных книг.

Весьма перспективными представляются нам и исследования по истории полиграфического дела в России. Такого рода работы позволили бы установить производственные возможности русских типографий в разные исторические эпохи, а также сравнить постановку издательского дела в России и за рубежом. Известно, что издательский процесс в разных типографиях в разные периоды имел различную длительность. Но применялись ли при этом передовые методы организации труда или традиционные, отставала ли технология в русских полиграфических предприятиях от зарубежной или в какой-то мере опережала ее, в чем заключалась самобытность русской организации издательского дела, мы достаточно хорошо не знаем. А это очень важно для истории культуры.

Из проблем, связанных с историей рукописной книжности, заслуживает большого внимания исследование вопроса стоимости переписки книг в разные исторические периоды, поскольку от размера заработка переписчика зависела не только цена рукописной книги, но и число самих переписчиков, а следовательно, и воз-

возможности размножения и распространения литературных произведений.

В настоящее время мы много занимаемся реставрацией ценнейших рукописных памятников и старопечатных книг. Этим, как известно, занимались с незапамятных времен, однако опыт наших предшественников практически не изучен и такие исследования у нас отсутствуют. Думаю, что подобного рода труды имели бы не только научную, но и практическую ценность.

В заключение мне хотелось бы остановиться на вопросе о координации работ в области истории книги. Проблемы истории книги в последние годы привлекают к себе внимание все большего числа исследователей как в нашей стране, так и за рубежом. Поэтому настало время разумного распределения сил. Кроме трех крупнейших центров (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Библиотека Академии наук СССР, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), историей книги занимается ряд исследовательских институтов, а также целый ряд библиотек РСФСР и союзных республик. Было бы желательно закрепить за научными учреждениями проблемы, которые они исследуют, а также издания, которые они готовят. В отношении продолжавшихся изданий типа «трудов», нерегулярно выходящих сборников было бы желательно осуществить их известную специализацию, с тем чтобы избежать дублирования в работе.

И еще один вопрос — о подготовке научных совещаний по истории книги. У нас уже установилась хорошая традиция проведения раз в три года всесоюзных конференций по книговедению. Но, как показал опыт 2-й конференции (Москва, 1974 г.), программа ее оказалась слишком насыщенной. Было бы желательно разгрузить всесоюзную конференцию от излишка тем и в промежутках между всесоюзными конференциями проводить по истории книги локальные совещания по различным проблемам.

Я вполне допускаю, что сформулированные в настоящей статье задачи, стоящие перед историками книги, могут показаться малоосуществимыми, даже утопичными, но если мы оглянемся назад и посмотрим, что уже сделано по истории книги за последние десять лет

(см. статью А. И. Копанева в этом сборнике), то увидим, что сделано немало и что наши достижения растут из года в год не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

История книги — настолько интересная и еще мало-разработанная область знания, что она способна увлечь широкий круг исследователей, не только маститых ученых, но и не имеющую достаточного опыта молодежь. Я надеюсь, что нам удастся объединить свои усилия на выполнение поставленных задач, привлечь к исследованиям новых участников. Тогда наша цель будет достигнута. И тогда история книги займет наконец подобающее ей почетное место среди других гуманитарных дисциплин.

А. И. Копанев

**СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ
ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ
(1966—1976)**

Следует сразу сказать, что советская литература о русской книге интересующей нас эпохи обогатилась за последние десять лет большим числом обстоятельных исследований и публикаций. Введение в научный оборот нового фактического материала, разработка теоретических проблем и создание цельной истории книжного дела в России характерны для этого десятилетия.

Большой материал для изучения репертуара русской книги и издательской деятельности в России в XVI—XVIII вв. содержат вышедшие один за другим сводные каталоги. Напечатанные еще в 50—60-е годы каталоги книг московской печати XVI—XVII вв. и книг, изданных при Петре I, были существенно пополнены за последние годы. Вышли сводный каталог кириллических изданий XVIII в.¹ и Дополнительный том к каталогам изданий Петровского времени.² Закончена работа над многотом-

¹ Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968.

² Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Л., 1972.

ным Сводным каталогом русской книги XVIII в.³ Теперь наша наука располагает точными сведениями почти о 12 тыс. книг и периодических изданий, вышедших в России за полтора столетия с момента введения книгопечатания. Сводные каталоги, хотя они составлялись на базе крупнейших библиотек страны, пополняются и будут пополняться новыми изданиями, которые, конечно, обнаружатся в наших хранилищах или в частных собраниях. Однако и в настоящем виде они являются надежной базой для исследования по истории русской книги разных периодов, так как содержат сведения о подавляющем числе вышедших в России за полтора столетия изданиях. Строго выдержанная научная система описания произведений печати с отметкой особенностей сохранившихся экземпляров как с внешней стороны, так и со стороны содержания делает каталоги драгоценными источниками изучения истории русской книги и широких проблем истории русской культуры. Указанные общие каталоги дополняются каталогами региональными, например каталог изданий черниговской печати и др.⁴ Большую ценность представляют описания редко книжных изданий отдельных библиотек и хранилищ. Так, описания книг старой печати библиотек Ленинградского⁵ и Московского университетов⁶ или недавно вышедшее описание книг кириллической печати Горьковского историко-архитектурного музея⁷ дают представление о тысячах русских книг, выявляют историю отдельных экземпляров. Описания библиотек коллекционеров вносят много нового материала о книжных редкостях. Высокоценны в этом отношении

³ Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. Т. I—V. М., 1962—1967.

⁴ Каменева Т. Н. Черниговская типография, ее деятельность и издания. — Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, т. III, М., 1959; Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Вып. 1—2. Л., 1973—1975; Исаевич Я. Д. Львівські видання XVI—XVIII вв. Львів, 1970.

⁵ Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Л., 1970.

⁶ Рукописные и печатные книги в фондах научной библиотеки Московского университета. Вып. 1. М., 1973.

⁷ Описания коллекции книг кирилловской печати XVI—XX веков Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Горький, 1975.

труды Ник. Смирнова-Сокольского о своей библиотеке.⁸ Только серия изученных им альманахов, вышедших до середины XIX в., насчитывает почти 600 экземпляров.⁹ В соответствии с обязательным требованием привлекать весь материал источников по теме истории книги включают в свои исследования большой книгоописательный материал. В статьях Т. Н. Протасьевой описаны все экземпляры дофедоровских изданий,¹⁰ в одной из монографий Е. Л. Немировского — все экземпляры Апостола 1564 г.,¹¹ в другой — все экземпляры Львовского Апостола 1574 г.,¹² в третьей — все сохранившиеся экземпляры изданий Швайполта Фиоля.¹³ Более 40 экземпляров издания «Слова о полку Игореве» описал Л. А. Дмитриев.¹⁴ Такие исследования несомненно обогащают источниковедческую базу книговедения.

Много сделано за десятилетие по описанию рукописных книг. Только Библиотека АН СССР выпустила в свет четыре тома описаний своего Рукописного отдела, посвятив два рукописным сборникам XV—XVIII вв.,¹⁵ один — пергаменным рукописям¹⁶ и один — греческим рукописям.¹⁷ Напечатаны также описания рукописного собрания ГИМ¹⁸ и Библиотеки им. В. И. Ленина.¹⁹ Созданы описа-

⁸ Смирнов-Сокольский Н. Моя библиотека. Библиографическое описание. Т. I, II. М., 1969.

⁹ Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965.

¹⁰ Протасьева Т. Н. Описание первопечатных русских книг. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959.

¹¹ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964.

¹² Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974.

¹³ Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971.

¹⁴ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

¹⁵ Исторические сборники XV—XVII вв. М.—Л., 1965; Исторические сборники XVIII—XIX вв. Л., 1971.

¹⁶ Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. Л., 1976.

¹⁷ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Т. 5. Греческие рукописи. Л., 1975.

¹⁸ Описание рукописей Синодального собрания. Ч. 1—2. М., 1970.

¹⁹ Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, М., т. 25 (1962), т. 27 (1965).

ния ценнейших рукописных собраний в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в других библиотеках, доступные для читателей. По плану Археографической комиссии АН СССР описываются во всех хранилищах Советского Союза древние рукописи XI—XV вв. Два выпущенных комиссией тома методических материалов свидетельствуют о поистине государственном размахе этого мероприятия.²⁰

В результате описательской работы фонд приведенных в известность рукописных книг значительно вырос. Раскрыты содержание, способы и места их изготовления, оборот среди населения и т. д. Наступление на огромный массив древнерусских рукописей, насчитывающий по приблизительным подсчетам свыше 100 тыс. единиц, идет вполне успешно, что важно для книговедения, рассматривающего историю рукописной и печатной книги во взаимосвязи.

Важно источниковедческое значение записей на книгах. М. Н. Тихомиров отметил универсальную их ценность для разных областей исторического знания, языкознания и истории культуры.²¹ Но и в узком значении этот источник — как источник по истории книги — нельзя переоценить. Записи на книгах: владельческие, вкладные, читательские и др., вскрывая исторические судьбы тысяч и тысяч книжных изданий, позволяют оценить реальное, документально подтвержденное значение книги как явления культуры, проследить распространение книг среди различных слоев общества, а значит, и выяснить социальную направленность культуры. Записи на книгах собираются книговедами. Достаточно сказать, что Б. В. Сапунов собрал около 3 тыс. записей, свидетельствующих о цене книги. Много записей опубликовано в статьях по отдельным собраниям, в каталогах старопечатных книг, в описаниях, в отчетах археографических экспедиций и т. д. исследователями Е. М. Апанович, Н. А. Баклановой, Т. К. Быковой, Л. И. Киселевой, В. А. Кучкиным, М. Я. Шайдаковой, М. В. Кукушкиной и др.

Об известной степени зрелости книговедения у нас свидетельствует не только обогащение источниковедче-

²⁰ Методическое пособие по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога. Вып. 1—2. М., 1973—1976.

²¹ Тихомиров М. Н. Записи XVI—XVIII вв. на рукописях Чудова монастыря. — Археогр. ежегодник за 1958 г. М., 1960.

ской базы этой науки, но и дальнейшая разработка методологических вопросов. В этом плане следует прежде всего назвать два сборника работ (1972 г.) выдающихся книговедов А. А. Сидорова и В. С. Люблинского.²²

Свои исследования различных сторон книжного дела — от печатания до художественного оформления книги — А. А. Сидоров всегда проводил в связи с историей общества. Рассматривая книгу как сложнейший общественный и материальный продукт, А. А. Сидоров много сделал для утверждения взгляда на книговедение как на комплексную науку о книге. Как сложный материальный, историко-культурный и социальный комплекс рассматривает книгу и книжное дело и В. С. Люблинский.

Теоретические проблемы, намеченные в этих трудах, дискутируются в науке. На всесоюзных книжных конференциях, проводящихся раз в три года, в ряде докладов и выступлений (Н. М. Сикорского, Е. Л. Немировского, С. П. Луппова, А. И. Барсука и др.) сформулировано положение о книговедении как комплексной науке, имеющей задачу вскрыть «динамику взаимоотношения книги с человеческим обществом».²³ Рассмотрение истории книги того или иного периода с точки зрения общественных потребностей этого периода обуславливает глубокую историчность и конкретность работ советских ученых. На московской конференции 1973 г., посвященной проблемам печатной и рукописной книги, акад. Д. С. Лихачев говорил о необходимости «изучения истории книги в контексте эпохи, истории общественной мысли, в контексте истории техники и истории культуры, истории письма и пр.».²⁴ Это высказывание как бы синтезирует в себе искания в определении содержания и метода книговедения как науки. При таком понимании книговедения как комплексной науки необходимо ставить вопрос о соотношении книговедения с другими отраслями знания о книге. В ряде статей (И. Е. Баренбаума, А. И. Корсакова, А. С. Мыльникова, А. И. Барсука и др.) сборник «Книга»

²² Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972; Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972.

²³ Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. — Тез. докл. 2-й Всес. конф. по пробл. книговедения, М., 1974.

²⁴ Лихачев Д. С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 7.

освещает эти вопросы, определяя место библиотекведения и библиографии в системе книговедения, исследует книговедческий метод.

Развитие книговедческой науки проявилось и в образовании новых отраслей знания о книге: к таковым можно отнести становление полевой археографии — как практики, так и теории, библиогеографии, энтузиастом которой и создателем является Н. Н. Розов.²⁵ В последнее время внимательно изучается вопрос о соотношении рукописной и редкой книги. Специальная конференция 1973 г., обсуждавшая эту проблему всесторонне и целенаправленно, показала глубокую взаимосвязь рукописи и печатной книги. Из докладов, прочитанных на конференции и составивших сборник «Рукописная и печатная книга», видно, что в России, да и не только в России, печатная и рукописная книга сосуществуют столетия (с XVI и вплоть до XIX в.), влияют друг на друга, восполняют потребность читателя в книге. Программа, намеченная Д. С. Лихачевым,²⁶ по сравнительному изучению первопечатных книг и рукописей в отношении текста, шрифта, орфографии и орнамента открывает исследовательские возможности и для периодов более поздних, вплоть до XVIII в. Именно в этом плане ставился вопрос о соотношении рукописного и печатного периода истории русской книги и на 2-й Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. В докладах Г. Н. Моисевой, Р. А. Симонова, Н. Ю. Бубнова и других освещался вопрос о сосуществовании и влиянии рукописной и печатной книги в XVIII и XIX вв.

Из исследований по истории русской книги выделяются прежде всего диссертационные работы, которые через рефераты, постатейные публикации или монографии стали достоянием широкой читающей публики. Ряд диссертаций посвящен рукописной книге. Н. Н. Розов, основываясь на «Предварительном списке славянорусских рукописей XI—XIV вв.», впервые к русской книге раннего периода применил методику статистической обработки и картографирования. Это позволило автору вполне убедительно показать изменения в соотношении книг разного

²⁵ Розов Н. Н. Статистика и географическое распространение русской книги XI—XIV вв. — Тез. докл. 2-й Всес. конф. по пробл. книговедения.

²⁶ Лихачев Д. С. Задачи изучения... с. 8—10.

функционального предназначения в XI—XIV вв., именно возрастание в сохранившейся книжности книг четких, обрисовать с помощью статистической обработки записей на книгах писцов и владельцев среду возникновения книг и среду их потребления (возрастание мирского начала там и здесь), т. е. вскрыть социальное значение книги, и, наконец, установить для столь раннего периода пути распространения книг по стране. Ясно, что выводы автора имеют первостепенное значение для истории культуры. Но не менее важен результат исследования Н. Н. Розова для истории становления русской книги. Изучая древнейшие книги — «изборники» 1073 и 1076 гг., произведения митрополита Илариона, Н. Н. Розов показывает, что создатели этих книг не были простыми переписчиками, они активно относились к тексту, даже каноническому, они были воодушевлены идеями блага. Ведь труды Илариона отвечают политическим задачам момента и пронизаны патриотическими идеями. Итак, с самого начала существования книги выявляется ее общественное значение. И более того, изучение оформления ранней книги (автор обнаруживает большую инициативность русских оформителей в отношении расположения текста на листе, в форме заголовков, заставок, инициалов, образования полей и т. д.) выявляет пути сложения художественного облика русской книги, который через несколько веков будет принят русской печатной книгой. Особенно важны наблюдения автора над книгами «массового производства» — минеями. Оказывается, от XI—XIII вв. до нас дошло около 50 миней (отдельных томов или фрагментов). Наблюдения над ними показывают, что уже в те времена существовал артельный способ изготовления книг, с профессионализацией отдельных исполнителей. В этих массовых изданиях Н. Н. Розов нашел связь оформления с жизнью, с народным творчеством. Очень остроумна в этом отношении теория Н. Н. Розова о происхождении так называемого терапотологического, или «звериного», стиля оформления русских книг XIII—XIV вв. как выражения мирского влияния («мирской стихии») в книжном деле.²⁷ Благодаря талантливо написанной популярной книге о рукопи-

²⁷ Розов Н. Н. Русская книга XI—XIV вв. Опыт историко-культурного исследования старейших памятников. Автореф. докт. дис. Л., 1974.

сях²⁸ точка зрения Н. Н. Розова на древнюю рукописную книгу получила широкое распространение.

Не менее широкую известность имеют и книговедческие работы Б. В. Сапунова, который предпринял в свое время попытку выяснить количество книг в разные периоды древнерусского государства.²⁹ В отличие от Н. Н. Розова свою статистику он строит исходя не из фактически сохранившихся до нашего времени книг киевского периода, а основываясь на косвенном расчете — по количеству церквей, существовавших тогда. Зная количество церквей и установив примерно обязательный репертуар книг, необходимых для богослужения в них, Б. В. Сапунов и высчитывает примерное общее количество книг за данный период. Хотя критические замечания Н. Н. Розова в отношении данной методики и справедливы (Б. В. Сапунов учитывает таким способом лишь книги богослужебные, и вне его внимания остаются книги четьи, тоже хранившиеся в церквах и храмах и у частных лиц), но тем не менее попытки Б. В. Сапунова определить хотя бы примерно количество книг, обращавшихся в Древней Руси, оправдывают себя полностью. Если его цифры и не полны, они все же внушительны. Они позволяют судить о распространенности книги, о читающих слоях, т. е. грамотных людях, и об организации изготовления книг. Производству русской рукописной книги в XI—XIII вв., ее цене и стоимости в XI—XII вв. посвящены разделы диссертации и специальная статья Б. В. Сапунова, опубликованная в 30-м томе сборника «Книга. Исследования и материалы». Как и Н. Н. Розов, Б. В. Сапунов устанавливает разделение труда в производстве рукописи и очень убедительно рассчитывает цену книги. При этом полагая, что стоимость книги складывается из стоимости материала и стоимости труда переписчика, Б. В. Сапунов рассчитывает эти компоненты цены для сохранившихся до наших дней книг, например Архангельского евангелия 1092 г. — рукописи совсем ординарной. Как и Н. Н. Розов, Б. В. Сапунов изучил процесс становления русской книги. Так, практика оставления в рукописи широких полей объясняется автором желанием

²⁸ Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Л., 1971.

²⁹ Сапунов Б. В. Книжная культура Древней Руси. Автореф. докт. дис. Л., 1975.

изготовителя рукописи охранить текст от повреждений, предоставить место для выносных знаков и для читательских помет, а также из эстетических соображений. И здесь подчеркивается мысль, что внешний вид русской книги позднего, печатного, времени вырабатывался на первом этапе существования ее.

Большой вклад в изучение поздней рукописной книги принадлежит М. В. Кукушкиной. Она не только опубликовала очень ценные источники по истории русской книги (описи), но и в своих исследованиях связала эти архивные источники с обширным фондом реально существующих сейчас (в хранилищах БАН, ГПБ, Пушкинского Дома и др.) рукописей.³⁰ В ее работе, посвященной библиотекам северных монастырей, в результате тщательного исследования рукописных книг, составляющих некогда эти библиотеки, содержится огромный книговедческий материал. Изучена история значительного массива рукописных книг, выявлены имена, а часто и социальное положение писцов, владельцев и вкладчиков книг, определено время изготовления книги, место, а часто и затраченные на это средства, прослежены по описям разных времен судьбы книг в древних хранилищах. Таким образом, на массе рукописей XVI—XVII вв. воссоздана картина их производства, организация этого производства, выявлены места изготовления рукописных книг (монастыри, архиепископский двор). Это конкретно-историческое исследование истории русской книги оказалось возможным благодаря методу автора — идти в своем изучении от конкретных книг. Удачно показана связь книги с общественным развитием страны. Изучение М. В. Кукушкиной рукописной книжности по содержанию обнаружило, что монастырские библиотеки отразили в своем составе литературу по важнейшим общественным проблемам, волновавшим русское общество в XVI—XVII вв. Тем самым выявлена общественная значимость книги, что является одной из задач книговедения.

История русской книги периода развивающегося книгопечатания освещена в ряде монографий Е. Л. Немировского и С. П. Луппова. Е. Л. Немировский изучает вопрос о возникновении и первых шагах славяно-русского книго-

³⁰ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера XVI—XVII вв. Л., 1974.

печатания. После известного труда о возникновении книгопечатания в Москве (1964 г.) Е. Л. Немировский издает две монографии: «Начало славянского книгопечатания» (М., 1971) и «Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров» (М., 1974), в которых исследует и общесоциологические, и конкретно-исторические условия возникновения крупнейшего явления в развитии народа — национального книгопечатания. Начало славянского книгопечатания, как известно, связывается с деятельностью Швайпольта Фиоля, выпустившего 4 славянские кириллические книги. Еще недавно А. А. Сидоров говорил: «Мы не знаем, кем он был, зачем, для кого издавал книги на славяно-русском языке». Исследование Е. Л. Немировского прояснило эти вопросы: уточнена биография издателя, выявлены материально-технические условия, установлена последовательность изданий и определена среда распространения книг — украинско-белорусская. Интересна связь Фиоля с лидером гуманистического движения Конрадом Цельтисом, не без влияния которого, видимо, началось в Кракове славянское книгопечатание.

Результативным было исследование о начале украинского книгопечатания. С привлечением всех источников выяснены судьба Львовской типографии и общественные условия ее существования. Важен вывод, что возникновение книгопечатания на Украине — это «результат развития украинской культуры». Именно на осуществление этой потребности и направлена была деятельность великого русского просветителя Ивана Федорова.

Три тесно взаимосвязанных этапа истории русской книги: XVII век, петровское время, послепетровский период — рассмотрены С. П. Лупповым в трех последовательно появившихся монографиях.³¹ Богатейший фактический материал, собранный автором по каждому периоду, единая методика обработки его с элементами статистики, единый план изложения и четкая историческая перспектива в освещении фактов позволяют воспринять эти книги С. П. Луппова и как строго фактическую историю русской книги почти за полтора столетия, и как крупнейшее исследование по русской культуре в эпоху огром-

³¹ Луппов С. П. 1) Книга в России в XVII в. Л., 1970; 2) Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973; 3) Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976.

ных изменений в ее характере, связанных с петровскими преобразованиями. Впервые в нашей литературе за три важнейших периода собран и исследован материал о русской книге в комплексе: изучено само книгопечатание с точки зрения технической и производственной организации, а также распространение книг и книжная торговля, выявлены особенности книгособирательства — как государственного (библиотеки), так и личного, изучена среда чтения и т. д. Все это рассмотрено на фоне общих процессов в области социального и культурного развития России, что позволило выявить глубокую связь печатного дела с общественными потребностями. Особенно наглядно последнее показано в истории формирования библиотек и многочисленных частных собраний. От периода к периоду число тех и других возрастает, они по характеру литературы становятся все более светскими. Это отражение общего процесса обмирщения культуры, идущего бурно уже в XVII в. Фронтальное изучение С. П. Лупповым истории русской книги обогатило историческую науку и важными новыми выводами. К примеру, приведу взгляд автора на культурное развитие России после Петра I: опираясь на успехи книжного дела в послепетровское десятилетие, он убедительно опровергает бытующее в науке мнение о регрессе культуры в это время.

В плане изучения книжной культуры первой половины XVIII в. большое значение имеет работа Е. С. Кулябко и др. о библиотеке и архиве М. В. Ломоносова.³² Открыв библиотеку великого ученого, изучив историю ее создания и использования, авторы не только написали новую страницу в летописи нашей науки, но и обогатили наши сведения о книгоиздательстве в XVIII в., о книготорговле и книгообращении и т. д.

Из монографических исследований, важных для истории русской книги, необходимо указать труды А. Г. Шицгала и М. И. Слуховского. Вышедшая в 1974 г. книга А. Г. Шицгала «Русский типографический шрифт» подводит итог долголетним исследованиям автора о происхождении и развитии графики русского типографического шрифта и практики его применения. В книге убедительно показано, что всякое крупное изменение шрифта, т. е. графической

³² Кулябко Е. С. и др. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.

формы определенной системы письма, обуславливается требованиями жизни. Это еще один аспект связи книги и общества. Книги М. И. Слуховского по истории библиотечного дела в Древней Руси освещают судьбу книги и ее общественное использование на протяжении почти пяти столетий и особенно ценны приведенной в них библиографией.³³ Следует отметить также монографию Я. Д. Исаевича о возникновении книгопечатания на Украине.³⁴

Помимо работ обобщающего и монографического характера, вопросы истории русской книги изучались в статьях и публикациях, появившихся в сборниках и периодических изданиях. Отметим здесь сборники статей по книговедению, издаваемые БАН СССР, и сборник материалов и исследований Рукописного отдела той же библиотеки.³⁵ «Выдающимся по значению изданием» назвал А. А. Сидоров вышедшие под редакцией О. П. Подобедовой два тома «Древнерусского искусства».³⁶ В них помещены исследования о рукописных книгах как памятниках искусства и устанавливается связь книги с общими процессами развития русского искусства. Много материала о книжной русской культуре появляется во вновь выходящем ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия».³⁷ В книговедческом плане раскрывается история русского читателя в сборнике «Трудов» Института культуры им. Н. К. Крупской.³⁸ Большое число статей и публикаций по частным вопросам напечатано в сборнике «Книга». В числе авторов этих статей упомянем Я. Д. Исаевича, С. Р. Долгову, Е. И. Кацпржак, А. П. Толстякова, И. Ф. Мартынова, Е. Е. Колосова, Н. В. Западава, Б. В. Сапунова и др.

Обзор литературы по истории русской книги, вышедшей за последние десять лет, показывает, что наша

³³ Шницгал А. Г. Русский типографский шрифт. М., 1974; Слуховский М. Н. 1) Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968; 2) Русские библиотеки XVI—XVII вв. М., 1973.

³⁴ Исаевич Я. Д. Першодрукаръ Иванъ Федоров и виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975.

³⁵ Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Вып. I—III. Л., 1965—1973; Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.—Л., 1966.

³⁶ Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, 1974.

³⁷ Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодники 1974 и 1975 гг. М., 1975, 1976.

³⁸ Тр. Ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1972.

наука достигла новых успехов в этой области: значительно расширена источниковедческая база, разработаны теоретические проблемы истории русской книги как комплексной дисциплины и созданы крупные монографические исследования по отдельным периодам истории книги эпохи феодализма.

Н. Н. Розов

СТАТИСТИКА И ГЕОГРАФИЯ РУССКОЙ КНИГИ XV в.
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

В настоящее время Археографической комиссией Академии наук СССР организована работа, значение которой для советского книговедения трудно преувеличить: началась подготовка Сводного каталога рукописей, хранящихся в нашей стране. И хотя размер этого грандиозного предприятия и сроки его осуществления нелегко себе представить, оно уже вносит весомый вклад в изучение истории русской книги первого полутысячелетия ее существования: интенсифицировалась работа крупнейших советских древлехранилищ по раскрытию содержания фондов русской рукописной книги, опубликован «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР»,¹ готовится к печати продолжение последнего на следующее столетие.

Важно отметить тенденцию к унификации методики и формы описания рукописной книги, заложенную в Инструкции, выработанной Археографической комиссией. Эта тенденция обладает значительной потенциальной силой для своего развития потому, что инструкция составлялась с учетом традиций описания рукописной книги, сложившихся в каждом из ее крупнейших хранилищ. Последние отразились даже в названии инструкции, в котором присутствует традиционное словосочетание «славяно-русские рукописи», хотя в самом документе прямо говорится, что в предполагаемый каталог «вносятся только

¹ Археогр. ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 177—272.

памятники книжной письменности», а «актовый материал», составляющий значительную долю среди названных «рукописей», в него не включается (наряду с берестяными грамотами, эпиграфическим и нумизматическим материалом).²

Традиционным для русской археографии является и определение «славяно-русские», которым обозначаются памятники письменности славянских алфавитов, происходящие из разных стран. В настоящее время иногда применяется раздельное описание русских, болгарских, сербских и молдавлахийских памятников; так сделаны, например, «Описание русских и славянских пергаменных рукописей» ГПБ (Л., 1953) и «Описание пергаменных рукописей» ГИМ.³ Но в «Предварительном списке» материалы, происходящие из различных стран, расположены традиционно в едином хронологическом ряду.

В предлагаемой статье будут изложены некоторые предварительные наблюдения над русской книгой XV в., основанные на выявленных для Археографической комиссии ее экземплярах только в московских и ленинградских хранилищах. Данные статистики и географии этой книги рассматриваются в сравнении с аналогичными данными четырех предыдущих столетий.

Общее число сохранившихся русских книг XV в. и их фрагментов более чем вдвое превышает таковое четырех предыдущих столетий. И находятся они в настоящее время в 61 хранилище 39 городов 7 союзных республик; соответствующие цифры предыдущего периода таковы: 38 хранилищ, 22 города, 5 республик.⁴ При всех случайностях перемещений русской книги XV в. в последующие столетия эти цифры отражают объективный исторический факт — распространение книгописания по всей территории Русского государства в период его консолидации после периода феодальной раздробленности. Неслучайной является и концентрация основной массы сохранившихся русских книг XV в. в Москве и Ленин-

² Археогр. ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 29.

³ Археогр. ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 135—234.

⁴ За предоставленную мне возможность познакомиться со статистическими данными русской книги XV в., собранными Археографической комиссией, благодарю ее председателя С. О. Шмидта и сотрудника М. Н. Воробьева.

граде, где находится свыше 2900 их экземпляров из сохранившихся приблизительно 3300: Москва именно в этом столетии стала усиленно сосредоточивать старинные книги присоединившихся к ней княжеств в своих библиотеках, преимущественно митрополичьей, положившей начало ныне существующему в ГИМ собранию, названному в XVIII в. «Синодальным». Второй массовый вывоз книг в Москву, главным образом из Новгорода и Пскова, относится ко второй половине XVII в. и связан с исправлением богослужебных книг патриархом Никоном; при этом в первую очередь в Москву переместились древнейшие русские книги (XI—XII вв.), оставшиеся в собраниях типографии, позднее также названной Синодальной (ныне в ЦГАДА).

Значительное число книг XV в. московских хранилищ было изготовлено в московских и подмосковных монастырях — Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском, Чудовом и др.; основоположниками книгописания в этих монастырях были их основатели, видные церковные и политические деятели своего времени — Сергей Радонежский, Иосиф Волоцкий, митрополит Алексей. Всего в московских хранилищах выявлено 1595 книг и их фрагментов XV в. кириллического письма.

Важно отметить, что среди них гораздо меньший, чем среди книг XI—XIV вв. тех же хранилищ, процент экземпляров южнославянского происхождения.⁵ И это — в период так называемого «второго южнославянского влияния», когда в Россию эмигрировали многие сербские и болгарские книжники, внесшие значительный вклад в историю русской литературы. Стало быть, русскими книжниками той поры изготовлялось гораздо больше книг, чем их южнославянскими коллегами.

Ленинградские хранилища немного уступают московским по числу находящихся в них русских и южнославянских книг XV в.: таковых учтено в них 1361. И больше половины из них находится в ГПБ, хранящей

⁵ Определения «изводов» рукописных книг славянских алфавитов сделаны для Археографической комиссии такими опытными палеографами, как Л. П. Жуковская, О. А. Князевская и Н. Б. Тихомиров (Москва), Е. Э. Гранстрем, В. Ф. Покровская, О. П. Лихачева и В. М. Загребин (Ленинград), а также югославским ученым В. А. Мошиным.

такие большие массивы, как исторически сложившиеся собрания — Новгородско-Софийское, Кирилло-Белозерское и Соловецкое, коллекции Петербургской духовной академии, М. П. Погодина, А. А. Титова и др. Значительно меньше кириллических книг находится в БАН: эта библиотека, основанная в XVIII в., не имела больших возможностей для комплектования старинной рукописной книгой. Указы Петра I о собирании по монастырям для государственных хранилищ старинных грамот и «исторических» книг не возымели почти никакого действия, и основная масса названных материалов продолжала оставаться в учреждениях духовного ведомства. В конце же XVIII и в начале прошлого столетия они стали сосредоточиваться в частных коллекциях, крупнейшие из которых — Н. П. Румянцева, Ф. А. Толстого и А. И. Мусина-Пушкина. Нечто подобное можно отметить в истории собрания русских рукописных книг ЦГИА, унаследовавшего архив Синода. Этот высший орган церковной администрации, созданный Петром, формально коллегиальный, а фактически управлявшийся одним светским лицом, иногда даже нерусского происхождения, не имел в среде церковников того авторитета, какой имел глава русской церкви в предшествующие времена. Церковные иерархи менее всего заботились о пополнении архива Синода старинными книгами, поэтому в нем не оказалось ни одной монастырской библиотеки и значительное число старинных рукописных книг в нем составляют те, что были реквизированы у старообрядцев. Из книг, сохранных или созданных в старообрядческой среде, создано трудами В. И. Малышева самое «молодое» ленинградское древлехранилище — в Пушкинском Доме. Естественно, что книг XV в. в нем всего 43, причем 13 из них поступили в 1974—1976 гг. в результате активной собирательской деятельности этого хранилища. Немногим больше 30 кириллических книг XV в. хранится в ЛОИИ — преимущественно в собрании Н. П. Лихачева, а также в фонде дореволюционной Археографической комиссии; 11 русских книг XV в. находится в Научной библиотеке ЛГУ; несколько древнейших лицевых книг того времени из Кирилло-Белозерского монастыря, основанного в XV в., попало в Русский музей. Одна книга XV в. находится в Музее истории религии и атеизма.

Картину современной дислокации сохранившейся рус-

ской книги XV в. дополняют и завершают сведения о наличии ее в периферийных хранилищах, где выявлено 350 экземпляров. И среди городов Российской Федерации они находятся преимущественно в тех, что издавна славились как центры книгописания, а также своими библиотеками — храмовыми или монастырскими. Так, например, свыше 50 книг XV в. находится в хранилищах Ярославля, около 20 в Калинин — знаменитой в XIV и XV вв. своими книгами Твери, столько же их в музеях городов Вологодской области, хранящих остатки местных монастырских библиотек. После того, что было сказано о массовом вывозе книг из Новгородской земли в XV—XVII вв., не должно удивлять малое количество их экземпляров XV в. в современных хранилищах Новгорода и Пскова, хотя общее число хранящихся ныне в этих городах русских рукописных книг исчисляется сотнями экземпляров. Что же касается городов других союзных республик, то наибольшее число русских книг XV в. хранится в Киеве (55), Львове (30) и Одессе; объясняется это усиленной собирательской деятельностью в прошлом столетии местных библиотек, учебных заведений, ученых обществ и коллекционеров. Теми же причинами объясняется довольно значительное число русских рукописных книг, и в частности XV в. (28), в Вильнюсе, где хранится значительная часть книжного наследия средневековой западной Руси, в том числе знаменитое Туровское евангелие XII в.⁶ Наконец, часто случайными обстоятельствами можно объяснить наличие славянских и русских рукописных книг, в том числе XV в., в Риге, Ереване и Алма-Ате, а также в некоторых зарубежных хранилищах.⁷

Посмотрим, насколько картина современной дислокации сохранившихся русских книг XV в. соответствует географии книгописания того времени.

Данные эти собраны мною пока что лишь с датированных книг, находящихся в московских и ленинградских хранилищах. Таковых насчитывается до 220, и в 145 из

⁶ В прошлом в Виленской Публичной библиотеке хранилась так называемая «Летопись Авраамки», переписанная в Смоленске в 1495 г.

⁷ Это, разумеется, не относится к русским рукописным книгам, хранящимся ныне в Болгарии, Югославии, Венгрии, Польше и Румынии, а также в Афонских и Синайском монастырях, имеющих давние книжные связи с Древней Русью.

них — в выходных записях, приписках и пометах книгописцев — имеются указания на места написания. Из остальных многие локализуются по косвенным признакам — именам писцов и заказчиков. Среди последних много иерархов русской церкви, в титуле которых называется та или иная епархия, тот или иной монастырь. Иногда же и имя заказчика, названное без титула, дает основание для предположительной локализации книги.

Так, например, на Маргарите 1477 г. указано, что он был написан «замышлением князя Андрея Васильевича Меньшого»,⁸ это же имя в качестве имени заказчика обозначено на книге 1482 г., недавно привезенной в Пушкинский Дом с Пинеги. Нетрудно предположить, что речь идет о сыне Василия II — удельном князе Вологодском. И если на первой из этих книг место ее написания обозначено (Москва), то вторую можно предположительно отнести к числу книг, написанных в Вологде, тем более что среди сохранившихся книг, написанных в этом городе, есть одна того же 1482 г.

Из сохранившихся русских книг XV в., локализованных по прямым или косвенным данным, львиную долю составляют книги новгородского происхождения — их 42. И большинство из них написано по заказам местных архиепископов, книгописцы которых, называвшие себя «владычными паробками», оставили свои имена на книгах еще предыдущего, XIV в. 11 книг 1425—1443 гг. написаны «замышлением» (или «повелением») архиепископа Евфимия, одна (1463 г.) «по благословию» архиепископа Ионы, по две — архиепископов Феофила и Геннадия. На одной из последних отмечено, что написана она «повелением» дьякона Герасима Поповки, бывшего правой рукой Геннадия в организации книгописания; писец же, «брат его Митя», отмечает, что писал «с списка в старые книги болгарские ... слово в слово», т. е. указывает на происхождение своего оригинала. Но не только на «владычнем дворе» писались в Новгороде книги. Одна из книг с именем Феофила обозначена ее писцом «диаконом Гришко» как написанная «в околотке Бориса и

⁸ Писец этой книги «Сидка» Молчанов в пространной выходной записи отмечает, что в этом году к «русскому господарству» был присоединен Новгород «великого князя саблею Иоанна Васильевича» (ГПБ, F I, № 193).

Глеба» — приходской церкви, известной своими книжными богатствами. Другой дьякон — церкви Св. Михаила — Данило написал в 1425 г. Пролог «на Сироткино в монастырь» по заказу старосты Харитона Пушкинчича, игумена Григория и «всех чернецов». Еще один писец — «Перхурий диак св. Николы с Лятки» сделал в 1457 г. оригинальную запись: «Повелением имярек, к святому и великому — где бог даст. Да подаст рабу своему имярек противу трудом его мзду в сим веце и в будущем» (ГПБ, F I, № 65). Эта анонимная, заготовленная впрок запись свидетельствует о новом явлении в истории русской книги — написании книги не по заказу, как это было до сих пор в подавляющем большинстве случаев, когда делалась выходная запись, а явно на продажу. Локальную «минибиблиографию» Новгорода XV в. дополняют книги, написанные в монастырях этого города — Юрьеве, Хутынском, Отенском, Лисицком, Деревяницком, Зверином, Вяжицком — и его епархии — Валаамском, Горнецком. И в записях на некоторых из них есть также указания на маршруты миграции книги. Так, например, Маргарит 1490 г., написанный «повелением» архиепископа Геннадия «с Вежицкие книги», т. е. из Вяжицкого монастыря, вскоре оказался в Кирилло-Белозерском. Наконец, напомним, что в последнее десятилетие XV в. в Новгороде было написано до полутора десятка книг, преимущественно не богослужебных, а четких, для Соловецкого монастыря, положивших основание его знаменитой библиотеке.⁹

На втором месте после Новгорода по числу сохранившихся датированных книг XV в. стоит Москва: таковых обнаружено 29. Старейшая из них — из Успенского собора — была написана в 1403 г. «благословением и повелением» митрополита Киприана.¹⁰ Некоторые книги написаны по заказу священников и прихожан московских церквей, но большая часть — по заказу настоятелей ме-

⁹ Подробнее о них см.: Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, с. 294—304.

¹⁰ Книги, переведенные или написанные Киприаном, пользовались большим авторитетом на протяжении всего XV в. Так, например, уже известный нам «Сидка» Молчанов отметил в 1481 г., что Служебник и Требник им «писаны с митрополита Киприана переводу слово в слово» (ГИМ, Синод. 326).

стных или окрестных монастырей, чаще всего Троице-Сергиева. В качестве «благословившаго», или «замыслившаго», или «повелевшаго» писать книги чаще всего упоминается игумен Серапион, впоследствии архиепископ Новгородский. Об интенсивности книгописания при нем свидетельствует такой факт: имя Серапиона в названных ролях имеется на четырех книгах, написанных всего за 4 года — с 1497 по 1500. По две датированные книги XV в. написаны в Чудове и Симонове монастырях, одна — в Андроньеве; есть и книги, написанные в других окрестных московских монастырях. Были написаны книги и для приходских церквей в Звенигороде и Серпухове (по две); две книги (1460 и 1479) написаны «во граде Волице».

Из городов Владимиро-Суздальской земли сохранились датированные книги, написанные в Суздале и Угличе (по две); среди последних — знаменитая лицевая Псалтирь 1485 г. Имя ее писца Федора Шарапова значится еще на одной Псалтири — 1491 г.

Особо следует сказать о книгах XV в., написанных в Кирилло-Белозерском монастыре, основанном в начале столетия в новгородских владениях московскими монахами Кириллом и Ферапонтом. Первый из них сам писал книги и вменил это в обязанность своим ученикам и преемникам — Феогносту, Христофору, имена которых как книгописцев сохранились на книгах начиная с 1422 г. В дальнейшем настоятели выступают, как и везде в монастырях, в качестве «повелевших» или «благословивших» написать книгу. Книгописная деятельность Кириллова монастыря тесно связана с окружавшими его другими вологодскими монастырями, причем связь эта не была односторонней: не только из Кириллова монастыря мигрировали книги и их оригиналы. Так, например, в пространном Послесловии к сочинениям Григория Богослова в списке 1479 г. сказано, что ее оригинал был привезен «от Сербския земли» в Спасский монастырь на Каменном острове (Кубенское озеро), откуда его доставил в Кириллов игумен Трифон. Здесь его сначала «перевели» выходцы из Троице-Сергиева монастыря Симон и Спиридон, а потом переписал некий Достофей, а данную книгу написал «Олешко Палкин» (ГПБ, Погод. 989).

Продолжая библиогеографический экскурс в XV столетие, возвратимся в Псков, откуда происходят 12 сохра-

нившихся датированных книг XV в. И это по сравнению с Новгородом малое число книг уже отражает отличия местной, «внутрипсковской» библиогеографии от новгородской. Лишь две из сохранившихся датированных книг, самые старые (1409—1422), написаны для монастырей, но «по повелению» не их настоятелей, а рядовых монахов; остальные — для приходских церквей «повелением» их старост, духовенства и прихожан. Так, например, Стихирарь 1424 г. написан «повелением улицан михайловцов и вижковлян (?) и попов Еустафия и Федора» в церковь Михаила и Гавриила: «им в честь, а хрестьянам в здорвье, метавшим помет св. Михаилу». Из псковских писцов, названных в рассматриваемых книгах, «Самуил диак с Дубкова» отметил, что Хронограф он в 1494 г. «списал себе на утешение» (ГБЛ, Рум. 453), т. е. был явно библиофилом. Писец Евангелия 1463 г. «дьяк» Борис назвал себя «шестником тферетином»: это еще один пример, как происхождение книгописца указывает на маршруты книжной миграции.

Относительно 6 датированных книг, написанных в Твери, следует отметить, что 4 из них написаны по заказу, «благословением» или «строением» местных архиереев; относительно одного из них (Ильи) писец Устава церковного дьякон Андрей пишет: «Изрядно бо и велие желание имяше на съвокупление книжное» (ГИМ, Синод. 331), т. е. собирал библиотеку. В анонимной приписке писца Лествицы 1402 г. отмечена миграция текста этой книги — из Царьграда, где ее переписал уже упоминавшийся Киприан, впоследствии митрополит Московский: «...и тои список вынесл священноинок Прохор в град в Тферь... и умолих о той книзѣ господина епископа Тферскаго Арсения, с великим желанием и написах сию книгу наборзѣ» (БАН, Тимоф. 9). В этом книгописце также можно предположить библиофила, так как в цитированной приписке ничего не говорится о заказе книги.

В приведенных до сих пор мною примерах фигурировали старые и известные центры русского книгописания. Обратимся теперь к датированным книгам XV в., происходящим из иных мест. По пять датированных книг XV в. сохранилось из Ростова Великого и Галича Костромского. Книгописание в этих городах существовало и раньше, более того, имеются сведения о существовании

в Ростове уже в XIII в. целых библиотек.¹¹ Из Ростова книги распространялись и по другим, подчас весьма отдаленным местам. Так, например, Толковый апостол, написанный в Ростове в 1485 г. для Ферапонтова монастыря, вскоре оказался в Соловецком (ГПБ, Солов. 24). Гораздо меньше сведений о книгописании в Галиче; сохранившиеся книги 1436 и 1484 гг., написанные в таких мелких монастырях, как Успенский Заозерский и Авраамиева пустынь, их существенно дополняют. Три датированные книги XV в. были написаны в Переславле Залеском, из них одна в 1407 г. Из трех сохранившихся датированных книг, написанных в XV в. в Коломне, старейшая — Толковая Палея 1406 г. По одной датированной книге XV в. сохранилось из Пафнутьева Боровского и Никольского Комельского монастырей, а также из г. Кашина.

Наконец, несколько слов о сохранившихся датированных книгах XV в. южной и юго-западной Руси. Таковых известно: три — из Киево-Печерского монастыря, две — из Владимира Волынского, по одной — из Слуцка, Гродно и Смоленска. Последняя, сочинения Исаака Сирина в списке 1428 г., была написана «повелением» епископа Герасима, «родом москвитина».

Подводя итог обзору мест написания сохранившихся датированных книг XV в., можно сказать, что они свидетельствуют о распространении книгописания по всей территории тогдашнего Московского государства. Сведения же о миграции книг, об их заказчиках и писцах, требующие специального рассмотрения, лишь подтверждают это. И библиогеографическая карта России XV в. будет гораздо более «плотной» и густой, чем та, что опубликована мною в отношении XI—XIV вв.¹²

Картина же соотношения между количеством русских книг XI—XIV и XV вв. должна окончательно уточниться после выяснения числа названий и томов книг двух этих столетий. Мною уже отмечалось различие понятий «рукопись» и «книга», а также необходимость учета

¹¹ Голышенко В. С. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 45—64.

¹² Розов Н. Н. К определению понятия «книга» в историческом аспекте (по русским материалам XI—XIV вв.). — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 16—17, вклейка.

многотомных книг не по томам, а по названиям.¹³ Особое же и решающее значение для создания правильного представления о репертуаре русской книги XV в. будет иметь постатейная роспись различных сборников, которых от XV столетия сохранилось несравнимо больше, чем от четырех предшествующих, взятых вместе. Пока что и в заключение могу сообщить предварительные результаты сравнения числа главных и наиболее распространенных богослужебных книг. Сведения эти почерпнуты в крупнейших московских и ленинградских хранилищах, за исключением ГИМ,¹⁴ и они дают такую картину: Евангелий от XI—XIV вв. известно 140, от XV в., — 110; соответственные цифры для Апостолов — 47 и 20, для Митней — 187 и 68,¹⁵ Псалтирей — 55 и 10, Триодей — 61 и 26, Октоихов — 26 и 21. Если эти цифры для XV в. после полного обследования русских книг этого столетия увеличатся, то число памятников небогослужебной литературы, заключенных в многочисленных сборниках того времени, несомненно возрастет еще больше. А это должно внести существенное исправление в достаточно распространенное представление о численном преобладании богослужебной книги в век, предшествовавший появлению книгопечатания в России.

Некоторые предварительные сведения и предположения относительно статистики, географии и репертуара русской книги XV в., изложенные мною и не претендующие на то, чтобы считаться окончательными, свидетельствуют о том, какие интересные, увлекательные и важные для истории русской культуры вопросы предстоит решить историкам русской книги на материале сохранившихся книг этого столетия.

¹³ Там же, с. 13.

¹⁴ Это хранилище в течение последних лет продолжает оставаться недоступным для исследователей. Познакомиться с датированными русскими книгами ГИМ, относящимися к XV в., мне удалось лишь благодаря любезности Л. М. Костюхиной, предоставившей в мое распоряжение составленное ею подробнейшее палеографическое описание этих книг.

¹⁵ Обе эти цифры требуют уточнения, если иметь в виду отмеченную выше необходимость учитывать не отдельные тома, а годовые комплекты этих книг — многотомных, но одного названия.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Трудами последних десятилетий (Д. С. Лихачева, А. А. Сидорова, М. Н. Тихомирова и других исследователей) показано, что история книжности — это важнейший фактор истории культуры. История книги (и рукописи), ее создателя, переписчика, издателя рассматривается в тесной взаимосвязи с историей читателя. Тем самым история книжности смыкается с проблемами социальной (точнее сказать, исторической) психологии и социологии.

В статье С. П. Лупшова «Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма» (см. настоящий сборник) отмечены уже возможные направления научных изысканий, которые являются условием создания фундаментальной научной истории русской книги периода феодализма. Следовало бы обратить в этом плане особое внимание на подготовку источниковедческих трудов справочно-информационного и учебно-обобщающего типа и возможные формы организации такой работы.

В настоящее время имеется уже серьезная база для осуществления подобных работ. Это и большой методический опыт в области книговедческих исследований, и появление обобщающих трудов по истории древнерусской книжной культуры и специально библиотек (С. П. Лупшова, Н. Н. Розова, Б. В. Сапунова, М. И. Слуховского), в частности монастырских библиотек (М. В. Кукушкиной), и многочисленных исследований более частного характера, особенно о записях на книгах (М. Н. Тихомирова, Н. А. Баклановой, Я. Д. Исаевича, Е. Л. Немировского, И. В. Поздеевой, ученых Новосибирска, статьи, опубликованные в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома и в других изданиях), об описях монастырских архивов (А. А. Амосова и др.), и появление многих важных для книговедения исследований о нарративных памятниках (летописях, житиях, публицистических сочинениях), типах рукописных сборников разнообразного содержания, о разновидностях, так

сказать, историко-делопроизводственной документации (разрядные книги, родословные книги, синодики и др.).

Поднят уже (А. И. Копаневым и др.) вопрос о составлении каталога владельческих записей в рукописных и печатных книгах, находящихся ныне как в государственных, так и в частных собраниях. Для организации этой работы надо предварительно выработать определенную программу, рекомендовать определенные инструкции и образцы описаний (карточек и др.), данные которых удобно было бы впоследствии сводить вместе. Опыт Археографической комиссии по составлению «Сводного каталога славяно-русских рукописей» (по XV в. включительно) показывает, что это потребует и созыва специальных совещаний (и очень хорошо, если Библиотека АН СССР выступит инициатором в таком деле), и подготовки специальных методических пособий и рекомендаций.

Полезно было бы составить и перечень всех — сохранившихся полностью или в отрывках — старинных описей книжных собраний и архивов. Вероятно, в этой связи следовало бы ознакомиться обязательно и с описями XVIII в. (особенно монастырскими до времени секуляризации монастырей), и с записями «полевых археографов» XVIII—первой половины XIX в., сохранивших сведения о ранних описях документальных материалов. Предварительным условием этой работы является систематическое — и лучше бы по определенной методике — изучение материалов архивов учреждений и лиц XVI—XVII вв. (успешные результаты подобного изучения нашли уже отражение в исследованиях С. П. Луппова и других ученых), а также архивов собирателей рукописей и исследователей. Примером может служить фонд Н. Н. Зарубина, хранящийся в Отделе рукописей Библиотеки АН СССР, где сосредоточены многие материалы именно такого рода (возможно, что Зарубин и предполагал составить перечень подобного типа). Важно было бы под этим углом зрения ознакомиться и со старыми местными изданиями, в том числе с «Губернскими»¹ и «Епархиальными ведо-

¹ В Архиве Института истории СССР хранится машинописный экземпляр аннотированного указателя материалов 1600—1649 гг., опубликованных в «Губернских веломостях». Можно полагать, что указатели такого же типа готовились и по материалам, относящимся к другим периодам отечественной истории (в частности, к XVI в., второй половине XVII в.). К такой работе были привле-

мостями», публиковавшими иногда сведения и из церковноприходских рукописных летописей, упоминавших, как правило, и о старинных рукописях и книгах,² с изданиями губернских ученых архивных комиссий,³ археологических съездов,⁴ с изданиями местных краеведческих обществ и музеев в первые годы Советской власти.

Целесообразно было бы начать работу (или, точнее сказать, продолжить в определенной мере ту работу, которая начата была еще Н. К. Никольским)⁵ и по составлению сводного перечня книжных собраний до XVIII в., включая и частные библиотеки (тем более, что исследования книговедов в последние годы существенно облегчают такую работу). Этот перечень должен включить по возможности полные библиографические (и, если удастся, то и архивные) сведения о старинных библиотеках, что поможет реконструировать состав таких собраний, а, возможно, и восстановить некоторые из них. Это связано не только с изучением уже поступивших на государственное хранение рукописных и старопечатных книг (включая обязательно и малые, и до сих пор еще слабо исследован-

чены в послевоенные годы по инициативе академика М. Н. Тихомирова и некоторые его аспиранты. В настоящее время изучением этого вопроса занимается Г. М. Дейч.

² См. об этом в статье С. О. Шмидта «Церковноприходские летописи как источник по истории русской деревни» (в кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974).

³ См.: Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — Археогр. ежегодник за 1957 год. М., 1958.

⁴ См.: Бржостовская Н. В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911 гг.). — Археогр. ежегодник за 1971 год. М., 1972.

⁵ См. об этом: Зарубин Н. Н. Академик Н. К. Никольский. — Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1936, № 4, с. 122—123; Покровская В. Ф. 1) Картотека академика Н. К. Никольского. — Тр. БАН СССР, т. 1, М.—Л., 1948, с. 142—150; 2) Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. XIX—XX века. М.—Л., 1958, с. 184—190. Продолжение составления картотеки Н. К. Никольского, систематизация имеющегося материала и пополнение картотеки новыми данными — вообще одна из первоочередных задач не только библиокологов, но прежде всего историков древнерусской литературы и древнерусского языка — к этому настойчиво призывала В. П. Адрианова-Перетц, см.: Адрианова-Перетц В. П. Картотека Н. К. Никольского. — Вопр. языкознания, 1961, № 1, с. 121—125.

ные собрания небольших музеев и библиотек), но и с методикой деятельности археографических экспедиций, которым следует руководствоваться научным принципом сбора территориальных коллекций, с организацией системы научного описания памятников письменности и системы информации о книжных собраниях и об отдельных памятниках.

Очень полезным оказалось бы издание, близкое по типу к подготовленному сотрудниками Института русского языка АН СССР изданию «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка АН СССР» (М., 1967). Оно могло бы включить обзорное историко-книговедческое материалы с заданной информацией или одного выдающегося значения учреждения (Библиотеки АН СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), или сразу нескольких (и даже многих) учреждений. Желательно, чтобы в таком издании учитывались сведения и о тех собраниях справочных материалов (картотеках и другого типа источниках), которые находятся ныне в архивах (или библиотеках) высших учебных заведений, в личных фондах исследователей (в архивах). Такое обзорное должно было бы ознакомить с научной организацией таких собраний материалов и с историей их собирания, описания и использования.

Это можно было бы связать с работой, ведущейся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина по составлению библиографического словаря книговедов (необходимая подготовка ее — планомерное выявление и изучение личных фондов книговедов), с готовящимся в Отделе рукописей этой же библиотеки описанием рукописных справочников, хранящихся в фондах Отдела (преимущественно в личных фондах ученых), с проводимой в Археографической комиссии работой по составлению каталога личных фондов историков. Все это поможет избежать повторения ранее сделанных трудоемких работ и важно не только в плане историографии и для определения роли наших предшественников в развитии научных знаний, но и для обогащения нашей источниковой базы, уточнения направлений и методики сегодняшних наших исследований.

Настала уже пора и для составления специальной работы обобщающего характера или даже учебного посо-

бия об источниках по истории книжного дела и библиотек в России до XVIII в. В работе желательно было бы охарактеризовать все разновидности таких источников (прямых и косвенных), способы выявления информации в различных видах источников и именно о книгах (их изготовлении, внешнем виде, цене, бытовании, распространении), о соотношении рукописных и печатных книг, о репертуаре чтения, истории читателя и чтения.⁶ Это позволило бы более четко уяснить, что уже сделано в области источниковедения истории книжности, и особенно библиотек, каковы дальнейшие перспективы научных исследований и описательно-обзорных трудов предварительного характера.

Е. Л. Немировский

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СВОДНОГО КАТАЛОГА
СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ КИРИЛЛОВСКОГО ШРИФТА
XV—XVII вв.

В последние годы наблюдается определенное оживление библиографических разысканий и исследовательских поисков в области истории славянской книги кирилловского шрифта. Многие библиотеки наконец-то решились разобрать и привести в порядок хаотически сложившиеся фонды. В результате появились каталоги и описания коллекций различных библиотек и музеев.¹ Крупнейшие кни-

⁶ При этом следует использовать опыт тех, кто изучает историю книжности XVIII—XX вв. Так, много сделано в плане изучения истории читателя и чтения в конце XVIII—XIX в. (работы И. Е. Баренбаума, тартуских ученых и др.). Обращается особое внимание и на маргиналии личных библиотек, см., в частности, интересную статью: Хохлов Р. Ф. Книжные фонды личного происхождения как исторический источник (по материалам собрания Дмитровского краеведческого музея). — В кн.: Пробл. отечественной истории. Сб. статей аспирантов и соискателей Ин-та истории СССР. Ч. 1. М., 1973.

¹ Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков. Л., 1970; Кубанська-Попова М. М. Києво-Печерський державний історико-культурний заповідник. Стародруки XVI—XVIII ст. Каталог. Київ, 1974; Шайдакова М. Я.

гохранилища страны приступили к созданию монографических описаний территориально или хронологически обособленных разделов своих собраний. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина работает над многотомным каталогом украинской книги кирилловского шрифта XV—XVII вв., Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — над каталогом белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв.² Выпущены в свет альбомы художественного убранства книг, напечатанных нашими первотипографами Франциском Скориной и Иваном Федоровым.³ Появились монографические исследования, в которых история старопечатной книги рассматривается комплексно, во всем обилии связей и аспектов.⁴

Славянскую книгу кирилловского шрифта изучают и зарубежные историки. Широкой известностью пользуются труды П. Атанасова, М. Бошняка, Л. Демени, Д. Медковича, Л. Чурчича и других историков славянской книги.⁵ Многолетние труды Дж. Г. Симмонса по розыску в зарубежных книгохранилищах изданий кирилловского

Описание коллекции книг кириллической печати XVI—XX веков Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Горький, 1975; Максименко Ф. П. Кириллични стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках (1574—1800). Львів, 1975.

² Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Вып. 1—2. Л., 1973—1975.

³ Баразна Л. Гравюры Франциска Скорины. Минск, 1972; Запаско А. П. Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974.

⁴ Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; Немировский Е. Л. 1) Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964; 2) Начало славянского книгопечатания. М., 1972; 3) Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974; Исачевич Я. Д. Першодрукар Иван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975.

⁵ Атанасов П. 1) Начало на българското книгопечатане. София, 1959; 2) Уникален паметник на руската средновековна култура в Народната библиотека «Кирил и Методий». Славянската граматика от Иван Федоров в България. — Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий», 1971, т. 12 (18), с. 61—80; Медкович Д. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1959; Чурчич Л. Псалтир Божидача Вуковића из 1519—1520 године. — Сборник Матице српске за књижевност и језик, 1974, кн. 22/3, с. 463—486; Demény L., Simonescu D. *Un capitol important din vechea cultură românească* (Tetраванghelul, Sibiu, 1546). — Studii și cercetări de documentare și bibliologie, 1965, № 1, Supliment, s. 3—18.

шрифта достойно увенчаны факсимильным изданием Азбуки, напечатанной в 1578 г. в Остроге Иваном Федоровым.⁶

В течение последних десятилетий за рубежом были сделаны поистине сенсационные открытия в области старославянской первопечатной книжности. Назовем первые отечественные печатные учебники — львовскую Азбуку 1574 г. и острожскую Азбуку 1578 г., экземпляр Триоди цветной Швайпольта Фиоля из города Брашова (Румыния), в котором сохранилась гравюра с именем типографа, или наиболее полный экземпляр «Малой подорожной книжицы» белорусского просветителя Франциска Скорины, найденный в Копенгагенской королевской библиотеке, который позволил отодвинуть дату возникновения первой типографии на территории нашей страны с 1525 г. на 1522 г.⁷

В последние годы были опубликованы обзоры фондов старопечатных книг отдельных зарубежных библиотек.⁸ И все же мы пока еще очень далеки от сколько-нибудь исчерпывающего знания предмета. Так или иначе, но публикации последних лет подготовили почву для постановки вопроса о «Сводном каталоге славянских старопечатных книг кирилловского шрифта». Создание такого каталога в течение ближайших 10—15 лет представляется делом реальным и вполне осуществимым.

В перспективный план научно-исследовательской работы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина на 1976—1980 гг. включена тема «Сводный каталог изда-

⁶ Grasshoff H., Simmons J. S. G. Ivan Fedorovs griechisch-russisch-kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580. Berlin, 1969.

⁷ Mircea J.-R. De la Cracovia la Braşov: incunabulul din 1491. — Magazin istoric, 1972, № 8, p. 50—51; N ad s o n A. Skaryna's Prayer book. — The Journal of Byelorussian Studies, 1972, vol. 2, № 4, p. 339—358; А н у ш к и н А. И. Виленская типография Скорины. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1975, сб. 30, с. 169—176.

⁸ А т а н а с о в П. 1) Славянската старопечатна сбирка на Народна библиотека «Иван Вазов», Пловдив. — Библиотекар (Београд), 1971, № 2, с. 44—45; 2) Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии. — Сов. славяноведение, 1972, № 6, с. 72—83; 3) Книги Ивана Федорова в Болгарии. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 107—114; Н е м и р о в с к и й Е. Л. Издания Ш. Фиоля, Ф. Скорины и И. Федорова в книгохранилищах Варшавы и Кракова. — Сов. славяноведение, 1975, № 5, с. 69—75, и др.

ний кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.». Хронологическая граница (1700 г.) выбрана исходя из тех соображений, что в XVIII в. в связи со становлением национальных языков славянская книга кирилловского шрифта утрачивает присущий ей ранее международный характер. В России, а впоследствии и в южнославянских странах в книгоиздательском репертуаре определяющую роль начинает играть гражданская книга, шрифт которой находит для себя новую графическую основу. Старый кирилловский (а в еще большей степени — глаголический) алфавит становится монополией церковников. Все это, вместе взятое, определяет значительно меньший интерес исследователей к кирилловской книге XVIII—XIX вв., чем к изданиям предшествующих столетий.

Книги кирилловского шрифта в XV—XVII вв. выходили в Кракове, Цетинье, Тырговиште, Венеции, Праге, Горажде, Вильне, в южнославянских монастырях, в Сибиу, Белграде, Москве, Заблудове, Львове, Бухаресте, Остроге, Киеве и многих других городах, большинство которых находилось за пределами Русского государства. Тем не менее основная масса этих изданий в настоящее время хранится в библиотеках, музеях и архивах нашей страны. За это мы должны быть благодарны собирателям XIX столетия И. П. Каратаеву, А. И. Кастерину, М. П. Погодину, Ф. А. Толстому, В. М. Ундольскому, А. И. Хлудову, И. Н. Царскому, А. Д. Черткову, А. С. Ширяеву, П. В. Шапову и др.

Из 78 названий, упомянутых в предварительном списке старопечатных изданий кирилловского шрифта XV—первой половины XVI в.,⁹ лишь 22 издания были выпущены в свет на территории нашей страны — в Вильне. Однако в наших книгохранилищах представлены не только отечественные, но и зарубежные издания кирилловского шрифта — большинство из них не в одном, а в нескольких экземплярах. Из 78 инкунабулов и палеотипов, упомянутых выше, в СССР нет лишь 8 изданий: Октоиха-пятигласника около 1494 г. (Цетинье), Октоиха 1510 г. (Тырговиште), венецианских «Службы блаженной деве

⁹ См.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания. Вып. 1. М., 1976, с. 32—41.

Марии» и «Молитвы св. Бригитты» 1512 г., Молитвенника с Часословцем 1520 г. (Венеция) и Молитвенника 1545 г. (Тырговиште). Достаточно полно в советских книгохранилищах представлены и глаголические издания XV—XVIII вв.: 41 издание из 60 известных по литературе.¹⁰

В наших библиотеках есть немало инкунабулов и палеотипов кирилловского и глаголического шрифтов, которых, по имеющимся у нас сведениям, за рубежом нет. Это Осмогласник 1491 г., напечатанный в краковской типографии Швайпольта Фиоля — первая печатная книга кирилловского шрифта. Все 6 известных нам экземпляров находятся в библиотеках СССР — по два экземпляра в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственном Историческом музее и по одному — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и в Научной библиотеке Ленинградского государственного университета.¹¹

Экземплярами, находящимися только в советских библиотеках, представлены большинство пражских изданий Франциска Скорины, Требник, напечатанный в Угровлахии в 1534 г., Четвероевангелие Филиппа Молдованина (Сибю, 1546) и др. Недавно Ф. Ф. Максименко обнаружил в Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника венецианский Октоих-первогласник 1537 г., еще не описанный в библиографии. До сего времени был известен лишь Октоих-пятигласник 1537 г., напечатанный Феодосием и Геннадием в венецианской типографии Божидара Вуковича и представленный в наших библиотеках достаточно большим количеством экземпляров. Многие недавно опубликованные подробные описания южнославянских старопечатных изданий выполнены по экземплярам, находящимся в советских книгохранилищах.¹²

¹⁰ Круминг А. А. Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 101—125.

¹¹ Nemirovskij E. L. Die slawischen Inkunabeln in kyrilischer Schrift. — In: Beiträge zur Inkunabelkunde. Dritte Folge. Bd. 6. Berlin, 1975, S. 76—80.

¹² Немировски Е. Л. Рујанско Четворојеванђеље. — Библиотекар (Београд), 1966, № 5—6, с. 406—420; Nazor A. Kožičićev Bukvar. — Slovo. Casopis Staroslavenskog instituta, 1964, br. 14, s. 121—128; Demény L. Tipăriturile tirgoviștene din secolul al XVI-lea în bibliotecile și muzeele din Moscova și Leningrad. — In: Studia Valachica. Tirgoviște, 1970, p. 143—163.

Отметим попутно, что в последние годы в наши библиотеки поступило немало изданий кирилловского шрифта, которые ранее в славяно-русской библиографии учтены не были. Назовем, например, уникамы Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета — Часовник 1630 г., часовники 30-х и 50-х годов XVII в., Псалтырь конца XVII в. В Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике обнаружена уникальная Триодь постная (М., 1742). Среди новых поступлений в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — ранее не описанные Псалтыри (Яссы, 1791; М., 1791).¹³

Один из важнейших принципиальных вопросов, которые необходимо решить, приступая к созданию сводного каталога старопечатных изданий, это вопрос о необходимости и возможности описания всех сохранившихся экземпляров издания. Некоторые специалисты (например, Т. Н. Каменева) принципиально против поэкземплярного учета. В существующей литературе принята различная практика. В большинстве сводных каталогов, изданных в нашей стране до настоящего времени, указывались лишь библиотеки, в которых находится то или иное издание.¹⁴ В новейших зарубежных сводных каталогах инкунабулов, напротив, поэкземплярный учет (часто с указанием шифров) считается обязательным элементом описания.¹⁵

Отсутствие поэкземплярного учета обеспечивало определенную «свободу рук» для библиотекарей. Уместно вспомнить, что автор этих строк не раз страдал от этого. В нашей монографии «Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров» (М., 1964), насколько нам известно, впервые была применена своеобразная методика поэкземплярного учета, которая состояла в доскональной

¹³ Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков, с. 10; Шайдакова М. Я. Описание коллекции книг кириллической печати XVI—XX вв., с. 18.

¹⁴ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958; Зернова А. С., Каменева Т. Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. 1—5. М., 1962—1967.

¹⁵ *Catalogus incunabulorum quae in bibliothecis publicis Hungariae observantur*. Vol. 1—2. Budapest, 1970; *Inkunabuły w bibliotekach polskich*. Centralny katalog. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970.

регистрации упоминаний того или иного издания в литературе и последующего сравнения полученных данных с наличием экземпляров этого издания в наших книгохранилищах. Для этого мы просили в библиотеках показать нам решительно все имеющиеся там экземпляры безвыходных московских изданий и изданий Ивана Федорова. Как выяснилось впоследствии, показывали далеко не все. Так, например, в монографии утверждается, что в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется шесть первопечатных Апостолов 1564 г. На самом деле их там восемь. В другом случае мы специально отметили пропажу экземпляра Учительного евангелия 1569 г. Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца с вкладной записью Катерины Ивановны Вишневецкой.¹⁶ Оказалось, что этот экземпляр находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Отрадно отметить, что поэкземплярный учет старопечатных изданий в последние годы применяется и у нас, и за рубежом.¹⁷ И. В. Поздеева недавно посвятила специальную работу методике описания экземпляров старопечатных изданий кирилловского шрифта, подчеркнув в ней, что «научное описание книжных фондов наших библиотек и музеев» должно быть выполнено «на уровне описания экземпляров».¹⁸ На таком уровне выполнен, например, «Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII в.» (вып. 1, Л., 1973), с большой тщательностью составленный В. И. Лукьяненко.

Не раз отмечалось, что каждый экземпляр старопечатной книги по-своему уникален. Еще С. И. Маслов справедливо утверждал, что «при одинаковых элементарных признаках (содержание, титульный лист, формат и размер издания) разные экземпляры одной и той же книги имеют иногда такое количество вариантов, что методика определения дублетов в отношении старопечатных книг никоим образом не может ограничиться лишь сравнением

¹⁶ Неміроўскі Я. Л. Иван Фёдарэў і Пётр Цімафееў Мсціславец у Беларусі. — В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 147.

¹⁷ Особый интерес в этом отношении представляет работа: Чурчій Л. Псалтир Божидара Вуковића из 1519—1520 године.

¹⁸ Поздеева И. В. Методика описания экземпляров старопечатных изданий кирилловского шрифта. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги, с. 126.

указанных признаков».¹⁹ Особый интерес для исследователя представляют всевозможные маргиналии на страницах книг, содержащие подчас важные сведения об обстоятельствах выхода в свет этого издания, условиях его распространения, о составе читательской среды и т. д., и т. п.

К сожалению, в недавнем прошлом к вторым и третьим экземплярам старопечатных книг в библиотеках подходили как к обычным дублетам. Даже такой высококультурный библиотекарь и ученый-археограф, как А. Е. Виктор, считал возможным при поступлении в Румянцевский музей нового экземпляра старопечатного издания извлекать из него листы, отсутствующие в основном экземпляре, дополнять ими этот экземпляр, а все оставшиеся передавать в другую библиотеку. Делалось это и в Петербургской Публичной библиотеке. В настоящее время при изучении владельческих записей, допустим, в экземплярах краковского Октоиха 1491 г., бывает, что начало записи находится в одном экземпляре, а конец — в другом.²⁰

В историографии славянского первопечатания немало примеров тому, как поэкземплярное изучение издания приводило к важным открытиям. И наоборот, описание издания лишь по одному или по немногим экземплярам вело к серьезным ошибкам.

Так, например, изучение 34 экземпляров Острожской Библии Ивана Федорова позволило А. С. Зерновой сделать исключительно важный вывод о том, что изданий этой книги было одно, а не два, как это считалось ранее.²¹

Описывая Апостол 1525 г. Франциска Скорины, В. И. Лукьяненко утверждает, что «на листах 1—4 4-го счета, утраченных обоими экземплярами Государственной Публичной библиотеки, было предисловие к Месяцеслову; отрывок этого текста приведен И. П. Каратаевым».²² Утверждение закономерно вытекает из тщательного изучения двух экземпляров ГПБ. В этих экземплярах крас-

¹⁹ Маслов С. И. Определение дублетов в области старопечатных книг. Львов, 1960, с. 4 (ротапринт).

²⁰ Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971, с. 81.

²¹ Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 60—62.

²² Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Вып. 1. Л., 1973, с. 30.

ный цвет имеется лишь на титульном листе и в Сборнике (Месяцеслове). Между тем известны 3 экземпляра Апостола 1525 г. (один в ГБЛ и два — в ГИМ), в которых красный цвет присутствует во всем издании. В единственном экземпляре (ГИМ, Хлуд. 6) на л. 188 3-го счета красным цветом отпечатан тот текст, о котором говорит В. И. Лукьяненко. К слову, текст этот совсем не является предисловием к Сборнику; он разъясняет применение в книге красного цвета. Любопытно, что лист, на котором воспроизведен текст, сохранился и в одном из экземпляров ГПБ. Но здесь он оставлен пустым, не пропечатан, ибо красного цвета в основных разделах этого экземпляра нет. Что же касается листов 1—4 4-го счета и листов 5—8 1-го счета, то их нет ни в одном из 9 экземпляров Апостола 1525 г., сохранившихся в наших библиотеках. Этот факт, совокупно с изучением состава книги, привел нас к выводу, что упомянутые листы вообще не были напечатаны. А значит, в Апостоле 1525 г. не 352 листа, как это обычно указывается, а 346. Ошибочно указывает В. И. Лукьяненко и количество заставок, ибо некоторые виньетки отпечатаны красным цветом (на л. 112, 187 и 187 об.) и в экземплярах ГПБ их, естественно, нет.

Можно привести немало примеров того, когда из многих сохранившихся экземпляров издания лишь один может сообщить нам исключительно важные сведения. Краковская Триодь цветная (около 1491 г.) известна нам в 21 экземпляре. Лишь в одном из них (он находится в музее г. Брашова в Румынии) сохранились два первых листа, причем на одном из них повторен фронтиспис («Распятие») из Осмогласника 1491 г. и воспроизведена гравированная на дереве «лента» с указанием имени типографа.²³ «Книга Иова» в пражском издании Франциска Скорины (1517 г.) известна в 11 экземплярах. Лишь в одном из них (ГБЛ, № 6334) нет предисловия. Первый лист в этом экземпляре отсутствует. Книга начинается листом с пагинацией «2». Здесь помещено название и четверостишие, которое в обычных экземплярах находится на л. 1. Есть и другие особенности по сравнению с обычными

²³ Istrate P. Un incunabil chritic la Muzeul culturii românești din Scheii Brașovului. — Revista bibliotecilor. 1972, № 2, p. 104—105; Manolache M. Documente din arhiva muzeului bisericii Sfintul Nicolae din Scheii Brașovului. — Biserica Ortodoxă Română, 1971, № 11—12, p. 1224—1229.

экземплярами.²⁴ Все эти примеры свидетельствуют о необходимости поэкземплярного изучения старопечатных изданий.

Учет всех сохранившихся экземпляров и их подробное описание возможны лишь в том случае, если в работе по созданию Сводного каталога принимает участие достаточно большое количество специалистов. Приглашения участвовать в работе были направлены всем библиотекам, архивам и музеям СССР, в которых имеются значительные фонды славянских старопечатных книг, а также национальным библиотекам социалистических стран. Согласие участвовать в работе дали библиотеки Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. К созданию каталога предполагается привлечь и отдельных исследователей, занимающихся проблемами истории славянского книгопечатания в Великобритании, США, Франции и некоторых других странах.

Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина составлены и разосланы методические указания «В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов» (М., 1976). Они содержат основные правила описания изданий кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв., образцы и структуру описаний, списки сокращений и предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта XV—первой половины XVI в. Список насчитывает 78 названий с указанием всех известных составителям экземпляров.

Сводный каталог, с нашей точки зрения, должен представлять собой хронологический перечень старопечатных изданий с краткими библиографическими описаниями и указанием всех сохранившихся экземпляров. Описание включает имя автора, название книги, сведения о месте издания, название типографии или имя типографа, дату выпуска издания в свет. Научный аппарат Сводного каталога содержит указатели заглавий, имен и типографий.

Параллельно с работой над «Сводным каталогом» необходимо приступить к созданию «Описания изданий кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.».

²⁴ Немировский Е. Л. Пражские издания Франциска Скорины в фонде Отдела редких книг ГБЛ. — Труды ГБЛ, 1976, т. 13, с. 188.

Образцом для такого издания, которое будет выходить в свет отдельными выпусками, служит многотомный польский труд «Польская типографика XVI столетия».²⁵ Каждый выпуск будет содержать описания размещенных в хронологическом порядке изданий отдельной типографии, научный аппарат и альбом. Научный аппарат содержит перечень изданий данной типографии, известных лишь по литературным данным, списки сокращений, указатели имен, иллюстраций, орнамента, книгохранилищ, в которых находятся сохранившиеся экземпляры, датированных вкладных и владельческих записей и др. В альбоме в натуральную величину должны быть репродуцированы шрифты, орнамент, иллюстрации данной типографии.

Должны быть описаны все сохранившиеся экземпляры издания с указанием их комплектности, воспроизведением вкладных и владельческих записей, сведений о происхождении и т. п. Работа эта займет не одно десятилетие, ибо многие издания XVI—XVII вв. сохранились в достаточно большом количестве экземпляров.

Б. В. Сапунов

КНИГА И ЧИТАТЕЛЬ НА РУСИ В XVII в.

Всестороннее изучение структуры сложной и динамичной системы «книга—читатель» является одной из важных задач книговедения на современном этапе. На наших глазах возникает новая гуманитарная дисциплина — «читателеведение», задачи и методы которой сформулировал И. Е. Баренбаум.¹ Характеристике русского читателя

²⁵ Polonia Typographica saeculi sedecimi. Z. 1—10. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1959—1975. Red. Alodia Kawecka-Gryczowa. Составители: М. Błońska, Р. Buchwald-Pelcowa, Н. Bułhak, Н. Kapełuś, А. Kawecka-Gryczowa.

¹ Баренбаум И. Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема. — В кн.: История русского читателя. Л., 1973 (Тр. Лен. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, т. XXV, вып. 1), с. 5—19.

XVII в. были посвящены специальные разделы монографий М. И. Слуховского и С. П. Луппова.²

Ценным источником информации, необходимым при работе в этом направлении, являются владельческие записи и приписки на книгах. Еще в конце XIX в. ими заинтересовался А. Н. Лебедев.³ В послевоенные годы внимание специалистов к припискам привлек акад. М. Н. Тихомиров.⁴ Развивая мысли М. Н. Тихомирова, Н. А. Бакланова опубликовала две статьи, посвященные анализу владельческих записей как источнику для истории русской культуры вообще, и истории русского читателя XVII в. в частности.⁵ Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР были изучены Е. М. Апанович.⁶ Призывы М. Н. Тихомирова к расширению источниковедческой базы исторической науки получили свое воплощение в публикациях на страницах «Археографического ежегодника» серии сообщений о записях на книгах XVI—XVII столетий.

Данная статья посвящена анализу распределения книжного фонда Руси XVII в. по социальным группам. Она написана на основе статистической обработки данных, полученных при изучении владельческих приписок на книгах из пяти разных по характеру собраний. Были привлечены книги старой печати из коллекции ГИМ,⁷ собрание рукописных книг старообрядца Е. Е. Егорова, находящееся в ГБЛ,⁸ старопечатные книги, принадлежавшие

² Слуховский М. И. 1) Из истории книжной культуры России. М., 1964; 2) Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.

³ Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1895.

⁴ Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — Археогр. ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 11—13.

⁵ Бакланова Н. А. 1) Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источник для истории русской культуры. — Археогр. ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 197—205; 2) Русский читатель XVII в. — В кн.: Древнерусская литература и ее связь с новым временем. М., 1967, с. 156—193.

⁶ Апанович Е. М. Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 70—86.

⁷ Асафьев К. М., Протасьева Т. И., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати XVI—XVII веков. — Археогр. ежегодник за 1961 г. М., 1962, с. 279—333.

⁸ Сметанина С. И. Записи XVI—XVII вв. на рукописях собрания Е. Е. Егорова. — Археогр. ежегодник за 1963 г. М., 1964, с. 358—396.

в конце XIX в. П. П. Шукину,⁹ фонд рукописных книг Воскресенского монастыря (ГИМ)¹⁰ и, наконец, коллекция рукописных книг, происходящая из Чудова монастыря, также составляющая ныне часть собраний ГИМ.¹¹ При подсчетах, проведенных нами, учитывались записи XVII в., и только те из них, где достаточно определенно можно установить социальное лицо владельца. Всего удалось выявить 807 владельческих записей XVII в., находящихся в 494 книгах.

По-видимому, домонгольские рукописи были чрезвычайно редки уже в XVII в. Даже списков XIV в. среди учтенных книг оказалось только два, что составляет 0.4%. Хронология владельческих записей говорит о значительной обращаемости книг в допетровское время. Хотя маргиналии не во всех случаях фиксировали всех владельцев и поэтому отдельные этапы перемещения книг от одного владельца к другому выпадают, есть основания утверждать, что почти каждая из 494 книг на протяжении века не менее трех раз переходила из рук в руки. Следует также иметь в виду, что приписки фиксировали исключительно смену юридических владельцев. Если книга передавалась кому-либо во временное пользование, то это обычно не отмечалось в записях. Между тем имеются определенные доказательства того, что уже в XVII в. книги часто давались «почитать». Эта практика намного увеличивала реальную обращаемость, прежде всего читаемость, книг в допетровское время.

Подавляющая масса печатных книг была издана в России. Так, в собрании I книги русской печати составляли 80.8%, причем почти все они были отпечатаны в Москве. Только по одной вышли из типографий Александровской слободы и Иверского монастыря. Около 17% происходили из друкарен западных и юго-западных земель Руси — Украины и Белоруссии, в том числе из печатных дворов г. Вильно 13 книг, датированных концом XVI—началом

⁹ ЧОИДР, М., 1899, кн. 189, отдел V, Смесь, с. 1—4.

¹⁰ К о с т ю х и н а Л. М. Записи XIII—XVIII веков на рукописях Воскресенского монастыря. — Археогр. ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 273—290.

¹¹ Т и х о м и р о в М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — Археогр. ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 11—36. Для удобства обозначим указанные пять собраний римскими цифрами I—V.

XVII в., когда еще не были введены ограничения на ввоз из-за рубежа книг религиозного содержания. Из типографий Киева поступило 11 книг, из Острога — 7, из Львова — 4. В Крылосе были напечатаны два Евангелия 1606 г., в Дерманском монастыре — Октоих 1604 г. И, наконец, из Заблудова попало Евангелие 1569 г. Кроме того, встретился Часовник 1491 г., изданный в Кракове, и Служебник 1554 г. — в Венеции. Был отмечен один случай, когда русская книга ушла за рубеж. Апостол Ивана Федорова, изданный в Москве в 1564 г., в 1602 г. был вложен в церковь Успения в г. Заблудове. Из 235 печатных книг светских по содержанию оказалось только три — «Уложение» (М., 1649), «Грамматика» М. Смотрицкого (М., 1648) и «Синописис» И. Гизеля (Киев, 1674).

Более разнообразным оказался репертуар рукописных книг. Среди 160 книг из собрания старообрядца Е. Е. Егорова (II) были книги 72 названий. Значительную прослойку среди них составляли книги светского содержания (9 сочинений, 19 книг):

Хронографы	— 9 списков	Степенная книга	— 1 список
Космографий	— 2 списка	История Казанского царства	— 1 »
Алфавит	— 1 список	Хождение Трифона Корабейникова	— 1 »
Сборники светских повестей	— 2 списка	Варлаам и Иосаф	— 1 »
Иосифа Флавия «Иудейская война»	— 1 список		

В число остальных входили богослужебные книги, сочинения отцов церкви и другие произведения религиозного содержания. Владельческие записи, в которых отмечено, откуда приехал или куда уехал с книгой владелец, а также упоминаемые монастыри и церкви, куда книги были вложены «на помин души», говорят о широких перемещениях книг по всей стране. В записях встречаются названия 43 городов Московской Руси. Отмечены почти все крупные монастыри XVII столетия — Желтоводский, Макариев, Иверский, Кириллов, Кожезерский, Корнилиев-Комельский, Новый Иерусалим, Павла Обнорского, Пешношский, Прилуцкий, Саввы Вишерского, Соловецкий и многие другие. Приведены названия многих церквей, разбросанных по разным районам страны.

В приписках заключен богатый материал, рассказывающий о тех юридических операциях, в результате кото-

рых книги меняли своего владельца. Так, например, по записям на книгах старой печати из собрания ГИМ (I) выявлены 273 юридических акта, в которых были зафиксированы либо причины смены владельца, либо права собственности (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Акт	Количество	%
Вклады в церкви и монастыри	152	55.7
Подарки	7	2.5
Купля-продажа	53	19.4
Обмен	5	1.8
Фиксация собственности	53	19.4
Иные случаи (наследование, украшение, переплет)	3	1.2
Итого	273	100.0

Как видно из таблицы, основным путем комплектования церковных и монастырских собраний были вклады «на помин души». За счет монастырской и церковной казны в их книгохранилища попали только две книги. В собрании II церкви и монастыри лишь в двух случаях оказались в роли покупателей, в 76 случаях книги достались им бесплатно. Утечка книг из клерикальных библиотек все же имела место, правда в весьма ограниченных размерах. Было обнаружено только пять случаев продажи и обмена книг из церковной или монастырской казны.

Основными вкладчиками были представители класса феодалов. В приписках отмечены вклады дворян, бояр, князей, членов царской семьи. Кроме того, много книг поступало от духовных лиц — священников, монахов, епископов, патриархов. Книги вкладывались либо «на помин души», либо были пожалованы феодалами на украшение храмов в своих вотчинах.

Подсчитав очередность и повторяемость смен владельцев, можно реконструировать основные книжные потоки,

циркулировавшие по стране в XVII в. Книги религиозного содержания после более или менее длительного перемещения по разным владельцам оседали в клерикальных библиотеках. Казалось бы, книги, вложенные «на помин души», должны были вечно храниться там, куда их вложил даритель. Бесконечное количество раз во всевозможных вариантах авторы приписок угрожали страшными карами тем, кто «восхитит» завещанное. Но на практике святые отцы не слишком боялись ни земных, ни небесных кар и без зазрения совести продавали и меняли вложенные книги. Даже сам глава русской церкви патриарх Никон не был уверен, что его вклады останутся неприкосновенными.

Однако, как уже отмечалось, отлив из книгохранилищ церквей и монастырей был во много раз меньше притока. Судя по датам владельческих записей, у феодалов разных рангов, начиная от рядовых помещиков и кончая лицами, принадлежавшими к царской фамилии, книги религиозного содержания задерживались относительно недолго. Как правило, купив такую книгу, феодалы вскоре вкладывали ее в клерикальную библиотеку. Вполне можно допустить, что вкладчик не всегда успевал всю ее прочитать. Практика чтения такого рода книг в XIX и XX вв. показывает, что четьи книги, а тем более богослужебные, целиком и сразу не читались. Их читали многократно, выборочно, смотря по настроению или в соответствии с церковным календарем. Во всяком случае ознакомиться с книгой, просмотреть ее, перечитать какие-то определенные места вкладчик из феодалов всегда мог.

Лица духовного звания — монахи, священники, епископы, митрополиты и даже патриархи — обычно приобретали книги путем покупок и задерживали их у себя на более или менее длительное время. Так, например, данные по собранию старообрядца Е. Е. Егорова показывают, что священники и монахи в 69 случаях оказались владельцами книг в результате покупок и только в 17 случаях получали книги в дар.¹² Затем либо по завещанию, либо при

¹² Эти закономерности прослеживаются в той или иной степени по всем пяти собраниям. Примеры приводятся по тем из них, где в силу специфики состава или истории комплектования это проявляется в большей степени. В сводных таблицах указаны характеристики как каждого фонда в отдельности, так и всего комплекса книг в целом.

жизни владельца («на помин души») книги перекочевывали в хранилища церквей и монастырей.

Посадские и торговые люди, приказные, по данным собрания II, в 48 случаях приобретали книги за свой счет и для личного пользования. В 8 случаях они были вложены затем «на помин души». Социальная структура владения книжным фондом Руси в XVII в. на основании статистических подсчетов по пяти собраниям отражена в табл. 2.

Первый вопрос, возникающий после ознакомления с таблицей, заключается в том, насколько справедливо переносить данные, полученные на основании анализа 807 владельческих записей, на весь книжный фонд Руси XVII в.

Современная статистика предлагает формулу для определения статистической ошибки применительно к качественной вариации:

$$Sp = \sqrt{\frac{p(100-p)}{n}},$$

где Sp — статистическая ошибка, p — частота признака, в нашем случае — доля фонда данной социальной группы владельцев, n — объем выборки, т. е. число проанализированных записей. Подставляя в формулу соответствующие значения p и n , получим для 1-й группы владельцев (церкви, монастыри):

$$Sp \sqrt{\frac{38(100-38)}{807}} = \pm 1.7\%.$$

$\pm 1.7\%$ означает, что в генеральной совокупности, которой является весь книжный фонд Руси XVII в., доля книг, находившихся в библиотеках церквей и монастырей, могла находиться в границах между 40 и 36%. Такая статистическая ошибка вполне допустима. По другим группам владельцев ошибка также весьма незначительна.

2) 27.1% \pm 1.6%	5) 2.6% \pm 0.6%
3) 16.7% \pm 1.3%	6) 1.1% \pm 0.4%
4) 13.9% \pm 1.2%	7) 0.4% \pm 0.2%

Итак, реконструированная модель социальной структуры владельцев книжных богатств России XVII в., по видимому, может быть принята в качестве рабочей гипотезы. Однако сама по себе она дает еще весьма условную картину. Чтобы определить реальную насыщенность кни-

Т а б л и ц а 2

Социальный состав владельцев книжного фонда Руси XVII в. (по собраниям I—V)

№ п/п	Владельцы	I (235 книг)	II (160 книг)	III (11 книг)	IV (33 книги)	V (55 книг)	Всего из 494 книг
1	Церкви, монастыри	184 (44.2)	78 (31.2)	9 (36)	12 (27.3)	25 (34.7)	308 (38.2)
2	Духовенство всех рангов	82 (19.7)	86 (34.4)	7 (28)	16 (36.4)	28 (38.9)	219 (27.4)
3	Приказные, посадские	64 (15.4)	53 (21.2)	6 (24)	6 (13.6)	6 (8.3)	135 (16.7)
4	Феодалы всех рангов	68 (16.3)	23 (9.2)	3 (12)	5 (11.4)	13 (18.1)	112 (13.9)
5	Крестьяне	13 (3.1)	7 (2.8)	— —	1 (2.3)	— —	21 (2.6)
6	Слуги	5 (1.2)	3 (1.2)	— —	1 (2.3)	— —	9 (1.1)
7	Московский Печатный двор	— —	— —	— —	3 (6.8)	— —	3 (0.4)
	Итого	416	250	25	44	72	807

П р и м е ч а н и е. Цифры перед скобкой — количество книг, в скобках — % книг.

гами тех или иных социальных слоев, надо показатели табл. 2 сопоставить со схемой социальной структуры русского общества XVII в.

Демографические исследования последних лет выявили не только абсолютную величину населения всей страны и отдельных ее районов в XVII в., но также численность разных классов и сословий. По переписи 1678 г. население России определялось в 10 500 000 человек. В это число не вошли нерусские народности Сибири (около 100 000), но включены ясашные люди Поволжья и Приуралья.¹³

Примерную социальную структуру населения см. ниже.

Группа населения	Число населения, млн	%
Крестьяне	9.6.10 ⁶	91.4
Городское население	0.5.10 ⁶	4.8
Феодалы, духовенство, чиновники, армия	0.4.10 ⁶	3.8
Итого	10.5.10 ⁶	100.0

Основную массу крестьян составляли крепостные. Число населения в городах не совпадает с численностью группы, называемой «городское население». В реальности посадские люди (объединенные в сословие торгово-промышленного населения городов) составили примерно 3% от всего населения, или около 300 000 человек. Помещиков и членов их семей в последней четверти XVII в. было не менее 120 000, т. е. 1.1%. Следующие три группы — духовенство, чиновники и армия — вместе составляли прослойку немного меньше 3%. Каждая из этих групп была около 1%.

Владельческие записи показывают, что основным обладателем книжных богатств в допетровское время были церкви и монастыри. В их хранилищах находилось около 40% всего книжного фонда. Количественно это очень много. Если же просматривать репертуар клерикальных библиотек, то оценка культурной роли монастырских и церковных собраний совершенно меняется.

В литературе до сих пор нет единого мнения, в какой степени описи монастырских и церковных собраний отра-

¹³ Володарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). М., 1973, с. 28—41. В работе приведена библиография.

жают реальную структуру книжного фонда Руси. В 1871 г. В. О. Ключевский писал: «... монастырские библиотеки должны довольно верно отражать на себе объем и движение местных книжных интересов».¹⁴ В 1902 г. Н. К. Никольский, возражая В. О. Ключевскому, утверждал прямо противоположное. По его мнению, литература, дошедшая до нас в составе церковных и монастырских библиотек, не отражает всей древнерусской книжности, так как в эти библиотеки не допускалось то, что выходило за пределы их прямого назначения.¹⁵

Владельческие записи, а также и многочисленные описи клерикальных библиотек, достаточно убедительно раскрывают качественную характеристику сложившихся там собраний. В них концентрировалась прежде всего богослужебная, затем церковно-служебная и четья литература. Светская книга, представляющая основную прогрессивную линию в развитии русской культуры XVII в., попадала в церковные и монастырские собрания весьма редко. К XVII столетию церковь безвозвратно потеряла былое значение в сфере книжной учености и вместе с этим свою роль в дальнейшем развитии русской культуры.

На втором месте по количеству книг стояли лица духовного звания. В общем итоге по пяти собраниям они владели 27% книжных богатств. Репертуар книг данной группы владельцев немного отличался от тематики книг, которые концентрировались в церквях и монастырях. Незначительные отклонения заключались в том, что в руках духовенства был выше процент книг четьих — сочинений отцов церкви, богословских трактатов более поздних авторов. В этом плане читательские интересы духовенства более соответствовали составу монастырских, чем церковных собраний.

На третьем месте оказались библиотеки приказных, посадских и торговых людей. На долю прослойки, которую можно назвать русским третьим сословием и которая составляла примерно 3% всего населения, пришлось около 17% владельческих приписок. В пяти обследованных собраниях процент владельческих записей горожан коле-

¹⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 397.

¹⁵ Никольский Н. К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902, с. 4—5.

бался от 15 до 24. Обращает на себя внимание значительный удельный вес светских сочинений в общем фонде книг, попавших в собственность социальных прослоек, из которых впоследствии формировались кадры русской разночинной интеллигенции. Так, например, в собрании Е. Е. Егорова светских книг было несколько больше $\frac{1}{5}$ и почти все они в XVII в. принадлежали «посадским людям», «подьячим» и «дьякам», «торговым людям» или просто «горожанам». Из записей на рукописях Воскресенского монастыря (IV собрание) видно, что все сборники преимущественно светского содержания прошли через руки приказных дьячков. Этот вывод весьма важен в историко-культурном аспекте. По-видимому, во владении посадских людей сосредоточивалась значительная, если не основная, масса книг светского содержания. Представители третьего сословия составляли существенную часть социальной базы, при поддержке которой совершалась секуляризация культуры.

На четвертом месте по списку томов находились собрания, принадлежавшие разным прослойкам феодалов — дворянам, боярам, князьям, членам царской фамилии. Репертуар чтения первого сословия Московской Руси был весьма близок к обычному составу клерикальных библиотек. Книги светского содержания в библиотеках дворян попадались весьма редко. В отличие от церковных собраний у дворян несколько больше была прослойка богословских, четых книг — Минеи четых и служебных, сочинений украинских богословов и других теологических трактатов, предназначенных для «душеспасительного» чтения. Такой состав книг, проходивших через руки дворян, вполне понятен, так как во многих случаях книги покупались с намерением вложить их в церковные библиотеки.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что в XVII столетии книги попадали в собственность крестьян. Одним из первых эту мысль в 1915 г. высказал Н. К. Никольский.¹⁶ В такой несколько расплывчатой формулировке данное утверждение широко бытует в настоящее время. Статистические данные, полученные при обработке владельческих записей, позволяют раскрыть и

¹⁶ Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1. СПб., 1915.

уточнить размеры и состав крестьянских книжных собраний. В итоге обследования пяти коллекций выяснилось, что в трех из них (I, II и IV) имеются владельческие записи крестьян, удельных вес которых по отношению ко всем записям колебался от 2 до 3%, составляя в среднем 2.6%. В ряде случаев крестьяне владели книгами на правах коллективной собственности, когда одна книга принадлежала двум-трем и более владельцам. Много это или мало?

Во второй половине XVII в. крестьяне составляли основную массу населения страны — 9 600 000 (91.4%), в то время как помещики и члены их семей — 120 000 (1.1%). Если сопоставить количество книг, приходившихся на одну крестьянскую и на одну помещичью душу, учитывая, что у крестьян находилось лишь 2.6% всего книжного фонда, а у помещиков — 14%, станет ясно, что обеспеченность книгами крестьянского населения была в 415 раз меньше, чем дворян. Классовая ограниченность феодальной культуры прослеживается здесь достаточно отчетливо.

Важно также учитывать репертуар крестьянского чтения. Так, например, в собрании I крестьянам принадлежали следующие книги московской печати: 1) Апостолы, 1569, 1631, 1648 гг.; 2) Минея общая, 1650 г.; 3) Минеи служебные, 1619, 1625, 1642 гг.; 4) Октоих, 1618 г.; 5) Триодь постная, 1607 г.; 5) два Шестоднева, 1650 г.; 6) Часовник, 1653 г. В собрании II крестьянам принадлежали такие рукописные книги, как «Поучение Иоанна Златоуста», «Зерцало», «Торжественник». Только в IV собрании крестьянин Варзугской волости (южный берег Мурманского п-ова) Павел Титов «сын Щуки» владел Хронографом. По-видимому, основным чтением крестьян была религиозная литература.

Наконец, на предпоследнем месте стоит группа владельческих записей, сделанных слугами и дворовыми. Общественный статут этих лиц был всегда несколько двойствен. С одной стороны, они были близки к крестьянам, а с другой, непосредственно общаясь со своими господами, они могли получить от них какие-то крупицы знаний и в том числе освоить грамоту. Через руки этой группы, судя по записям в I, II и IV собраниях, прошло чуть больше 1% всех учтенных владельческими записями книг, а это в данной социальной группе говорит о большей

абсолютной насыщенности книгами, чем 2.6% у пашенных крестьян. Дворовых слуг было всегда на порядок меньше, чем пашенных крестьян, на труде которых держалось все феодальное общество.

Различие репертуара печатных и рукописных книг XVII в. приводило к тому, что читатели из разных социальных слоев проявляли выборочный интерес к рукописям и продукции печатного станка (табл. 3).

Т а б л и ц а 3
Отношение разных социальных слоев
к печатной и рукописной книге в XVII в.

Владельцы книг	Печатные книги (264)	Рукописные книги (248)
Церкви и монастыри	193 (43.8)	115 (31.4)
Духовенство всех рангов	89 (20.2)	130 (35.5)
Приказные, посадские	70 (15.9)	65 (17.8)
Феодалы всех рангов	71 (16.1)	41 (11.2)
Крестьяне	13 (2.9)	8 (2.2)
Слуги	5 (1.1)	4 (1.1)
Московский Печатный двор	— —	3 (0.8)
Итого	441	366

Примечание. Цифры перед скобкой — число владельцев, в скобках — % владельцев.

Церкви и монастыри отдавали явное предпочтение печатной книге. 44% печатных и только 31% рукописных книг прошло через их хранилища. Иначе и не могло быть, так как государственные и церковные власти настойчиво стремились обеспечить храмовые и монастырские библиотеки доброкачественной с православной точки зрения печатной богослужебной и четьей литературой.

В личном владении белого и черного духовенства оказалось больше рукописных, чем печатных книг (36 и 20%). Такое соотношение не совсем понятно, так как по тематике книги, принадлежавшие духовенству и церкви, в общих чертах совпадали. Возможно, объяснение заключается в том, что продукция московского Печатного двора в первую очередь поступала в библиотеки храмов и монастырей. По описям церковных библиотек XVII в. автором

данной статьи было установлено, что к концу столетия основная масса их книжного фонда была заменена новыми изданиями московского Печатного двора.¹⁷

Бояре, дворяне, князья и другие представители класса феодалов отдавали предпочтение продукции печатного станка (17% печатных книг против 11% рукописных), что вычислено нами по поступлению книг в клерикальные библиотеки от дворян.

Представители третьего сословия охотнее приобретали рукописные книги, среди которых чаще встречались сочинения светского характера. Крестьяне, читательские интересы которых удовлетворялись богословской четвѐй литературой, склонялись, правда с небольшим преимуществом, к печатной книге. Уловить специфику вкусов слуг и дворовых людей из-за ограниченности материала пока не удалось.

В заключение можно сказать, что владельческие приписки на книгах, обработанные статистическими методами, вносят много нового в осмысление историко-культурного процесса XVII в., в познание неповторимой человеческой личности допетровской эпохи.

Г. Н. Моисеева

А. И. МУСИН-ПУШКИН — ИЗДАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

Хорошо известно, что А. И. Мусин-Пушкин обладал собранием русских рукописей. Поэтому безусловный интерес представляет хотя бы частичное выяснение состава рукописей, хранящихся в его Собрании российских древностей.

Как сообщает сам А. И. Мусин-Пушкин в автобиографии, он начал собирать древнерусские рукописи в 1775 г.

¹⁷ Сапунов Б. В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 41.

в Петербурге.¹ Одним из крупных приобретений было собрание комиссара П. Н. Крекшина. В этом собрании были не только материалы к истории царствования Петра I, чем П. Н. Крекшин занимался всю жизнь, но и летописные источники. В числе их летопись XVI в. с подписью князя Федора Ивановича Кривоборского 1604 г. Ряд рукописей Мусину-Пушкину был подарен графом Г. И. Головкиным. Большой комплекс рукописей — ростово-ярославских по происхождению (в числе которых были автографы Дмитрия Ростовского, Самуила Миславского, Арсения Мадеевича) Мусин-Пушкин получил благодаря близкому знакомству с архиепископом Арсением Верещагиным, назначенным в 1787 г. в Ярославскую и Ростовскую епархию, дневник которого (две части его хранятся в ГПБ, а копия в Ярославском архиве), как уже отметил Г. Ю. Филипповский, проливает свет на тесные взаимоотношения архиепископа Ярославского и Ростовского с семейством богатейших ярославских помещиков, владельцев имения Иломна Мологского уезда.² В те годы Мусиным-Пушкиным был приобретен хронограф со «Словом о полку Игореве», хранившийся в Спасо-Ярославском монастыре.

По словам А. И. Мусина-Пушкина, в начале 90-х годов XVIII в. о его Собрании российских древностей узнала Екатерина II. Мусин-Пушкин пишет: «Ей угодно было видеть собранные им некоторые летописи и Крекшину принадлежавшие бумаги, которые с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя, а вместо того пожаловала ему несколько харатейных книг и древних летописей и бумаг, в кабинете ее находившихся, кои самой ей читать было трудно, и поручила ему из оных и из других древних книг обо всем, что до российской истории касается, делать выписки, дозволив искать всюду и требовать, что найдет для сего нужным».³ Так возник известный указ от 11 августа 1791 г. о назначении А. И. Мусина-Пушкина обер-проку-

¹ Записки для биографии графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Вестник Европы, М., 1813, ч. XXI, с. 82.

² Филипповский Г. Ю. Дневник Арсения Верещагина. (К истории рукописи «Слова о полку Игореве»). — Вестник МГУ, 1973, № 1, с. 66—67.

³ Записки для биографии... , с. 82.

ро́ром Синода с разрешением ему собрать в Синод рукописи и древние книги со всех церквей и монастырей России для розыска известий, к «российской истории относящихся».

А. И. Мусин-Пушкин чрезвычайно гордился своим редкостным собранием древних рукописей. Он охотно давал пользоваться ими. Так, например, И. Н. Болтин сообщал, что многие свои работы по истории писал исключительно на материалах «Собрания российских древностей Мусина-Пушкина».⁴

В 1792—1793 гг. в России находился чешский ученый Йосеф Добровский. Из Москвы он приехал в Петербург, где познакомился с обер-прокурором Синода А. И. Мусиным-Пушкиным. В письме к проф. Дуриху, посланном из Петербурга 23 марта 1793 г., И. Добровский писал о том, что в доме обер-прокурора собраны древнейшие русские рукописи, которые ему были показаны.⁵

В примечаниях к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин называет многие рукописи, полученные им от А. И. Мусина-Пушкина: «Пушкинский пергаменный Нестор» (Лаврентьевская летопись), «летопись Заецкого» (Софийская I), «летопись Кривоборского» (Владимирский летописец), «Костромская летопись» (Хронограф), пергаменная рукопись 1414 г. «Жития Владимира Святославича», двинские грамоты, Новгородские судные грамоты, пергаменный сборник XIV в. с «Русской Правдой», церковным Уставом Владимира I, Указом о местниках, Договором смоленского князя Мстислава Давыдовича 1228 г. с Ригюю.

Помимо этих рукописей, в Собрании российских древностей А. И. Мусина-Пушкина хранились и другие, не менее выдающиеся памятники, о которых мы узнаем из «Реестра имеющимся у господина тайного советника Синодального обер-прокурора и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина книгам, относящимся к истории российской». Документ этот хранится в ЦГАДА, в собрании Мусиных-Пушкиных.⁶ Из этого «Реестра» видно, что

⁴ Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793, с. 251—252.

⁵ Correspondence Josefa Dobrovskeho. Т. 1. Praha, 1865, p. 259, 266.

⁶ ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, д. 45, № 1—4.

в Синод были собраны из многих монастырских и церковных библиотек и московской Синодальной библиотеки редчайшие древнерусские рукописи. Достаточно назвать «Летописец российский преподобного Нестора» — пергаменную Лаврентьевскую летопись XIV в., полученную из новгородского Софийского собора.

А. И. Мусин-Пушкин был обер-прокурором 5 лет: с 1791 по 1797 г. Сколько всего рукописей им было получено, установить нам пока не представляется возможным. Но то, что даже из одних и тех же собраний рукописи поступали не один раз, можно полагать хотя бы на основании истории с пергаменной рукописью 1414 г., — с «Житием» Владимира I, которая ранее хранилась в собрании Воскресенского монастыря.⁷ Н. М. Карамзин ссылался на эту рукопись в примечании к 1-му тому «Истории государства Российского»: «Если бы Миллер видел Житие Владимира, харатейную рукопись XIII и XV века, хранимую в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина, то мог бы доказать, что самые русские или киевские государи именовались каганами: ибо так называется Владимир в Житии его».⁸ В Рукописном отделе БАН хранится рукописная копия 1816 г. сборника Мусина-Пушкина 1414 г. с «Житием» Владимира I (БАН, 24.4.41). Как предполагают, это список с копии, переписанной ранее А. И. Ермолаевым.⁹

Ф. Я. Прийма обнаружил в Канцелярии Синода очень интересный документ, относящийся к 1797 г. — времени, когда А. И. Мусин-Пушкин получил отставку с должности обер-прокурора Синода и вновь назначенный обер-прокурор кн. В. А. Хованский вынужден был потребовать от Мусина-Пушкина объяснения по поводу невозвращенных рукописей. В «Реестре, взятом в его сиятельству графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину по бытности его обер-прокурором святейшего Синода, относящимся к российской истории книгам, которые от него не возвращены», указан номер рукописи, краткое заглавие и место прежнего хранения.

⁷ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 24.

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. СПб., 1833, с. 57, примеч. 106.

⁹ Срезневский В. И. Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX века. СПб., 1893.

Из сопоставления двух реестров (1791 и 1797 гг.) ясно, что А. И. Мусин-Пушкин оставил себе многие ценные рукописи, взятые в Синод по указу 1791 г. Так, невозвращенными оказались: Хронограф в полдесть (из Синодальной библиотеки), «Повесть временных лет откуда пошла Русская земля в лист» (из Типографской библиотеки), Гранограф по 1687 год (из Кирилло-Белозерского монастыря), Хронограф (из Новоспасского монастыря), «Судебные статьи царя Иоанна Васильевича» (из Невской семинарии) и в числе еще многих других — «Летописец российский преподобного Нестора» из новгородского Софийского собора — пергаменная Лаврентьевская летопись XIV в., подаренная в 1811 г. А. И. Мусиным-Пушкиным в Петербургскую Публичную библиотеку.

Даже из этого обзора, только частично свидетельствующего, какие рукописи хранились в собрании А. И. Мусина-Пушкина, можно понять, что это было действительно уникальное собрание древнейших русских памятников. Отбирая рукописи для своего Собрания, он проявил себя как настоящий знаток, хорошо ориентирующийся в письменном наследии Древней Руси.

А. И. Мусин-Пушкин не только собирал ценнейшие рукописи, но, как уже говорилось выше, охотно давал их ученым. Когда в 1804 г. в Москве было открыто Общество истории и древностей российских, он, вступив в его члены, подарил Обществу несколько рукописей, дал для публикации Лаврентьевскую летопись и летопись кн. Кривоборского.

Библиотека Общества истории и древностей российских сгорела в московском пожаре 1812 г. А. И. Мусин-Пушкин снова подарил Обществу несколько летописей, находившихся в его ярославском имении Иломна. В 1813 г. он отдал Обществу драгоценный пергаменный сборник XIV в. с «Правдой Русской», который уцелел от гибели благодаря тому, что в 1812 г. был у П. П. Бекетова.

Но самая большая заслуга А. И. Мусина-Пушкина — издание великих памятников Древней Руси: «Слова о полку Игореве», «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха. А. И. Мусину-Пушкину принадлежит и ряд других изданий. Он опубликовал «Лексикон российский исторический, географический, политический и

гражданский» В. Н. Татищева (СПб., 1795), «Историческое разыскание о времени крещения великой княгини Ольги» Евгения Булгариса (СПб., 1792), «Книгу Большому чертежу» (СПб., 1792), «Историческое замечание о начале и местоположении древнего российского так называемого Холопя города», изданное в Москве в 1810 г., и «Русский временник», вышедший в двух частях в 1790 г. Но большинство названных памятников относилось к XVII—XVIII вв. «Русский временник» представляет собой выборку русских известий из Хронографа. Он не снабжен ни предисловием, ни комментарием. Публикация их могла быть осуществлена и без непосредственного участия самого Мусина-Пушкина.

Наибольший интерес для нас, естественно, представляет подготовленное им издание «Слова о полку Игореве», «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха. Заметим, что две рукописи из этих трех были пергаменные: Лаврентьевская летопись XIV в., в составе которой было «Поучение», и сборник XIV (получивший в науке название Пушкинского) с «Русской Правдой», Уставом Владимира о мостниках, Договором Смоленского князя Мстислава 1229 г. с Ригой и Готским берегом. «Слово о полку Игореве», как считает большинство исследователей, было переписано в начале XVI в. Все три памятника по времени возникновения относятся к древнейшему периоду русской истории — XI—XII вв.

Важно отметить и еще одно обстоятельство: А. И. Мусин-Пушкин и его петербургские друзья и помощники (И. Н. Болтин и И. П. Елагин) работали над этими тремя памятниками одновременно. В самом деле, Лаврентьевская летопись была получена из новгородского Софийского собора не ранее 1791 г., пергаменный сборник с «Русской Правдой» (по свидетельству хорошо осведомленного К. Ф. Калайдовича, — из Тихвинского монастыря) — также не ранее 1791 г., Хронограф со «Словом о полку Игореве», как об этом можно судить на основании описей Спасо-Ярославского монастыря, — в 1788 г. Следовательно, «разбор и переложение оные песни на нынешний язык», т. е. прочтение рукописи, в которой, по словам А. И. Мусина-Пушкина, сказанным в письме к К. Ф. Калайдовичу, «не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из

употребления»,¹⁰ было своеобразной школой, где он и его коллеги обучались «добираться до смысла» древнерусского памятника. Екатерининская копия «Слова» и его перевод с комментарием были подготовлены А. И. Мусиным-Пушкиным до апреля 1792 г. Доказательством этого является то, что здесь в тексте «Слова» не прокомментированы «ногата» и «резана». В печатном издании «Слова» дана ссылка на с. 18 издания «Русской Правды», подготовленного Мусиным-Пушкиным и Болтиным и вышедшего из печати в апреле 1792 г.¹¹ Если бы Екатерининская копия была сделана позднее этого времени, то эти слова были бы прокомментированы в соответствии с печатным изданием «Русской Правды».

Мы имеем возможность судить об этом, так как имеется аналогия с использованием «Родословника» Екатерины II. В переводе и комментарии, предпосланных Екатерининской копии «Слова», Мусин-Пушкин дает ссылки на рукописный «Родословник» Екатерины II, который он получил от статс-секретаря императрицы В. С. Попова (в ГПБ хранится письмо Мусина-Пушкина В. С. Попову при возвращении рукописи «Родословника»).¹² В «Поучении» Владимира Мономаха, изданном в 1793 г., дается ссылка на печатный «Родословник», который был опубликован как V часть «Записок касательно Российской истории» в 1793 г. Акад. Д. С. Лихачев уже отмечал, что и в «Слове», и в «Поучении» издателями графически одинаково передано непонятное ими слово «Кмети» («Къ мети»).

Характерные особенности приемов Мусина-Пушкина можно видеть и при изучении текста «Русской Правды», рукопись которой, как уже говорилось, избежала трагической участи Хронографа со «Словом». Пергаменный сборник юридических памятников второй половины XVI в. в малую четверть в настоящее время хранится в ЦГАДА (ф. 135, отд. V, рубр. № 1). Он переписан четким, круп-

¹⁰ Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Зап. и тр. ОИДР, ч. II. М., 1824, с. 36.

¹¹ Определение Синода о напечатании в здешней синодальной типографии книги Устав князя Ярослава Владимировича о судах или Русскую Правду в шестьсот экземпляров. — ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 73, № 34, л. 3 об.—4.

¹² ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4—5.

ным полууставом в сплошную строку. Статьи не выделены.

О рукописи «Русской Правды» издатели сообщают очень кратко: «Нашли мы в некоторых (рукописных книгах, — Г. М.) многие весьма древние сочинения, к обогащению нашей истории послужить могущие, и между ними, в шести разных книгах, Законы Ярославовы и Владимировы, в один состав соединенные, кои, дабы увидеть разность между списками, сводили мы один с другим, а равно и с изданными уже в свет, и нашли один из оных списков, на пергаменте, писанный весьма древним почерком, всех прочих полнее, который ныне и издается».¹³

Далее они пишут о принципах подготовки издания «Русской Правды»: «Текст законов точно так напечатан, как он в рукописи находится, без всякой перемены, не только в словах, ниже в одной букве; равно и статьи разделены так же, как и там, но прибавлены токмо числа главам и статьям для удобнейшего приискания мест, в случае ссылки на них. Где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учиненные, а в других списках оные слова находятся, те мы внесли в текст, без всякого усумнения; находящиеся ж в других списках отмены в словах и целых речах показали токмо в примечаниях».¹⁴

Проведенная мною работа по сопоставлению издания «Русской Правды» 1792 г., осуществленного А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Болтиным и И. П. Елагиным, с рукописным текстом ее источника — юридического сборника XIV в. — показала, что издатели привнесли значительные изменения в орфографическую систему и в содержание текста. Наибольшее количество добавлений сделано из Краткой редакции «Русской Правды», подготовленной в 1738 г. В. Н. Татищевым по «Летописи попа Ивана» — Академическому списку Новгородской I летописи младшего извода. «Русская Правда» была издана в 1786 г. в «Продолжениях Российской вивлиофики». Это издание «Русской Правды» В. Н. Татищева послужило

¹³ Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Изданы любителями отечественной истории. СПб., 1792, с. I.

¹⁴ Там же, с. VI.

источником для комментирования отдельных статей. Из текста Краткой редакции «Русской Правды» были внесены исправления и добавления в текст Пространной редакции, который находился в пергаменном сборнике XIV в. Поэтому опубликованный А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Болтиным и И. П. Елагиным текст «Русской Правды» отличается от своего источника, что дало основание С. Н. Валку выдвинуть предположение о том, что публикаторы в основание издания положили «не пергаменный Пушкинский, а Воскресенский список Русской Правды».¹⁵

Но то, что именно пергаменный список XIV в. и явился основой издания мусин-пушкинской «Русской Правды», подтверждается не только указанием в «Предисловии», но и свидетельствами участника издания И. П. Елагина, который писал о том, что он «тогда же о Владимировом I напоминал законе и вышереченный собранию предлагал Устав, но после то или отвергнуто или забвенно».¹⁶ «Устав великого князя Владимира Святославича о церковных судах» помещается в конце пергаменного сборника XIV в., который начинается «Русской Правдой». Издание «Русской Правды» 1792 г. Н. М. Карамзин сравнивал с пергаменной рукописью, принадлежащей А. И. Мусину-Пушкину, и написал в примечании, что «в печатном ... находятся неисправности, большей частью умышленные, то есть мнимые поправки».¹⁷

О пергаменном сборнике с «Русской Правдой», полученном А. И. Мусиным-Пушкиным из Тихвинского монастыря и изданном в 1792 г., говорит и хорошо осведомленный К. Ф. Калайдович.¹⁸ Очевидно, что в основу издания «Русской Правды» был положен текст пергаменного сборника. Но исправления, которые были в него внесены, действительно изменили его вид. Не имея возмож-

¹⁵ Валк С. Н. «Русская Правда» в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века. — Археогр. ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 143.

¹⁶ Елагин И. П. Опыт повествования о России. Кн. 1. М., 1803, с. 446—447.

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1833, с. 21—25, примеч. 65.

¹⁸ Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, с. 27—28.

ности охарактеризовать все исправления графики и текста в издании «Русской Правды», ограничусь кратким анализом первой статьи, которая названа издателями «Судъ о душегубствѣ».

В издании проведена систематическая замена графики согласно орфографическим правилам XVIII в.: произведено разделение слов и расставлены прописные буквы, знаки препинания, конечное «ъ» (убіеть вм. убьеть; будетъ вм. будеть, купецъ вм. купечь, тиінъ вм. тиунъ), «оже» и «ожели» передано «аже» и «аще». Добавлено 8 слов, почерпнутых из Краткой редакции «Русской Правды», изданной В. Н. Татищевым. В числе этих восьми слов — «ябетник». В примечании к этой статье издатели пишут: «Ябетник. Слова сего во всех списках Правды Русской, кроме Татищева, печатанного при Академии наук, нет, и которое сей достопочтенный муж признавает опискою, вместо „обѣтник“ или по договору служащий, то есть холоп; но мы основательные имеем причины от мнения сего устранимся, потому во-первых, что слово обѣтник в сказанном смысле никогда не употреблялось; во-вторых, что ни мало не прилично положить здесь холопа между людей свободных... И так вероятнее кажется принять звание ябетника».¹⁹

Итак, мы встречаемся здесь с теми же приемами передачи и комментирования текста, какие были охарактеризованы Д. С. Лихачевым при исследовании им издания «Поучения» Владимира Мономаха, подготовленного А. И. Мусиным-Пушкиным и кружком его петербургских друзей. Д. С. Лихачев пишет: «Сопоставляя мусин-пушкинское издание „Поучения“ с рукописным текстом „Поучения“ в Лаврентьевской летописи, нетрудно убедиться в том, что издатели довольно решительно приноровили текст „Поучения“ к орфографической системе церковно-славянской печати второй половины XVIII в. ... Во многих случаях то, что исследователи принимали за ошибки, было определенной системой передачи текста».²⁰

¹⁹ Правда Русская, с. 7—8.

²⁰ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII века. — ТОДРЛ, М.—Л., 1957, т. XIII, с. 68—69.

Эта система базировалась на представлениях, характерных для просветительской идеологии XVIII в. С точки зрения просветителей казалось естественным исправить ошибки в произведениях, возникших в далекую историческую эпоху, в памятниках, прошедших многочисленные переписки. Мы хорошо знаем, как исправляли ошибки летописцев В. Н. Татищев, И. С. Барков и М. В. Ломоносов при подготовке Кенигсбергской летописи, Г. Ф. Миллер в подготовке к печати Степенной книги, Н. И. Новиков при издании исторических источников в «Древней российской вивлиофике». Немецкий исследователь Конце писал о штудиях Лейбница над немецкими анналами: Лейбниц исключал отрывки, в которых расказывалось о чудесах, сокращая текст, где излагались идеи провиденциализма. «Очищение летописи Нестора», произведенное А. Шлецером, имеет ту же методологическую посылку.

Наиболее четко, пожалуй, эта идея «очищения текста» выражена И. Н. Болтиным в его «Критических примечаниях ... на первый том Истории князя Щербатова». Не соглашаясь с М. М. Щербатовым, который сетовал на то, что во многих летописях имеется искажение смысла, И. Н. Болтин писал: «Повреждение летописей, происшедшее от переписок, не столь есть велико, чтоб было трудно или невозможно его исправить; многие есть описки, из самых древних писанные с великою осторожностью и вниманием, и для того весьма мало погрешностей содержат, другие имеют их гораздо больше, понеже списываны нерадивыми невежами из найма; однакож и они, слича с первыми или несколько разных один с другим, удобно можно исправить; в том-то и состоит первоначальный и самый важнейший труд предприимлющего писать Историю».²¹

Вот именно эту работу и провели А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин и И. П. Елагин с «Русской Правдой», внося поправки на основании других списков и передавая текст в нормах грамматической и орфографической системы второй половины XVIII в.

Но подобное «исправление» текста древнерусского па-

²¹ Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793, с. 27.

мятника XII в. могло быть совершенно только с тем произведением, которое сохранилось в нескольких списках. В руках издателей «Русской Правды» их было 6. Но «Поучение» Владимира Мономаха было в одном списке в Лаврентьевской летописи, «Слово о полку Игореве» — в одном списке в Хронографе Спасо-Ярославского монастыря... Тут текст сравнивать было не с чем, можно было лишь приложить максимальные усилия, чтобы осмыслить его и передать в нормах современного правописания. Мы помним, что Мусин-Пушкин писал К. Д. Калайдовичу об отсутствии правописания в рукописи «Слова».

Этот этап работы над «Словом» и передает копия, приготовленная для Екатерины II, и перевод, снабженный историческими комментариями. Нужно учесть при этом еще и предназначенность копии и перевода «Слова» для императрицы, занимающейся русской историей, для которой готовились копии с древнейших рукописей, переписанные крупным, четким почерком по правилам орфографии XVIII в., потому что древние подлинники рукописи «самой ей читать было трудно», как писал Мусин-Пушкин. Поэтому Екатерининская копия имеет проясненные редуцированные буквы и только несколько случайно «проскочивших» слов, переданных в орфографии древней рукописи.

Возникает естественный вопрос: почему два из трех древнерусских памятника, над которыми одновременно работали Мусин-Пушкин, Болтин и Елагин, были опубликованы в 1792 г. («Русская Правда») и в 1793 г. («Поучение» Владимира Мономаха), а «Слово о полку Игореве» вышло из печати в декабре 1800 г.? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, но, думается, важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что «Русская Правда» и «Поучение» Владимира Мономаха были более ясны издателям с точки зрения их жанровой определенности: это были в основном памятники, связанные с деловой письменностью Древней Руси: «Правда Русская» — свод законов, «Поучение» — духовное завещание (ведь не случайно издатели и дали ему название «Духовная великого князя Владимира Всеволодовича детям своим, названная в летописи Суздальской Поученью»).

«Слово» же было совершенно неясно по своей жанровой принадлежности — песнь, поэма, в которой «виден дух оссианов». И более всего трудностей, как можно ду-

мать, вызывал текст древнерусского памятника. Проблема его возможно более точной передачи была особенно актуальной для Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского — сотрудников Архива Коллегии иностранных дел, для которых правильность воспроизведения исторического источника была непременным законом (достаточно посмотреть издание дипломатических актов Н. Н. Бантыш-Каменским). И именно в направлении работы над самым текстом «Слова» и велась подготовка его к печатному изданию. Исторический комментарий, как уже отмечено А. В. Соловьевым²² и как подтвердило наше исследование, претерпел весьма незначительные, в основном редакторские изменения. Не случайно поэтому, как известно со слов С. И. Селивановского, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский (московские соиздатели «Слова о полку Игореве») запрещали Мусину-Пушкину «помарывать», т. е. править корректуру. Д. С. Лихачев уже писал о том, что Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский опасались, что Мусин-Пушкин станет прибегать к тем приемам унификации, которые выработались у него при работе над изданиями древнерусских памятников в начале 90-х годов XVIII в.²³ Поэтому у нас есть серьезные основания полагать, что воспроизведение текста в издании «Слова о полку Игореве» в 1800 г. представляло собой новый этап издательской деятельности А. И. Мусина-Пушкина, характерной тенденцией которого было максимальное приближение к древнерусскому памятнику, и мнение Н. М. Карамзина, сравнившего издание с рукописью «Слова» и говорившего о точности этого издания (за исключением двух слов), заслуживает полного доверия.²⁴

То, что А. И. Мусин-Пушкин сделал достоянием нашей науки три уникальных памятника Древней Руси, раскрывших ее развитую художественную культуру, является его большой заслугой перед отечественной наукой.

²² Соловьев А. В. Екатерининский список и первое издание «Слова». — В кн.: Слово о полку Игореве в переводах конца XVIII в. Leiden, 1954, с. 5.

²³ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова...», с. 88.

²⁴ См.: Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 38—49.

ИЗДАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ КНИГИ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

В истории книги в России вторая четверть XVIII в. представляет собой особый период, отмеченный началом издательской деятельности Академии наук. В области перевода и издания переводной книги роль Академии также была велика.

После смерти Петра I интерес к французской книге упал, и лишь с начала 30-х годов XVIII в. наблюдается некоторое оживление в переводческой и издательской деятельности в этой области. В 1725—1750 гг. в России были переведены и напечатаны французские сочинения 18 названий. По своей тематике они распределяются следующим образом: история, политика, право — 4, философия, этика, педагогика — 3, художественная литература — 6, военное дело — 2, астрономия — 1, торговля — 1, математика — 1. Возросло по сравнению с первой четвертью XVIII в. издание исторических сочинений, и впервые в России начали издаваться произведения французской художественной литературы. Сохраняется вместе с тем интерес к книгам по военному искусству, появляются переводы сочинений по вопросам воспитания, астрономии и торговли.

Исторические сочинения были представлены трудами Шарля Роллена, Л. Ф. Марсильи, книгой «Описание о Японии», анонимным сочинением «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V». Перевод «Древней истории» Роллена, «Военного состояния Оттоманской империи» Марсильи, «Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе» был выполнен В. К. Тредиаковским, которому Академией наук было вменено в обязанность «переводить с французского на русский язык все, что ему дастся».¹

Известный французский историк и педагог Шарль Роллен (1661—1741) прославился у себя на родине своей

¹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1873, с. 43.

практической деятельностью и учебными трудами. Исторические работы Роллена («Древняя история», «История римская») отличаются изяществом слога, занимательностью, обстоятельностью изложения, хотя и не идут дальше добротной компиляции. Очевидно, все эти качества и особенно доступность и систематичность привлекли внимание Академии наук. Выполненный Тредиаковским перевод многотомного труда Роллена печатался в течение 13 лет, с 1749 по 1762 г.

В 1734 г. в типографии Академии наук была напечатана в переводе С. Коровина-Синберенина книга «Описание о Японе» Ж.-В. Тавернье, впервые знакомившая русского читателя с этим дальневосточным государством и объяснявшая причины антиевропейской политики японских императоров. В предисловии «К читателю» переводчик пояснил: «Сие описание острова Япона находится в „Taverniers Voyages“, которое не для того избрано, будто бы никаких других известий о Японе не было, но наипаче для того, что оно коротко да при том же еще и хорошо и, следовательно, Вам в прочтании скуки не учинит».

Придавая значение точности и тщательности переводов исторических сочинений, Академия наук пересылала некоторые из них на консультацию специалистам. Так она поступила с переводом книги Л. Ф. Марсильи «Военное состояние Оттоманской империи», переслав его на просмотр сначала русскому резиденту в Константинополе И. Неплюеву, а затем к сменившему его на этом посту А. А. Вешнякову.²

Среди произведений французской художественной литературы, изданных во второй четверти XVIII в., должны быть названы вышедшие в переводе В. К. Тредиаковского «Езда в остров любви» П. Тальмана и «Похождение Телемаха» Фенелона. Эти книги пользовались особым успехом у русского читателя исследуемого периода. В переводах Тредиаковского вышло также несколько музыкальных интермедий: «Влюбившийся в самого себя, или Нарцисс» А. Бельмура, «Больным быть думающий» и «Посадский дворянин» Сальви Антонио, «Сила любви и ненависти». «Езда в остров любви» занимает особое место не только в истории переводной французской литературы, но и

² Там же, с. 66.

в истории российской словесности. Это было первое напечатанное в России «мирское» литературно-художественное произведение, шедшее вразрез с привычной христианско-аскетической литературой, бытовавшей до сих пор.

Тредиаковский стремился донести до русского читателя все своеобразие и особенности незатейливого пасторального романа Гальмана. Большое значение он придавал языку перевода, выступая как реформатор русского литературного языка. Обращаясь к читателю, в предисловии к роману В. К. Тредиаковский писал: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славянщизны), что я оную пе славянским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». Особенностью издания были также приложенные к книге стихи Тредиаковского на латинском и французском языках, а также первый в России нотный лист «Песнь, сочиненная в Гамбурге».

Одной из наиболее читаемых переводных книг в России был роман Фенелона «Похождение Телемаха». Большинство сочинений Фенелона (Франсуа де Салиньяк де Ламот) было написано им в должности воспитателя наследного принца с педагогической целью. В них писатель рисует идеалы государственного управления и пытается с передовых позиций воздействовать на сознание монарха, воспитать достойного короля. «Похождение Телемаха» — главное его произведение, своеобразный политико-педагогический трактат, в котором воссоздан образ идеального монарха, лишь исполняющего законы своей страны.

В списках XVIII в. известен один и тот же прозаический перевод романа, первое издание которого вышло в 1747 г. в переводе А. Ф. Хрущова. Как известно, Хрущов был родственником и политическим «конфидентом» кабинет-министра при дворе Анны Иоанновны А. П. Волынского, с ним вместе он и был казнен по обвинению в государственной измене.

Французский язык использовался как посредник в ознакомлении русского читателя с произведениями европейской художественной литературы. В 1745 г. с французского перевода был осуществлен А. Г. Строгановым первый русский перевод «Потерянного рая» Мильтона. Трагедия А. П. Сумарокова «Гамлет» (1748 г.) представ-

ляет собой вольную переработку шекспировской драмы, сделанную по французскому переводу (пересказу) Де-Лапласа.

Три книги, переведенные во второй четверти XVIII в. с французского языка, посвящены вопросам воспитания и морали. Книгу «Истинная политика знатных и благородных особ» перевел В. К. Тредиаковский, полагавший, что ее автором был «славный оный Фенелон архиепископ». О содержании книги, ее направленности и, соответственно, пользе, которую могли извлечь из нее русские «знатные и благородные особы», достаточно красноречиво говорит «Оглавление правил», приложенное к переводу. Вот некоторые из этих «правил»: «быть добрым человеком», «почитать своих родителей», «повиноваться гражданским законам», «держаться токмо государя», «противу тех, которые дерзают хулить правительство», «противу начинателей возмущений и злых измышлений», «отдать министрам должную честь», «познать самого себя», «знать свойство века», «защищать добродетель», «о ссылке», «о смерти». Программа «Истинной политики...» соответствовала идее просвещенного абсолютизма, которая разделялась и Фенелоном — любимым автором Тредиаковского. Этим, очевидно, объясняется предположение о его авторстве. «Истинная политика...» пользовалась успехом у русского читателя. Об этом свидетельствует число переизданий (2-е — в 1745 г., 3-е — в 1765 г., 4-е — в 1787 г.).

«Грациан Придворный человек» испанского писателя Б. Грасиан-и-Моралеса (1601—1658) близок по своему характеру к предыдущему сочинению. Перевод был выполнен с французского издания 1702 г. секретарем канцелярии Академии наук С. С. Волчковым в 1739 г. Книга содержит своеобразный кодекс дворянской чести. Пропитанные скептицизмом XVII в. сентенции Грасиан-и-Моралеса исполнены благородства, вызывают к мудрости, честности, терпению, стойкости. Вот некоторые из них, сформулированные в виде афоризмов в разделе «Рекапитуляция или краткое повторение глав»: «Дела. Умной: Неохотно в них вступает. Лутче праздно быть, нежели худое делать. Лутче дело зделанное, нежели намеренное»; «Притворство. Ныне сия наука в наибольшем употреблении. Хитрость: наука власти»; «Фортуна. Долговременное благополучие: подозрительно»; «Ложь. Всякое желание человеческое ложно»; «Государь.

С государями надобно смело, однако ж с почтением говорить. Государь иначе любим быть не может, ежели подданных своих не любит»; «Мудрость: и мудрый. Мудрый применяется ко времени. Уметь жить в нынешних веках главное искусство»; «Молчание. Видя и слыша должно молчать»; «Правда. Она приносит ненависть». Кроме книги «Грациан придворный человек», С. С. Волчков перевел также популярное в России в XVIII в. сочинение аббата Бельгарда «Совершенное воспитание детей» (первое издание 1747 г.).

Русское общество второй четверти XVIII в. проявляло интерес к западноевропейской науке, к сочинениям французских натуралистов, о чем свидетельствует история книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», русский перевод и примечания к которой принадлежат Антиоху Кантемиру.

Выдающийся деятель русской культуры первой половины XVIII в., один из образованнейших людей своего времени, Кантемир был многими нитями связан с Францией, непосредственно общался с выдающимися французскими просветителями — Монтескье, Мопертюи, переписывался с Вольтером. Получив назначение посланником во Францию, Кантемир с честью представлял в ней интересы молодой Российской империи. В ознакомлении Франции с Россией, а России с Францией у Кантемира неоспоримые заслуги. В этом плане следует рассматривать и его переводческую работу. Не все, что было им сделано, дошло до нас. Так, не сохранился перевод «Персидских писем» Монтескье, с которым Кантемир был дружен.³ Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля — его самый значительный переводческий труд. Книга Фонтенеля для своего времени блестящее сочинение, в котором в популярной форме излагалось учение Коперника и Декарта. Вольтер писал Фонтенелю: «Вы умеете сделать приятными вещи, которые многие другие философы с трудом делают понятными».⁴

Над переводом книги Кантемир трудился около 10 лет, завершив его в 1730 г. Однако издание по цензурным при-

³ Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир. — Вестник ЛГУ, 1955, № 6, с. 55—78.

⁴ Цит. по: Шафрановский К. И. «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля в России. — Вестник АН СССР, 1945, № 5—6, с. 223.

чинам затянулось, и книга увидела свет лишь в 1740 г. Свой перевод Кантемир снабдил обстоятельными примечаниями фактического и исторического характера. Русская научная терминология в то время еще не была разработана, и это потребовало от переводчика создания новых терминов. Им впервые были введены в обиход такие понятия, как «плотность», «прозрачное» и «непрозрачное тело», «наблюдение», «начало». Некоторые неологизмы Кантемира не выдержали испытания временем: «звездозаконие», «имагинация», «словесница» (логика), «преестественница» (метафизика).⁵

Впервые в России в книге, написанной в научно-популярной форме и адресованной широкому читателю, пропагандировались новые идеи о мироздании, разрушавшие теологические представления, веками внушаемые церковью. Неудивительно, что выход в свет «Разговоров о множестве миров» вызвал резкое неудовольствие и злобные нападки обскурантов и мракобесов, противников сближения России и Запада. Директор Петербургской типографии М. П. Аврамов подал на имя Елизаветы Петровны челобитную, в которой утверждал, что из «Гюйгеновой и Фонтенеллевой печатных книжичиц сатанинское коварство явно суть видимо».⁶ Против книги Фонтенеля и других подобных изданий, «противных вере и нравственности», выступил в 1756 г. также Синод. Все же какой-либо высочайшей реакции на эти выступления не последовало, и в 1761 г. Академия наук выпустила второе издание «Разговоров о множестве миров».

Представляют интерес французские переводные издания по военному делу. Вопросам военного искусства большое внимание уделялось уже в Петровское время. Необходимость укрепления армии и обороноспособности государства осознавалась и в последующий период. Книги этой тематики, изданные во второй четверти XVIII в., представляют собой серьезные научные и технические трактаты.

Книга П. Сюрирея де Сен-Реми «Мемории или записки артиллерийские...» была переведена на русский

⁵ Райков в Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1947, с. 225.

⁶ Шишкин И. Михаил Аврамов — один из противников Петровской реформы. — Невский сборник, 1867, № 1, с. 424.

язык еще по повелению Петра I, а затем, выправленная В. К. Третьяковским, напечатана в типографии Академии наук в 1732—1733 гг. «к пользе артиллерийских армейских офицеров». Специально для ее издания был отлит особый шрифт — «артиллерийский». О ее содержании весьма полное представление дает титульный лист — аннотация: «Мемории или записки артиллерийския. В которых описаны мортиры, петарды, дощельякены, мушкеты, фюзели, и все что принадлежит ко всем сим орудиям, бомбы, каркасы и гранаты, и проч. Литье пушек, дело селитры и пороху; мосты, мины, кареты и телеги; и лошади, и генерально все, что касается до артиллерии. Так на море, как на сухом пути. Разноряжение магазинов, сочинение нарядов, и расположение их во время баталии. Способ оборонять крепости, и должность офицерская и проч.».

В 1744 г. в переводе И. Ремезова вышла «Книга об атаке и обороне крепостей...» Вобана. Русский перевод был сделан с рукописного (немецкого), выполненного в свою очередь с авторской рукописи, и потому он ближе к оригиналу, чем первое (голландское) издание труда Вобана. Из «Уведомления к читателю» мы узнаем, что в голландском издании отсутствует глава, «которая о пользе крепких мест толкует и которая в рукописи авторовой положена в самом начале, и есть у него первая». Ряд глав, которые в рукописи Вобана носили самостоятельный характер, в голландском издании были объединены, «и так и в иных многих, отчего в числе глав сего перевода с означенным голландским изданием необходимо различно последовать долженствовало: не упоминая о многих и великих погрешениях в самых чертежах онаго издания, которые произошли, может быть, от недовольного искусства копирователей». Книга Вобана — первое практическое руководство, изданное Сухопутным кадетским корпусом. По утверждению Столпянского, она послужила одним из толчков к созданию общественной кадетской типографии, деятельность которой развернулась уже во второй половине XVIII в.⁷

⁷ Столпянский П. П. Из прошлого Рыцарской Академии (К истории Первого кадетского корпуса). — В кн.: Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. Январь 1915. Пг., 1915, с. 42.

В 1728—1730 гг. была издана в переводе с французского языка книга Я. Германа и Ж. Н. Делиля «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России» (в переводе И. Горлицкого). В русском переводе (одновременно с их выходом на французском языке) печатались и другие сочинения академика Делиля. Так, в 1737 г. вышла речь — «Предложение о мерянии Земли в России...». Перевод был сделан Тредяковским. Однако не все переводы сочинений Делиля и других академиков увидели свет при их жизни. Так случилось, например, с брошюрой «Discours lu dans l'assemblée publique de l'Académie des Sciences par Mr de l'Isle avec la réponse de Mr Bernoulli» (СПб., 1728). Секретарь Президиума Академии наук Ф. Гмелин писал о ней Шумахеру: «Г. лейб-медик велел объявить, что его превосходительство (возможно, Остерман, к которому обращались по академическим делам, — *И. Б.*) не находит нужным печатать русский перевод речей г. Делиля и Бернулли».⁸ Рассуждения Делиля и Бернулли ставили под сомнение ортодоксальное учение церкви о мироздании. И если несколько лет спустя Шумахер тянул с печатанием книги Фонтенеля, то не приходится удивляться, что в начальный период издательской деятельности Академии наук публикация подобных трудов, предназначенных для широкой публики, вообще оказалась делом безнадежным.

Представляет интерес «Экстракт Савариева лексикона о коммерции», опубликованный в переводе С. С. Волчкова в 1747 г. Первое французское издание «Dictionnaire universel de commerce...» вышло в Париже в 1723—1730 гг. Автор словаря Жан Савари де Брюлон, главный инспектор парижской таможни, долгие годы вел записную книжку, в которую вносил свои личные наблюдения, а также то, что он почерпнул из литературных источников по вопросам коммерции. В результате возник целый лексикон сведений, подлинная энциклопедия мировой торговли с древнейших времен. Академия наук большое значение придавала точности перевода специальных терминов. Типографии было предложено «в наборе оной книги

⁸ Пекарский П. П. История имп. Академии наук. Т. I. СПб., 1870, с. 147.

сколько возможно остерегаться от погрешностей» и «печатанием того лексикона всемерно поспешать». К «Экстракту Савариева лексикона...» был приложен предметный реестр, составленный А. И. Богдановым.⁹

Все рассмотренные нами издания были напечатаны в типографии Академии наук. По существу история издания французской книги в России второй четверти XVIII в. связана с деятельностью этого вновь организованного научного центра страны. Создание Академии наук содействовало повышению интереса к французской литературе и науке, позволило русскому читателю приобщиться к ряду значительных произведений французских авторов. Роль Академии наук в переводе и издании французской книги в первый, начальный период ее существования неопределима.

Переводы французских сочинений, а также изданных на французском языке книг английских, немецких и других авторов осуществляли секретарь Академии наук С. С. Волчков, Антиох Кантемир, А. Ф. Хрущов, С. В. Коровин-Синберенин, И. Горлицкий, поручик Шляхетского кадетского корпуса И. Ремезов. Особенно активной была роль В. К. Тредиаковского. Ему принадлежали переводы таких редких и примечательных для своего времени книг, как «Езда в остров любви», «Древняя история» Ш. Роллена, «Военное состояние Оттоманской империи» Л. Ф. Марсильи и др. Этим он осуществлял свой девиз: «Да переводят, которые цветут из наших искусством языков, все, что преизряднейшее, все, что полезнейшее, все, что достойнейшее в чужих языках на наш российский язык».¹⁰

Вторую четверть XVIII в. в истории русско-французских книжных связей в области перевода и педагогической деятельности следует расценить как новый этап, создавший существенные предпосылки для бурного подъема интереса к французской культуре вообще и к книге в частности, характерного уже для второй половины XVIII столетия.

⁹ Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958, с. 114.

¹⁰ Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. II. СПб., 1849, с. 584.

М. В. ЛОМОНОСОВ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КНИГ
КАК СРЕДСТВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) выдвинул глубоко демократическую программу распространения просвещения и развития культуры в России. В стране, где просвещение являлось монополией дворянства, Ломоносов стремился распространить его вширь, дать просвещение всему народу. Основным средством просвещения Ломоносов считал книгу. В почти сплошь безграмотной России XVIII в. он видел будущее, когда «не токмо по губерниям, но по провинциальным и по уездным городам разойдутся и распространятся книги, а с ними учение и общенародное просвещение».¹ В связи с этим Ломоносов придавал большое значение методам организации книжной торговли в России.

До конца XVIII в. основным, а в 1728—1756 гг. по существу единственным в России учреждением, занимавшимся изданием и распространением книг гражданской печати, была Петербургская Академия наук. На всю страну она имела всего лишь две книжные лавки: в Петербурге с 1728 г. и в Москве — с 1749 г. В период 1749—1753 гг., например, ими было распродано около 64 тыс. экземпляров различных книг (в том числе около 46,4 тыс. — в Петербурге) на общую сумму около 25 тыс. руб. Напечатано же в типографии Академии наук в этот период было не менее 140 тыс. экземпляров различных книг (исключая периодические издания). Таким образом, сбыт изданий был сравнительно слабым, расходилось среди населения лишь около половины экземпляров издаваемых книг. К 1754 г. в книжных лавках скопилось более 110 тыс. экземпляров нераспроданных книг.² Ограничивая продажу книг лишь Петербургом и Москвой, эти книжные лавки не имели возможности обеспечить

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. (далее: ПСС). Т. 10. М.—Л., 1957, с. 261.

² Подсчеты сделаны автором по многим документам, хранящимся в ЛЮ Архива АН СССР.

распространение книг по всем губерниям, провинциям и уездам. Частных типографий при жизни Ломоносова в России еще не было.

В организации распространения книг среди населения Ломоносов находил не только средство непосредственного развития просвещения в России, но и один из источников финансирования научных исследований Академии наук, ее педагогической и культурно-просветительной деятельности, расширения ее книгоиздательского дела. Поэтому Ломоносова не могли не волновать слабый сбыт печатных изданий и низкие доходы академических книжных лавок.

Действительное положение дел в академической книжной торговле его времени Ломоносов хорошо знал. С присущей ему страстью Ломоносов решительно вскрывал недостатки в деле распространения книг, подвергал критике принципы, укоренившиеся в организации академической книжной торговли, боролся за рациональную ее реорганизацию. Он указывал на «долговременное печатание книг, высокие их цены».³ С фактами длительного нахождения изданий в типографском производстве Ломоносов как автор многих книг неоднократно сталкивался сам. Особенное же значение придавал Ломоносов удешевлению книг, что могло стать решающим фактором для значительного расширения путей их распространения.

На основании приведенных сведений о книжной торговле за период 1749—1753 гг. можно сделать вывод, что общий торговый оборот двух академических книжных лавок составлял в среднем около 5 тыс. руб. в год. Ломоносов же полагал, что в то время доход Академии наук от книжной торговли должен быть по крайней мере вдвое больше. «Имея одну типографию во всем государстве, могло бы много остаться суммы в 7 лет (с 1747 г., т. е. со времени утверждения академического устава, — *Д. Т.*): хотя бы 10 000, было б уже 70 000», — писал Ломоносов в 1755 г.⁴

Ломоносов боролся против бесконтрольности в использовании доходов от книжной торговли и в связи с этим доказывал: «Как за государственные доходы почитаются ... от казенных заводов и фабрик ... получаемые при-

³ ПСС, т. 10, с. 42.

⁴ Там же, с. 23.

были, равным образом и от академической типографии и книжной лавки и от других мастерств собираемые деньги суть действительно подобные доходы».⁵ При этом Ломоносов заботился исключительно об интересах науки и просвещения, для успешного развития которых требовалось увеличение их финансирования.

Ломоносов вникал и в ведение учета и отчетности в книжной торговле. Его огорчало то, что «книжная лавка, а особливо же иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых».⁶ Следует пояснить, что в 1758 г. академические департаменты были разделены в личное ведение между советниками Академической канцелярии М. В. Ломоносовым, И. И. Таубертом и Я. Я. Штелиным. Типография и книжные лавки попали под единоличную власть Тауберта и оказались подотчетными только ему. Тауберт вслед за этим присвоил себе право по личному усмотрению распоряжаться доходами от книжной торговли. На научную работу и на подготовку научных кадров отпускалось денег меньше, чем на «художества» и «ремесла», т. е. на вспомогательные учреждения Академии, и Ломоносов выражал несогласие с таким положением дел. Его возмущало, что Тауберт, «захвативши деньги от книжной лавки, кому хочет, тому и дает жалованье, что должно быть за общей судейской печатью»,⁷ т. е. должно решаться коллегиально всеми советниками Канцелярии. Ломоносов неоднократно требовал от Тауберта представления отчетов о деятельности подчиненных ему департаментов, в том числе типографии и книжных лавок, о их расходах и доходах.

Следует пояснить также, что академические издания на иностранных языках предназначались для сбыта не только в России, но и за границей. Вместе с тем в академических книжных лавках продавались не только издания Академии наук, но и иностранные книги, поступавшие от западноевропейских книготорговцев, в свою очередь состоявших комиссионерами Петербургской Академии по сбыту ее изданий в Англии, Франции, Голландии и в немецких государствах. В 1750 г. академическая книжная лавка в Петербурге была разделена на две само-

⁵ Там же, с. 257—258.

⁶ Там же, с. 235.

⁷ Там же, с. 235.

стоятельные. В одной из них стали продаваться только издания Петербургской Академии, в другой — лишь иностранные книги. В Московской книжной лавке продавались и те и другие издания, причем за пятилетие 1749—1753 гг., по нашим подсчетам, было продано в Москве не менее 1112 томов иностранных книг на сумму около 1620 руб.⁸

Ломоносов, разумеется, не был противником продажи в России иностранных книг, он был безусловным сторонником их распространения в стране. Но ученый считал, что Академия наук не должна заниматься посредничеством в распространении иностранных изданий.

«Торг заморскими книгами, — писал Ломоносов, — делает Академию биржею; сумма великая без знатной прибыли обращается, занимает напрасно время, наносит нареkanie и хлопоты...; от всего сего происходят лишние дела в Канцелярии».⁹ Такая характеристика едва ли нуждается в разъяснениях. Приведенные выше сведения о числе и стоимости проданных в Москве иностранных книг подтверждают, что «знатной прибыли» от этой продажи действительно не было.

Ломоносов неоднократно выступал против безудержного раздаривания книг «знатым персонам обоего пола». Его возмущало, что Шумахер и Тауберт обеспечивали свою карьеру, «президентов и других знатных особ улещая то подарением разных книг в хороших переплетах, грыдорованных листов, на что многие тысячи рублей истрачены, то дачею оных в долг из казенной книжной лавки, которых, чаятельно, много пропало».¹⁰ Ломоносов не преувеличивал, утверждая, что «подарки от канцелярии книгами... принесли казне несказанный убыток и всегдашней академической скудости были не последнею причиною и крайним препятствием обучению природных

⁸ Подсчет сделан по документам: ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 1079—1081, 1083. Восстановить финансово-статистические данные о продаже иностранных книг в Петербурге автору данных строк не удалось, так как в сохранившихся полностью документах Академической канцелярии никаких сведений об этом за 50-е годы XVIII в. не обнаружилось. Очевидно, это тоже подтверждает достоверность сообщения Ломоносова о том, что торговля в иностранной академической книжной лавке «производится без счетов, в Канцелярии видимых».

⁹ ПСС, т. 10, с. 27.

¹⁰ Там же, с. 45.

россиян».¹¹ Действительно, раздаивание множества книг значительно сокращало число их потенциальных покупателей, тем самым уменьшало доходы Академии наук и соответственно ее возможности финансирования Академического университета и гимназии.

Ни Петербургская, ни Московская книжные лавки не занимались продажей книг в других городах, или «заочной продажей», по выражению Ломоносова. Книжный рынок был очень узким, он ограничивался Петербургом и Москвой. В этом Ломоносов видел одну из основных причин недостаточного сбыта книг. По его свидетельству, ездить в столицы специально для покупки книг было «мало охотников». Ломоносов отмечал, что книжные лавки часто бывали закрыты, в связи с чем потенциальные иногородние покупатели книг, приезжавшие в Москву и в Петербург «за другими нуждами», попутно «не так свободно» могли купить книги. Кроме того, служащие книжных лавок, получавшие установленное годовое жалованье, не имели материальной заинтересованности в продаже как можно большего числа книг, а поэтому не стремились «приискивать книги из лени или из лакомства, чтобы с него (покупателя, — *Д. Т.*) взять дороже».¹² Ограниченность спроса на печатные издания Ломоносов объяснял также в значительной мере узостью сферы распространения и плохим качеством книготорговой библиографии и рекламы.

Такова в общих чертах ломоносовская критика существовавшей в Академии наук середины XVIII в. системы распространения книг. Он приходил к выводу, что из-за критикуемых им явлений в организации академической книжной торговли «происходит несказанная остановка в распространении книг и просвещения в государстве».¹³

Но Ломоносов не только отмечал недостатки, а вносил и позитивные предложения с целью перестройки системы книжной торговли и распространения книг в России, что являлось важной составной частью его просветительской программы. Его предложения не были оторваны от реальной действительности России середины XVIII в., а непосредственно исходили из его четких оценок существовав-

¹¹ Там же, с. 39.

¹² Там же, с. 261—262.

¹³ Там же, с. 262.

шего состояния и объективных возможностей организации книжной торговли и распространения книг в стране.

Первый по времени из подтверждаемых документами фактов непосредственного участия Ломоносова в обсуждении состояния и перспектив академического книжного дела отмечен в 1754 г. Позднее Ломоносов писал: «О исправлении типографии и книжной лавки... прошлого 1754 г. ... довольно мы рассуждали, однако все без успеху осталось».¹⁴ Имеется в виду обсуждение внесенного секретарем Академической канцелярии П. И. Ханиным (Ганиным) представления об упорядочении работы Академической типографии и книжной лавки.¹⁵ Ломоносов (так же как и Г. Ф. Миллер, Я. Я. Штелин, И. Д. Шумахер — каждый в отдельности) в письменном виде представил свое особое мнение о проекте Ханина. В мае 1754 г. эти документы были посланы президенту Академии наук К. Г. Разумовскому, находившемуся в Москве.¹⁶ У Ломоносова в 1758—1759 гг. хранилась или копия, или другой вариант его замечаний к проекту Ханина,¹⁷ но ни один из этих текстов нам не известен: они либо не найдены, либо не сохранились.

Как это было свойственно Ломоносову, его замечания к проекту Ханина, вероятнее всего, представляли собой оригинальный самостоятельный план реорганизации книгопечатания и книжной торговли Академии наук. С большой степенью вероятности можно полагать, что в замечаниях к проекту Ханина Ломоносов высказал в основном те же идеи, которые известны нам из других, более поздних его документов об организации книгопечатания и распространения книг.

Основные варианты плана переустройства академической книжной торговли Ломоносов изложил главным образом в проектах реорганизации Академии наук, которые он разработал после 1757 г., когда стал одним из руководителей Академии.

До 70-х годов XVIII в. в России не было частных типографий, но были, хотя и сравнительно малочисленные, мелкие частные книготорговцы, занимавшиеся оптовой за-

¹⁴ Там же, с. 42.

¹⁵ См.: ЛО ААН, ф. 21, оп. 1, № 24, л. 4—10.

¹⁶ Там же, ф. 3, оп. 2, № 88, л. 6—8 об.

¹⁷ ПСС, т. 10, с. 42.

купкой в казенных типографиях книг как церковной, так и гражданской печати и их перепродажей. Торговали они и старопечатными, а также рукописными книгами. В Москве, например, частная книготорговля издавна была сосредоточена возле Спасских ворот Кремля. Некоторые частники-книготорговцы продавали книги не только в Москве и в Петербурге, но и в губернских, провинциальных и уездных городах. Торговые операции этих книготорговцев были небольшими, но их деятельность имела определенное значение в развитии культуры. По мере развития в русском обществе капиталистических отношений частнопредпринимательская книжная торговля должна была постепенно становиться главным ее направлением.

Ломоносов едва ли не первым в России увидел большие перспективы организации частнопредпринимательской книжной торговли в деле распространения книг гражданской печати и стал ратовать за ее развитие. В этом особенно ярко проявился просветительский характер взглядов Ломоносова. В конкретно-исторических условиях России второй половины XVIII в., когда в недрах феодального строя исподволь формировались капиталистические отношения и складывался единый всероссийский рынок, частное предпринимательство в книжной торговле являлось единственно правильной, прогрессивной формой ее развития, так как в то время не было и не могло быть иных перспективных путей продвижения книги в народные массы, населяющие страну с громадной территорией.

Ломоносов вместе с тем стремился освободить Академию наук от отнимавших много времени и средств излишних нагрузок в хозяйственно-организационной деятельности, связанной с книгопечатанием и книжной торговлей, «дабы течению наук и ученому обществу покупками материалов, инструментов, продажей книг, перепискою с иностранными типографщиками для книжного торгу и прочих мелочных дел никакого помешательства не учинилось, каковое прежде искусством изведено».¹⁸ Ломоносов ставил перед Академией наук вопрос: «Нам ли ... печься больше о наживе, чем о науках, и предаваться купеческим

¹⁸ Там же, с. 155—156.

занятиям, тратя на это драгоценное время, и отвлекаться от своих прямых обязанностей?»¹⁹

В январе 1758 г. Ломоносов внес проект, по которому «что есть старых книг и все, что печатается, отдать на откуп доброму купцу с надлежащими процентами», т. е. предлагал всю продажу академических изданий передать частным предпринимателям. По мнению Ломоносова, с принятием таких мер «в Академии служителей, в Канцелярии хлопот и нареканий убудет; сумма типографская скорее обращаться станет, а книги в России — удобнее распространяться».²⁰ Наряду с этим Ломоносов рекомендовал Академии наук отказаться от несвойственного ее функциям посредничества в перепродаже в России иностранных книг, также передав ее в частные руки.

Усматривая в этих мерах финансовые выгоды для Академии наук и благоприятные условия для более широкого и быстрого распространения книг среди населения, Ломоносов ссылаясь на опыт западноевропейской книжной торговли, в то время уже развивавшейся по капиталистическому пути. Он говорил: «Нельзя указать примера, чтобы какая-нибудь знаменитая академия или университет, досадуя на книготорговцев за их доходы, стремилась перехватить их прибыль».²¹

В 1758—1759 гг. Ломоносов готовился составить проект нового академического устава и изложил план этого проекта. Один из разделов плана был озаглавлен «О содержании и поведении книжной продажи».²² Можно полагать, что если бы в то время проект устава был написан в соответствии с намеченным планом, то, несомненно, в основу его раздела о книжной торговле были бы положены принципы, сформулированные Ломоносовым в январе 1758 г.

План реорганизации книжной торговли на частно-предпринимательской основе был развит и аргументирован Ломоносовым в его записке «Мнение об академической книжной лавке в Москве», написанной в апреле 1763 г. Здесь нужно отметить следующее. Некоторые авторы полагали, что предложение об открытии академиче-

¹⁹ Там же, с. 119.

²⁰ Там же, с. 29.

²¹ Там же, с. 118.

²² Там же, с. 72.

ской книжной лавки в Москве внес в 1748 г. Ломоносов.²³ Эти сообщения ошибочны. Действительно, открытию в 1749 г. книжной лавки в Москве предшествовал цитируемый названными авторами написанный в 1748 г. рапорт канцелярии Академии наук в Сенат об этом, но Ломоносов не был к этому причастен хотя бы по той причине, что в то время он еще не был советником Канцелярии. Вероятнее всего, авторство этого проекта принадлежало И. Д. Шумахеру, еще в начале 30-х годов XVIII в. имевшему намерение открыть книжную лавку Академии наук в Москве.

Московская книжная лавка не оправдала тех надежд, которые Академия наук возлагала на нее. Установленная для Московской книжной лавки двадцатипроцентная надбавка к петербургской стоимости книг делала их чрезмерно дорогими. По этой, к тому же не единственной, причине покупателей книг было мало, и доходы книжной лавки из года в год оставались низкими. Содержать штат книжной лавки и помещения, оплачивать транспортировку книг становилось невыгодно, и был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе академической книжной лавки в Москве.

Ломоносов в своей записке 1763 г. предлагал «для вящей пользы академического книжного торгу» ликвидировать Московскую книжную лавку Академии наук, «продав все книги за настоящую цену», т. е. без наценки.²⁴ Петербургской академической книжной лавке он отводил роль крупного пункта для оптовой продажи книг частным книготорговцам: «Книжная продажа производится будет купцами по всем городам, кои имеют скупать книги из здешней лавки знатным числом экземпляров». Ломоносов полагал, что такая мера обеспечит широкое распространение книг по губернским, провинциальным и уездным городам, а вместе с книгами по

²³ Либрович С. Ф. История книги в России. Ч. 2. СПб., 1914, с. 148—150; Поршнев Г. И. История книжной торговли в России. — В кн.: Книжная торговля. М.—Л., 1925, с. 88; Рудометов И. И. М. В. Ломоносов и вопросы библиотечного дела и библиографии. — Библиотекарь, 1948, № 7, с. 32—35; Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 2-е. М., 1951, с. 52—53, и др. Ср.: Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9. СПб., 1897, с. 329—331.

²⁴ ПСС, т. 10, с. 263.

всей России распространится «учение и общенародное просвещение». По мнению Ломоносова, «будут книги по государству расходиться удобнее» благодаря тому, что «всякий купец, сняв несколько сот экземпляров по указанной цене, всячески будет стараться товар свой с рук сбыть скорее, довольствуясь умеренной прибылью, станет рассылать и развозить по городам, где у него есть торг или корреспонденты».²⁵

Ломоносов полагал также, что частные книготорговцы, заинтересованные в том, чтобы получить больше прибыли, будут стремиться больше продать книг. При этом «книги продаваться будут дешевле, затем что купец . . . ради скорейшего расхода барыша большого не наложит», так как «барыши не тем одним бывают велики, что берут много, но и тем, что не многую накладкою (не большой наценкой, — *Д. Т.*), а многим числом накладок». Иными словами, частные книготорговцы будут стремиться получить большой доход не за счет высокой стоимости книги, а за счет большего числа проданных книг при небольшой наценке на каждый экземпляр: «Что дешевле, то покупают больше». Ломоносов предполагал, что энергичный частный книгопродавец «будет ходить по домам и разносить по известным до книг охотникам». Более того, «вольный купец, который для своей собственной прибыли ничего не пропустит, заставит иногда старанием своим купить книгу того, кто бы и не думал».²⁶

По мнению Ломоносова, нужно было шире использовать книготорговую библиографию и рекламу как средство развития книжной торговли. В то время в «Санкт-петербургских ведомостях» регулярно печатались краткие объявления о вышедших из печати книгах. Ломоносов считал целесообразным наряду с указанием названия и цены новой книги печатать также «краткое содержание и оглавление всей книги», т. е. аннотацию. Специально для частных книготорговцев он советовал публиковать сообщения, что книга может быть продана «до половины тиража и больше охотникам оптом».²⁷ Тем самым реклама должна была способствовать развитию частной книготорговли и распространению книг.

Начиная с 1728 г. Академия наук регулярно выпу-

²⁵ Там же, с. 261.

²⁶ Там же, с. 262.

²⁷ Там же, с. 262—263.

скала печатные каталоги изданных книг. Ломоносов признавал полезным продвинуть книготорговые каталоги в провинциальные города. В 1735 г. и, возможно, в последующие годы торговые книжные каталоги посылались в провинции, но это были единичные случаи. Кроме того, посылка в провинции одних книготорговых каталогов без посылки на места книг для продажи приносила мало пользы. Ломоносов предлагал «сочинить каталог здесь находящимся российским книгам с настоящими ценами и, напечатав несколько сот экземпляров, разослать здесь в городе по знатым купцам, также в Москву и в другие города безденежно при ведомостном о том прибавлении, и продать охотникам столько, чтобы и для академической книжной лавки осталось, а с купцов взять обязательство, чтобы они здесь, в Санктпетербурге, оных книг не продавали».²⁸ Таким образом, по предложению Ломоносова, торговые книжные каталоги должны посылаться в провинциальные города не только для того, чтобы «в народ публиковать и в пристойных местах выставить», как это делалось в 30-е годы,²⁹ а чтобы, кроме того, заинтересовать выгодами перепродажи книг местных купцов, которые могли бы оптом закупать книги в Петербурге и перепродавать в своих городах.

Предложения, сформулированные Ломоносовым в январе 1758 г. и в апреле 1763 г., не были приняты. Петербургская книжная лавка осталась в ведении Академии наук без каких-либо изменений, а Московская по предложению Тауберта была сдана по контракту в «партикулярное содержание» бывшему синодальному певчему П. Волкову на условиях, мало выгодных для Академии наук. Условия этого контракта резко отличались от предложений Ломоносова. Эта мера не принесла ни увеличения доходов Академии наук, ни тем более успеха в распространении книг среди населения. Уже в 1766 г. Академическая комиссия вынуждена была признать, что сдача Московской книжной лавки в «партикулярное содержание» была принята «в отягощение общества и ущерб Академии».³⁰

²⁸ Там же, с. 263.

²⁹ См. в кн.: Академическая типография. 1728—1928. Л., 1929, с. 22.

³⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 298, л. 147—148.

Последнюю серию проектов реорганизации Академии наук Ломоносов написал незадолго до своей смерти — в конце 1764—начале 1765 г. В этих документах ученый выдвигал новые предложения по переустройству книгоиздательства и книжной торговли.

Руководствуясь интересами развития науки, Ломоносов предложил вывести из состава непосредственно Академии наук все ее департаменты, связанные с книжным делом, объединив их в самостоятельное крупное предприятие: «Типографию и книжную лавку отделить в особый корпус и учредить над ним особливую директорию и к ней присоединить Ведомостную экспедицию (редакцию газеты «Санктпетербургские ведомости», — *Д. Т.*) и гравировальное (граверное, — *Д. Т.*) художество».³¹ По убеждению Ломоносова, с выделением такого «корпуса» Академия наук освободилась бы от многих хозяйственных забот. Вместе с тем, по его мнению, книжные департаменты, получив коммерческую самостоятельность, не будут требовать дополнительных затрат, а «будут иметь свои доходы, на которые они могут содержаться с избытком», включая и финансирование для увеличения печатания и продажи книг.³²

Наряду с этим проект Ломоносова предусматривал, что типография, выделенная из состава Академии наук, будет издавать академические труды в первую очередь. В соответствии с этим проектом «академические издания должны ... в свет издаваться и продаваться на академическом коште, а получаемые в книжную лавку от продажи деньги отдавать в Академию наук». В результате, как считал ученый, «Академическое собрание от типографских забот освободится и от сочинений своих будет получать прибыль, также и книжное дело имеет приобрести свои выгоды себе на содержание».³³

В проектах 1764—1765 гг. Ломоносов не указал, что книжной лавкой должен весть частный книгопродавец. Очевидно, не получив поддержки этой своей идеи, высказанной в 1758 г., он в дальнейшем не выдвигал такого предложения. Но в проектах 1764—1765 гг. Ломоносов снова предусматривал обоснованную им в 1763 г., более

³¹ ПСС, т. 10, с. 166.

³² Там же, с. 132.

³³ Там же, с. 164.

широко и четко налаженную в сравнении с эпизодически практиковавшейся организацией оптовой продажи книг частным книгопродавцам. Он предлагал продавать книги «порознь или оптом купцам повольною ценою, чему всему быть в смотрении академического казначея и в ведомстве Академического собрания».³⁴ Из всего этого следует, что Академия наук, по проекту Ломоносова, должна была осуществлять контроль за продажей академических изданий. Здесь же приведено новое предложение Ломоносова о том, что цены на книги должны устанавливаться в зависимости от спроса на них. Нет необходимости доказывать, что если бы был установлен такой порядок в книжной торговле, то он привел бы к значительному успеху в распространении книг среди населения и вынуждал бы постоянно расширять книгопечатание.

Ломоносов был глубоко уверен в том, что осуществление предлагавшихся им мероприятий обеспечит широкое распространение книг по всей России и двинет вперед дело общенародного просвещения. Но при жизни Ломоносова его предложения о реорганизации книжной торговли не были приняты. В конце 60-х годов XVIII в. Академия наук пыталась организовать продажу своих изданий в губерниях и провинциях,³⁵ но не строго на тех принципах, какие предлагал Ломоносов, и попытка эта в целом не совсем удалась.

Идеи Ломоносова о путях распространения книг по всей России, о принципах организации книжной торговли были реализованы после смерти великого ученого и просветителя. Большую роль в этом сыграла книгоиздательская и книготорговая деятельность выдающегося русского просветителя и писателя-публициста Н. И. Новикова. В России XIX в. книжное дело также развивалось в основном по тому пути, который в середине XVIII в. указал Ломоносов, но развивалось по этому пути вне сферы Академии наук, значительно сократившей к тому времени свои просветительные функции.

³⁴ Там же, с. 155—156.

³⁵ См.: Ш а м р а й Д. Д. Продажа в губернских и провинциальных городах Академией наук своих изданий. (1767—1769). — Тр. Ин-та книги, документа, письма. Вып. 5. Исследования и материалы по истории книги в России. М.—Л., 1936, с. 136—158.

КНИГА В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ 1760—1790-х гг.
ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Культурный подъем, вызванный Петровскими реформами, сравнительно слабо затронул в первой половине XVIII в. русскую провинцию, за исключением Киева, Риги, Ревеля и некоторых других пограничных и портовых городов. Правда, уже тогда в провинциальной глуши нередко можно было встретить любителей и знатоков книги. Из года в год пополняясь классическими сочинениями и последними литературными новинками, их книжные собрания становились форпостами культуры среди местного населения, предметом удивления, а потом и подражания. Важную роль в деле просвещения русской провинции сыграли первые библиотеки общественного пользования, возникшие при епархиальных духовных училищах.¹ Естественно, что доступ в эти книгохранилища получили далеко не все любознательные провинциалы. Репертуар чтения большинства из них по-прежнему ограничивался традиционной рукописной книгой, религиозно-назидательными трактатами столетней давности и кустарными лубочными изданиями.

Эпоха «просвещенного абсолютизма» ознаменовалась серьезными политическими, экономическими и культурными сдвигами в жизни русской провинции. Воспользовавшись знаменитым указом о «вольности дворянства», сотни гражданских и военных чиновников после 1762 г. оставили государственную службу и навсегда переселились в свои родовые усадьбы. Духовное и интеллектуальное влияние этих вчерашних горожан, сохранивших тесную связь со столицами, на провинциальное общество привело к серьезным переменам в его патриархальном, устоявшемся за века жизненном укладе. Не менее важным событием для русской провинции была осуществленная правительством Екатерины II в 1770—1780-х годах административная реформа. Настоятельная потребность

¹ См. о выписке книг из Петербурга тобольским губернатором Д. И. Чичериным в 1767 г. для открытой там «латинской» школы (ЛЮ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 309, л. 9).

в компетентных, широко образованных людях, способных достаточно гибко и оперативно выполнять на местах распоряжения центральных правительственных учреждений, способствовала быстрому росту провинциальной интеллигенции.

Долгое время потребности провинции в высококвалифицированных специалистах удовлетворялись исключительно за счет выпускников столичных учебных заведений и приехавших в Россию на заработки иностранцев. К сожалению, выписанные из столиц чиновники, врачи и учителя плохо «укоренялись» на чужой почве. Отслужив положенный срок, они, как правило, уезжали доживать свой век в более цивилизованные края.

Школьная реформа 1780-х годов, при всей ее сословной ограниченности, явилась важной вехой в истории отечественного просвещения. В августе 1786 г. Екатерина II послала в провинцию 100 учителей и 25 небольших библиотечек для открывающихся там главных народных училищ.² Однако, расчетливо оплачивая первоначальную подготовку будущих гражданских и военных чиновников, императрица не проявляла подлинной заботы об их приобщении к важнейшим достижениям современной культуры с помощью столь надежных проводников просвещения, как публичные библиотеки, типографии и книжная торговля.

Судя по сохранившимся источникам, первые попытки удовлетворить запросы и нужды провинциального читателя были предприняты не правительством, а местными учеными и меценатами. Весной 1778 г. Тульский приказ общественного призрения получил в дар от священника Никитской церкви Гавриила 400 книг с тем условием, чтобы каждый желающий мог пользоваться ими.³ Восемь лет спустя его примеру последовал нижегородский чиновник Х. Х. Граве, пожертвовавший местному народному училищу более ста книг «на голландском, латинском, французском, немецком и российском языках».⁴

² ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 1, д. 3901, л. 279 об. 12 февраля 1785 г. Екатерина II повелела выплатить Академии наук 128 руб. за разосланные два года назад на ее счет провинциальным Приказом общественного призрения 1600 экз. Российской азбуки (там же, д. 3900, л. 95).

³ Санктпетербургский вестник, 1778, ч. 1, май, с. 420.

⁴ Московские ведомости, 1786, № 91, 14 ноября, с. 791.

В дальнейшем расширение библиотечной сети русской провинции шло главным образом за счет ведомственных и школьных библиотек, что, естественно, сужало круг их потенциальных читателей.

Мода на «просвещение», воцарившаяся при петербургском дворе с приходом к власти Екатерины II, сделала библиотеку необходимой принадлежностью каждого богатого дома. Однако книжная торговля в провинции еще только зарождалась. «Живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы, — горько сетовал Н. И. Новиков со страниц «Живописца» в 1773 г., — лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу... Продающаяся в Петербурге книга по рублю доходит туда... в три рубли, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются».⁵

Равнодушие правительства к духовным нуждам провинции, недооценка ее огромных потенциальных возможностей как основного потребителя продукции отечественных типографий пагубно отразились на доходах крупнейших государственных и научных учреждений страны. Ревизии, проведенные в 1760—1770-х гг. во многих казенных типографиях Петербурга и Москвы, вскрыли поистине опеломляющие факты затоваривания складов книгами. Надежда возместить убытки за счет покупателей-провинциалов побудила типографское начальство искать содействия своим начинаниям у местных чиновников и купцов. Инициатором освоения провинциального книжного рынка выступил директор Петербургской сенатской типографии, видный литератор и переводчик С. С. Волчков, предлагавший в декабре 1763 г. столичным и заезжим торговцам оптовые партии книг с большой уступкой «для развозу их по городам и провинциям на продажу».⁶ Можно не сомневаться, что желающих торговать сенатскими изданиями нашлось в избытке.

⁵ См.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.—Л., 1951, с. 442. В Отделе редкой книги БАН (шифр: 1780/138) сохранилась книга «Городской и деревенский садовник» (М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1780) с владельческой пометой на форзаце: «Из книг Михаила Захарьина, № 59. Куплена в Ярославле, 1784-го года. Заплачено 1 руб. 30 коп.». В Москве она стоила дешевле — 90 коп. (см.: Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. М., 1946, с. 109).

⁶ Санктпетербургские ведомости, 1763, № 104, 30 декабря.

Монополизировав печатание газет, указных книг и календарей, необходимых любой, самой захудалой провинциальной канцелярии, Сенат и Академия наук обеспечили себе поистине неиссякаемый источник доходов.

Успешное распространение в провинции «Санктпетербургских ведомостей» и календарей, по-видимому, и натолкнуло директора Академии наук В. Г. Орлова на мысль сбыть провинциалам книжные «залежи», скопившиеся в академических магазинах. 27 ноября 1766 г. он обратился ко всем губернаторам с циркулярным письмом, в котором просил «приискать честных и надежных людей, кои бы с Академиею вступили в обязательство продавать книги». Задуманная им операция на первый взгляд представлялась весьма выгодной для будущих комиссионеров Академии наук. Купцы получали по 1 коп. с каждого проданного ими календаря и 10% выручки за остальные академические издания. Взамен этого от них требовалось продавать книги по твердо установленным «петербургским» ценам. Характерно, что опытный коммерсант, заведующий Академической книжной лавкой С. В. Зборомирский весьма скептически отнесся к этому проекту. Ссылаясь на свои многотрудные обязанности, он просил Орлова освободить его от «счетов и переписок» с местными книготорговцами, ибо предвидел впереди одни лишь хлопоты и осложнения.⁷

Время подтвердило худшие предсказания Зборомирского. Книги оказались непривычным, а к тому же далеко не прибыльным товаром для провинциального купечества. Два года торговли изданиями Академии наук принесли ее нижегородскому комиссионеру Алексею Краснову доход 2 руб. 97 коп.! Естественно, что такая «прибыль» никак не устраивала русских предпринимателей, с помощью ростовнических операций за тот же срок удваивавших первоначальный капитал. Широко задуманная Орловым кампания провалилась.

Более десяти лет академическое начальство не принимало никаких новых попыток самостоятельно проникнуть на провинциальный книжный рынок. В декабре 1779 г. известный впоследствии историк и цензор, а в то время мелкий глуховский чиновник Ф. О. Туманский по своей инициативе вознамерился открыть там лавку, ко-

⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 302, л. 186.

торая бы «снабдевала» всю Украину «потребными книгами безостановочно». Судя по письмам Туманского в Академию, местные любители чтения столь горячо «жаждали, требовали и нетерпеливо ждали» последние литературные новинки, что это позволяло ему надеяться на «хороший расход» книг. Давнее знакомство с Туманским, запросившим себе за труды весьма умеренные коммиссионные, побудило нового директора Академии наук С. Г. Домашнева энергично поддержать этот проект. Наученная горьким опытом, академическая комиссия пыталась воспрепятствовать посылке книг на Украину. «Подобные предприятия, — гласил ее приговор, вынесенный на заседании 24 февраля 1780 г., — по всем губерниям испытаны были уже и прежде, но желательного успеха не произвели, и Академия по причине понесенного ущерба принуждена была оные оставить».⁸ Домашнев не пожелал прислушаться к совету своих подчиненных.

Как выяснилось вскоре, представления Туманского о емкости украинского книжного рынка были явно преувеличенными. За три года (1781—1783) ему удалось продать немногим более $\frac{1}{4}$ книг, присланных из Петербурга, в результате чего первоначальный энтузиазм глуховского книготорговца угас. Все попытки княгини Е. Р. Дашковой, сменившей Домашнева в должности директора Академии наук, воздействовать на нерадивого коммиссионера посулами и угрозами ни к чему не привели. 18 декабря 1783 г. Туманский отказался «по слабости здоровья» от дальнейшей продажи академических изданий.⁹

Преемники Туманского — черниговский войсковой товарищ Детьян Леонидов и купец Колодыкевич, по-видимому, не раз пожалели о том, что решились на это сомнительное предприятие. За пять лет Академия наук получила от них 300 руб., а потому была готова на любые уступки, лишь бы «весь товар с рук сошел без дальней для казны потери». Оптовых покупателей на академические издания так и не нашлось. Потерпев неудачу на

⁸ Там же, оп. 6, д. 256, л. 9 об., 145, 150, 152.

⁹ После подведения счетов с Академией наук Туманский заплатил ей 4 февраля 1786 г. 191 руб. 34 коп. (выручка 57 руб. 71 коп., из которой 24 руб. ушли на аренду лавки!) за утраченные при перемещении с места на место книги (там же, л. 83—103, 106 об., 107—109, 112—113).

Украине, Академия наук вплоть до начала XIX в. больше не вступала в деловые контакты с провинциальными книготорговцами.

Проблема затоваривания складов печатной продукцией остро волновала не только Академию наук, но и Московский университет. Поэтому университетская типография, узнав о попытках Орлова найти новые рынки для сбыта академических изданий, тут же задумала организовать в провинции широкую сеть своих постоянных комиссионеров. Казалось бы, у московских издателей не было никаких оснований ожидать особых выгод от такой торговли. Созданный летом 1762 г. при казанской гимназии филиал университетской книжной лавки влачил довольно жалкое существование, пока его не сожгли пугачевские отряды.¹⁰ И все-таки соблазн пополнить оскудевшую казну оказался сильнее сухих бухгалтерских расчетов. С 1768 по 1777 г. Университет разослал в губернские, провинциальные и воеводские канцелярии книги общей стоимостью 19 139 руб. 29 коп. Те в свою очередь передали их для продажи почтмейстерам, мелким чиновникам, а кое-где — купцам и на этом успокоились. Итоги почти девятилетней книжной торговли в провинции университетскими изданиями были явно неутешительными. За эти годы местным комиссионерам удалось реализовать чуть больше $\frac{1}{3}$ книг. Хорошо шла торговля в старинных культурных гнездах русской провинции (Слободско-украинская, Киевская, Казанская и Смоленская губернии, Галичская, Вологодская, Пензенская и Арзамасская провинции). Большой спрос на университетские издания в Иркутске наглядно свидетельствовал о росте числа сибирских книголюбов. Однако цитадель крепостничества — черноземные губернии — и старообрядческий Север еще долго оставались белыми пятнами на карте русского просвещения. Как свидетельствуют сохранившиеся до наших дней материалы, канцелярия Московского университета приняла самые энергичные меры для распродажи книжных «залежей» в провинциальных городах. К январю 1786 г. в университетскую казну поступило

¹⁰ С января по июль 1763 г. заведующий лавкой бухгалтер Иван Давыдов продал первый том «Римской истории» Ш. Роллена (СПб., 1764) и несколько учебников на сумму 8 руб. 65 коп., а также принял подписку на 3 экз. «Московских ведомостей» (ЦГА Татарской АССР, ф. 87, оп. 1, д. 10002, л. 29—31).

уже более 12 тыс. руб.¹¹ Повышение спроса на книги с издательской маркой Университета было вызвано не столько улучшением форм и методов их сбыта, сколько общим ростом культурного уровня русских провинциалов. Не случайно, что наивысший пик торговли старыми университетскими изданиями приходится на годы энергичной просветительской деятельности Н. И. Новикова.

Возникновение первых провинциальных типографий в России относится еще к началу 1760-х годов. Характерно, что все попытки правительства и местных губернаторов завести казенные полиграфические предприятия в Астрахани, Кременчуге, Харькове, Твери и Иркутске, как правило, заканчивались неудачей. Екатерининский указ о «вольных» типографиях 1783 г., открывший доступ частному капиталу в эту важную отрасль отечественной промышленности, побудил нескольких предприимчивых купцов и чиновников употребить свои средства и энергию на просвещение сограждан с помощью печатного станка. Основным источником доходов этих предприятий несомненно были казенные заказы на печатание деловых бумаг местных учреждений, правительственных указов и манифестов, прејскурантов, афиш и других «летучих» изданий. Тем не менее типографии некоторых губернских центров в конце XVIII в. регулярно выпускали в свет полезные для общества книги и даже периодические издания. Торговля первенцами провинциальной печати оказалась чрезвычайно сложным и не слишком прибыльным занятием. Доходы типографии Курского приказа общественного призрения за первый год ее существования (1792) составили всего лишь 29 руб. Не лучше обстояли дела и в других городах.

Открывая 5 апреля 1789 г. первую в Сибири тобольскую типографию, ее владелец — богатый купец и фабрикант В. Д. Корнилов взял на себя чисто технические функции по обслуживанию издательской деятельности местного Приказа общественного призрения. Выбор книг для печатания, их сбыт и расчеты с авторами обеспечивало губернское начальство. Последнее обстоятельство обусловило специфически принудительный характер распространения книг, напечатанных Корниловым. Посредниками между типографией и потенциальными потреби-

¹¹ ЦГАДА, ф. 359, оп. 1, д. 4, л. 1—3, 4—23.

телями ее продукции — местными чиновниками, «купецкими, мещанскими и сельскими обществами» были избраны облеченные широкими полномочиями вершители судеб русской «глубинки» — городничие и коменданты, земские исправники и волостные судьи. С помощью этих не слишком разборчивых в средствах служаек Приказ успешно реализовал весь тираж (по 300 экземпляров) двух популярных брошюр тобольского врача И. Петерсена, а также книгу местного агронома Н. Шукшина «Нужнейшие экономические записки для крестьян» (1794), несмотря на их высокую продажную цену. Исполнительные чиновники проявили редкую изобретательность, выполняя «разнарядку» по продаже вверенных им книг. Как видно из сохранившихся отчетов, Енисейский земский суд рассылал брошюры Петерсена «посредством нарочно» отправленных «в округу казаков», а тюменский исправник Иван Угримов взыскивал деньги за книги «с состоящих в округе волостей из общественной крестьянской суммы».¹²

Непомерно дорогие, выполненные на низком полиграфическом уровне провинциальные издания не могли конкурировать на общероссийском книжном рынке с продукцией крупнейших столичных типографий. Местных же любителей чтения было еще так мало, что тираж книги в 300 экземпляров с трудом расходился за несколько лет. В этих условиях все попытки организовать сбыт провинциальных изданий на чисто коммерческой основе неизбежно заканчивались крахом. Лучшим примером тому может служить судьба путивльского мещанина, владельца книжных лавок в Курске (1787 г.), Туле, Орле и Калуге Петра Егоровича Котельникова.

Начав дело практически с нуля, предприимчивый курянин довольно скоро нажил себе небольшой капитал, состоявший преимущественно из книг столичной и провинциальной печати. Эти книги были переданы им со скидкой 25% Калужскому приказу общественного призрения, пригласившему Котельникова летом 1793 г. организовать на паях крупное издательско-книготорговое предприятие. По условию договора Приказ завел в Калуге типографию на два печатных станка, выписал для нее из Москвы рабочих, а также подыскал несколько сто-

¹² Архив ЛОИИ, ф. 238, оп. 2, № 293/6, л. 2; № 293/5, л. 4 об.

ворчивых и трудолюбивых литераторов, готовых за умеренную плату регулярно поставлять издателям оригинальные и переводные сочинения, «какие им только заблагорассудится». Со своей стороны, Котельников, оставив калужскую лавку на попечение сидельца, взялся развить напечатанные в Компанейской типографии книги для продажи и обмена с другими издателями «по ярмаркам и разным городам». Все расходы и прибыли от типографии и книжной торговли распределялись между компаньонами поровну.

Первое время все участники соглашения честно выполняли принятые на себя обязательства. Однако не прошло и двух лет, как их предприятие обанкротилось. Высокие продажные цены и бедность ассортимента обусловили слабую реализацию калужских изданий. Лишившись последней надежды вернуть вложенный в них капитал, Котельников бежал весной 1795 г. из Калуги, взяв с собой наиболее «расхожие» книги (свыше пятисот названий) на сумму 3819 руб. 65 коп., а также деньги, отпущенные ему местническим правлением для покупки сборников указов. Местные власти не раз пытались вернуть беглеца назад, но Котельников, по-видимому, решил раз и навсегда обосноваться в Москве, где вел «жизнь невоздержанную», проматывая остатки своего состояния. Тем временем калужская типография пришла в полный упадок. У Приказа не было ни копейки денег на покупку бумаги, плату рабочим и гонорары переводчикам, поэтому, напрасно прождав до марта 1797 г. каких-нибудь известий от Котельникова, местническое правление распорядилось продать с аукциона типографское оборудование и остатки книг.¹³

Печальный конец крупнейшего провинциального книготорговца нельзя объяснить только случайным стечением обстоятельств. Редко кому из братьев Котельникова удавалось в те годы, благополучно завершив дела, доживать свои дни в покое и достатке. Как свидетельствуют сохранившиеся до наших дней материалы, торговля книгами являлась тогда для купцов чаще всего лишь побочным промыслом. Многие из них, отправляясь на ярмарки и в деловые поездки по провинциальным городам, охотно брали у издателей или авторов для продажи несколько

¹³ ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 229, д. 68, л. 1—5.

десятков духовно-назидательных книг, завлекательных рыцарских романов, сонников и лечебников. Естественно, что масштабы этой торговли были незначительными, а доходы — мизерными. «Стационарные» книжные лавки время от времени появлялись только в крупных губернских центрах, но и они, просуществовав год—другой, бесследно исчезали, чтобы возникнуть много лет спустя под другой фирмой.

Подлинным создателем книжной торговли в русской провинции был Н. И. Новиков. С первых же дней работы в Университетской типографии он поставил дело на широкую ногу. Новиков «торговал книгами, — писал о нем Карамзин, — как богатый голландский купец торгует произведениями всех земель, то есть с умом, с догадкой, с дальновидным соображением».¹⁴ Стремясь сделать книгу непременным атрибутом быта соотечественников, постоянной спутницей их трудов и досуга, московский издатель неутомимо изыскивал все новые и новые способы к ее удешевлению. Успехи, достигнутые Новиковым в этом направлении, позволили ему завязать прочные деловые отношения со многими книготорговцами. Оптовым покупателям он предоставлял большую скидку (15—30% вместо академических 10—14%) и рассрочку платежей на год. Дешевые, разнообразные по содержанию, скромно, но со вкусом оформленные новиковские издания долго не залеживались в лавках предприимчивых купцов.

Оживление книжной торговли в столицах не замедлило благотворно сказаться на положении дел в провинции. Там, где потерпели поражение многие его предшественники, Новиков добился весьма впечатляющих успехов. Как свидетельствуют дошедшие до наших дней донесения провинциальных цензоров, к концу 1780-х годов его издания продавались в книжных лавках Нижнего Новгорода (у директора экономии П. И. Прокудина), Ярославля (у «посадского человека» Ф. И. Скобенникова), Костромы (у В. С. Сопикова), Казани (у купца Ивана Рюмина), Симбирска (в лавке Приказа общественного призрения, порученной И. В. Колюбакину), Орла (у коллежского регистратора местной казенной палаты Н. И. Попова), Архангельска (у купца Семена Болотного

¹⁴ См. в кн.: Н. И. Новиков и его современники. Избр. соч., М., 1961, с. 415.

и Егора Бозова), Тобольска (у купца Сергея Гунина-Котовщикова, Григория Дьяконова и Павла Мелкова) и Иркутска (в лавке вологодского купца Василия Жукова в Гостином дворе, у его поверенного — иркутского мещанина Михаила Красногорова).¹⁵ Среди оптовых покупателей книг, напечатанных в Университетской и Компанейской типографиях, наряду с давними «идейными» комиссионерами Новикова А. П. Петровым из Вологды и полтавским чиновником П. Ф. Паскевичем появилось немало вологодских (Сухирин), тверских (Капустин), смоленских (Михаил Ярославцев), коломенских (Николай Степанов) и тульских (И. Т. Неврев) купцов, людей весьма далеких от духовных исканий масонства, но зато хорошо разбиравшихся в конъюнктуре книжного рынка.

Предпочитая, как правило, иметь дело с оборотистыми купцами и вездесущими чиновниками почтового ведомства, Новиков при случае охотно доверял распространение своих изданий в провинции братьям по ордену и просто добрым знакомым. «Многие десятки» назидательных сочинений отобрал из «компанейских магазинов» для орловской и курской книжных лавок И. В. Лопухин. Московский издатель заручился содействием «управителя» города Богородицкого А. Т. Болотова и тамбовского губернатора Г. Р. Державина.¹⁶ С немалой выгодой для Новикова выполняли обязанности его добровольных и бескорыстных комиссионеров бывший студент Московского университета адъютант атамана Войска Донского Попов, директор Пермского приказа общественного призрения местный меценат И. И. Панаев и его иркутский коллега генерал-майор И. В. Ламб,¹⁷ вологодские и вятские масоны. Характерно, что центрами книжной торговли в провинции стали города (Ярославль, Казань, Симбирск, Орел, Иркутск и др.), где существовали масонские ложи (см. таблицу).

Репрессии екатерининского правительства, обрушившиеся на масонов в конце 1780-х годов, нанесли огром-

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 68, д. 290, л. 158—159, 192 об., 185—188, 153—155, 156—157, 202—205, 161—174, 220, 206—210.

¹⁶ Новиков выслал Г. Р. Державину в Тамбов 296 названий книг на 555 руб. 82 коп. с «уступкой» 20% их стоимости (ОР ГПБ, ф. Г. Р. Державина, т. 12, № 2, л. 102—107).

¹⁷ См. письма С. И. Гамалеи к И. В. Ламбу в Иркутск (1788 г.) о посылке туда изданий Новикова (ИРЛИ, РII, оп. 1, № 62, л. 92, 100 об.).

Книжные лавки в провинции в 1760—1790-х годах
(зарегистрированные в источниках)

Город (губерния)	Годы	Владельцы	Ассортимент	Источник
Ц е н т р а л ь н ы е г у б е р н и и				
Воронеж Калуга	1767—1769 1793—1795	Купец Федор Титов Путивльский купец Петр Котельников и Приказ об- щественного призрения	АН Калужские изда- ния, МУ	Шамрай, с. 145* Чистоклетов, с. 5—6, 30— 33; ** ЦГАМ, ф. 16, оп. 229, № 68, л. 1—2
Курск	1787	Путивльский купец Петр Ко- тельников	Н	Московские ведомости, 1787, № 57, 17 июля, с. 528
Коломна (Москов- ская губ.)	1779	Николай Степанов	Н	Новиковская роспись 1779 г.
Орел	1787—1795	Коллежский секретарь Ка- зенной палаты Николай Полов	Н, МУ, АИКК, К, М, О, Р, Х, Ш	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 202—205; Лебедев, с. 31—34***
Севск	1787	Купец Петр Хорошанин; ку- пец Иван Медведев	Н, МУ, СКК, ГП, М	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 201
Смоленск	1767—1769 1770-е 1779—1785	Мещанин Петр Головин Купец Короткий Купец Михаил Ярославцев	АН МУ Н	Шамрай, с. 148 ЦГАДА, ф. 359, оп. 1, № 4 Новиковские росписи 1779, 1782—1785 гг.
Суздаль	1788	Нет сведений	Нет сведений	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 217

Тамбов	1779 1788	То же » »	Н Тамбовские из- дания, МУ	Новиковская роспись 1779 г. ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 225; Державин Г. Р. Соч. т. I. СПб., 1868, с. 336 Новиковские росписи 1782— 1785 гг.
Тверь	1782—1785	Купец Капустин	Н	Новиковские росписи 1782— 1785 гг.
Торжок (Тверская губ.)	1776—1781	Почтмейстер Иван Голодович	АН	ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 207— 208
Тула	1781—1785	Купец Иван Неврев	АН, Н	Московские ведомости, 1781, № 88, 3 нояб., с. 704; Новиковские росписи 1782— 1785 гг.
	1787	Мещанин Иван Агапов	Нет сведений	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 190—191
	1791	Штаб-лекарь Андрей Риккер	То же	Московские ведомости, 1791, № 25, 26 марта, с. 435; «Рус- ский библиофил», 1911, № 6, с. 30

П о в о л ж ь е

Казань	1762—1771	Казанская гимназия (комис- сар Иван Давыдов)	АН, МУ	ЦГА ТАССР, ф. 87, оп. 1, № 10002, л. 29—34; № 10003, л. 3 об.; № 10004, л. 7
	1782—1787	Купец Иван Рюмин	Н	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 193—194; Новиковские росписи 1782—1785 гг.

* Шамрай Д. Д. Продажа в губернских и провинциальных городах Академией наук своих изданий (1767—1768). — Р к н.: Труды Института книги, документа, письма. Вып. 5. Исследования и материалы по истории книги в России. М. — Л., 1936.

** Чистоклетов Г. Опыт собрания материалов о типографиях в Калуге и книгах в них напечатанных до 1807 года включительно. Калуга, 1882.

*** Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. (Очерк из истории русской книги). — Книговедение, 1896, № 2, прилож. № 2.

Город (губерния)	Годы	Владельцы	Ассортимент	Источник
Кострома Нижний Новгород	1787	Купец Василий Сопиков	Н, МУ, МКК, М, П, ГП АН	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 192—198 Шамрай, с. 146
	1767—1769	Купец Алексей Краснов		
	1787	Директор экономики Петр Иванович Прокудин	Н, МУ, Г	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 185—188
	1787	Купец Григорий Пальцов	Нет сведений	Там же, л. 188
	1787	Купец Василий Шапов	АН	Там же, л. 158—159
Ростов Великий Симбирск	1783—1787	Приказ общественного при- зрения (Иван Колюбакин)	Н, МУ	Там же, л. 156—157; Новиков- ские росписи 1783—1785 гг.
Ярославль	1764—1767	Переплетчик Иоганн Клинг	АН	СПб. ведомости, 1764, № 12, 10 февр.; 1767, № 11, 6 февр. ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 337, л. 28
	1784	Купец Керзен		
	1782—1787	Посадский человек Федор Скобеников	Н	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 158—159; Новиковские росписи 1782—1785 гг.
Север, Северо-Восток и Сибирь				
Архангельск	1767—1769	Купец Александр Фомин	АН	Огородников, с. 20 ****
	1785—1787	Купец Семен Болотный	Н, МУ, СКК, М	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 161—172; Новиковская роспись 1785 г.
	1787	Мещанин Егор Бозов	АН, Н, МУ, М, ГП	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 173—175

Вологда	1779 1782—1787	Секретарь Наместнического правления Андрей Петров Купец Сухирин	АН, Н, МУ Н	Новиковская роспись 1779 г. ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 124 об.; Новиковские росписи 1782—1785 гг. ЦГАДА, ф. 359, оп. 1, № 4
Иркутск	1770-е 1788	Протоколисты Прозоров и Зеленский вологодского Поверенный купца Васяля Жукова ме- щанин Михаил Красногो- ров	МУ Н, МУ, М	ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 206—210
Ишим Омск Пермь	1788 1788 1787	Нет сведений То же Мещанин Иродион Забелин; купец Емельян Калашни- ков	Нет сведений То же » » » »	Там же » » » »
Сарапул (Вятская губ.)	1787	Купец Николай Смагин; ку- пец С. Куработ с сидельцем Ф. Попковым; мещанин И. Шагалов	» » » »	» » » »
Томск Тобольск	1788 1788	Нет сведений Купец Сергей Неволлин; Гри- горий Дьяконов; Павел Мелков; Сергей Гунин-Ко- товщиков	» » Н, МУ, М	» » » »
Глухов	1781—1783	Федор Осипович Туманский	АН, Н, МУ	ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, № 256, л. 2—3

У к р а и н а

**** Огородников С. Ф. А. И. Фомин. (По неизданным документам). — Изв. Арханг. о-ва изучения русского Севера, 1910, № 3.

Город (губерния)	Годы	Владельцы	Ассортимент	Источник
Киев	1767—1769 1782—1783, 1787	Лавочник Иван Григорович Нет сведений	АН Н	Шамрай, с. 145 ЦГИА, ф. 796, оп. 68, № 290; Новиковские росписи 1782—1783 гг.
Нежин	1790	Купец Лукьян Скутарлев	АН	Московские ведомости, 1790, № 39, 15 мая, с. 558
Полтава	1779	Войсковой товарищ Петр Паскевич	Н	Новиковская роспись 1779 г.
Чернигов	1784—1787 1788—1790	Войсковой товарищ Десян Леонидов Купец Колодзькевич	АН АН	ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 256, л. 93—94 Там же
П е т е р б у р г с к а я г у б е р н и я и П р и б а л т и к а				
Выборг	1767—1771	Переплетчик Гренрод	АН	СПб. ведомости, 1771, № 56, 15 июля; Шамрай, с. 149
Ревель	1773	Купец Болт	АН	СПб. ведомости, 1773, № 17, 26 февр., прибавление
Рига	1772—1785	Книготорговец И.-Ф. Гартк- нох	АН, Н, МУ	Новиковские росписи 1783— 1785 гг.; ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 544, л. 92, 113
Нарва	1771	Переплетчик Юн	АН	СПб. ведомости, 1771, № 56, 15 июля

Издания: АН — Академии наук; Н — Н. И. Новикова; МУ — Моск. ун-та (до и после Новикова); СКК — Сухол. кадет-ского корпуса; МКК — Морск. кадетского корпуса; АИСК — Артиллер. и инж. кадетского корпуса; Г — Ф. А. Галченкова; ГП — И. Ф. Гиппиуса; К — Х. А. Клаудий; М — Ф. Мейера; О — М. К. Овчинникова; П — М. П. Пономарева; Р — А. Г. Рев-штинкова; Х — Г. Халдарова; Ш — И. К. Шнора.

ный ущерб провинциальной книжной торговле, отбросив ее чуть ли не на исходные рубежи. Десятки «сомнительных» книг, изъятые полицейскими и духовными цензорами из лавок архангелогородских, орловских, симбирских и иркутских купцов, были преданы огню, сотни на долгие годы запечатаны в управах благочиния.¹⁸ И все-таки дело, начатое Новиковым, не погибло. Его пример немало способствовал оживлению частной инициативы в русском книжном деле. Именно ей, а не «мудрым» распоряжениям правительства и не благотворительности отдельных просвещенных вельмож провинция в первую очередь обязана возникновением публичных библиотек, «вольных» типографий и книжных лавок.

А. А. Апинис

ЛАТЫШСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматриваемый период в жизни Латвии характеризуется ситуацией напряженного социального конфликта. Во второй половине XVIII в. крепостническая эксплуатация крестьян со стороны прибалтийско-немецкого дворянства обострилась до крайности. Царское правительство, встревоженное крестьянскими волнениями в 1817—1819 гг. в двух из трех частей Латвии — в Видземе и Курземе, отменило крепостное право, но земля целиком была объявлена собственностью помещиков. Они воспользовались возможностью диктовать крестьянам любые условия барщины. Однако законы 1817—1819 гг. против воли самих законодателей постепенно разрушали барщин-

¹⁸ Возвращение конфискованных книг их владельцам затянулось в провинции на много лет. Архангелогородский купец Семен Болотный получил из полиции дозволенные к продаже книги только в мае 1791 г. (отобраны в сентябре 1787 г.). Его земляк Егор Бозов к тому времени умер, и, так как наследников у него не оказалось, три книги, принадлежавшие покойному, были переданы в библиотеку местной духовной семинарии «для употребления» (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 68, д. 290, л. 261 об.).

ное хозяйство, открывали путь развитию капиталистических отношений. В 40-х годах возобновились крестьянские волнения.

На рубеже XVIII и XIX вв. число грамотных крестьян Видземе и Курземе в результате домашнего обучения достигло уже 50% (такой же процент грамотности был в то время и у населения Германии).¹ Авторами печатных книг на латышском языке были прибалтийско-немецкие священники. Книжная продукция в эти годы носила массовый характер. В течение всего рассматриваемого периода вышло около 1300 названий латышских печатных книг (показатель количества названий в год на миллион латышского населения возрос от 8 до 35).² Обычно издания выходили тиражами 2000—5000 экземпляров, реже 20 000 и 40 000 экземпляров. Наряду с традиционными типами религиозной литературы с середины XVIII в. публикуются некоторые хозяйственные и медицинские наставления, научно-популярные сочинения, азбуки, учебники, художественные произведения.³ Вся эта литература носила классовый характер, отражала интересы помещиков.

В процессе борьбы двух культур — прибалтийско-немецких правящих классов и латышского крестьянства — в Латвии зародилась рукописная книга, выражающая демократические устремления. Однако в отличие от ряда стран в Латвии рукописная книга создавалась низшим слоем общества — крестьянством и (середина XIX в.) отдельными представителями народной интеллигенции.

До наших дней дошло около 400 рукописных книг, но в свое время количество обращающихся у населения рукописей значительно превышало эту цифру. Ни школа, ни система домашнего обучения не предусматривали выработки навыков письма, они приобретались крестьянами в результате общения с городским населением, с мыз-

¹ Салминь А. Я. О грамотности крестьян Лифляндской и Курляндской губерний в XVIII веке. — История СССР, 1969, № 6, с. 136—140.

² Подсчет количества изданий произведен на основании библиографических материалов.

³ Настоящая статья явилась результатом изучения автором памятников латышской рукописной книжности в библиотеках Латвийской ССР, а также в фондах государственных архивов города Риги.

ными должностными лицами. Созданием и переписыванием рукописей занимались десятки и сотни людей. Писали главным образом в домашней обстановке, для себя и своих знакомых. Но сохранилось и по несколько экземпляров рукописных произведений, написанных одним почерком, что свидетельствует о частичной профессионализации переписчиков.

За немногими исключениями, писцы не имели достаточного образования, поэтому литературные качества рукописей обыкновенно невысоки. Язык рукописных книг — результат взаимодействия канонизированных немецкими авторами в печатных латышских изданиях норм и живой народной речи. Оформление крестьянских рукописей очень скромное. Они писались гусиным пером, привычным в обыденной жизни латышским курсивом, оформлялись бумажной обложкой или переплетом, покрытым темной кожей, полотном или бумагой. Крестьянские рукописи — документ уникальный по своей непосредственности, раскрывающий мировоззрение, общественную психологию и нравственное сознание народных масс.

В середине XVIII в. в Видземе зародились гернгутерские братские приходы, ставшие первой организацией латышских крестьян и противовесом лютеранской «господской» церкви. Они подвергались преследованиям со стороны дворянства, духовенства и властей. Бытовавшая до 70—80-х годов XIX г. гернгутерская рукописная книга составляет основную массу сохранившихся рукописей. Члены приходов, оставаясь часто анонимными, переводили с немецкого или сочиняли сами и переписывали морализирующие тексты, песнопения, проповеди, автобиографии, летописи и истории приходов (историко-биографический жанр в печатной книге XVIII и начала XIX в. еще отсутствовал). В центральной части Видземе эти рукописи обращались среди нескольких десятков тысяч гернгутеров, главным образом из привилегированных слоев крестьянства — дворохозяев и ремесленников. На основании сохранившихся текстов в некоторой мере можно установить круг чтения писавших. Источниками для них служили как привозная немецкая гернгутерская книга (в которую в свою очередь проникали морализирующие произведения других стран, например роман английского писателя Дж. Беньяна «Путь паломника»), так

и ранее написанные в местных братских приходах сочинения.

Рукописная книга латышских братских приходов соответствует той стадии развития общества, когда мировоззрение проявляется через религиозный пафос. Однако эта книга ориентируется на личные качества человека. Главное прогрессивное значение гернгутерского книгописания Латвии заключается в том, что авторы и переписчики создали литературу, независимую от господ и пасторов. Именно книжники братских приходов создавали традиции языка, литературного и внешнего оформления рукописей. Гернгутерская письменность явилась основой для латышской художественной рукописной книги, для латышских рукописей практического содержания и в особенности для антифеодальной рукописной публицистики. Последняя появилась еще во второй половине XVIII в. в виде антикрепостнических стихов (песни Екабса из Кюкулиса и др.).

В период подготовки и проведения отмены крепостного права (первые два десятилетия XIX в.) появились крупные рукописные произведения антикрепостнического направления. Между 1804 и 1819 гг. И. Пуланс написал «Историю латышского народа». Задуманная как сокращенный перевод двух работ выдающегося прибалтийско-немецкого просветителя и борца против крепостного права Г. Меркеля, «История» превратилась в самостоятельное публицистическое произведение. Талантливый человек, имевший какой-то доступ к книгам из помещичьей или пасторской библиотеки, но не обладавший литературными навыками, Пуланс пишет красочно, используя как гернгутерские обороты речи, так и выражения живого народного языка. Идеализируя жизнь латышей до вторжения немецких завоевателей в XIII в., Пуланс доказывает право крестьян на личную свободу, на владение землей. Это — ответ идеолога крестьянства на основные общественные вопросы того времени. Но Пуланс — сын эпохи Просвещения: он аргументирует свои требования «научно», считаясь уже с преобладанием рационального мышления у читателя. «История» Пуланса — первая латышская светская книга исторической тематики. В ней отразилась жгучая ненависть крестьян к помещикам и духовенству. Крепостничество критикуется как система, поставившая создателей материальных благ в невыносимые условия. Вместе с тем выражается и наивная вера

в «добрého царя», проявляется непоследовательность в выборе путей действия, что обусловлено стихийностью крестьянского мировоззрения. Книга Пуланса обращалась в крестьянской среде по крайней мере до 50-х годов XIX в.

Переводчику на латышский язык пьесы «Разбойники» Ф. Шиллера удалось скрыть свое имя на полтора года. Но в наше время при помощи диалектологического анализа была установлена местность написания рукописи; при просмотре же ревизских сказок этой местности обнаружено, что в одном из имений семь лиц получили имена персонажей «Разбойников» после постановки спектакля. Это интересное обстоятельство наводило на след самого переводчика — Я. Пейтанса и позволило установить время перевода — 1817—1818 г. Семнадцатилетний служащий имения, выходец из гернгутерской семьи, получивший хорошее образование, после посещения рижского немецкого театра перевел пьесу Шиллера, умело используя скудные средства тогдашнего латышского литературного языка. Судя по рукописи, непонятным для Пейтанса (и, очевидно, для окружающего общества крепостных) остался шиллеровский идеал «благородного разбойника». Но зато он точно и смело передал пафос автора, направленный против сословных преград, нападки на феодальные порядки. Рукопись Пейтанса выделяется тем, что ее основа, художественное произведение, соответствует высокой ступени развития общества и раскрывает миропонимание через эстетическое переживание.

В 1820 г. Пейтанс перевел «Повесть о Фриделине» немецкого автора, имя которого еще не выяснено, — первый опубликованный на латышском языке рассказ для юношества, в котором много приключений и перипетий и вместе с тем чувствуется реальность происшедшего. В этой рукописной книге выдвигается характерный для эпохи становления буржуазных отношений, но новаторский для читателя из среды крепостных идеал личности, способной дерзать, проявлять находчивость, стойкость. Встречаются и выпады против «невольности» (возможно, вставки переводчика). Известная дань сентиментализму свидетельствует о происшедших изменениях в общественном сознании того времени.

Таким образом, в результате соприкосновения крестьянских литераторов с прогрессивной немецкой литерату-

рой рукописная книга далеко опередила печатную как по своей тематике, так и по идеологической направленности, ставя вопрос об изменении социального строя в стране.

С середины 30-х до середины 50-х годов XIX в., когда проявлялись двоякие последствия «безземельного» освобождения крестьян, известен ряд антифеодальных рукописей — аллегорические сочинения, сатирические стихи, публицистические трактаты. Их авторами были представители первой латышской интеллигенции, произведения которых в большинстве случаев публиковались в печати. Рукописная книга отражала те взгляды этих авторов, которые нельзя было высказывать в печати. Таким образом, два русла литературного процесса — печатная книга и рукописная — сливаются в одно.

Некоторые рукописи отличаются богатством мысли. Обзор истории латышского народа «Глазами виденный путь к видземскому небу» (1843) написан учителем Я. Ругенсом. В обзоре обсуждаются злободневные темы. Ругенс, стоявший в стороне от крестьянской борьбы против отрицательных последствий законов 1817—1819 гг., однако, ясно видел дальнейшие перспективы капиталистического развития. Его программа прогресса — создание латышского буржуазного общества — не затрагивает сельскохозяйственного производства. С этой целью Ругенс усиленно пропагандирует образование. Проблематика «Глазами виденного пути» долго сохраняла свою значимость для крестьянства, его переписывали еще в 80-е годы XIX в.

Дворохозяин К. Кактиньш в 1846 г. написал «Письмо от брата к брату о латышском писателе Кристапсе Кактиньше». Автор в течение ряда лет вел борьбу с помещиками и использовал в этих целях рукописные книги. «Письмо» от имени постороннего лица рассказывает, как помещик изгнал Кактиньша из родного дома. Автор простодушно, еще апеллируя главным образом к религиозно-этническим нормам, сетует на несправедливость такого поступка. Но так как действия помещика полностью соответствовали закону того времени, то эта книга фактически содержала критику самого закона.

Ф. Малбергс свой биографический очерк «Ручей жизни д-ра Г. Меркеля» (1850 или 1851) предназначал для печати. Это обстоятельство, а также особенности об-

раза мыслей автора, который был учителем, делают работу несколько «отвлеченной». Однако после запрещения цензурой очерк начал распространяться в виде рукописной книги. Пропаганда идей Меркеля, призывы читать его книги придавали сочинению Малбергса антифеодалную направленность. В кульминационных пунктах произведения проявляется идея о национальном самосознании латышского народа — раннее предвестие психологической консолидации зарождающейся нации. Важнейшие рукописи 30—50-х годов XIX в. как бы стремятся решать каждая свою главную проблему общественного развития.

Круг читателей латышской рукописной книги вследствие малого числа экземпляров был уже, чем круг читателей печатной книги. Поэтому рукописная книжность не могла стать ни общенациональной публицистикой, ни национальной художественной литературой. Однако рукописная книга выполняла ряд важнейших функций. Она подрывала монопольное право представителей прибалтийско-немецких эксплуататорских классов на создание книги для латышей. В рукописях сочетались политические, этические, художественные, научные, религиозные взгляды. Рукописи сильно расширяли тематику, социальное содержание, формы латышской книги. В них идеологи освободительной борьбы отразили все стадии развития общественной мысли крестьянского движения зарождающегося буржуазного общества.

Традиции рукописной книги в Латвии использовались еще и в 60—80-х годах XIX в. публицистами из среды крестьянства и демократической интеллигенции, главным образом в политической борьбе против помещиков.

Н. П. Рудь

УКРАИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЬМАНАХИ
И СБОРНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В первой половине XIX в. произошли важные исторические события, сильно повлиявшие на развитие общественной мысли и культуры Украины, в частности на раз-

витие книжного дела: Отечественная война 1812 г., восстание декабристов 1825 г., возникновение и деятельность тайной политической организации — «Кирилло-Мефодиевского общества на Украине» (1845—1846 гг.), революционные события в Европе 1848 г., а также антикрепостническое выступление крестьян под руководством народного героя Устима Кармелюка. Все эти события вызвали в передовых слоях общества глубокий интерес к социально-политическим вопросам. В стране усилилась борьба против крепостничества и самодержавия. Значительную роль в этой борьбе сыграли революционеры-декабристы, движение которых оказало огромное влияние на развитие передовой общественной мысли, на формирование общественно-политических взглядов целого поколения.

Творчество писателей декабристов К. Рыльева, В. Кюхельбекера, А. Одоевского, А. Бестужева, В. Раевского и других было органически связано с жизнью, оно оказывало значительное влияние на украинскую литературу, нашло отражение в произведениях Шевченко и Котляревского. Революционный демократ Т. Г. Шевченко в поэме «Юродивый» назвал декабристов «первыми русскими благовестниками свободы».

Возникшие в эти годы университеты — Харьковский (1804) и Киевский (1834) стали ведущими общественно-политическими и культурными центрами страны, вокруг которых объединялись передовые деятели русской и украинской культуры. Университетам принадлежит большая роль в развитии издательского дела на Украине в XIX в. При Харьковском университете возникли первые литературные объединения, клубы, научные общества, напечатаны первые периодические издания: «Украинский вестник» (1816—1819) и «Украинский журнал» (1824—1825).

Развитие украинской культуры (и ее составной части — издательского дела) первой половины XIX в. происходило в тесном единении и взаимном обогащении с передовой русской культурой, одухотворенной идеями освободительного движения декабристов и революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова. «Слившись навеки с единокровной ей Россией, — писал В. Г. Белинский, — Малороссия открыла к себе дверь цивилизации, просве-

щению, искусству. Вместе с Россией ей принадлежит теперь великая будущность».¹

На развитие украинской культуры оказывала существенное влияние русская прогрессивная книга, получившая широкое распространение на Украине, а также украинская книга, изданная в Москве и Петербурге. С этими центрами прогрессивной мысли, науки и культуры было связано идейное формирование и творческий рост многих украинских деятелей культуры XIX в. В Петербурге увидели свет произведения Т. Г. Шевченко «Кобзарь» (1840), его поэмы «Гайдамаки» (1841), «Гамалия» и «Тризна» (1844), поэма И. П. Котляревского «Енеїда» (1808), сборник «Опыт собрания старинных малороссийских песен» М. Цертелева (1819) и другие научные труды и литературные произведения. В Москве изданы «Малороссийские повести» (1834—1837) Г. Ф. Квитки-Основьяненко, «Малороссийские песни» (1827) и «Украинские народные песни» (1834) М. А. Максимовича. Издавались исторические, экономические и статистические труды, обогатившие отечественную науку и культуру.

Тесные экономические, политические и культурные связи Украины с Россией первой половины XIX в. определили основные закономерности развития общественной мысли на Украине и украинского литературного процесса, рост в нем элементов реализма, народности и национальной самобытности. «Пока разные нации живут в одном государстве, — писал В. И. Ленин, — их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера».² Эти обстоятельства обусловили новый этап в украинском книгоиздательстве в целом, и в частности становление и утверждение нового типа книги — литературных альманахов и сборников. Сравнительно быстрому развитию альманахов и литературных сборников содействовали появление реалистических произведений И. П. Котляревского, П. П. Гулака-Артемовского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, Е. П. Гребенки, Т. Г. Шевченко.

Во время усиления классовой борьбы на Украине периодическая печать, будучи своеобразной ареной идеоло-

¹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 64—65.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 175.

гической борьбы, преследовалась правительством и органами цензуры; привлекались к судебной ответственности издатели, авторы, закрывались типографии. Жестокий цензорский контроль над печатью вызвал к жизни литературные сборники и альманахи, так как они меньше подвергались цензуре.

Литературные альманахи и сборники готовили к печати и издавали прогрессивные ученые (М. Максимович, И. Срезневский, А. Вербицкий), писатели (Е. Гребенка, М. Шашкевич, П. Вагилевич, Я. Головацкий, В. Маслович), деятели культуры (М. Щепкин, И. Бецкий) и др. Альманахи печатались в типографиях Харьковского, Киевского и Московского университетов, в Петербургской Академии наук, в типографии С. Селивановского в Москве, Н. Степанова в Харькове и в Одесской городской типографии.

Первые издания литературных сборников были различны по идейному направлению и художественному уровню. К ним относятся прежде всего сборники «Басни» (1814), «Драматический кантат Харьковскому благотворительному обществу» (1814 г.), «Труды студентов-любителей отечественной словесности в имп. Харьковском университете» (1819) и др. На их страницах напечатаны стихотворения студентов Харьковского университета, исторические, литературные и философские материалы, не представляющие научной ценности.

Новый этап в развитии альманахов начинается в 20—40-е годы XIX в. Он отчетливо выявился в «Полярной звезде» К. Рылеева и А. Бестужева, изданной в Петербурге. В. Г. Белинский писал: «Новейшее поколение альманахов явилось ... в 1823 году. Успех „Полярной звезды“ произвел в нашей литературе альманахный период, продолжавшийся с лишком десять лет».³

На Украине, преимущественно в Харькове, Киеве и Одессе, вышли в свет литературные альманахи и сборники, сыгравшие значительную роль в истории книги и в развитии украинской дооктябрьской литературы, такие как «Запорожская старина» (Харьков, 1834, 1835, 1838), «Киевлянин» (1840, 1841, 1850), «Литературные вечера» (Одесса, 1850 г.), «Молодик» (Харьков—СПб., 1843, 1844), «Одесский альманах» (1831, 1839, 1940),

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 4, с. 120.

«Украинский альманах» (Харьков, 1831), «Украинский сборник» (Харьков—Москва, 1838, 1841), «Утренняя звезда» (Харьков, 1833, 1834) и др.

В альманахах 20—40-х годов XIX в. печатались художественные произведения русских и украинских писателей (проза и поэзия), фольклорные и исторические материалы. К таким изданиям относится альманах «Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе» (Харьков, 1822—1823), принадлежащий украинскому ученому-слависту А. А. Вербицкому. Альманах, составленный из произведений А. П. Буниной, П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, В. В. Капниста, И. А. Крылова, М. В. Ломоносова, Н. В. Карамзина, П. А. Румянцева-Задунайского, А. В. Суворова и др., имеет ярко выраженный литературный характер, знакомит читателя с одами, отрывками из поэм, трагедий, лирическими стихотворениями, историческими материалами и по содержанию имеет определенное историко-литературное значение.

В начале 30-х годов издан «Одесский альманах» (1831—1840, в 1834 г. под названием «Подарок бедным»). Издатели первой книги — историк П. Морозов и писатель М. Розберг, второй и третьей — этнограф Н. Надеждин собрали ценный и разнообразный материал. В альманахе напечатаны произведения Г. Державина («Человек»), А. Подолипского («Мелодия», «Совет»), М. Лермонтова («Узник»), Н. Надеждина, И. Панаева, В. Бенедиктова, А. Никитенко, Ф. Глинки, И. Лажечникова. Опубликованы стихотворения М. Максимовича («К звезде», «Киевлянке»), Е. Гребенки («Нютонок»), очерки «Жизнь в Одессе», «Очерк южного берега». Из произведений западноевропейской литературы были включены переводы из Торквато Тассо, Гете, Байрона. Особый интерес представляет поэма «Конрад Валленрод» А. Мицкевича, прославляющая борьбу народа за свободу своего отечества. Наличие материалов, посвященных Одессе, вызвало одобрение В. Г. Белинского, заметившего, что содержание альманаха «богато и ценно».⁴ «Одесский альманах» был издан на хорошем полиграфическом уровне, содержит четкие и красивые орнаменты, заставки, гравюры, лито-

⁴ Там же, с. 122.

графированную обложку. «Издание альманаха очень красиво», — писал В. Г. Белинский.⁵

Литературная летопись Одессы нашла отражение и в сборнике «Литературные вечера» (Одесса, 1849—1850), изданном в двух книгах местным литератором Н. Фумели. В сборнике печатались прозаические и стихотворные произведения Е. Колбасина (впоследствии сотрудника «Современника»), Я. Полонского и Н. Щербины, исторические материалы, очерки об Одессе и Южной Украине. Оценивая сборник, русский критик и публицист В. Майков писал: «Разверните „Литературные вечера“ — вы с удовольствием сознаетесь, что очень ошиблись и должны разочароваться самым приятным образом. Вы сознаетесь, что Одесса — просто маленький Петербург, по крайней мере в умственном развитии: что общество Одесское хотя и имеет свой местный колорит, живет однако ж удовлетворяя тем же потребностям образованной жизни, как и петербургское... Более всего порадует Вас то, что „Литературные вечера“ так ярко отражают местную жизнь и вполне принадлежат Одессе, изображая ее нравы, обычаи, общество, жизнь».⁶

Пропаганда произведений писателей Украины в альманахах нашла отражение и в «Украинском сборнике», изданном И. И. Срезневским (Харьков, 1838, 1841). Составитель в предисловии к своему изданию высказывает мысль о необходимости изучать культурное наследие всего украинского народа, а не только той части, что входила в состав России. Он пишет, что «Украинский сборник» должен быть «собранием всякого рода памятников народности украинской, народности той части южно-русских славян, которая, не будучи отделена резкою чертою в смысле этнографическом от другой части — галицкой, отделена, однако, от нее в отношении политическом как нераздельная часть Российской империи и не только по старой привычке, но и по местному своему положению может быть преимущественно названа украинскою».⁷

В первой книге «Украинского сборника» (1838) опубликована пьеса И. П. Котляревского «Наталка-Полтавка», определившая важный этап в формировании украинского

⁵ Там же, с. 125.

⁶ «Отечественные записки», 1850, т. 1, с. 131.

⁷ Украинский сборник, кн. I. Харьков, 1838, с. 6.

литературного языка. Эта книга встречена на Украине и в России с большим интересом и одобрением. Пьеса И. П. Котляревского с того времени не сходила со сцены. «Отечественные записки», отдел критики которых вел В. Г. Белинский, назвали «Наталку-Полтавку» «свежим цветком народной поэзии».⁸ Известный актер М. С. Щепкин принимал участие в подготовке к печати второй книги «Украинского сборника» (1841), в которой опубликована пьеса И. П. Котляревского «Москаль-чаривник», и намеревался ее поставить на московской сцене.

Важное значение для истории украинской литературы и книгопечатания на Украине принадлежит альманаху «Утренняя звезда» И. Петрова (Харьков, 1833). В подготовке книги к изданию принимал участие Г. Квитка-Основьяненко. Первая книга «Утренней звезды» составлена из произведений русских писателей. Во второй книге даны «Запорожские песни», произведения Г. Квитки-Основьяненко («Суплика до пана издателя», «Солдатский портрет» и отрывок из повести «Маруся» под названием «Украинское утро»), А. Пушкина (отрывок из «Полтавы»), И. Котляревского (отрывок из шестой книги «Энеиды»), Е. Гребенки («Будяк та конопелочка», «Пшеница»), П. Гулак-Артемовского (стихи «Рыбалка», «Батько та сын», «Рыбка» и «До Пархома») и др.

Г. Квитка-Основьяненко в «Суплике до пана издателя» критикует скептиков, отрицающих существование украинского языка и самобытной оригинальной литературы, утверждает право народного языка в литературе. «Мне было досадно, что все летают под небесами, изобретают отрасли, созидают характеры, почему бы не обратиться направо, налево и не писать того, что попадается на глаза. Живя в Украине, приучаясь к наречию жителей, я выучился понимать мысли их и заставил их своими словами пересказать их публике».⁹

В письме к историку М. Погодину Г. Квитка-Основьяненко, информируя его о выходе в свет «Утренней звезды» и высказывая пожелания, чтобы альманах был прорецензирован в столичной прессе, писал: «Только не больно бейте: что могли, собрали, как умели, составили...

⁸ Отечественные записки, 1839, т. 2, с. 138.

⁹ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори, т. 6. Київ, 1957, с. 531.

Впрочем, не забудьте, что наш край ужасно терпит голод: хотя и родился хлеб, но его употребляют в пищу с мякиной, желудями, соломою, камышом, чего же хорошего ожидать? За таким подмесом и с самым тонким разбором еще доищешься частицы хлеба».¹⁰ Писатель понимал, что этим альманахом положено только начало изданию произведений художественной литературы, что за ним должны последовать следующие литературные сборники, объединяющие все то лучшее, что создано писателями Украины, помогающие осмыслить и обобщить литературный процесс и общественную жизнь в стране.

Интересным явлением в литературной жизни Украины было издание альманаха «Молодик» на 1843 и 1844 гг. (каждый в двух книгах). Издатель И. Бецкий пытался собрать альманах, который был бы представителем всей умственной и художественной деятельности «благословенной и даровитой Украины», знакомил бы читателя с русской и украинской литературой, наукой и публицистикой. Литературный сборник разнообразен по содержанию. В книге напечатаны «Думка», «Утоплена» Т. Г. Шевченко, «Основание Харькова. Старинное предание», «Підбрехач», «Перекотиполе» Г. Квитки-Основьяпенко, стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, «Запорожская мелодия XVII века» Н. Щербины, «Подражание персидскому» В. Бенедиктова, «Преступник» Ф. Глинки, «Лис» Е. Гребенки, «Горный ключ» А. Фета и др. Содержание альманаха вызвало критические замечания читателей, хотя в целом сборник получил положительную оценку. В. Г. Белинский в рецензии писал: «В Украине есть своя литература: после „Молодика“ в этом не остается никакого сомнения... Харьков по своему многолюдству и красоте сравнительно с другими губернскими городами есть некоторым образом столица Украины, а следовательно, и столица украинской литературы, украинской прозы и в особенности украинских стихов».¹¹ Альманах объединяет ценные документы по истории Украины, образования, публикует этнографические материалы. В сборнике дано 20 репродукций автографов исторических деятелей и план Харькова.

Определяя направление «Молодика», Бецкий писал:

¹⁰ Там же, с. 524.

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8, с. 46.

«Я желал бы, чтоб „Молодик“ со временем принял совершенно местный характер, оправдывающий его название, чтобы самые произведения изящной словесности, в нем помещаемые, представляли в художественной форме изящный мир Украины, ее историю, одним словом, чтоб все издание (предпринятое вначале с этой единственной целью) отличалось русской народностью, блеском украинского колорита, носило бы в себе не одни внешние признаки, но и внутренние».¹² Однако выпуск альманаха, как и его многих предшественников, был приостановлен на четвертой книге.

В издательской практике Украины занимает особое место альманах «Киевлянин» (1840, 1841, 1850). Он по праву относится к солидным изданиям. Демократические взгляды М. Максимовича по многим политическим вопросам и личные связи с декабристами и революционными демократами должным образом отразились на содержании его сборников.

Эпиграфом к альманаху служат слова А. С. Пушкина:

«Да ведают потомки православных
земли родной минувшую судьбу».

На титульном листе книги напечатан отрывок из стихотворения А. Хомякова «Киев»:

«Слава, Киев многовечный,
Силы русской колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!».

«Исследование и приведение в надлежащую известность всего, что относится к бытию Киева и всей Южной Руси — Киевской и Галицкой, составляет особенную и собственнейшую цель моего „Киевлянина“... Потому я покорнейше прошу всех, и особенно живущих в Южно-русском крае, принять участие в издании „Киевлянина“», — писал М. Максимович.¹³

Преодолевая цензурные препятствия, издатель напечатал в альманахе научные статьи М. Максимовича

¹² Молодик, кн. 4. Харьков, 1844, с. 243.

¹³ Киевлянин, кн. I. Киев, 1840, с. 3—4.

(«Обозрение старого, Киева», «Книжная старина южно-русская», «Сказание о гетмане Петре Сагайдачном», «О правописании малороссийского языка»), В. Домбровского («Луцьк», «Острожская старина», «О Кременецком замке»), М. Погодина («О русской торговле в удельный период»), С. Соловьева («Великая княгиня Ольга»), произведения Г. Квитки-Основьяненко («Добрый пан»), А. Подолинского («Звезда»), А. Хомякова («Киев»), В. Бенедиктова («Киев», «Ночь»), Е. Гребенки («Девушка за фортепьяно»), В. Жуковского («Цвет завета») и др. Материалы знакомили читателя с историей Украины, древними памятниками культуры, с художественными произведениями, повествующими о достижениях и недостатках науки и культуры Украины первой половины XIX в. О значении альманаха Г. Квитки-Основьяненко писал М. Максимовичу: «„Киевлянин“ Ваш молодец. Конечно, он еще птенец, идет и осматривается, говорит и оглядывается, но дайте ему опереться, тогда он взлетит орлом, налетит соколом. Только дай боже почтенному издателю терпения и равнодушия или даже презрения к пisku нетопырей, не могущих отличить, а принимающих и гнилушку за свет».¹⁴ Материальные обстоятельства и ухудшение здоровья М. Максимовича не позволили продолжить издание «Киевлянина».

Характерным явлением в литературной жизни Украины было издание в типографии Петербургской академии наук альманаха «Ластівка» (1844), подготовленного Е. Гребенкой. В этом в целом полезном издании проявились диаметрально противоположные тенденции в украинской литературе, идейная борьба между революционно-демократическим направлением с одной стороны и либерально-буржуазным, националистически-реакционным — с другой.

В альманахе напечатаны преимущественно прогрессивные, реалистические произведения Т. Г. Шевченко («Причина», «Вітре буйний», «На вічну пам'ять Котляревському»), И. П. Котляревского («Москаль-чарівник»), Г. Ф. Квитки-Основьяненко («Сердешна Оксана»), Е. П. Гребенки («Украинская мелодия»). Наряду с этим представлены произведения Л. Боровиковского, А. Афанасьева-Чужбинского, В. Забилы, С. Писаревского, П. Ко-

¹⁴ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори, т. 6, с. 578.

реницкого, проповедующие мир между эксплуататорскими классами и трудовым народом.

Попытка идеализации всего патриархального, отсталого и консервативного в жизни украинского народа нашла отражение в альманахах «Сніп» (1841) и «Южно-русский сборник» (1848). Подвергая критике националистические взгляды в литературе, В. Г. Белинский писал: «... патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но и в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно во всяком отечестве».¹⁵

В сложных условиях развивалось книгопечатание в Западной Украине. Ее оторванность от Приднепровской Украины и от России тормозила развитие национальной культуры: «В самой Австрии не печаталось ни книг, ни журналов, которые имели бы хотя малейшее политическое значение».¹⁶ В этих условиях не могло быть и речи об издании украинских книг, сборников, альманахов. Они берут свое начало только в 30-е годы XIX в. В 1837 г. участники прогрессивного литературного кружка «Руська трійця» М. Шашкевич, П. Вагилевич, Я. Головацкий издали в Будапеште альманах «Русалка дністрова», положивший начало новой литературе в Галиции. «Русалка дністрова» отстаивала право украинского народа развивать национальную культуру, стремилась к консолидации писателей Галиции, Буковины и Закарпаття с другими славянскими народами, и прежде всего с русским и украинским. Идеиная направленность книги вызвала репрессии австрийского правительства. Из 1000 изданных экземпляров альманаха 900 были конфискованы. «Этот маленький и слабенький проблеск революционного духа, — писал И. Франко, — напугал все церковные и светские власти и вызвал долгую, почти десятилетнюю реакцию в литературе».¹⁷

Через десять лет после «Русалки дністрової» Я. Головацкий пытался возобновить ее традиции, издал в Вене в 1846—1847 гг. «Вінок русинам на обжинки». Однако

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 87.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 18. М., 1960, с. 45—46.

¹⁷ Франко І. Я. Твори, т. 16. Київ, 1955, с. 40.

цензура изъяла материалы писателей Восточной Украины и дополнила произведениями реакционно-монархического характера. Лишь немногие материалы альманаха сохранили прогрессивное значение, призывали к единению галицкой и восточной украинской литературы.

Итак, литературные альманахи и сборники отражали новую стадию в развитии издательского дела, в отдельные периоды они были почти единственным печатным источником, по которому можно судить об успехах и недостатках украинского книгопечатания. И. Франко писал, что каждая литература в период своего возрождения или зарождения начинается случайными брошюрами, после чего переживает период альбомов и альманахов и со временем доходит до произведений и периодических изданий.¹⁸

Альманахи и литературные сборники не были единственными. В их развитии, как и в книжном деле в целом, наметились два направления. Первое отражало идею борьбы за социальное и национальное освобождение, несло в массы прогрессивные идеи, второе, хотя и занимало менее значительное место, проповедовало реакционную политику самодержавия, которую поддерживали помещики и буржуазия.

Литературные альманахи и сборники первой половины XIX в. сыграли важную роль в развитии украинской литературы и общественной мысли, содействовали освободительному движению, распространяя прогрессивные идеи среди народа, и открыли новую страницу в истории книги на Украине. В наше время они являются ценным источником для историков, литераторов и книговедов.

В. С. Агриколянский

КНИГИ ПОЛЬСКИХ АВТОРОВ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Знакомство русских читателей с польской книгой в первой половине XIX в. происходило в достаточно напряженной обстановке: резкие политические столкновения, ре-

¹⁸ Там же, с. 118.

прессии по отношению к литераторам и ученым, связанным с национально-освободительным движением, преследование цензурой как переводов прогрессивных польских писателей, так и книг, распространявшихся в России на языке оригинала, религиозные противоречия, вспышки взаимного недоверия.

Несмотря на это, интерес в России к книгам польских авторов постоянен на протяжении всего полувека. Он обусловлен традициями предыдущего столетия, развитием личных контактов литераторов и ученых Польши и России, близостью их научных и творческих поисков, потребностями развития культуры, просвещения, науки. Но первооснова интереса — в актуальности польской проблематики. Не случайно, что в ту пору многие русские авторы (А. Пушкин, М. Загоскин, А. Хомяков, В. Нарезный и др.) обращаются в своих произведениях к узловым моментам русско-польских отношений и польская книга занимает одно из первых мест среди книг иноязычных авторов, которыми интересовались в России.

В настоящей статье основное внимание обращается на выявление и изучение русских переводов польских авторов, одновременно делается попытка определить полноту охвата польской книги русскими переводами, охарактеризовать качество переводов. Последнее особенно важно в отношении художественной литературы. А. Мицкевич, воспринятый в подлиннике, и А. Мицкевич, прочтенный в переводе, — это иногда два разных поэта.¹

В процессе анализа переводных книг на первый план выдвигаются те из них, которые по принципу сходства или по принципу контраста (добавления) включаются в литературный процесс в России, становясь в какой-то степени его составной частью.

Следует учитывать и восприятие польской книги, читаемой в подлиннике. Здесь необходимо напомнить, что в первой половине XIX в. (особенно в середине периода) интерес в России к польскому языку был чрезвычайно ве-

¹ В связи с этим следует напомнить любопытный эпизод. Однажды редактор «Северной пчелы» застал А. С. Грибоедова читающим Монтеסקье в русском переводе. Удивленному Ф. Булгарину Грибоедов объяснил: «Мне любопытно знать, в каком виде предстанет содержание этой книги русскому читателю, не знающему французского языка, и как русский человек будет понимать это сочинение» («Северная пчела», 1848, № 226).

лик. Мемуаристы и исследователи эпохи констатируют, что в какой-то момент знание польского языка стало модой. Многие представители русского общества (в первую очередь близкие к декабризму) в той или иной степени знакомы с польским языком, некоторые (П. Вяземский) не только переводят с польского, но и пробуют свои силы в сочинении польских стихов. В ряде университетов открываются кафедры славянских языков. Нередко книги польских авторов издаются в Москве и Петербурге на языке оригинала.

Кроме откликов в прессе (обзоров, рецензий, хроникальных заметок) на книги польских авторов, необходимо учитывать наличие польских книг в публичных и частных библиотеках. Тема эта еще не разработана, но уже сегодня сведения о наличии в библиотеке А. С. Пушкина книг А. Мицкевича и Ю. Словацкого, М. Беневского и С. Жолкевского, Е. С. Бандтке, Я. Потоцкого, С. Б. Линде дают основание думать, что тема «Пушкин и польская культура» далека от исчерпанности.

Уточняют сведения о восприятии польской книги в России дневники, письма, мемуарные свидетельства современников. Порой они существенным образом дополняют общую картину, создаваемую на основании печатных откликов. В дальнейшем мы предполагаем продолжить анализ журнальных публикаций книг польских авторов, выявить степень полноты перевода. Существенное значение будет иметь книготорговый аспект.

Несколько слов о хронологических рамках периода. Взаимоотношения между Польшей и Россией в XIX в. определялись крупнейшими политическими событиями, поэтому их рамки устанавливаются сравнительно четко: первый этап от начала века до 1831 г., второй — с 1831 по 1863 г. Учитывая принципиальное значение для судеб всей Европы событий 1848 г., мы считаем возможным ограничить второй период этим годом. Следует оговориться: для различных видов литературы необходима определенная корректировка. Так, для художественной литературы более точной датой завершения начального этапа явится 1834 г.

Если обратиться к анализу отдельных видов изданий польской литературы, легко установить, что в центре внимания окажется художественная. При этом выпуск книг польских литераторов чрезвычайно неравномерен на про-

тяжении полувека. Так, до 1825 г. нами выявлено пока что всего лишь одно самостоятельное издание — пьеса В. Богуславского «Король Генрих IV на охоте». Сказанное не означает, что русский читатель не имел представления о польской литературе. Напротив, многие журналы (например, «Улей» В. Анастасевича) с удовольствием предоставляют свои страницы переводам из польских авторов, печатают обзоры, рецензии на книжные новинки. Благодаря публикациям в журналах читатели получили довольно полное представление о польской классике эпохи Возрождения (М. Рей, Я. Кохановский), о литературе XVIII в. (И. Красицкий, С. Трембицкий и др.), об авторах предромантической эпохи.

Решительный перелом в издании переводной польской книги произошел в самом конце 20-х годов, и он во многом связан с приездом в столицы Адама Мицкевича. Благодаря его таланту, личному обаянию, его положению поэта-изгнанника, страдающего от царского произвола, интерес к польской литературе резко возрос. Триумф Мицкевича на страницах русских журналов не мог не повлиять и на книжные издания. В 1829 г. появляются «Стихотворения» А. Мицкевича в переводе В. Любича-Романовича и «Крымские сонеты» в переводе И. Козлова, в 1832 г. в переводе Аф. Шпигоцкого выходит отдельным изданием «Конрад Валленрод». Одновременно русский читатель узнает и о других польских поэтах романтической поры Б. Залеском, А. Ходзько, Э. Одынце, С. Гощинском, С. Витвицком и др.

Для 1830—1834 гг. характерна любопытная закономерность: в Петербурге и в Москве выходят переводы книг, представляющих самые разнообразные виды польского романа (исторический, сентиментальный, дидактический в духе поздних просветителей). Разумеется, 9 книг — цифра довольно скромная, но если учесть, что за предыдущие 30 лет появилась лишь одна книга (К. Гофман-Таньской), и притом на стыке беллетристики и педагогики, а в последующие 35 лет — всего несколько романов, этот небольшой период следует признать заслуживающим внимания.

Два романа — «Юлия и Адольф» Л. Кропинского и «Мальвина, или Предчувствия сердца» М. Вюртембергской — характерны для предромантической прозы. Первый из них, в манере Ж.-Ж. Руссо, как бы завершал период

успеха польского сентиментального романа, одним из главных представителей которого являлся Л. Кропинский, второй, наверное, — лучший образец сентименталистской прозы в польской литературе. Тонкий анализ психологии влюбленных героев, который благодаря автобиографическим чертам приобрел дополнительные оттенки, обусловил его успех в Польше. Эти романы появились в России с опозданием, и поэтому их перевод не стал значительным событием. «Мальвине» были посвящены сдержанные рецензии в «Молве» и «Библиотеке для чтения», «Юлии и Адольфу» — несколько строк в «Московском телеграфе».

С гораздо большим интересом отнеслись в России к польским историческим романам. Для перевода были выбраны лучшие образцы этого жанра — «Поята, дочь Лездейки, или литовцы в XIV в.» Ф. Бернартовича (1832) и «Моина» А. Брониковского, переведенная на русский язык под названием «Станислав Понятовский, или Секретные исторические события XVIII в.» (1832). Менее любопытны, но достаточно характерны для польского литературного процесса тех лет романы А. Юрковского «Лещинский, или Нашествие шведов на Польшу. Исторический роман XVIII столетия» (1830) и А. Потоцкого «Дмитрий Самозванец Второй, или Тушинский» (1833).

Наибольшего внимания заслуживает «Поята» Ф. Бернартовича, вначале печатавшаяся в отрывках в «Северном вестнике». Этот роман о любви Ягелло к польской королеве Ядвиге сыграл значительную роль в истории польской литературы. Исторических романистов своего времени Бернартович превзошел занимательностью интриги, пластичностью образов. Он умело ввел в польский роман повествовательную технику В. Скотта, и в этом его главная заслуга. По мнению Ю. Кшижановского, «Поята» «принадлежит к романам, которые и сегодня читаются с немалым эстетическим удовлетворением».² В России перевод «Пояты» приняли сочувственно. Еще до выхода романа «Санктпетербургские ведомости» писали о книге: «Бернартович является польским В. Скоттом. Его „Поята“ может быть поставлена в ряду лучших романов современных авторов. Отличный выбор темы, занимательная

² Krzyżanowski Julian. O walterskotyzmie polskim. — In: W świecie romantycznym. Kraków, 1961, s. 320.

фабула говорит о достоинстве этого произведения, в котором приятное соединяется с полезным».³ Откликнулся на роман и «Московский телеграф» (1832, № 3). Отметив определенные черты подражательности, критик тем не менее назвал роман «одной из лучших проб в жанре вальтер-скоттовского романа». Дважды возвращалась к оценке книги «Северная пчела» (1831, № 45; 1832, № 107).

В ряду добротной исторической беллетристики оказался и роман А. Брониковского «Моина». Думается, что успех Ф. Бернартовича несколько отодвинул автора «Моины» в тень. Сегодня этого писателя мало кто помнит, а в свое время он был широко известен. Отметим хотя бы, что в своей попытке дать панораму истории Польши он предвосхитил Ю. И. Крашевского.

Два других романа — А. Юрковского и А. Потоцкого — из-за слабости перевода, что было отмечено критикой, прошли почти незамеченными.

Еще один польский роман — «Пап Подстолич» Э. Т. Массальского — появился двумя изданиями (1832—1833 и 1834) с подзаголовком «уездный роман» (в польском оригинале — «административный роман»). Этот подзаголовок не случаен. Создавая «Пана Подстолича», Массальский возвращался к традициям просветительского романа, канон которого в Польше был создан И. Красицким. Роман оказался сугубо эпигонским. Но, критикуя несовершенство романа, и анонимный критик «Московского телеграфа», и В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1847 г.» признали значительность поставленных в нем общественных вопросов: роман, сочувственно изображавший тяжелую жизнь белорусских крестьян, не мог не привлечь внимания русской читающей публики. К такого рода дидактической прозе тяготела и изданная несколько раньше (1827) книга К. Гофман-Таньской «Память доброй матери», посвященная проблемам женского воспитания и образования.

При всей несхожести перечисленных произведений издание их свидетельствует об устойчивости интереса к польской беллетристике. Он определялся в первую очередь моментами политическими, в частности стремлением на материале истории разобраться в характере отношений

³ Санктпетербургские ведомости, 1831, № 53.

между двумя соседними славянскими народами, близкими по языку и культуре. Наконец, интерес этот связан и с определенной эволюцией русского читателя, в эти годы все более испытывающего потребность в чтении книг, сочетавших занимательное с познавательным. Вальтер-скоттовский историзм и освоение принципов психологического анализа, постановка вопроса о положении крестьянства и стремление в той или иной форме разрешить эти вопросы — все это характерно в равной мере для русского и польского литературного процесса.

1834 год стал годом резкого усиления цензурных репрессий и соответственно переломным в издании книг польских авторов. В последующие годы наиболее популярными в России были А. Мицкевич, Ю. Крашевский, Ю. Коженевский. При этом они как бы представляют различные литературные жанры: А. Мицкевич — польскую поэзию, Ю. Крашевский — прозу, Ю. Коженевский — театр и в какой-то мере прозу. Конечно, сводить к этим трем, хотя и очень представительным, фигурам историю знакомства с польской литературой было бы ошибочно. Несмотря на цензурные запреты, русские читатели в эти годы узнали наиболее значительные произведения С. Гоцинского, Б. Залеского. Отдельным изданием появилась восточная повесть в стихах А. Ходзько «Дерар». Из журнальных откликов стало известно имя Ю. Словацкого. Книги польских романтиков различным путем проникали в Россию. Они обсуждались, вызывали заинтересованные отклики. Несмотря на цензурные запреты, продолжают переводиться и публиковаться стихотворения и поэмы А. Мицкевича. Они включаются в русские альманахи: в 1844 г. выходит анонимно отдельным изданием 4-я часть «Дзядов» под названием «Страшный гость».

На страницах периодики публикуются фрагменты прозаических произведений Ю. Крашевского, Ю. Коженевского, М. Грабовского, Л. Штымера и др. Книжные издания и здесь весьма небогаты. Отдельными изданиями выходят Ю. Крашевский, Ю. Коженевский. Характерно, что их произведения так или иначе связаны с традициями начинающего складываться реализма.

Из драматургов, чьи произведения изданы отдельными книгами, наиболее популярным был Ю. Коженевский. С запозданием знакомятся русские читатели с А. Фредро (в 1847 г. появились «Дамы и гусары»).

Подводя итоги, можно сказать, что благодаря переводам, публикациям в периодике, информации в журналах и газетах русский читатель 40-х годов имел довольно полное представление о польской прозе, меньше был знаком с польским театром и очень выборочно знакомился с классиками романтической поэзии. Тем не менее этот период подготовил успех польской литературы в России в последующую эпоху.

Констатируя преобладание переводов польской художественной литературы, не следует забывать о популярности в России в эти годы изданий иных видов литературы. После третьего раздела Польша, лишенная своей государственности, была отброшена в области науки и культуры далеко назад. Закрылись университеты, лишь под покровительством меценатов кое-где продолжалась научная деятельность ученых-одиночек, в десять раз сократился выпуск книг, да и те преимущественно были сведены к сугубо официальным изданиям. Однако в начале XIX в. картина резко меняется, что объяснялось в известной мере как развитием социально-экономических отношений на польских землях, так и ослаблением, хотя и кратковременным, цензурных репрессий в первые годы царствования Александра I. Восстанавливается Виленский университет — с преподаванием на польском языке. Начинает свою деятельность «Общество друзей наук», вокруг которого объединяются все крупнейшие польские ученые. Оно планирует долгосрочные научные работы и поддерживает их материально (коллективная «История Польши», Словарь польского языка). При этом интенсивно развиваются самые различные области знаний. Характерной чертой развития польской науки в начале века является отсутствие национальной замкнутости, стремление к постоянным контактам с соседними народами, прежде всего с русским.

Знакомство с польской научной, учебной, популярной книгой в России осуществлялось по тем же каналам, что и с художественной литературой. В основном — переводы книг, журнальные публикации и рецензии на страницах периодики, одновременно — знакомство с книгами на языке оригинала. Кстати, в связи с удивительной интенсивностью научных контактов появляется необходимость во внимательном анализе разных экземпляров одной книги, хранящихся в наших библиотеках, ибо многие из

них сопровождаются посвящениями и порой пестрят заметками адресатов на полях.

С кем же познакомились русские читатели по отдельным изданиям переводов? Особый интерес вызвали работы, связанные с судьбами славянства. Эта проблематика занимает в те годы ведущее место не только в польской науке. Но в Польше отношение к ней было особенно обостренным: на примере героических страниц истории воспитывалось национальное сознание, что соединялось с особым интересом ко всему национальному в эпоху романтизма.

Среди переведенных на русский язык книг по истории славянства следует упомянуть работы Е. С. Бандтке «Замечания о языках богемском, польском, и нынешнем российском» (около 1815 г.). Отметим, что журнальная публикация этой работы получила самую высокую оценку на страницах «Вестника Европы» со стороны скептического М. Каченовского, в частности благодаря новаторской постановке вопроса о самостоятельности украинского и белорусского языков. Другая книга Е. С. Бандтке — «История государства польского» — явилась одной из первых попыток компактного, синтезированного изложения истории нации. Появление ее во многом обязано усилиям цензора П. Гаевского, который выступил в качестве ее переводчика.

В 20-е годы русская читающая публика познакомилась с отдельными изданиями работ выдающегося польского ученого и писателя Яна Потоцкого. Его роман «Рукопись, найденная в Сарагоссе», написанный по-французски, хорошо знали в России. С интересом была встречена его книга «История примитивных народов России», отрывки из которой, так же как и отчеты ученых о путешествиях на Кавказ и в степи Астрахани, публиковались на страницах русских журналов. В 1823 г. в переводе В. Анастасевича появился «Археологический атлас Европейской России», а в 1829 г. в переводе С. Руссова — «Древняя история Волынской губернии». Великим достоинством работ Я. Потоцкого явилось то, что материалы и выводы древних авторов он проверил своими конкретными наблюдениями, накопленными во время многочисленных путешествий по славянским землям.

Этого критицизма не доставало трудам ученого митрополита Богуша Сестренцевича. В первой четверти XIX в.

на русском языке его издали трижды. Это «История Тавриды» (1806), «Слово, сказанное в Вильне» (1819) и «Исследование о происхождении русского народа» (1818). Современники обвиняли его в приспособленчестве и карьеризме (его пост главы католической церкви в России не был, конечно, случайностью), но в развитии научных контактов двух народов он сыграл определенную роль.

В то же время выходит работа крупного польского антрополога и экономиста Суroveцкого «Нечто о рунических письменах у европейских народов» (1823). Среди прочих изданий должны быть отмечены два сборника юридических установлений «Статут Великого княжества Литовского» (1811) и «Ручной словарь, или Краткое содержание польских и литовских законов» (1810).

Важным событием стал выход трех книг польских физиократов братьев Стройновских. Переводчиком всех их явился неустанный пропагандист польской науки и культуры В. Анастасевич. Книги В. Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами» (1803), «Всеобщая экономия народов» (1817) и И. Стройновского «Наука права природного политического государственного хозяйства и права народов» (1809) подробно анализируются и справедливо оцениваются в работе М. А. Брискмана, посвященной В. Анастасевичу. Но, думается, что, увлекшись противопоставлением В. Анастасевич — В. Стройновский, автор несколько приуменьшил резонанс книги, значение которой не столько в радикализме конкретных предложений, сколько в разъяснении возможности более совершенной общественно-экономической системы, в постановке вопроса об освобождении крестьянства, подробном изложении «Общественного договора» Руссо. Из книг естественно-научного содержания была переведена, в частности, «География или математическое и физическое описание Земли» Я. Снядецкого, которая служила в качестве учебного пособия в университетах.

Какие выводы можно сделать из этого беглого перечисления книг и имен? Переводные книги в большей степени связаны со сферой гуманитарных дисциплин, при этом особое внимание уделяется славянским древностям, вопросам происхождения языка и письменности. В связи с полемикой вокруг крестьянского вопроса актуальными оказались книги братьев Стройновских. Некоторые мате-

риалы, типа «Свода польских законов», служили сугубо практическим целям властей.

Сказанное, естественно, не означает, что в России знали только упомянутые польские научные книги тех лет. Нельзя забывать о фрагментах книг, помещенных на страницах русских журналов. Регулярно публиковались отклики и рецензии на польские книги. Острую полемику вызвала двукратная публикация (в «Украинском вестнике» и «Вестнике Европы») работы Я. Снядецкого «О философии». Его же статья «О классиках и романтиках» стала серьезным аргументом в полемике вокруг проблем русского романтизма. Со страниц русских журналов не сходило имя И. Лелевеля. В спорах об «Истории» Н. Карамзина весьма убедительно прозвучали его критические замечания. Большое впечатление произвела «История польской литературы» Ф. Бентковского (см. хотя бы переписку Е. Болховитинова и В. Анастасевича). Хорошо известен в России Доленга-Ходаковский, автор новаторских трудов в области славистики, фольклора. Этот ряд можно продолжить именами известного филолога С. Б. Линде, историков и литераторов А. Нарушевича и Ю. У. Немцевича, историков права Т. Чацкого и И. Раковецкого.

Следующий этап (1813—1848) резко отличается от предыдущего. В книжных и журнальных публикациях мы уже не видим того богатства имен, как в предыдущую эпоху. Правда, сохраняются и продолжают традиции прошлых лет, но весьма специфично. Сохраняются связи ученых-академиков, появляются новые полонисты, которые бескорыстно стремятся к сближению народов (вспомним хотя бы об издателе «Денницы» П. Дубровском). Особое значение приобретает отношение к польскому вопросу славянофилов, неоднократно выступавших в защиту польского народа. На страницах славянофильской периодики, в первую очередь «Москвитянина», постоянно появлялись статьи о крупнейших польских ученых прошлого и современности (М. Копернике, С. Б. Линде, В. Мадеевском, М. Вишневском).

Среди книжных изданий наибольший интерес представляют материалы, освещающие польскую историю и русско-польские отношения («Рукопись Жолкевского. Начало и успех московской войны в царствование короля Сигизмунда»). Под редакцией И. Даниловича появилось два издания «Свода местных законов западных губерний».

Из крупных работ по славистике следует упомянуть книгу В. Мацеевского «Очерк истории и письменности и просвещения славянских народов» (1840, 1846). В 1846 г. появилась с запозданием книга В. Суroveцкого, недооцененная при жизни автора, — «Очерк истории славянских народов», в 1845 г. — «Материалы к сравнительному словарю русского языка. Буква К» С. Б. Линде.

Славянской тематикой не ограничивается издание переводов книг польских авторов. В 1834 г. издана работа польского шеллингианца Ю. Голуховского «Философия, относящаяся к жизни целых народов и отдельного человека». Работа переведена Ю. Велланским, который испытал большое влияние польского философа, и с большим интересом была встречена в кругу любителей. Другое интересное издание — «Каноны и логарифмы» Ю. Хене-Вронского, выдающегося польского философа и математика.

В настоящей статье мы не стремимся выяснить все разнообразные проблемы, связанные с историей польской книги в России в первой половине XIX в. Около 50 книг, которые нами пока что обнаружены, информация о польских книгах в периодике, рецензиях позволяют сделать вывод об устойчивости интереса в России к польской книге и определенном вкладе ее в русскую культуру данного периода.

II. КНИГОПЕЧАТАНИЕ

О. О. Зандерс

ПЕРВОПЕЧАТНИКИ РИГИ¹

Сведения о приобретении печатных книг за границей для нужд города Риги имеются начиная с 1470 г. Книги в Прибалтике распространялись странствующими купцами, главным образом из Германии, Польши и Нидерландов. До сего времени сохранился молитвенник на латинском языке, напечатанный в Любеке. В 1521 г. он был приобретен братством латышских транспортников — лигерами.

Зарубежные типографии иногда выполняли специальные заказы города (в 1513 г. в Амстердаме напечатан молитвенник «*Breviarium . . . Rigensis ecclesiae*»). В Кенигсберге издан календарь на 1565 год, составленный рижским врачом Захарием Стопием.

О собраниях инкунабул, палеотипов и других книг XVI в. можно судить по фондам Рижской городской библиотеки (ныне Фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР), основанной в 1524 г. В настоящее время в Библиотеке хранится более 200 инкунабулов, изданных в Париже, Антверпене, Брюсселе, Риме, Венеции,

¹ При написании статьи использованы архивные фонды Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР, Государственной библиотеки Латвийской ССР и следующая литература: А п и н и с А. А. Книгопечатание в Латвии. — В кн.: 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. М., 1964; Библиотеке 450. (К юбилею Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР. 1524—1974). Рига, 1974; B u c h h o l t z А. Geschichte der Buchdruckerkunst in Riga. R., 1890; B e r g m a n n L. Kurze Nachrichten von Rigischen Buchdruckern überhaupt und den Stadtbuchdruckern insbesondere. . . R., 1795.

Флоренции, Базеле, Нюрнберге, Лейпциге и других городах; часть из них попала в Ригу уже в конце XV — начале XVI в.

В 1525 г. в Германии была напечатана первая из до сего времени известных книг на латышском языке.² Впоследствии книги на латышском языке стали издаваться в Вильнюсе и Кенигсберге. К концу XVI в. одни только иностранные издания перестали удовлетворять все возрастающие потребности города. Образуется более широкий круг интеллигенции — так называемые рижские гуманисты, педагоги рижской Домской школы, юристы, члены рижского магистрата и др. Почти все они были немцами, позднее слой интеллигенции весьма незначительно пополнился выходцами из Польши и Литвы. Печатное слово в своих интересах пытаются использовать враждующие между собой католики и лютеране.

Рижский магистрат пригласил из Антверпена книгопечатника Николая Моллина, напечатавшего свое первое издание в Риге в 1588 г. Два года спустя, согласно распоряжению рижского магистрата и привилегии, предоставленной королем Польши, Моллин был официально утвержден книгопечатником города. Эти документы регламентировали юридическое и экономическое положение типографии, обеспечивали Моллину преимущественное право на продажу книг и охраняли его издания от перепечатывания. Однако наряду с этим они несколько ограничивали деятельность Моллина, лишая его возможности расширить типографию. Оборудование типографии частично принадлежало городу; магистрат сохранял за собой право вмешиваться в процесс производства, регулировать цены на книги и воздействовать на выбор издаваемых произведений. Инспекторы магистрата осуществляли цензуру над изданными работами. Кроме того, издания Моллина находились под надзором консистории лютеранской церкви. Экономико-юридическое положение рижской городской типографии и разного рода феодальные ограничения существенно отличают ее от крупных предприятий капиталистического типа в Западной Европе и от Московской типографии, которая являлась государственным предприятием.

При передаче магистратом типографии Н. Моллину

² Книга (религиозного содержания) не сохранилась, и название ее неизвестно.

были поставлены условия, что в ней должно действовать не менее двух станов; оборудование по мере необходимости владелец типографии должен был приобретать сам. Типография должна была содержаться в хорошем состоянии. Следовало принять помощника, который мог считать корректуры на латинском и немецком языках. С Моллина было взято клятвенное обещание в том, что он будет остерегаться ереси. На него была возложена обязанность выполнять главным образом заказы магистрата, духовенства и городских школ. 60 экземпляров из всех городских заказов Н. Моллин должен был безвозмездно передавать магистрату.

Привилегия, предоставленная Н. Моллину, предусматривала, что изданные рижской типографией книги никоим образом не должны перепечатываться за пределами Польши, иначе их запрещалось ввозить. Только Моллин имел право печатать календари для нужд города. Так как главным источником дохода типографии являлась продажа изданных книг, правом продажи, кроме книгопечатника, пользовался еще только один книготорговец. Приезжие торговцы имели право продавать книги только в течение короткого промежутка времени, например на ярмарках.

Отстаивая интересы Н. Моллина, магистрат отклонил предложение о создании в городе нескольких магазинов для торговли книгами и оборудовании второй типографии. Кроме того, он не поддержал просьбу рижских переплетчиков разрешить и им продавать книги. Моллина освободили от уплаты налогов и выполнения различных обязанностей рядовых горожан; от городского магистрата он ежегодно получал 100 талеров. Для стабилизации его материального положения магистрат выделил ему бесплатную квартиру, а в 1594 г. предоставил заем в сумме 400 талеров для расширения типографии.

До нас дошло сравнительно мало сведений об оборудовании этой типографии, которое полностью приобреталось заново. Думается, что большую роль в этом сыграли связи Н. Моллина с одной из типографий города Виттенберга. В его распоряжении, без сомнения, не было той техники, какой в те времена уже были оборудованы крупнейшие центры книгопечатания Европы. Не было ни известных резчиков по дереву, ни граверов по меди. Инвентарь был частично изношен, иногда недоставало необходимых

прифтов. Так, в первые годы существования типографии Моллин не мог напечатать цитаты на греческом языке, поэтому претензии к нему рижских гуманистов того времени вполне обоснованны. В годы войн и беспорядков особую трудность составляло приобретение бумаги.

Качество напечатанных в типографии Моллина изданий в целом довольно невысоко, хотя есть и приятные исключения. Титульные листы были слишком загромождены типографским орнаментом в стиле барокко. Иллюстрации главным образом аллегорического характера, довольно много резьбы по дереву, клише для которой только в редких случаях изготовлялось на месте, в Риге. С течением времени Н. Моллин старался улучшить качество изданий: последняя работа — произведение суперинтенданта Лифляндии Германа Самсона «Himlische Schatzkammer» с иллюстрациями и орнаментами, изготовленными в Риге, — уже на уровне лучших печатных работ того времени. Вызывает удивление высокое мастерство рижских переплетчиков, что лучше всего проявляется в экземплярах книг, подаренных Моллином городским патрициям. Белые и коричневые кожаные переплеты отделаны бронзовыми коваными украшениями и золочеными виньетками.

За период с 1588 по 1625 г. Н. Моллин, по нынешним подсчетам, напечатал около 178 изданий, главным образом на латинском и немецком языках; только 3 из них были на латышском, 1 на финском и 1 на шведском языках.³ Количество изданий распределяется по годам весьма неравномерно. За первые 5 лет вышли в свет 19, а в течение только 1599 г. — 16 изданий. Однако печатная продукция собственной типографии не могла упрочить материальное состояние Н. Моллина, поэтому он пытался наладить связи с другими городами Европы. Для нужд рижской интеллигенции он, например, закупал книги на Франкфуртской книжной ярмарке. Издания самого Н. Моллина в каталогах ярмарки упоминаются только один раз, поэтому можно считать, что служили они в основном для местного сбыта: это в большинстве своем

³ Число изданий Н. Моллина установлено на основании изучения книжных фондов Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР и Государственной библиотеки Латвийской ССР.

статьи по богословию, трактаты по юриспруденции, философии и истории, календари, приветственные стихотворения и различные распоряжения рижского магистрата. Думается, что не сохранилась самая первая его работа, напечатанная в 1588 г., — «Рижский песенник»; но в нашем распоряжении имеется изданное в том же году поздравительное стихотворение на латинском языке Ансельма Боциуса королю Польши Сигизмунду III («Carmen gratulatorium»). В издании 1589 г. «Libellus ethicus scholasticae» содержатся сведения о рижских школах того времени, а в календаре на 1590 г. видим впервые напечатанный в Риге силуэт города, выполненный резьбой по дереву.

Из изданий античной филологии можно упомянуть «Elementa linguae graecae» (1954) и собрание писем Цицерона (1614). Представляет интерес работа Георга Манцеля о землетрясении в Латвии 20 июня 1616 г. (1619). В 1612 г. издается краткий очерк истории Лифляндии, к которому приложена гравюра на меди, изображающая широкую панораму Риги. Здесь видим не только архитектуру того времени, но и городской транспорт, корабли на Даугаве, одежду горожан — представителей разных сословий, предметы быта и обычаи. Кроме того, видим рижан-латышей, отличающихся от остальных горожан особенностями своей одежды. В 1593 г. Н. Моллин печатает составленный магистратом «Reformierte Kost und Kleider Ordnung» — так называемое «запрещение роскоши», направленное главным образом против попыток горожан низших сословий одеваться более изысканно. Следует упомянуть изданное в 1622 г. на латинском и немецком языках описание осады Риги во время польско-шведской войны («De expugnatione civitatis Rigensis»), которое дополнено гравюрой на меди, изображающей Ригу и ее окрестности. Виды и гербы города напечатаны и в других изданиях.

В 1615 г. выходит в свет единственное издание Н. Моллина на латышском языке, которое он печатает на собственные средства по распоряжению магистрата. Это новое издание настольной книги лютеранской церкви с текстом богослужений в 3 частях («Psalmen und geistliche Lieder...», «Evangelia und Episteln...», «Enchiridion») является одним из наиболее значительных и самых крупных по объему, отделкой которого он очень гордился. Оно доказало необходимость издания книг на латышском языке в самой Риге.

После смерти Н. Моллина с 1625 и до 1657 г. типография перешла в руки Г. Шредера, который в общих чертах продолжал его традиции. За время его деятельности значительно увеличился объем издаваемых работ. Заслугой Шредера является существенное усовершенствование оборудования типографии; его печатные работы были на уровне лучших в Западной Европе. В связи с перипетиями Тридцатилетней войны европейский рынок сбыта книг намного сузился, большие трудности представляла и доставка бумаги. Себестоимость издаваемых Шредером книг была выше себестоимости книг в Германии. В 1657 г. магистрат, например, получил жалобу, что Шредер повысил стоимость одного печатного листа от 1.5 до 2 государственных талеров, но ему удалось оправдаться всеобщим повышением цен. С течением времени Шредер становится трудно выполнять заказы магистрата за свой счет, а также печатать и другие издания. Так, в 1645 г. ему доверяют напечатать текст мирного договора между Швецией и Польшей. Впоследствии выяснилось, что оттиск не вполне соответствовал оригиналу, а между тем подобные издания были уже отпечатаны в Германии и в Ревеле. Шредеру удалось реализовать только 25 экземпляров.

Деятельность Г. Шредера сопровождалась неоднократными конфликтами и тяжбами с переплетчиками Риги: он пытался оставить за собой монопольное право на продажу книг, а переплетчики старались сами сбывать книги, оставляя за ним право продажи непереpletенных книг. Магистрат в спорных вопросах обычно становился на сторону Шредера. Открыть специальные книжные магазины переплетчикам не разрешили, но предоставили им право продавать книги определенного типа, например переплетенные ими календари и песенники. Следует упомянуть, что монополию Шредера иногда пытались поколебать (особенно во время ярмарок) приезжие торговцы из Швеции, Германии и других стран: календари, например, продавали торговцы скобяными товарами и мануфактурой.

За время деятельности Шредера возросло число изданий на немецком и латышском языках, больше печаталось учебников и книг светского содержания. Конечно, было достаточно еще и так называемых проповедей, направленных против «ведьм»; книги по истории и этнографии Латвии в действительности являлись искажением истории

(например, произведения суперинтенданта Курляндии Паула Эйнхорна).

В 1631 г. в Риге была основана гимназия, и Шредер старался удовлетворять растущие литературные запросы горожан. Он печатает много азбук, словарей счетных книг, лексиконов, грамматик, неоднократно выходит «Stratagema oeconomicum oder Ackerstudent» — справочная книга по сельскому хозяйству местного автора Соломона Губерта. Работа эта была настолько популярной, что М. В. Ломоносов в годы учения переводил на русский язык отдельные ее главы.

Основной заслугой Г. Шредера явилось издание довольно большого количества книг на латышском языке, что способствовало дальнейшему развитию литературного языка и книжного дела в Латвии. В 1631 г. вышла в новой редакции настольная книга «Lettisch Vademecum», повторно она издается в 1643 г. Предисловие к этому изданию напечатано уже и на латышском языке, что свидетельствует о том, что Шредер принимает во внимание не только читателей, владеющих немецким языком, но и небольшой еще контингент латышских покупателей. В 1654 г. был напечатан сборник проповедей Георга Манцеля «Langgewünschte Lettische Postill», до сих пор не утративший своего культурно-исторического значения. Менее значительной представляется изданная в 1644 г. первая «Грамматика латышского языка» И. Рехехузена, а составленный Г. Манцелем словарь «Lettus» (1638 г.) стал основой для всех последующих латышских словарей. В хранящемся в фонде редкостей Фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР экземпляре, например, находим сделанные от руки заметки по лексике латышского языка: народные песни, пословицы, поговорки.

В заключение следует сказать, что, несмотря на многократные войны, ненадежное политическое и экономическое положение Риги, первые книгопечатники города успешно справились со своей задачей. Рига стала одним из ведущих центров книгопечатания в Восточной Европе. Начали издаваться книги на латышском языке. Однако ограничения, создаваемые феодальной администрацией города, со временем стали существенным препятствием для дальнейшего развития книгопечатания и распространения книг.

РУССКО-УКРАИНСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ
В КОНЦЕ XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

С первых лет существования украинское книгопечатание развивалось в тесной связи с книгопечатанием России и Белоруссии. Основоположителем книгопечатания Украины стал москвич Иван Федоров, книги которого впоследствии неоднократно переиздавались украинскими и белорусскими типографиями. Украинец Анисим Михайлович Радишевский работал в московском Печатном дворе. Москву посещали видные деятели книгопечатания Украины и Белоруссии П. Берында, Л. Зизаний, С. Соболев. Московские издания в конце XVI—первой половине XVII в. были известны во всех частях Украины, вплоть до самых западных окраин. Еще большее распространение получили книги украинской печати в России, несмотря на то что были периоды, когда их ввоз запрещался.¹ Бытование русских изданий на Украине и украинских в России стало предпосылкой взаимовлияний в области издательского дела и книгопечатания.

Если роль Ивана Федорова в русско-белорусско-украинских культурных связях уже была предметом исследования, то значение книгопечатания для межславянских связей в последующий период изучено в меньшей мере. Между тем и после Федорова московские издания нередко служили образцом для украинских издателей. Так, по примеру московского Октоиха 1594 г. в дерманское издание 1604 г. был включен Параклитик богородице.² К тому же источнику обратились редакторы львовского Октоиха 1630 г.: «Прежде же со изводом Октоиха опасно исправленным в благоверном боголюбивом же и всесвѣтлом царствии великороссийском в градѣ Москвѣ в лѣто от создания мира 7102 напечатанным изслѣдивше исправихом ему же и сей наш Октоих вослѣдую вся тропари

¹ Сапунов Б. В. Украинская книга в России в XVII в. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. М., 1974, с. 44—46.

² Модест (Стрельбицкий). О церковном Октоихе. Киев, 1885, с. 42.

содержит». Минея общая, изданная С. Соболев в Клеве в 1628 г., — простая перепечатка московского издания 1600 г. В предисловии П. Могилы к Служебнику 1639 г. сказано, что он издается «з тексту правдивого грецкого и старожитных наших русских и московских служебников».³ В «Лифосе», полемизируя с К. Саковичем, Могила ссылался на авторитет московского печатного Требника.⁴ Кроме печатных книг, широко использовались русские рукописи. Так, при составлении своего знаменитого Лексикона П. Берында привлекал материалы из Соловецкого Патерика, азбуковников, Великих четьих-миней Макария, произведений Максима Грека.

Примечательным явлением в культурной жизни стала публикация украинскими типографиями произведений Максима Грека. Один из ведущих деятелей острожского литературно-научного кружка Василий Суражский в качестве второго раздела «Книжицы» из шести разделов «О единой вѣрѣ» (Острог, 1588 г.) поместил свою переработку двух «Слов на латинов» Максима Грека.⁵ Позже Захария Копыстенский включил довольно точный украинский перевод этих же «слов» в «Книге о вере», выпущенной Киево-Печерской типографией около 1619—1620 г.⁶ Вскоре после «Книги о вере», между июнем и октябрём 1620 г.,⁷ в Киеве был напечатан отдельным изданием также оригинальный церковнославянский текст тех же двух «Слов на латинов» Максима Грека. Осуществленные Максимом переводы «Толкований» Иоанна Златоуста на «деяния» и «послания» были использованы, в числе других источников, киевскими издателями «Бесед» Иоанна «на деяния» (1624) и «послания» (1623).

В издание поучений аввы Дорофея (Киев, лаврская типография, 1628) включены «Предсловіе вкратцѣ Нилово» и заключающие книгу две статьи «преподобного

³ Титов Хв. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924, с. 217.

⁴ Архив Юго-Западной России. Т. 9, ч. 1. Киев, 1893, с. 50.

⁵ Копержинський К. Український письменник XVI в. Василь Суражський. — Науковий збірник за 1926, Київ, 1926, с. 58—72.

⁶ Утверждение некоторых авторов о существовании двух или даже трех изданий киевской «Книги о вере» (см., например: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 111) ошибочно.

⁷ Дата установлена Т. Н. Каменевой и А. А. Гусевой.

Нила» — «Нѣсть убо добро еже всем человеком хотѣти угоден быти» и «О мнѣхъ, кружающихъ стяжаний ради». А. С. Архангельский, знавший эти тексты только по рукописям, не сомневался в их принадлежности Нилу Сорскому.⁸ Позже было доказано, что отрывок «О мнѣхъ» — перевод одного из писем Нила Синайского,⁹ а для «Предслова» Нил Сорский сократил «Предисловие к Дорифею» анонимного автора-студита.¹⁰ Надо полагать, киевские издатели использовали русскую рукопись, включавшую сокращенное Нилом Сорским «Предсловие»¹¹ и две статьи, которые, вероятно, перевел также он.¹² В 1628 г. в киевской типографии Спиридона Соболя вышел из печати «Лимонарь» Иоанна Мосха по тексту, исправленному в 1528 г. старцем Волоцкого монастыря Досифеем (Топорковым).¹³

Примеры использования украинскими издателями русских печатных и рукописных книг можно было бы продолжить. С другой стороны, составители и редакторы московских изданий нередко также использовали книги, напечатанные на Украине и в Белоруссии. Так, заимствования из предисловия Герасима Смотрицкого к Острожской Библии имеются в предисловии к Уставу церковному, напечатанному А. М. Радисhevским в 1610 г., в предисловиях и послесловиях московских изданий Никиты Фофанова и в выпущенном им же «нижегородском памятнике».¹⁴ Вирши, которыми Г. Смотрицкий кончает пос-

⁸ Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Ч. 1. СПб., 1882, с. 62.

⁹ Боровкова-Майкова М. С. К литературной деятельности Нила Сорского. — В кн.: Памятники древней письменности, 1911, вып. 177, с. 2—3.

¹⁰ Lilienfeldt F. Nil Sorskij und seine Schriften. Berlin, 1963, S. 94.

¹¹ Исследователи творчества Нила Сорского использовали «Предсловие» по одной лишь рукописи — сборнику 1645 г. Кирилло-Белозерского монастыря, не указывая при этом, что она является копией киевского издания поучений Дорифея (см.: ГПБ, ф. Кир.-Бел. мон., ркп. 129/254).

¹² О Ниле Сорском как переводчике отрывка «О мнѣхъ» пишет также Я. С. Лурье (Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М., 1960, с. 304).

¹³ Смирнов И. А. Лимонарь. Сергиев Посад, 1915, с. 255.

¹⁴ Зернова А. С. Орнамента книги московской печати XVI—XVII вв. М., 1952. Указатель, с. 14; История русской литературы. Т. 2, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 15.

лесловие к Библии («Всякого чина православный читателю»), напечатаны с некоторыми изменениями в московской «Книге о вере», о которой идет речь ниже.¹⁵ В приложении к мирскому и иноческому Требникам 1639 г. был перепечатан киевский Номоканон 1624 г.¹⁶

Первыми московскими изданиями, предназначавшимися в первую очередь для домашнего чтения, считают Пролог, печатавшийся в 1640—1643 гг. (два тома), и Маргарит Иоанна Златоуста, печатавшийся в 1640—1641 гг.¹⁷ Недавно удалось найти тот экземпляр острожского издания Маргарита 1595 г., по которому текст набирался в Москве.¹⁸ На книге имеются записи (на 4 ин. л.): «Книга Печатного двора справщика З. П.», «Книга Тимофея Литвинова взята у Захария Подосенова». Захарий Афанасьевич Подосенев был справщиком в 1640—1679 гг. Сохранились многочисленные архивные записи о покупке им книг и о получении безвозмездно книг, в правке которых он принимал участие.¹⁹ После выхода Маргарита было выдано по одному экземпляру «государева жалованья справщикам» Михаилу Рогову, Ивану Наседке, старцу Саватею, Шестому Мартемьянову.²⁰ Отсюда можно сделать вывод, что Захарий не принимал участия в правке Маргарита. Поэтому не ему, а кому-то из его коллег принадлежат киноарные исправления в наборном экземпляре: подчеркнуты одни ударения и проставлены другие, устранены (правда, не всегда последо-

¹⁵ Н. П. Киселев, подчеркивая значение виршей как второго (после виршей в Азбуке В. Бурцова) напечатанного в Москве поэтического произведения, высказывал предположение, что этот текст был написан специально для публикации (Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Т. 2. М., 1960, с. 158—159; см. также: 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. М., 1964, с. 59).

¹⁶ Сохранилась рукопись, по которой текст Номоканона набирал в Москве (см.: ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 393, л. 1—109. См. также: Павлов А. Номоканон при Большом Требнике. М., 1897, с. 61—63).

¹⁷ Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в., с. 145, 147, 150.

¹⁸ Экземпляр Гос. б-ки БССР им. В. И. Ленина в Минске, шифр 09/4818 (бывший 12-й экз. ГБЛ).

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 34, л. 252, 267, 331; д. 39, л. 506; д. 57, л. 3, 219; ср.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское наследие. — Тр. XV археолог. съезда, М., 1916, т. 2, с. 378.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 36, л. 25; д. 34, л. 26.

вательно) орфографические болгаризмы, а также украинизмы в лексике (вм. *служующе* — *служаще*, *друковати* — *печатати*). В целом же московское издание повторяет не только текст, но и предисловие острожского; в Москве дополнили книгу лишь Житием Иоанна Златоуста. Как показало сличение экземпляра Захария Подосенова с экземплярами издания 1641 г., московские наборщики очень точно воспроизвели правки. В 1643 г. в Москве напечатали «Поучение епископское новопоставленному иерееви» («О хиротонии») ²¹ — памятник, неоднократно до того издававшийся на Украине. ²² В 1649 г. вышло второе московское издание. ²³

Публицистические произведения, печатавшиеся ранее на Украине и в Белоруссии (в том числе произведения украинских и белорусских писателей конца XVI—начала XVII в.), вошли в состав полемических сборников московской печати — «Кирилловой книги» (1644), «Книги о вере единой» (1648). ²⁴ В 1648 г. в Москве была опубликована без обозначения автора «Грамматика» М. Смотрицкого по евьинскому изданию 1619 г. В 1649 г. был издан церковно-славянский перевод Катехизиса П. Могилы, изданного за четыре года до того в Киеве (два издания

²¹ Там же, д. 36, л. 224.

²² Сохранились экземпляры изданий, печатавшихся по заказам луцкого епископа Кирилла Терлецкого (напечатано около 1587—1595, вероятно, в Вильнюсе, а не в Остроге, как принято считать) и львовского епископа Арсения Желиборского (Львов, 1642). По рукописным источникам известны стрятинское издание (около 1602) и издание М. Слезки по заказу Афанасия Пузыны (1638). В научной литературе авторство памятника приписывают то киевскому митрополиту XVI в. Сильвестру Билькевичу (Соболевский и А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, с. 12), то Желиборскому (Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила... Т. 2. Киев, 1898, Прилож., с. 228), то Сильвестру Косову. На самом деле Поучение входило уже в состав «Кормчей» 1282 г. (см.: РИБ, т. 6, стб. 101—102; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1975, с. 255).

²³ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 39, л. 689; см. также: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958, № 228 (датировано «ок. 1650»).

²⁴ Федор Иванов назвал главным составителем «Кирилловой книги» Михаила Рогова, а автором «Книги о вере» — михайловского игумена Нафанаила. Последнего в научной литературе именуют «киевским игуменом», однако ни в одном из двух киевских михайловских монастырей (ни в Золотоверхом, ни в Выдубецком) такого игумена не было.

на польском языке и два на украинском).²⁵ В Кормчую книгу 1650 г. вошел раздел о браке могилянского Требника 1646 г. и упоминавшееся «Поучение иереви».

В первой половине XVII в. в Москве было издано 12 наименований книг нелитургического назначения, из них 7 — произведения украинских и белорусских авторов или перепечатки украинских изданий. Нельзя не согласиться с наблюдением К. В. Харламповича: «Книги литовской печати» (т. е. украинские и белорусские издания) не могли сравниться по силе и глубине влияния и по распространенности с теми украинско-белорусскими — целиком или в частях — сочинениями, которые выходили из-под московского типографского станка.²⁶ Это видно и из сохранившихся записей о продажах в Печатном дворе переизданий книг, печатавшихся ранее в Белоруссии и на Украине. В частности, очень большим был спрос на упоминавшееся переиздание Маргарита, хотя книга продавалась с самой высокой в практике московского Печатного двора наценкой (продажная цена составляла 363% себестоимости).²⁷ 17 ноября 1641 г., в первый день продажи книги, был продан 161 экземпляр; 19 ноября продали 136 книг. Среди покупателей в эти дни были люди разных сословий, в том числе торговые люди из рядов суконного, овощного, сапожного, москательного и др., переплетчик Печатного двора Иван Федоров, книжный писец Ивашка Агафоников, Казенной слободы тяглец Федька Данилов, сретенской сотни тяглец Сенька Сергеев, Патриаршей слободы Козьего болота крестьянин Давыдка Иванов, стрелецкий голова Ларион Лопухин, князь Д. М. Пожарский (купил 4 книги), покупатель из Костромского уезда, Соли Вычегодской, Архангельска и других городов.²⁸ Столь же быстро раскупались в первые месяцы после выхода «Кириллова книга», «Книга о вере».

²⁵ Второе украинское издание 1645 г. выявлено Т. Н. Каменевой и А. А. Гусевой, второе польское издание выявлено нами в результате сравнения двух книг, которые ранее считались экземплярами одного издания. Ср.: ЦГАДА, б-ка Синодальной типографии, экз. № 4291 (из книг Симеона Полоцкого) и экземпляр в сборнике № 4259.

²⁶ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914, с. 118.

²⁷ Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 58.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 36, л. 26—54.

Популярность в России произведений украинских авторов объясняется разными причинами. «Ирония судьбы была такова, — пишет А. Н. Робинсон, — что те украинские книги, которые переводились, издавались и насаждались московским правительством и государственной церковью до никоновской реформы, неожиданно оказались после нее для писателей раскола обильным источником противоположительных и противоцерковных идей».²⁹ Он отмечает также наличие типологических соответствий между разновременными общественно-политическими течениями в России, с одной стороны, и на Украине и в Белоруссии — с другой. Такие соответствия, как и общие для всех трех восточнославянских народов процессы культурной жизни, сказались и в книжном деле, создавая почву для стабилизации некоторых типов изданий и свойственных им приемов полиграфической организации текста. Весьма характерно и появление общих тем в дополнительных статьях печатных книг. Еще начиная с изданий Скорины и Ивана Федорова было принято прибавлять к кирилловским книгам пространные послесловия (типичны для Москвы) или предисловия (более характерны для Украины и Белоруссии). И в тех и в других встречаются жалобы на испорченность рукописных текстов, соображения о пользе издаваемой книги, нередко — сведения об организации типографий и преодолении различных трудностей издателями и книгопечатниками (послесловия федоровских Апостолов, московской Псалтири 1615 г., предисловия московской Минеи общей 1609 г., киевских «Бесед на послания» 1623 г. и Триоди цветной 1631 г. и т. п.).³⁰ Свойственные этому жанру «устойчивые мотивы и своеобразные приемы стиля»³¹ были выработаны совместно русским и белорусско-украинским книгопечатанием.

Традиции русской рукописной книги существенно повлияли — как непосредственно, так и через федоровские издания — на выработку основных черт оформления украинских изданий, приемов размещения текста и его полиграфической организации, подбор шрифтов, орнамен-

²⁹ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 316—317.

³⁰ Отроковский В. Тарасий Земка, южнорусский литературный деятель XVII в. Пг., 1921, с. 63—69.

³¹ Там же, с. 63.

тики. Подражания московской послефедоровской орнаментике встречаются в изданиях Гарабурды, Мамоничей, Соболя, Кутейнского монастыря, рохмановской типографии К. Т. Ставровецкого.³² Вязь в дерманском Октоихе 1604 г. — явное подражание начертаниям вязи в московском издании 1594 г. На Украине весьма популярны были русские иконы, и это не могло не отразиться на композиции ряда иллюстративных гравюр украинских мастеров. С другой стороны, элементы оформления украинской и белорусской книги использовались московскими типографиями. Интересно, что заставка с вкомпонированной иллюстрацией впервые была применена в московском среднешрифтном Евангелии в середине XVI в. В первой половине XVII в. такие заставки были распространены на Украине, а в московской печати они появляются опять только в 50-е годы XVII в.³³ Инициалы типа острожских имеются в Псалтири Бурцова 1636 г. и в других изданиях этого печатника.³⁴ Как отметила А. С. Зернова, с 30-х годов XVII в. в московских изданиях появились сигнатуры, с 1659 г. — обрамление страниц наборными украшениями, с 1663 г. — набор в два столбца, с 1679—1683 гг. — линейные рамки. На Украине и в Белоруссии эти приемы использовались ранее: сигнатуры — с конца XVI в., линейное обрамление — впервые в стрятинском Требнике 1606 г., рамки из наборных украшений — в львовском издании виршей П. Берынды 1616 г.³⁵ Весьма характерны указанные особенности для изданий Киево-Печерской лавры. Учитывая высокий авторитет лавры как издателя, вряд ли можно сомневаться в том, что именно ее книги сыграли важную роль в подготовке почвы для введения перечисленных новшеств и московскими печатниками.

Большинство крупных шрифтов украинских типографий развивалось на основе московского федоровского

³² Зернова А. С. Орнаментика..., с. 17.

³³ Там же, с. 13. В русских рукописных книгах заставки с портретными изображениями известны с конца XV в., встречаются и в рукописях XVI—XVII вв. (Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964, с. 209—210).

³⁴ Зернова А. С. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати. — В кн.: Работа с редкими и ценными изданиями. М., 1973, с. 81.

³⁵ Там же, с. 65—66.

прифта, мелкий «полукурсивный» прифт ввел Иван Федоров, учитывая графику украинско-белорусского письма. Терминология раннего русского книгопечатания оказала влияние — главным образом через Ив. Федорова и Мстиславца — на выработку терминов, ставших общепринятыми в украинском книгопечатании. С другой стороны, примененное Федоровым на Украине слово «друкарня» в 1606 г. появляется и в московском Апостоле Ив. Невежина. Около 1640 г. в лексику московских печатников входят термины, уже ранее бытовавшие в киевских изданиях: «типография» (1639), «художество друкарское» (1647) и др.³⁶ Таким образом, и в сфере терминологии проявилось именно взаимовлияние книжного дела всех трех восточнославянских народов.

Здесь рассмотрены только некоторые аспекты русско-украинских связей в области издательского дела и книгопечатания. Значение этих связей трудно переоценить. Если русские, белорусские и украинские старопечатные книги имеют более сходств, чем различий, то это объясняется не только использованием в них общих традиций, но и постепенным формированием общих черт, свойственных именно печатной восточнославянской книге. Общность процессов становления и развития книгопечатания, выработка некоторых общих признаков печатной книги были проявлением культурной общности и одним из факторов ее дальнейшего укрепления.

Т. А. Афанасьева

«РЕЕСТРЫ» КНИГ XVIII в.
МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

«Дабы всяк о продажных книгах надежно ведая, мог для покупки их сам приезжать или кого присылать», Московская синодальная типография рассылала по провинциальным канцеляриям «Реестры имеющимся в ти-

³⁶ Феллер М. Д. Факторы семантического развития профессиональной лексики. Л., 1965, с. 9.

пографий печатным продажным книгам» с просьбой вывешивать их на стенах и «публиковать о том с барабанным боем». Одно из таких «Доношений» синодальной типографии в Чухломскую воеводскую канцелярию и реестр 1751 г. обнаружил в конце XIX в. в архиве Министерства юстиции И. С. Беляев.¹ С публикации этого реестра по существу и начинается история их изучения.

Первые книгопродавческие росписи появились в России в конце 20-х годов XVIII столетия и выходили на протяжении всего века. Учтены они далеко не полностью. В 1903 г. известный библиофил Д. В. Ульянинский с надеждой писал, что «может быть, общими усилиями и удастся составить полную библиографию как самих книжных росписей XVIII в., так и литературы, посвященной им».² С сожалением приходится констатировать, что это пожелание остается не до конца выполненным и в наши дни. Нельзя сказать, что после Д. В. Ульянинского реестры продажным книгам не привлекали внимания исследователей. Перечни росписей были составлены Ю. Ю. Битовтом и А. И. Малейным. Наконец в «Сводном каталоге русской книги XVIII века» они были выделены в особое Приложение, куда вошло 116 таких изданий. Насколько неполон перечень реестров, составители каталога поняли сразу, и уже в дополнительный том ими включено еще 73 росписи.

Весьма многочисленные в свое время, издававшиеся значительными тиражами, эти небольшие по объему, так называемые «летучие» издания почти не сохранились. Они совершенно не ценились современниками в силу того, что каждый последующий реестр той или иной лавки или типографии делал ненужным предшествующий. До нас дошел очень неполный репертуар этих изданий, ставших уже в XVIII в. библиографической редкостью. Не случайно в каталоге Ю. Битовта «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века», вышедшем в 1905 г., большинство книгопродавческих росписей имеют помету

¹ Беляев И. С. Издания Московской синодальной типографии 1751 г. и Московского университета 1764 г. — ЧОИДР, 1897, т. 1, с. 19—28.

² Ульянинский Д. В. Среди книг и их друзей. М., 1903, с. 138.

«вельчайшая редкость». Между тем они заслуживают внимания, так как содержат разносторонний библиографический материал своего времени и являются одним из немногочисленных в XVIII в. информационных изданий о вышедших и находящихся в печати книгах. В связи с этим важно не только зарегистрировать, но и подробнейшим образом исследовать сохранившиеся издания подобного рода, так как далеко не все книжные росписи XVIII в. учтены и лишь небольшая их часть привлекала внимание историков книги.

Реестры печатались как гражданским шрифтом, так и кириллическим. Последние вызывают особый интерес, являясь одним из видов кириллических изданий XVIII в. светского содержания. Книга кирилловской печати того времени до сих пор почти не исследовалась, потому что считалась исключительно церковной. Однако целый ряд изданий светского характера, в том числе информационных, к которым следует отнести и реестры, продолжали печататься кириллицей в тех случаях, когда требовалось наиболее широкое распространение их среди населения, для которого новый шрифт был непривычен.

В отличие от гражданских реестров, издававшихся брошюрами, кириллические печатались на одном-двух развернутых листах и вывешивались для всеобщего обозрения. Лист реестра делился на 4 столбца. На нем отдельно печатались перечни церковных и гражданских книг, внутри подразделенные на форматы. Авторы церковных книг называются не всегда, авторы гражданских, как правило, приведены. Редко, но указывается год издания или с какого языка переведено произведение. Отмечается бумага высокого качества (александрийская, полуалександрийская). Указаны цены на книги в переплете и без переплета. В некоторых изданиях постоянно отмечается наличие или отсутствие киновари.

Библиография кириллических реестров отдельно не составлялась. В «Сводном каталоге русской книги кирилловской печати XVIII века» нет ни одного реестра, так как издания менее 5 страниц в него не вошли. Д. В. Ульяновский в общем перечне реестров XVIII в. приводит 8 кириллических. Нам удалось выявить еще 5. Из 13 реестров 11 выпущены Московской синодальной типографией и по одному — типографиями Киево-Печерской и

Почаевской лавр.³ Остановимся подробнее на реестрах Московской синодальной типографии как наиболее полно представленных и позволяющих сделать некоторые обобщения. При изучении этих изданий возникают определенные трудности. Характерной особенностью ранних книжных росписей Московской типографии является отсутствие выходных данных. Это усложняет датировку и вызывает необходимость дополнительных исследований с привлечением широкого круга книжного репертуара XVIII в. Наличие книг, отмеченных как печатающиеся в момент выхода реестра, значительно упрощает датировку последнего. Первая известная нам роспись с выходными данными выпускается лишь в 1772 г.

Самый ранний дошедший до нас реестр Московской синодальной типографии хранится в Отделе редких книг БАН (инв. № 5973). Он напечатан на одном развернутом листе и имеет следующий заголовок: «Реэстр имеющимся в Московской Типографии печатным продажным церковным в десть, в полдесть, в четверть и в осмуху книгам по каким ценам каждая, в переплете, и в тетрадах, а имянно» — и перечислено 50 книг. Судя по тому, что в него вошли издания 1743 г. (например, *Минейя общяя* форматом в четверть) и не вошли книги, выпущенные в 1744 г., включенные в последующие реестры (например, *Катехизис* в полдесть), его можно датировать 1743—1744 гг. Реестр не был первым подобным изданием Московской типографии, так как на полях против ряда книг допечатано: «оних в наличии в печати не имеется». Это позволяет предположить, что данный реестр перепечатывался с другого с некоторыми уточнениями.

В Отделе редких книг ГБЛ хранится реестр, датированный составителями карточного каталога «не ранее 1745 г.». Эту дату можно уточнить. В него вошел *Благовестник* в десть, вышедший в ноябре 1748 г., и не вошло издание, выпущенное в ноябре 1749 г., включенное в последующие реестры (*Шестоднев* в десть). Таким образом, реестр датируется 1748—1749 гг. К сожалению, это не полный экземпляр, а лишь один из двух развернутых листов, на которых он был напечатан. В данную роспись

³ Типография Киево-Печерской лавры выпустила в 1774 г. реестр, называемый «Табель цены книгам», а в типографии Почаевской лавры в 1760 г. была издана «Такса книг в типографии почаевской». Оба хранятся в ГПБ.

впервые включены книги гражданской печати петровского времени, в основном изданные Московской типографией. В заголовке, в отличие от предыдущего, добавлено, что это реестр «печатным продажным церковным и гражданским ... книгам» (разрядка моя, — Т. А.). В сохранившейся части реестра названо 75 изданий, из них 31 гражданского шрифта.

Реестру 1751 г. повезло больше, чем другим. До нас дошло 2 экземпляра этой росписи (ЦГАДА, ГПБ), и, кроме того, он опубликован, правда с ошибками, в уже упоминавшейся работе И. С. Беляева, который датирует его 1751 г. В карточном каталоге Отдела рукописей и редких книг ГПБ другая датировка — 1746—1750 гг. Обоснований не приводится ни в первом, ни во втором случае. На наш взгляд, выпуск реестра можно отнести к периоду с ноября 1749 по 1751 г., так как включенный в него Шестоднев в десять издан в ноябре 1749 г., а в 1751 г. этот реестр безусловно уже существовал и был получен Чухломской воеводской канцелярией. Роспись включает 72 издания кирилловского и 70 изданий гражданского шрифта.

Реестр 1752 г. хранится в ГПБ. О другом экземпляре этой росписи упоминает Н. П. Лихачев, неправильно датируя ее 1751 г.,⁴ в то время как в ней уже среди продажных книг значится «Новый завет другой цены без заглавия на полуалександрии», изданный в 1752 г.⁵ В заголовке этой росписи пропущено, очевидно по ошибке, слово «гражданским», хотя гражданские книги в ней и перечислены. Особенностью реестра является включение в него книг, готовящихся к изданию. Они стоят в общем перечне, но цена у них не проставлена, а вместо нее помечено: «печатается». Всего в роспись 1752 г. включено 72 кириллических и 70 гражданских изданий.

Роспись 1760 г. — самая большая по количеству названных в ней изданий и напечатана на трех открытых листах. Она сохранилась в единственном корректурном экземпляре, который хранится в ЦГАДА. На л. 1 и 2 помета почерком XVIII в.; «По общим чтением сентября 21 Д: 1760», а на л. 3: «По общим чтением сентября 22».⁶

⁴ Лихачев Н. П. Каталог летучих изданий и их перепечаток: манифесты, указы и другие правительственные распоряжения. СПб., 1895, с. 347.

⁵ Об этом издании см.: ГПБ, ф. 253, № 164, л. 37 об.

⁶ ЦГАДА, ф. 1251, № 339/1.

Особенностью реестра является то, что в него включены «грыдорованные листы» и «указы разных прошлых лет», в основном петровского времени. Гравированных листов названо 21, указов 55, а также 71 издание кирилловской печати и 60 — гражданского шрифта. Находящиеся в печати книги выделены в конце списка. Цены на переплетенные книги снижены, и это отмечено в реестре.

Роспись 1764 г. сохранилась в единственном экземпляре ГПБ. По карточному каталогу датирована «не ранее 1763 г.». Уточнить датировку позволяют названный среди печатающихся книг Маргарит, вышедший в сентябре 1764 г., и «Знамения пришествия антихриста» Стефана Яворского, выпущенные в марте 1764 г. и перечисленные уже среди продающихся книг. В реестре 1760 г. этого произведения нет — значит, предшествующие издания (последнее в 1752 г.) были распроданы. В росписи перечислены 76 кириллических и 34 издания гражданского шрифта.

В 1766 г. был издан «Реестр напечатанным в Московской типографии церковной и гражданской печати на господския и богородичныя праздники, и на высокотоужественныя дни службам». Известны две таких росписи. Корректурный экземпляр с пометой «ноября 25 1766» и незначительными поправками хранится в ЦГАДА.⁷ Второй находится в ГПБ и отпечатан уже с учетом корректуры. В нем перечислены 64 службы, из которых 42 напечатаны кириллическим и гражданским шрифтами, а 22 — только кириллическим. Интересно, что одновременно этот же реестр печатался гражданским шрифтом в качестве «Прибавления» к № 98, 99, 100 «Московских ведомостей» за 1766 г.

Реестр 1772 г. имеет выходные данные: «Печатан в Московской типографии 1772 года месяца иуния». Сохранился единственный корректурный экземпляр ЦГАДА. Среди продажных книг названы выпущенные в марте — июне 1772 г., но без указания цены. Две книги внесены при корректуре. В росписи 82 кириллических и 31 гражданское издание.

Реестр 1774 г. «печатан в Московской типографии 1774 года, месяца августа в 5 день». Кроме находящегося в ЦГАДА дефектного корректурного экземпляра, изве-

⁷ Там же, № 339/2.

стны также росписи этого года с уже внесенной корректурой в собраниях ГПБ и ГБЛ. В реестре 111 изданий, из них 31 гражданской печати.

Корректурный экземпляр реестра 1778 г. (ЦГАДА) не имеет выходных данных. В карточном каталоге он датируется 1770 г., что не соответствует действительности. В реестр вошли две книги, изданные в январе 1788 г., — «Продолжение первое» на десять проповедей Платона Левшина и Библия в 5 томах. Библия внесена при корректуре в самом конце реестра. В росписи же от февраля 1779 г., о которой мы будем говорить ниже, она уже стоит среди книг в четверть на своем месте по алфавиту. Следовательно, данный реестр мог быть выпущен лишь после января 1778 г. и до февраля 1779 г. В росписи 128 изданий, из которых 19 гражданских. В ней составители впервые пытаются дать книги по алфавиту в каждом формате, правда, не всегда выдерживая этот принцип.

Реестр, напечатанный «в Московской типографии 1779 месяца февраля», сохранился в двух экземплярах (ЦГАДА и ГБЛ). Экземпляр ЦГАДА корректурный.⁸ В росписи названо 109 кириллических и 19 гражданских изданий. В каждом формате книги даны по алфавиту.

Реестр 1792 г. хранится в ЦГАДА вместе с уже названными корректурными экземплярами Московской типографии. Он не имеет ни заголовка, ни даты. По карточному каталогу отнесен к 1792 г. Роспись напечатана на открытом листе кириллицей. В ней перечислены 74 книги, разделенные на форматы. На обороте почерком XVIII в. две надписи: «Реестры продажным книгам с 1760 по 1792»; ниже, другим почерком: «Реестры книжные 1760, 1770, 1774 и 779 и служб 1766 годов».⁹ Д. В. Ульянинский считает этот реестр продажной книжной росписью Московской типографии 1792 г.¹⁰

Кроме перечисленных реестров Московской синодальной типографии, были безусловно и другие, которые еще не найдены или не дошли до нас. Так, весьма любопытен конволют второй половины XVIII в.,¹¹ составленный из книгопродавческих росписей, перепечатанных, очевидно,

⁸ Там же, № 339/7.

⁹ Там же, № 339.

¹⁰ Ульянинский Д. В. Среди книг..., с. 124, № 79.

¹¹ Известны два экземпляра конволюта, хранящиеся в ЦГАДА и ГПБ.

в типографии Московского университета в начале 70-х годов. Среди них есть и реестр Московской типографии, который можно датировать 1768—1769 гг. Он издан гражданским шрифтом, но, без сомнения, это перепечатка с кириллического подлинника. В ЦГАДА сохранилась рукописная копия, вероятно, с печатного или готовившегося к печати реестра конца 70-х годов.¹² В середине XIX в. в собрании В. М. Ундольского был, по его утверждению, «Реестр книг, продающихся в Московской синодальной типографии, напечатанный при Екатерине I, на открытом листе».¹³

Тиражи кириллических реестров были значительными. На рукописном реестре конца 70-х годов сохранилась приписка канцеляриста Логинова следующего содержания: «А в типографской конторе по справке оказалось, что при заключении в прошлом 1774 году о переплете книг контракта печаталось о книжных ценах реестров пять заводов».¹⁴ Следовательно, реестр 1774 г. был напечатан по крайней мере тиражом не менее 6000 экземпляров.

В краткой статье невозможно подробно рассмотреть весь тот богатый фактический материал по истории книги XVIII в., который содержат реестры Московской синодальной типографии. Вместе с тем знакомство с ними может быть использовано для определения объема и репертуара книжной продукции типографии. Реестры дают возможность выявить несохранившиеся издания, позволяют судить о стоимости переплетных работ и книжной рекламе, о бумаге и киноварных украшениях, содержат интересный материал по истории книжной торговли и движению цен на книги.

Одной из особенностей реестров Московской типографии являются перечни книг первой четверти XVIII в. По ним можно проследить насыщенность книжного рынка второй половины XVIII в. изданиями петровского времени.

Проделанная работа по выявлению и датировке реестров Московской синодальной типографии показала, что

¹² ЦГАДА, ф. 1251, № 339/5.

¹³ Ундольский В. М. Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати. М., 1871, № 1763.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1251, № 339/5.

реестры начали печататься в ней не с 1751 г., как это утверждалось до сих пор,¹⁵ а гораздо раньше, по крайней мере с 40-х годов XVIII в. Такой вывод позволяют нам сделать вновь обнаруженные реестры 1743—1744 и 1748—1749 гг. Если же принять во внимание указание В. М. Ундольского на реестр времени Екатерины I, то Московская синодальная типография может считаться первой в России, начавшей издавать книгопродавческие росписи.

Т. И. Кондакова

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИЗДАТЕЛЬ»
В СВЯЗИ С ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЕЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В XVIII в.
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Советское книговедение достигло такой стадии развития, что настало время для уточнения его понятий, для формулировки четких и обоснованных определений. Одновременно с этим своевременно поставить вопрос об упорядочении терминологии книговедческой науки, о достижении однозначности ее понятий и терминов.

Одним из конкретных проявлений нерешенности указанных проблем является отсутствие объективного определения понятия *издатель* применительно к условиям начальных этапов производства русской печатной книги. И если при изучении русской книги XVI—XVII вв. определение понятия *издатель* не является столь необходимым, так как книгопечатание Московской Руси было монополизировано государством и частные издатели не существовали, то для XVIII в. поиски точного определения этого понятия имеют принципиально важное значение. Ведь именно в это время возникла и формировалась профессия издателя в общественной жизни России. Как всякое явление в стадии становления, она не существовала

¹⁵ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1955, с. 62.

в чистом виде. В рассматриваемый период нередко одно и то же лицо могло выполнять наряду с издательскими также редакторские и типографские обязанности. Могло иметь место и такое явление, когда выполнение издательских функций брали на себя два или более человек. Отсюда — отсутствие четкости в дифференциации понятий *типограф*, *издатель*, *редактор*, ведущие к подмене понятий в текстах XVIII в.

Естественно, что и термины, выражавшие эти понятия, тогда еще не сложились. Нередко термин мог быть омонимичен, и наоборот, одно понятие могло выражаться рядом терминов-синонимов. Так, существительное *издатель* в русском литературном языке XVIII в. имело ряд значений, соответствующих неопределенно широкой семантике его производящего глагола: «тот, кто вообще что-то создает, основывает, учреждает»,¹ «писатель, автор»,² «редактор»,³ «владелец типографии»,⁴ наконец «издатель» в современном понимании этого слова.⁵

Для выражения понятия *редактор*, кроме существительного «издатель», существовал целый ряд не закрепившихся в языке слов и словосочетаний, например «исправил»,⁶ «под смотрением»,⁷ «делал проверку и поправку»,⁸ «приводил... в порядок»⁹ и т. д. Наличие их

¹ Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный. М., 1704, с. 131; Вейсманнов немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731, с. 609.

² Вейсманнов немецко-латинский и русский лексикон, с. 571; Кантемир А. Д. Сатиры. СПб., 1762, с. 1; Целларий Х. Краткий... лексикон. СПб., 1746, с. 297.

³ Адская почта... СПб., 1769, № 2, с. 324; Трутень, СПб., 1769, № 31, с. 241; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 48.

⁴ Нордстет И. Российский с немецким и французским переводами словарь. Ч. 1. СПб., 1780, с. [3—4]; Российский целлариус... Изд. Ф. Гельтергоф. М., 1771, с. 122.

⁵ Сельский житель... М., 1778, с. [2]; Московские ведомости, 1772, 28 декабря; 1773, 29 ноября, 1775, 17 ноября; 1776, 22 марта.

⁶ Фрейер И. Краткая всеобщая история... М., 1769, с. [14].

⁷ Арндт Б. Ф. Трехязычная книга... СПб., 1779, с. [1].

⁸ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 341, 1784, 26/VII, л. 210. — Цит. по: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 4. М., 1966, с. 253, № 463.

⁹ Автограф Ф. В. Каржавина на экземпляре Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР книги С. Леклера «О пяти чинах архитектурных...» (СПб., 1790).

подготовило заимствование русским языком в начале XIX в. из французского языка термина *редактор* (франц. *rédacteur* от лат. *redactus* — «приведенный в порядок»).¹⁰

Ряд синонимов был в языке XVIII в. и для обозначения понятия *владелец типографии*: «издатель»,¹¹ «типографчик»,¹² «содержатель типографии».¹³

Характерно, что до сих пор нет четкой терминации указанных понятий в применении к изучению книжного дела XVIII в. Нередко современные исследователи используют терминологию, употреблявшуюся в книгах XVIII в. Это ведет к такой же подмене понятий в современных работах, как и в текстах XVIII в. Отсутствие четкости в разграничении и определении исследуемых явлений затрудняет дальнейшую разработку истории книги данного периода.

Без определения узлового понятия *издатель* невозможны как постановка и решение проблемы выявления границ частной, государственной и ведомственной издательской продукции, так и выяснение вопроса о влиянии частноиздательской деятельности в России во второй половине XVIII в. на репертуар русской книги того времени.

До последнего времени, возможно, рассмотренные задачи и не могли быть решены, так как для их осуществления необходимо иметь возможность одновременно проанализировать весь репертуар русской книги гражданской печати XVIII в. Необходимо указать лишь на попытку Д. Д. Шамрая¹⁴ частично решить проблему соотношения частноиздательской и ведомственной продукции на единичном примере детально изученной им деятельности типографии Сухопутного кадетского корпуса. К сожалению, эта работа носит тезисный характер и осталась в рукописи.

В настоящее время появилась возможность изучить весь репертуар русской книги гражданской печати

¹⁰ Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1958, p. 617.

¹¹ См. выше, примеч. 4.

¹² Нордстетт И. Российский... словарь, с. [1].

¹³ Аполлос (Байбаков А. Д.). Лишенный зрения Урагий... М., 1784, с. [1].

¹⁴ ОР ГПБ, ф. 1105 (Д. Д. Шамрай), № 17, л. 2.

XVIII в. в связи с деятельностью лиц, принявших участие в его создании. Она возникла после выхода в свет сводных каталогов русской книги XVIII в.¹⁵ Так как для решения данных проблем наиболее важен период 1725—1800 гг., то основным источником здесь должен явиться «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.», вобравший в себя около 94% всех изданий этого периода и содержащий богатую историко-книжную информацию о каждом из них. И хотя полная дифференциация издателей, редакторов и типографов XVIII в. не входила в задачи составителей «Сводного каталога», он тем не менее может послужить базой для выделения почти исчерпывающего ряда имен представителей указанных профессий.

Исследование поставленных проблем предпринимается Группой старопечатных русских книг Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; рассчитано оно на несколько лет. В результате разработки этой темы будут теоретически обоснованы принципы отбора имен издателей для словника запланированного справочника «Издатели в СССР» (ч. I — XVIII в.). Справочник этот в свою очередь должен послужить источниковедческой базой для дальнейшего изучения проблемы формирования репертуара русской книги соответствующего периода. Поскольку задача исследования состоит в определении понятия *издатель печатной продукции*, в работе принято следующее ограничение: этап рукописной книги не рассматривается, хотя само понятие «книгоиздательство» не ограничено тем или иным способом воспроизведения текста.

Для решения поставленных проблем необходимо выработать объективные методы исследования. Мы считаем, что метод собирания разрозненных, хотя и интересных и важных, фактов в данном случае непригоден.

¹⁵ Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955; Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И. Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения. Л., 1972; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 1—5. М., 1962—1967; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975.

Последовательность этапов работы и применения соответствующих методов нам представляется следующей: создание максимально полной базы — картотеки издателей и издательств XVIII в.; изучение государственного, ведомственного и эпизодического частного книгоиздательства; выделение на этом фоне имен наиболее характерных издателей-профессионалов и сбор материала о них; исследование процесса формирования профессии издателя в социальном аспекте (в синхроническом и диахроническом временных срезах); выявление внешних признаков возникающей профессионализации труда издателей с точки зрения ее отражения в произведениях печати с помощью книговедческих методов; выведение предварительного определения понятия *издатель* (применительно к условиям XVIII в.) методом экстраполяции, т. е. путем распространения выводов, полученных из наблюдения над одной — наиболее характерной — частью интересующей нас совокупности, на остальную часть ее. Результаты будут максимально близки к действительности, если исследуемые процессы и явления будут рассмотрены в их коррелятивных связях с широким кругом общественных явлений того времени; и, наконец, доказательство правильности полученного определения методом последовательного сравнения понятий *издатель — типограф*, *издатель — редактор*;¹⁶ сравнение реальной деятельности лиц этих смежных профессий даст возможность более четко оттенить фигуру издателя, род его деятельности.

Изучение поставленных проблем проводится на основе системного подхода к материалу, предполагающего установление взаимосвязи отдельных элементов книжного дела в России в XVIII в. со всей его спецификой, в частности с процессами дифференциации и интеграции профессий издателя, типографа и редактора.

Кроме того, указанные проблемы анализируются и в лингвистических аспектах. Здесь рассматриваются способы терминирования изучаемых понятий в русском литературном языке XVIII в. Изучение терминов, соответствующих анализируемым понятиям, проводится с точки зрения их этимологии, реальной истории функционирования в системе русского литературного языка XVIII в., их вза-

¹⁶ Сбор материала о типографах и редакторах предполагается вести параллельно со сбором материала об издателях.

в связи с параллельными им явлениями общественной жизни России. Исследование ведется методами сравнительно-исторического языкознания. На фоне проведенного исследования данной группы терминов будет предпринята попытка установления однозначной терминологии этих понятий средствами современного русского языка. Затем будет составлен максимально полный перечень имен издателей-профессионалов XVIII в. В результате нашего исследования будут решены проблемы взаимоотношения и взаимовлияния частной, ведомственной и государственной издательской продукции России XVIII в.

На начальном этапе работы априорно были намечены возможные пути развития профессии издателя в России в XVIII в.: *книгопродавец* → *издатель*; *типограф* → *издатель*; *литератор* → *издатель*. Предполагалось, что это только схематичное выражение множества возможных реальных вариантов. Подтверждением правильности двух первых пунктов нашей гипотезы явилось проведенное исследование деятельности в сфере производства и распространения книги в России в XVIII в. известных книгоиздателей своего времени Христиана Ридигера и Христофора Клаудия. Этот анализ позволил ясно проследить во времени типичный путь формирования издателя-профессионала в среде книгопродавцев и типографов и сделать ряд предварительных выводов общего характера: собственно издательская продукция любой из типографий послепетровского времени не идентична общей массе напечатанного в ней материала; формирование издателя из среды книгопродавцев и типографов типично для русской общественной жизни XVIII в.; частноиздательская продукция оказала существенное влияние на репертуар русской книги второй половины XVIII в.

На данном этапе работы могут быть выделены следующие черты, непременно входящие в понятие *издатель-профессионал*: в XVIII в. в процессе создания книги такой издатель руководствуется своей, вполне определенной издательской программой, вкладывает в издательский процесс свои собственные средства или мобилизует их, выступает в качестве организатора самого издательского процесса.

В ходе дальнейшего конкретно-исторического исследования эти выводы будут уточняться и развиваться.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XVIII И XIX вв.

История книжного дела в России конца XVIII—начала XIX в. еще недостаточно изучена. За исключением глав обзорного типа в монографии «400 лет русского книгопечатания», страдающих рядом неточностей, и небольшого числа работ более общего плана, литература вопроса исчерпывается отдельными статьями, опубликованными нередко уже в труднодоступных изданиях XIX в. У исследователей расходятся данные о количестве ежегодно выпускаемой продукции, колеблются цифры об общем числе типографий, мало освещена деятельность издателей и типографов того времени.

90-е годы XVIII в. были малоблагоприятны для развития книжного дела. Все нараставшая реакция последних лет царствования Екатерины II, вызванная страхом перед Французской революцией, оппозиционным брожением дворянства и народными волнениями внутри страны, вылилась в ряд мер, направленных на ограничение книгопечатания. Широко известны трагические судьбы Радищева и Новикова, расправы с книготорговцами и типографами. Правительство не остановилось на этих частных мерах борьбы с «вредными умствованиями»: так, в 1796 г. был издан указ, запрещающий вольные типографии, и любая изданная книга подлежала рассмотрению цензуры. Кривая взлета и падения объема книжной продукции, преимущественного увлечения теми или иными видами изданий, распределения книг по типографиям, их тиражей и их цен отражает малейшие изменения в духовной жизни общества тех лет.

Уже указ 1796 г. внес существенные изменения в начавшие устанавливаться формы книгоиздательского дела в России — книгопечатание в государственных типографиях, в «вольных» типографиях и казенных, арендованных частными лицами. Во второй половине 90-х годов усиливается роль государственных типографий и особенно возрастает значение казенных типографий, арендованных частными лицами. Учащается и практика вы-

пуска книг на средства «издателя» — автора, переводчика, мецената, кушца, желавшего заработать, и других лиц, не имевших собственной типографии.

Политика Екатерины II в отношении книгопечатания была продолжена ее преемником. Павел I подтвердил и провел в жизнь указ «о бытии типографиям токмо при присутственных местах». Однако, если пристальнее взглянуть на многочисленные указы Павла I в области цензуры (за 4 года было издано 15 указов), то становится очевидным, что этот «цензурный потоп» не был направлен против книгопечатания как такового, хотя уже стало своеобразной традицией, исходя из общей оценки времени Павла, говорить и об упадке книгопечатания. А. А. Говоров пишет, например, в недавно вышедшей книге о том, что Павел I «намеревался книгопечатание в России прекратить вообще».¹ Общепринятым является и представление о том, что к концу века резко и неуклонно снижается количество книжной продукции. Данные книжной статистики этого не подтверждают. Проведенное нами сопоставление количества ежегодно издаваемых названий книг на русском языке на протяжении последнего десятилетия XVIII в. показывает, что наибольшее количество книг (352, 368 названий) приходится на 1792—1793 гг., а затем наступает заметное падение книжной продукции. Однако, вопреки принятому мнению, оно происходит не до конца века. Наименьшее число издаваемых книг приходится на 1797 г. (195 названий), а к концу века (1798—1799 гг.) оно вновь заметно возрастает до 293 и 286 названий, хотя и не достигает уже объема книжной продукции последних лет правления Екатерины.

Резкое сокращение книжной продукции в 1797 г. было следствием указа 1796 г., упразднившего частные типографии «в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг». Примечательно, что действие этого указа распространилось не только на частные типографии в столицах и провинции. В порыве административного усердия была приравнена к частной и запечатана одна из старейших типографий России — типография Морского министер-

¹ Говоров А. А. История книжной торговли в СССР. М., 1976, с. 135.

ства, состоявшая при Морском кадетском корпусе,² прекращают деятельность типография при Академии художеств, ряд губернских типографий.

Если проследить за состоянием типографий в 90-е годы в Петербурге, то общее число «вольных» типографий до 1796 г. колеблется в пределах 8—9. После указа это число сокращается до 6. Остаются типографии Ф. Брейткопфа, Ф. Брункова, И. Вейтбрехта, Е. Вильковского, В. Плавильщикова и И. Шнора. Такое относительно высокое число уцелевших типографий объясняется тем, что указ 1796 г. не касался частных типографий, открытых «по особому дозволению» и пользующихся привилегиями, какими были, например, «Императорская типография» Вейтбрехта, типография Шнора, Ю. К. Миллера в Риге (к числу частных типографий мы относим и те, которые были арендованы частными лицами у различных учреждений). Для Москвы действие указа 1796 г. сказалось гораздо более ощутимо. Из общего числа (7—8) частных типографий остались лишь две.

Характерным процессом с середины 90-х годов становится перевод частных типографий в казенные, поскольку это был единственный путь для частных предпринимателей сохранить свои заведения. Типография Брункова в 1796—1800 гг. переходит в ведение Комиссии об учреждении училищ, типография В. Плавильщикова с 1797 г. выступает под маркой Санктпетербургского губернского правления, А. Г. Решетникова — переходит к Губернской типографии в Москве. Нередко подобная перестройка частных типографий сопровождалась выездом в провинцию, поскольку при наместнических правлениях разрешалось заводить типографии с условием подчинения всего издаваемого цензуре. Наиболее дальновидные типографчики перебираются в провинцию еще до указа 1796 г. Типография Сытина, например, уже в 1795 г. становится собственностью Смоленского приказа общественного призрения. С 1798 г. С. И. Селивановский переселяется в Николаев, где организует Черноморскую адмиралтейскую типографию, М. П. Пономарев — во Владимир, где на базе его типографии начинает работать

² См.: Огородников С. Ф. Типография Морского министерства. СПб., 1899, с. 9. Там же указывается, что типография была распечатана лишь в июне 1800 г., но фактически уже с 1797 г. она вновь издает книги.

губернская, и т. п. В большинстве случаев подобная передача-продажа частной типографии носила формальный характер, поскольку прежний владелец оставался ее фактическим руководителем. Так, после прихода А. Г. Решетникова в типографию Губернского правления она начинает выпускать большое количество беллетристики и развлекательной литературы, опережая по числу издаваемых книг крупнейшие типографии того времени, например Академии наук, не говоря уже о находившихся в тяжелом положении частных петербургских типографиях. Таким образом, с 1798 г., несмотря на крутую ломку, пережитую типографиями, как только они заработали под новыми вывесками, уровень издаваемой книжной продукции вновь стал повышаться.

Распространенное мнение о том, что при Павле I была открыта всего лишь 1 типография, а именно Государственной медицинской коллегии,³ также не соответствует действительности. С 1800 г. в Москве (по контракту с Сенатом) начинает работать типография Селивановского, в Казани (по указу Сената от 1800 г.) была открыта «Азиатская» типография, содержанием которой был купец Апанаев; в провинции для «облегчения канцелярской переписки» в 1797—1798 гг. открывается около 10 типографий. В 1799 г. в Дерпте и Митаве были распечатаны 2 старейшие типографии, в 1800 г. Почаевской духовной типографии (а одновременно и ряду других епархиальных типографий — в Вильно, Луцке и др.) было дозволено печатать духовные и светские книги.

Павел I с несвойственной для него последовательностью боролся против проникновения в Россию идей Французской революции, что вытекало и из его политической ориентации. В указе от 17 мая 1798 г. прямо говорилось о «вреде» французских сочинений и «безбожных» действиях французского правительства. И то, что один указ Павла следовал за другим, все усиливая цензурные меры, а в 1800 г. издается распоряжение о запрещении ввоза в Россию каких-либо книг «без изъятия», «равномерно и музыки», делающее бессмысленными предшествующие распоряжения, это было не просто одним из курьезов правления Павла I, а свидетельством того, что в Россию,

³ См., например: Книга. Исследования и материалы. М., 1973, сб. 26, с. 67.

несмотря на все строгие запреты, продолжала поступать иностранная книга. Напоминанием об этом времени служат книги из Румянцевской библиотеки с вытравленным годом издания времени Французской Республики на главном листе.⁴ Особые опасения Павла I, как показывают опубликованные в 1920 г. архивные материалы,⁵ вызывала возможность проникновения в Россию в переводах на русский язык «Декларации прав человека» и «Революционного и якобинского катехизиса». Цензурных дел, касавшихся русской книги (при огромном количестве попавших под запрет иностранных книг), было совсем немного. Наиболее крупными были конфискация 1211 экз. разрешенной к печати пьесы В. Капниста «Ябеда» и запрещение переиздания памфлета Ф. И. Дмитриева-Мамонова «Дворянин-философ». Но и к переводам иностранной книги, в том числе французской, существовал избирательный подход. Первоначально под запретом не был даже Вольтер, поскольку Павел I считал, что он является неотъемлемой принадлежностью каждой дворянской библиотеки. В это время переводятся Мармонтель, Мартин, в 1799 г. был осуществлен первый перевод Рейналя на русский язык. Однако основное место среди переводных произведений занимала развлекательная литература, причем большую роль начинают играть переводы с немецкого языка; с конца XVIII в. начинается, например, засилие произведений Коцебу.

Для конца XVIII в. характерно, таким образом, не столько количественное падение издаваемой продукции (заметно сокращается лишь число периодических изданий), сколько тот факт, что книга во всех своих важнейших ответвлениях как бы выхолащивается «изнутри». Почти все крупнейшие русские типографии, в том числе и Академии наук, и Университетская, выпускают многочисленные регламенты, новые установления для армии и флота, «книги штатов» и т. п. Характерным становится распространение литературы, «разоблачающей» Французскую революцию и энциклопедистов. К концу века переводная литература начинает составлять почти поло-

⁴ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, с. 142.

⁵ Садилов П. Несколько материалов... (Из дел Гос. коммерц-коллегии). — В кн.: Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920, с. 391—397.

вину всех выпускаемых книг. В провинции в конце 90-х годов уже действовало около 40 типографий, но развитие провинциальной печати сдерживала ее полная зависимость от столичной цензуры.

Начало XIX в. вносит новые черты в развитие книжного дела. Реформы Александра I в области цензуры и просвещения благотворно сказались и на оживлении книгопечатания. Одним из первых указов Александра I было распоряжение о «распечатывании» вольных типографий и об отмене запрещения ввоза из-за границы иностранных книг. Особо важным был указ от 9 февраля 1802 г., по которому книгопечатание освобождалось от цензуры и вновь разрешалось «свободное заведение» вольных типографий (в соответствии с указом 1783 г.).

С начала XIX в. в Петербурге и Москве быстро создается ряд новых типографий. Поскольку работы, посвященные книгопечатанию начала XIX в., как правило, опираются на недостаточно точные данные Сопикова⁶ и мнения по этому вопросу расходятся, перечислим (в хронологическом порядке) возникшие в эти годы типографии. Во всех работах указывается также, что в Петербурге в 1802 г. существовали 4 вольные типографии: А. Пономарева, Ф. Брейткопфа, Е. Вильковского и И. Шнора.⁷ Однако в Петербурге еще со времени Павла I работало 5 частных типографий, продолживших свою деятельность и в начале XIX в. Типография А. Пономарева не была новой — это б. Императорская типография, владельцем которой после смерти Вейтбрехта стал купец Алексей Пономарев. Кроме того, были еще типография В. Плавильщикова, печатавшего с 1799 г. по договору для императорского театра, и типография Губернского правления, содержанием которой также являлось частное лицо. В 1801 г. им был Дмитревский.⁸ Первыми новыми типографиями, возникшими вследствие указа Александра I в Петербурге, были типография И. Глазунова, уже ранее выступавшего в качестве издателя, в частности печатавшего книги в типографии Академии наук

⁶ Сопиков В. С. Опыт Российской библиографии. Ч. 1. СПб., 1813.

⁷ Опубликованные впервые в «Русской старине» (1884, февраль, с. 458), эти данные перешли затем во все другие работы о книгопечатании.

⁸ См.: С.-Петербургские ведомости, 1801, № 8, с. 282.

(1803), а также Дрехслера и Иверсена, издававших литературу преимущественно на иностранных языках. В 1804 г. открываются типография губернского секретаря Байкова (работавшего по договору с типографией Губернского правления) и новые типографии Лебедева и Савинкова, в 1806 г. — типография А. Плюшара, ставшего позднее (в 1811 г.) и директором Сенатской типографии. С 1807 г. как самостоятельная выступает типография В. Плавильщикова, а контракт на 4 года с Типографией дирекции имп. театров был заключен с А. И. Ермолаевым.⁹ В 1808 г. по договору с Губернским правлением начала работать и типография Рыкалова. В ЦГИА сохранились сведения о частных типографиях, собранные Цензурным комитетом в 1808 г. и написанные рукой их владельцев.¹⁰ Из этого документа видно, что в Петербурге в 1808 г. было уже 11 частных типографий. Кроме Байкова и Савинкова, печатавших книги и деловые бумаги только на русском языке, остальные содержатели указывали, что они издают «на всех европейских языках». Императорская типография и типография Лебедева (исключительно) печатали и на восточных языках. Литература на иностранных языках издавалась Дрехслером, Иверсеном, Плюшаром и Шнором, а иногда и В. Плавильщиковым. В последующие годы существенных изменений в составе частных типографий уже не наблюдается.¹¹ Можно отметить лишь на основе обнаруженного в ЦГИА документа, что Императорская типография в 1811 г. была приобретена у наследников Пономарева купцом Акимом Даниловским, оставшимся затем в течение многих лет ее владельцем.¹² Одновременно расширяется и число казенных типографий. В 1806 г. была открыта типография Коммерц-коллегии, позднее — типография при Департаменте Военного Министерства и Внешней торговли.

Еще более интенсивно в начале века растет число московских вольных типографий. К типографиям, обслужи-

⁹ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 59.

¹⁰ Там же. Примечательно, что опекуны имп. типографии — вдова Наталья Пономарева и купец Федор Брунков были неграмотными и за них расписался «коллежский регистратор Жеребин».

¹¹ См.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения, СПб., 1810, № XXIV, с. 53—64.

¹² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 128, л. 1.

вавшим Москву, в конце 90-х годов (типографии Московского университета, имевшей 20 станов, типографии Губернского правления, располагавшей 4 станами, типографии Селивановского с 12 станами) добавляется еще около 9 новых заведений. Уже в конце 1801 г. организуется типография под покровительством имп. Воспитательного дома, владельцами которой были Кряжев, Готье и Мей. Вскоре после указа 1802 г. почти одновременно открываются типографии М. Пономарева (1 апреля 1802 г.), П. Бекетова и И. Зедербана (11 апреля 1802 г.). В 1803 г. открывает типографию Люби, в 1804 г. — Шильдбах (при Московском губернском правлении), затем Дубровин с Мерзляковым. В 1810 г. число московских частных типографий пополняется еще и первоклассной, учрежденной на европейский манер, типографией Н. Всеволожского.

Одна за другой открываются в эти годы и типографии в провинции. В 1801 г. — в Рязани и Уфе, в это же время возобновляет работу старейшая Городская типография в Риге, содержателю которой Кейлу при Павле I в 1800 г. было отказано в просьбе ее восстановить,¹³ перешедшая с 1804 г. к новому владельцу — В. Г. Геккеру; в 1803 г. — типография в Пензе; в 1804 г. — в Калуге; в 1805 г. — при Харьковском университете, поскольку университеты получили право на собственные типографии с собственной цензурой. В это же время открываются типографии в Петрозаводске и Пскове. В 1807 г. был издан высочайший рескрипт об открытии провинциальных типографий во всех губернских городах, причем уже прежде существовавшие получали государственную субсидию. Большинство из них состояло при губернских правлениях и Приказах общественного призрения, располагало одним, реже двумя станами и было предназначено для канцелярских нужд. По данным на 1810 г., только в число типографий, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, входило 75 типографий, а общее их число было гораздо больше и приближалось к 90.¹⁴

Сведения о количестве выпускавшейся продукции не менее разноречивы, чем о самих типографиях. По мнению Куфаева (опиравшегося на данные А. Шторха и

¹³ С.-Петербургские ведомости, 1800, № 1, с. 5.

¹⁴ См.: Периодическое сочинение..., с. 64.

Ф. Аделунга), за пятилетие с 1801 по 1805 г. было издано «всего 718 книг; т. е. в среднем по 143 книги в год».¹⁵ В результате своих подсчетов Куфаев пришел к выводу, что в начале XIX в. выходило меньше книг, чем в павловское пятилетие. Кроме того, Куфаев утверждал, что книг на русском языке издавалось гораздо меньше, чем на иностранных, что их число составляло лишь 20% от общей продукции. На мнении Куфаева можно было бы не останавливаться (в его расчеты несомненно вкралась какая-то ошибка), если бы оно не легло в основу позднейших выводов о читателе и книге начала XIX в.

Если же обратиться к труду А. Шторха и Ф. Аделунга «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 г.»,¹⁶ то уже в нем даются гораздо более высокие цифры. За первое пятилетие было издано 1034 сочинения на русском языке (оригинальных — 756, переводных — 548) и 641 иностранная книга, в среднем — около 335 книг в год.

Из просмотренных нами ведомостей С.-Петербургского цензурного комитета за 1804—1811 гг. (а в его ведении была не вся литература, издававшаяся в С.-Петербургском округе) видно, что через цензуру ежегодно проходило около 250—300 произведений. Так, в Журнале ведомостей на «выходные билеты» (выдававшиеся уже на отпечатанные книги) за 1807 г. зарегистрировано 252 названия, только за первую половину 1808 г. — 259 названий и т. п.¹⁷ Принимая во внимание деятельность московских и провинциальных типографий, можно считать, что общее число издаваемой продукции существенно превышало число изданий павловского, а возможно, и екатерининского времени.

Не менее важным, чем количественный подсчет, является вопрос о читателе и книге начала XIX в., о тех общественных факторах, которые во многом определяли деятельность типографий. Существует достаточно распространенное мнение о том, что почти единственным чита-

¹⁵ Куфаев М. Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927, с. 51.

¹⁶ СПб., 1810. Характерно, что И. Сопиков резко критически относился к труду А. Шторха. См.: Библиографические записки, 1861, т. III, с. 551.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 32, л. 36.

телем было дворянство, что читалась одна иностранная книга,¹⁸ а главное, что сама разница между книгой XVIII и XIX в. неумовима.¹⁹

Принципиальное, очень существенное различие между книгой конца XVIII и начала XIX в. состоит не в увеличении числа издаваемой литературы или тиражей книг (обычным тиражом, так называемым «полным заводом», еще с XVII в. был тираж 1200 экз.), не в радикальном улучшении и удешевлении книгопечатного процесса (для начала XIX в. это ещё не характерно), а идет по линии идейной значимости книги, внутреннего содержания, начавшего меняться под воздействием нового читателя.

С начала XIX в. начинается издаваться большое количество социально-политической, философской, правовой, экономической, публицистической литературы. Многие сочинения французских просветителей, английской политэкономии, известные в XVIII в. в России в оригиналах, теперь интенсивно переводятся на русский язык и становятся доступными для более широкого (в том числе и дворянского) круга читателей. В 1802—1805 гг. в Московской сенатской типографии воспроизводится 5-томное издание Собрания сочинений Вольтера, запрещенное при Екатерине II и сожженное при Павле I. Под покровительством и за счет императорского дома выходят 4-томная «Философская и политическая история» Рейналя, 2-томная «Конституция Англии» де Лольма, «Исследование свойств и причины богатства народов» Адама Смита и т. п.²⁰ Публицистика и книга поднимают темы, важные для всей нации, и они начинают обсуждаться публично — о соблюдении законности, о распространении образования, о положении крестьянства. На страницах русских журналов, число которых существенно возрастает в начале XIX в., ведется настойчивая пропаганда русской книги, обсуждается вопрос о чтении в России. «Вестник Европы» с первых номеров, подчеркивая, что «деятельный разум во всех состояниях ... чувствует нужду в познаниях»,²¹ — говорит о быстром росте нового читателя, «представителя среднего сословия», и даже от-

¹⁸ Г о в о р о в А. А. История книжной торговли. . . , с. 136.

¹⁹ К у ф а е в М. Н. История русской книги. . . , с. 53.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 32, д. 115, 117, 167, 234.

²¹ Вестник Европы, 1802, № 1, с. 4.

дает дань либеральным мечтаниям о книге в «хижине» поселянина. «Самые бедные люди подписываются (на газеты), и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель».²² Понимая разный уровень читателя и стремясь к его повышению, «Вестник Европы» писал в программной статье, что даже 5 или 6 раз напечатанный «Милорд Георг» — «глуше́йший из русских романов»²³ может принести пользу, если он способен прихотить к чтению, и подчеркивал: «Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Ж.-Ж. Руссо, а другому Никанора (злосчастливого дворянина)», поскольку тот, «кто начинает злосчастливым дворянином, нередко доходит до Новой Элоизы».²⁴ Мода на библиотеки, характерная для XVIII в., в начале XIX в. сменилась «модой на чтение».

С начала XIX в. в книгоиздательстве начинает сказываться более четкая, «ведомственная» дифференциация, особенно характерная для казенных типографий. Еще более возрастает роль и значение частного книгопроизводства в культурном движении страны. Многие из типографий становятся своеобразными культурными центрами, группирующими вокруг себя новую, нередко уже разночинную интеллигенцию. Типографская база частного книгопроизводства Москвы в этот период гораздо выше, чем в Петербурге, и типография Московского университета занимает одно из ведущих мест в стране. Из обнаруженного нами в ЦГИА документа — сравнительной сметы стоимости печатания 1200 экз. «История Англии», представленной содержателями трех типографий — Воспитательного дома, Сенатской и Университетской, — видно, насколько дешевле (чуть ли не в половину) стоила работа в Университетской типографии,²⁵ что также играло немалую роль в рождающейся конкурентной борьбе предпринимателей. Начавшееся еще в павловское время смещение центра культурной жизни России в Москву характерно и для начала XIX в. Москва в первое десятилетие века не только дает образцы полиграфического искусства (издания П. Бекетова, С. И. Селивановского, Н. Всеволожского), но и становится подлинным центром национально-патриотической жизни страны. Здесь из-

²² Там же, 1809, № 2, с. 58.

²³ Там же, 1802, № 1, с. 7—8.

²⁴ Там же, 1809, № 9, с. 61.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 32, д. 117.

даются памятники национальной старины (в 1800 г. — первое издание «Слова о полку Игореве»), народного творчества, придается большое значение популяризации русской литературы — выпускаются первые собрания сочинений Радищева, Карамзина, Богдановича и др. В соотношении с общим количеством выпускаемых книг падает число переводных произведений. Некоторые издатели и типографы — П. П. Бекетов, С. И. Селивановский, И. П. Глазунов, В. А. Плавильщиков, сыгравшие значительную роль в истории русской культуры, выступают не только как представители рождающегося капиталистического предпринимательства, преследующего коммерческие цели, но и как продолжатели просветительских традиций Новикова. Книга чутко реагирует на все изменения общественной жизни первого десятилетия. Это — время перехода к новым формам книжного дела, расширения круга читателей, несмотря на незначительность образованного слоя России. Именно в эти годы выходят многие из сочинений, сыгравших важную роль в формировании будущего поколения декабристов.

III. КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ В БИБЛИОТЕКАХ СССР

Е. М. Апанович

ИСТОРИЧЕСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА XVI—XVIII вв. В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ АН УССР

Историческая книга составляет небольшую часть рукописного фонда ЦНБ АН УССР, являющейся одним из богатейших хранилищ рукописной книжности в нашей стране. Собрание исторических рукописных книг Библиотеки отличается большим жанровым разнообразием, богатством репертуара и имеет в своем составе уникальнейшие рукописи выдающихся исторических произведений прошлых веков.

В статье рассматриваются рукописные книги, включающие исторические произведения, созданные на Украине. Списки и отрывки из русских хронографов трех редакций, русских летописей и исторических сочинений, а также копии печатных книг, в том числе и иностранных, входящие в состав фонда ЦНБ, должны стать объектом специального обзора.

Рукописные книги ЦНБ обладают характерными особенностями, присущими исторической литературе прошлых веков. Ее главные жанры — летописи, мемуаристика и сводные обобщающие труды — почти никогда не встречаются в чистом виде. В каждом отдельном произведении происходит смешение жанров. Уже в рамках летописи, в процессе отмирания летописания, зарождаются направления, развившиеся впоследствии в самостоятельные жанры — аналитическо-синтетические исторические труды, историческую повесть, дневник и т. д.

Первая группа рукописных исторических книг представлена в ЦНБ одной из наиболее ранних украинских

летописей — Густынской, в которой четко выраженная последовательность дат в хронологической сетке сочетается с попытками исторического анализа и синтеза. Самостоятельная часть летописи, которая, как считают исследователи, охватывает 1300—1515 годы, будучи составлена в XVI в.,¹ продолжает ряд летописных традиций Киевской Руси, хотя и в определенной степени трансформировавшихся в новых исторических условиях. Добавления в конце текста собственно летописи, которые имеют характер отдельных статей и несут на себе влияние сочинений польских хронистов, очевидно, написаны позже другими авторами, не ранее начала XVII в.²

Списки известных трех редакций Густынской летописи, оригинал которой не сохранился, включают элементы исторического синтеза, привнесенные в ее текст переписчиками. Приписки переписчиков с толкованием фактов, объяснением явлений, отдельными уточнениями и соображениями, а также с библиографическими данными носят, как правило, характер интерполяций, иногда берутся в скобки.

Рукописная книга ЦНБ,³ включающая список основной редакции Густынской летописи, представляет собой сборник исторических сочинений и датируется первой половиной XVIII в. В состав книги объемом в 202 листа, ин фолио, кроме летописи (л. 85—202), входят: «Ядро истории Российской...» и «Краткое описание достопамятным делам...» (Петра I и его преемников).

Основная редакция⁴ составлена в Густынском монастыре (возле Прилук) в 1670 г. иеромонахом Михаилом Лосицким, который дал «Летописцу» (так назвал свое произведение создатель Густынской летописи) наименование «Кройника» («Хроника») и предпослал ему предисловие. Это предисловие примечательно попыткой опре-

¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962, с. 353—354.

² «О начале казаков» (1516 г.), «О применении нового календаря» (1582 г.), «О унии, како почая в Русской земле» (1588—1596 гг.).

³ ЦНБ АН УССР, ОР, $\frac{309}{540с}$. Далее указывается только шифр книги, с использованием косой черты вместо горизонтальной.

⁴ Положена в основу публикации в приложении к Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, с. 231—373), хотя для уточнения использовались все три редакции.

делить цель и задачи исторического труда, а также идеей осознанной необходимости документирования прошлого своего народа: «Каждому человеку читанье гисторый есть барзо потребно: бо кгда бы не описано и по свету не подано, зараз бы с телом без вести все сходило в землю, и люде бы, як у тме будучи, не ведали, що ся прошлых веков деяло. Которую Кройнику, прочитавши, можешь подати для уведомления юнейшим».⁵

Список первой половины XVIII в. редакции Михаила Лосицкого в книге ЦНБ имеет записи, сделанные двумя почерками, на полях страниц вверху и внизу на протяжении той части летописи, которая кончается XIII столетием. На поля вынесены пометы — своеобразные подзаголовки, а также имена упоминаемых в тексте авторов — античных, византийских, древнерусских летописцев, польских хронистов — с указанием соответствующих страниц их трудов, что в тексте отсутствует. Внизу страницы, а иногда и на полях, в записях даются географические наименования, которые отражали изменения в названиях и уточняли местонахождение города, о котором шла речь в тексте. Вверху и внизу страниц записи-заголовки сохраняются на протяжении всего текста летописи.

Уникальный характер имеет рукописная книга ЦНБ с текстом-автографом так называемой Львовской летописи, охватывающей 1498—1649 гг.⁶ и некоторыми частями еще генетически связанной с летописанием Киевской Руси. В то же время личные впечатления автора служили источником для ряда мест Львовской летописи, в результате чего они приобрели в какой-то степени мемуарный характер. Автор — Михайло Гунашевский был выходцем из львовских мещан, священником во Львове, настоятелем Межигорского монастыря под Киевом, учился в Замоиской академии, служил канцеляристом Войска Запорожского, ездил в составе казацких посольств в Москву и Варшаву.

Первая часть летописи представляет собой погодную хронологическую сетку, заготовленную М. Гунашевским с 1498 по 1591 г., заполненную краткими записями только

⁵ 309/540с. л. 85 об.

⁶ VIII 206м/27. Последнее издание и исследование летописи см.: Бевзо О. А. Дзівівський літопис і Острозький літописець, Кіів, 1971,

под 28 датами. В последующие 20 лет встречаются более обширные описания. Последние 30 лет летописи заполняют развернутые исторические рассказы, пронизанные единой идеей непримиримой борьбы против иноземного польско-шляхетского господства на Украине.

Повесть Львовской летописи о крестьянско-казацком восстании 1630 г. особенно высоко оценивается историками, поскольку это единственное цельное и последовательное освещение выдающегося события украинской истории первой половины XVII столетия. Автор использовал для своего рассказа о восстании чрезвычайно интересный источник — описание, составленное ведущим участником событий — казацким гетманом Тимофеем Орандаренко, который, по свидетельству Гунашевского, сам писал и распространял свои «новины» (новости). Позиция Орандаренко совпадала со взглядами Гунашевского и была близка интересам рядового казачества и крестьянства. Автор Львовской летописи с большой откровенностью проявляет свое отношение к событиям, в том числе и в пометах на полях, выполняющих функции заголовков к отдельным тематическим частям текста, а также в своих дополнениях и пояснениях, которые он дает в скобках.

Рукописная книга, в которую внесена Львовская летопись (ин фолио), представляет собой сборник, составителем которого был автор летописи. Гунашевский разделил книгу на тематические части, отведя для каждой из них неравное количество листов. Не все эти листы оказались заполненными.

Первая часть (л. 7—97) предназначалась для собрания цитат и афоризмов на латинском языке. Следующие 64 листа второй части — для статей и документов антиуниатского характера. Среди них помещен единственный дошедший до нас список «Перестороги» — ценного памятника украинской полемической литературы рубежа XVI—XVII столетий. Только 20 первых листов третьей — исторической — части сборника (л. 163—250) заполнены. На них Гунашевский вписал свою летопись.

Литературные произведения, большей частью духовного содержания (легенды, рассказы, притчи, канты, псалмы), он разместил в четвертой части, отведя ей 35 листов. Такой же объем он выделил и для медицинских материалов в пятой части. На листах шестой части

Гунашевский скопировал акты своего судебного процесса с Замойским братством. Последняя часть книги (кончая 387-м листом) целиком заполнена календарными материалами, описанием знаков зодиака. Таким образом, рукописная книга, созданная Михайлом Гунашевским, представляет собой своеобразную микробиблиотеку, вобравшую в себя репертуар, достаточно типичный для книжных собраний на Украине того времени.

Отдельными книгами, а также в сборниках тематического и смешанного состава сохраняются в рукописном фонде ЦНБ широко известные казацкие летописи Самовидца, Григория Грабянки, Самийло Велички. Впрочем, причисление этих целиком светских произведений к летописям весьма условно. Это скорее конгломерат различных жанров, включающий мемуары, художественные рассказы, подборки документов, стихотворения, идейно подчиненные определенной цели — раскрытию темы освободительной борьбы украинского народа против господства шляхетской Польши и агрессии султанской Турции и Крымского ханства, за воссоединение Украины с Россией. Только у Самовидца вторая часть его произведения — летописная, на хронологической сетке. Но и здесь сухая информация иногда перерастает в яркую форму дневника. Григорий Грабянка систематизирует и компилирует многочисленные материалы в своем произведении в форме своеобразного исторического романа. Самийло Величко тоже выступает перед нами как исторический писатель большого литературно-художественного таланта. В творениях этих трех авторов особенно выразительно проявилась синкретичность, присущая произведениям письменности до середины XVIII в. Будучи прежде всего произведениями историографии, казацкие летописи одновременно представляли собой памятники литературы, языка, фольклора.

В Отделе рукописей ЦНБ из сохранившихся 6 списков летописи Самовидца находятся 3 списка, выполненные в XVIII в.⁷ В их число входит список 1734 г. — наиболее полный и давний.⁸ Очевидно, он наиболее близок к оригиналу, который, как предполагают, был создан в начале XVIII в. Известно более 20 списков пространной и краткой редакций летописи Г. Грабянки, из них почти поло-

⁷ I, 3862; I, 3866; VIII 156м/54.

⁸ I, 3856.

вина тоже входит в состав фонда ЦНБ.⁹ Летопись С. Велички, автограф которой находится в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в ЦНБ представлена рукописной книгой скорописи XVIII ст., ин фолио, 806 листов.¹⁰

Вторая группа рукописных исторических книг ЦНБ включает ряд обобщающих, хотя еще и в значительной степени компилятивных, сводных трудов по истории Украины, что знаменовало собой начало процесса выделения во второй половине XVII в. историографии из письменности в качестве ее исторического жанра как результат глубочайших социально-экономических и политических сдвигов.

Одним из первых таких трудов считается созданная в 1672—1673 гг. «Кройника» в трех частях Феодосия Софоновича, воспитанника и преподавателя Киево-Могилянской академии, а последние 10 лет жизни — игумена Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря.

Рукописная книга конца XVII в. из фонда ЦНБ, объемом 29 листов, в четверку¹¹ — «Литописец албо кройника о земле Полској» — представляет собой список третьей, неопубликованной части произведения Софоновича, заканчивающейся 1672 г. Этот список наиболее близок ко времени создания оригинала, не дошедшего до нас. Составитель этого списка продолжил летопись Софоновича, добавив краткие записи под 1675, 1677—1690 гг.¹²

Наличие более двух десятков копий «Синописа» или его частей, отдельных выписок и даже цитат, входящих в состав сборников разнообразного содержания из фонда

⁹ VIII 148м/197; VIII 149м/49; VIII 150м/50; VIII 151м/51; VIII 152м/Лазар33; VIII 153м/198; VIII 213м/52; VIII 214м/35; 216м/199; I, 6300; I, 6698; Неж., 48.

¹⁰ VIII 154м/53.

¹¹ VIII 107м/57.

¹² 310/525с. Результаты изучения в последнее время «Хроники» Софоновича и сведения об ее списках и редакциях см.: Мыцык Ю. А. 1) Влияние «Кройники» Феодосия Софоновича на киевский «Синописис». — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972, с. 129—136; 2) «Кройника о початку и назвиску Литвы» и ее источники. — В кн.: Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Днепропетровск, 1973, с. 158—160; 3) Вопросы изучения «Кройники» Феодосия Софоновича в историографии. — В кн.: Вопросы отечественной историографии и источниковедения, вып. 2. Днепропетровск, 1975, с. 76—92.

ЦНБ,¹³ в том числе включающих и религиозную литературу, свидетельствует о широчайшей популярности этого первого учебника по истории России, Украины и Белоруссии, выдержавшего с 1674 г. до середины XIX в. 20 изданий.

В отдельную книгу рубежа XVIII—XIX вв. (146 листов, ин фоллио) переписана первая часть «Летописного повествования о Малой России» Александра Ригельмана.¹⁴ Генерал-майор в отставке, он на протяжении 10 лет (1772—1782) создавал эту грандиозную механическую компиляцию, в сущности — свод исторических материалов, хотя и тематически целенаправленно подобранных.

«Краткое описание о казацком малороссийском народе и его военных делах, собранное через бунчукового товарища Петра Симоновского, 1765 года» входит в состав фонда ЦНБ копией начала XIX в. в виде отдельной рукописной книги в 146 листов, ин фоллио.¹⁵ Это произведение примечательно наличием элементов критической оценки действительности и исторических обобщений. Автор — выразитель старшинской идеологии, закончил Киево-Могилянскую академию, обучался в университетах Кенигсберга, Лейпцига, Галле.

Третью группу исторических рукописных книг в фонде ЦНБ составляют произведения мемуарной литературы, которая зародилась на Украине в середине XVII в. в результате усиления интереса к отечественной истории. В XVIII в. мемуаристика достигла расцвета. В число рукописной мемуарной книжности ЦНБ входят дневники и так называемые диариуши, а также — записки путешественников, преимущественно оригиналы. Среди них по значимости и объему пальма первенства безусловно принадлежит десяти tomному личному авторскому дневнику генерального подскарбия Якова Марковича, представителя казацкой старшинской элиты.

Связанный родственными отношениями с гетманами и занимая наивысшие должности в гетманском уряде, он

¹³ ДА/П184; 359п/196; 478п/1734; 546п/1748; ДА/527л; ДА/529л; 311/686с; VIII 216м/199; Неж. 34; Неж. 36.

¹⁴ VIII 158м/200, опубликовано: Ригельман А. Летописное повествование о Малой России. М., 1847.

¹⁵ VIII 157м/55, опубликовано: Симоновский П. Краткое описание о казацком малороссийском народе. М., 1847.

хорошо был осведомлен о политических и военных событиях. Владея колоссальными имениями, Маркович захватывал казацкие земли и закрепощал казаков, беспощадно, бесчеловечно эксплуатировал своих крепостных крестьян и наемных рабочих — рабочих людей. Этот богатейший украинский помещик был также владельцем крупных мануфактур и вел обширную торговлю с Москвой, Петербургом, Астраханью, Крымом, Польшей, Силезией.

Свою многообразную хозяйственную, административную и военную деятельность, свои взаимоотношения с крестьянами и казаками, сведения об антифеодальных выступлениях, о военных походах, даже обычные факты повседневной жизни и быта и состояние погоды Маркович скрупулезно, почти ежедневно фиксировал в дневнике, который он вел с 1717 до 1767 г.

Своеобразный документ эпохи, дневник Марковича освещает и развитие культуры на Украине XVIII в. Сам автор был чрезвычайно образованным человеком своего времени. В Киево-Могилянской академии он был любимым учеником Феофана Прокоповича, который писал ему впоследствии, что о таких успехах в богословии, каких он достиг, не могут мечтать и украшенные митрами головы. Маркович сохранил дружбу с Прокоповичем и продолжал интересоваться философией, историей, богословием, читал труды Аристотеля, Декарта, Спинозы, писал стихи, делал переводы с латинского, польского, французского, еврейского языков, интересовался театром, занимался медициной, был даже знаком с микроскопом.

Маркович собрал большую для того времени библиотеку. Уже в 1725 г. в ней насчитывалось 345 книг, среди них богословских — 21, философских — 12, исторических — 10, медицинских — 5. Регулярно читал газеты и журналы, в том числе иностранные. Был подписчиком «Санкт-Петербургских ведомостей», парижских газет. В 1742 г. 1 ноября он записал в дневнике: «Ездил до почтмейстера Владимира Владимировича Фон-Пестеля, которому дал 18 рублей на будущий 1743 год за газеты французские, амстердамские».¹⁶

В ЦНБ находится 8 книг — автографы Якова Марковича, шестой том его «Дневника» в копии, пятый совсем

¹⁶ ЦНБ, ОР, ф. XII, д. 4, л. 69.

отсутствует.¹⁷ Рукописные книги с «Дневником» Марковича имеют объем каждая в пределах ста—трехсот листов, ин фоллио, в картонных обложках, обтянутых синим и зеленым полотном, за исключением первого тома в кожаном переплете, содержат записи за 2—3 года, за 4 и за 5—8 лет.

Дневник Марковича опубликован частично. Первое издание, осуществленное внуком автора дневника, охватывало весь пятидесятилетний период ведения записей, но с весьма значительными сокращениями и переделками. В последующих двух изданиях из общего объема 1932 листа увидел свет 951 лист с 1717 по 1740 г.¹⁸

Оригиналы диариушей, дневников, фиксирующих ежедневную деятельность Генеральной войсковой канцелярии — высшего исполнительного органа власти на Левобережной Украине в XVIII в., за 1722—1723 и 1727—1731 гг. сохраняются в фонде ЦНБ в виде трех рукописных книг в 570 листов¹⁹ и двух томов (1727—1728 и 1729—1731 гг.) в 400 и 645 листов.²⁰ По жанру к ним примыкает «Краткий журнал о поездке в Москву» гетмана Даниила Апостола в 1728 г.²¹ (85 листов). Все книги ин фоллио, в картонных переплетах, обтянутых полотном с кожаным корешком. Диариуши — анонимны, за исключением тома за 1722—1723 гг., где на л. 19 канцелярист Филипп Борзаковский сам назвал себя «писателем сего диариуша». Продолжал диариуш другой канце-

¹⁷ Ф. XII, д. 1 (т. 1); ф. XXVIII, д. 337 (т. 2); I, 66857 (т. 3); I, 66858 (т. 4); ф. XII, д. 4 (т. 6); ф. XXVIII, д. 336 (т. 7), I, 66859 (т. 8); I, 66860 (т. 9), I, 66861 (т. 10).

¹⁸ См.: Дневные записи малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Издание Александра Марковича, ч. I—II. М., 1859; Дневник генерального подскарбия Якова Марковича. Под ред. Ал. Лазаревского. Ч. 1 (1717—1725), ч. II (1726—1729), ч. III (1730—1734). Киев, 1893—1897; Дневник Якова Марковича. Т. IV (1735—1740). Видав Вадим Модзалевський. — Жерела до історії України—Русі, Київ—Львів, 1913, т. XXII.

¹⁹ I, 66720. Частично опубликован в кн.: Лазаревский А. Орывки из дневника гетманской канцелярии за 1722—1723 годы. Киев, 1897.

²⁰ I, 53762. Опубликованы фрагменты: Слабченко М. Е. Протокол отпускных писем за гетмана Апостола 1728 года тут же и по отъезде его вельможности записки щоденные при конце этого же года 1728. Одесса, 1913.

²¹ VIII 162м/80, опубликовано в кн.: Материалы для отечественной истории. Издал Михаил Судненко. Т. I. Киев, 1853.

лярис — Павел Ладинский, отметивший свое авторство в акrostихе (л. 211). Диариуш за 1727—1731 гг. вело не менее десяти канцеляристов.

Будучи своеобразными документальными хрониками, которые делились по числам месяца, диариуши перерастали часто в исторические описания или рассказы репортажного характера о ежедневных событиях административно-политической, судебной жизни, придворных церемониях. Некоторыми записями диариуши приближаются к протоколам или же превращаются в сборники документов, поскольку в них вносились копии государственных и судебных материалов.²²

Изучение исторических рукописных книг ЦНБ, представляющих интерес для историографии, литературоведения и языкознания, еще более важно для книговедения. Рукописные книги ЦНБ имеют большое значение для исследования проблем происхождения, состава и путей распространения, а также для атрибуции отдельных памятников письменности и характеристики конкретных списков как документов определенной эпохи.

А. А. Гусева

УКРАИНСКАЯ КНИЖНАЯ ГРАФИКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. В СОБРАНИИ ОТДЕЛА
РЕДКИХ КНИГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

В Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина продолжается работа по составлению аннотированного каталога коллекции украинских книг кирилловской печати XVI—XVIII вв. Одной из составных частей этой работы является полистная роспись всего орнаментального и иллюстративного материала, выявление новых досок и имен граверов, их создавших, даль-

²² Горобець В. Й. Діариуші — визначні пам'ятки української писемності XVIII ст. — Історичні джерела та їх використання, вип. 7. Київ, 1972, с. 102—114.

нейшее использование и подпоявление досок. Материал, собранный в иллюстративном приложении к первому выпуску каталога, охватывающему 1574 г.—первую половину XVII в.,¹ был проанализирован автором в статье «Взаимосвязи украинских типографий конца XVI—первой половины XVII вв. (Проблема миграции типографских материалов)».² В настоящее время закончена работа по росписи украинской графики второй половины XVII в. Материал позволяет нам говорить о расцвете книжного граверного искусства Украины на этом историческом отрезке времени, ознаменованном воссоединением Украины с Россией, обратить внимание исследователей на некоторые историко-книжные аспекты развития этого искусства.

В украинской книжной культуре этого периода наряду с традиционными богослужебными книгами получают все большее распространение и выдерживают неоднократные переиздания книги, в которых содержатся сведения философского, исторического, литературного и бытового характера. Так, «Синописис» — первое печатное изложение русской истории — в последней четверти XVII в. выдержал на Украине пять изданий, одиннадцать раз издавались различные труды архимандрита Димитрия Ростовского и писателя-полемиста Иоанникия Галытовского, семь — основателя Новгород-Северской и Черпиговской типографий Лазаря Барановича.

Во второй половине XVII в. украинские художники создали около 1400 гравюр, т. е. вдвое больше, чем от начала книгопечатания на Украине до середины XVII в. (в собрании ГБЛ их было учтено 820). Появление новых гравюр распределяется по десятилетиям следующим образом: 50-е годы — 59 досок, 60-е — 247, 70-е — 382, 80-е — 210, 90-е годы — 495. Мы видим, что наибольшее число их приходится на 1690-е годы. Оно составляет одну треть от общего количества досок, созданных за 50 лет.

Рассмотрим количественный вклад отдельных типографий в развитие книжной графики Украины. Из 20 типографий начального периода украинского книгопечатания

¹ Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. С иллюстрациями и указателями. Вып. 1. 1574—первая половина XVII в. В печати.

² См.: Федоровские чтения, 1973. Сборник научных трудов. М., 1976, с. 78—100.

ко второй половине XVII в. осталось только три: Киево-Печерской лавры, Львовского братства и Михаила Слезки; к ним присоединились еще четыре новые типографии: епископа Иосифа Шумлянського, Уневського монастыря, Новгород-Северская и Черниговская (Троицко-Ильинского монастыря). Большинство (около 880) гравюр приходится на издания типографии Киево-Печерской лавры. Из них 525 было вырезано в 60—70-е годы. В это время по инициативе архимандрита Иннокентия Гизеля было предпринято несколько богато иллюстрированных изданий, таких как «Патерик, или Отечник Печерский» 1661 г. (51 доска), Акафисты 1663 г. (113), Акафисты и два издания Лазаря Барановича «Трубы словес проповедных» 1674 г. (245 досок). В изданиях трех львовских типографий насчитывается около 300 гравюр, причем более половины всех новых досок дало последнее десятилетие. Друкарня Уневского монастыря по количеству гравюр (около 120) занимает третье место среди украинских типографий этого времени. Для изданий черниговской типографии Троицко-Ильинского монастыря было вырезано 97 досок, для Новгород-Северской — 34 доски.

Украинские книги отличает чрезвычайная насыщенность иллюстративным материалом. Как и в предыдущий период, основное внимание художники уделяют иллюстрациям, число которых достигает 900 (только около 400 гравюр вырезано специально для киевских и львовских изданий Акафистов). Многочисленны заставки — их более 400 (в изданиях Лавры их 263). Около 100 досок — концовки, рамки, гербы. Только в типографиях Уневского и Троицко-Ильинского монастырей нет досок с изображением гербов, а в последней — и рамок. Резко сократилось количество концовок: если до 1650 г. их зарегистрировано 102, то за следующие 50 лет их насчитывается лишь 34 доски.

По нашим подсчетам, на Украине во второй половине XVII в. работало около 30 гравюров, т. е. в два раза больше, чем за предыдущие 15 лет. Ведущими мастерами были Илия (более 150 гравюр), Никодим Зубрицкий (ок. 150), Афанасий К. (более 120), Василий Ушакевич (более 20), Евстафий Завадовский (около 20). Из 1400 учтенных нами гравюр около 500 с подписями гравюров. Мастера указывали свои имена преимущественно на иллю-

страциях (более 430 досок). Почти половина всех гравиров (13) работала для Киево-Печерской лавры.

Самым выдающимся гравером Украины в 1630—1660-х годов был монах Киево-Печерской лавры Илия. Второго такого плодовитого мастера не знала история книжной графики Украины. Д. А. Ровинский определяет период деятельности Илии между 1636 и 1656 гг.³ Нами обнаружены две более поздние гравюры, подписанные 1663 годом: часть доски «Преп. Моисей, Антоний, Феодосий и Захария» (Акафисты, 1674, л. 233а) и «Успение» (Полуустав, Киев, 1682, тит. л. б), которые удлиняют творческую жизнь мастера на семь лет.

В книгах, хранящихся в Отделе редких книг Библиотеки им. В. И. Ленина, зарегистрировано около 350 гравюр Илии. Еще предстоит выявить все его работы, раскрыть смысл некоторых монограмм на гравюрах 1651—1663 гг., — именно в эти годы изменяется характер подписи Илии по сравнению с 30—40-ми годами (ИЛИА, ИЛ, ИЛИА АН, НЕЛІ и др.). На 15 гравюрах 1651—1663 гг. Илия поставил при своем имени еще и следующие буквы: С; С : С; С.С : К; S. Особый интерес вызывает форма подписи на гравюре «Иоанн Предтеча», которая единственный раз встречается в киевских Акафистах 1677 г. (л. 111б): «В ковыциі ИЛИА С : С РХ 1651». Что означает слово «ковыциі» — загадка, которую предстоит решить исследователям.

Для второй половины XVII в. характерно появление книг, целиком оформленных одним мастером. В качестве примера укажем на Акафисты. Первые четыре издания Киево-Печерской лавры (1625, 1629, 1636, 1654) содержали сборный иллюстративный материал, выполненный разными граверами. Начиная с пятого издания оформление Акафистов поручают одному мастеру: в 1663 г. — Илии (113 гравюр), в 1674 г. — Афанасию К. (127 гравюр). Для львовского издания «Акафисты и каноны» 1699 г. граверы Никодим Зубрицкий и Дионисий Синкевич вырезали 107 досок. Зубрицкий полностью иллюстрировал уневское издание «Евангелия учительного» 1696 г. Кирилла Транквиллиона Ставровецкого (62 доски).

³ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравиров XVI—XIX вв. Т. 1. СПб., 1895, стб. 409—426.

Из наследия старых украинских мастеров во второй половине XVII в. используется приблизительно 400 гравюр, причем доскам Ивана Федорова и Петра Мстиславца уделяется особое внимание: продолжают свою жизнь 37 их гравюр из 114.⁴

Резко сократился по сравнению с начальным периодом украинского книгопечатания процесс миграции типографского материала (0,36% от объема всех использованных досок). Выявлены следующие связи между типографиями: Заблудовская и Острожская Ивана Федорова — Львовская братская; Киево-Печерской лавры — Новгород-Северская, Черниговская, Могилевская Максима Воцанки; Спиридона Соболя — Киево-Печерской лавры; Новгород-Северская — Черниговская; Иосифа Шумлянського — Львовская братская; Арсения Желиборского — Уневского монастыря; Уневского монастыря — Львовская братская; Яна Шелиги — Михаила Слезки.

Изучение собранного материала позволяет говорить о некоторых типичных для украинских мастеров приемах изменения досок, а именно: снятие штриховки, замена внутри гравюры одного изображения другим, использование части доски.

Снятие штриховки совершенно преобразует гравюру: она становится легкой, прозрачной и трудно узнаваемой. Штрих за штрихом нужно сравнивать эти оттиски, чтобы убедиться, что мы имеем дело с одной доской. Граверу удается мастерски скрыть свое вмешательство, придав внешнюю новизну старой доске. Этим приемом впервые воспользовался в конце XVI в. московский печатник Андроник Невежа. За вторую половину XVII в. нами отмечено 12 таких случаев. Почти все они падают на 90-е годы и наиболее характерны для лаврской гравюры. Одним из примеров может служить киевская гравюра с изображением царя Давида (Псалтирь, 1640, л. 4 нн. б), которая в измененном виде появляется в издании Лавры через 53 года (Псалтирь, 1693, л. 2 нн. б). Отметим еще один случай такого превращения досок. Две маленькие киевские гравюры мастера Афанасия К. с изображением преподобных Антония и Феодосия⁵ (Акафисты, 1674, л. 180б)

⁴ См.: Федоровские чтения, 1973, с. 81.

⁵ Всего маленьких гравюр с изображением основателей лавры Антония и Феодосия существовало восемь (четыре варианта пар-

появляются в Часослове в 1679 г. (л. 99б) без отдельных деталей (облаков и насыпей над входом в пещеры).

Весьма часты замены центрального изображения композиции гравюры другим. Это вызывается или приспособлением старой доски к новому сюжету, или необходимостью отразить изменения, происшедшие в реальном мире (например, в архитектурных памятниках). Трудно найти другой архитектурный памятник Лавры, который бы имел такую обширную иконографию в книгах этого периода, как Успенский собор. На все изменения во внешнем его облике чутко реагирует книжная гравюра. Рассмотрим в качестве примера рамки титульных листов. В 15 из 33 киевских форт включено изображение Успенского собора. Впервые оно появляется в 1623 г. на титульном листе книги Иоанна Златоуста «Беседы на 14 посланий ап. Павла» и в 1628 г. в издании «Агапит царю Юстиниану главизны поучительны» аввы Дорофея. Успенский собор был в ту пору двухкупольным. Значительная перестройка его была произведена между 1654 и 1661 гг. И уже на форте «Патерика» 1661 г. Успенский собор изображен пятиглавым. В таком виде здание оставалось до 1677 г., когда к нему была пристроена деревянная колокольня, что сразу же нашло отражение в гравюре титульного листа Акафистов 1677 г. Гравюра не подвергалась изменениям вплоть до 1697 г. («Каноны Богородице» Иоанна Дамаскина), когда старое изображение собора было вырезано и заменено новым видом собора, который к этому времени опять был подвергнут частичной перестройке.⁶ Такого же рода превращения претерпевает в 1693 г. форта из Акафистов 1663 г. с видом Успенского собора. Все изменения вносились чрезвычайно осторожно. Мастера тщательно и аккуратно производили подмену частей гравюры, органично вписывали новое в старый рисунок.

Другим примером умелого обращения с материалом своего предшественника может служить доска Илии, изо-

ных гравюр). В любом издании Лавры они ставились последними и как бы символизировали принадлежность книги Лаврской типографии.

⁶ Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. Киев, 1886, с. 27—29; Килессо С. К. Киево-Печерская лавра. — В кн.: Памятники архитектуры и искусства. М., 1975, с. 32—33.

бражающая апостола Павла, датированная 1643 г. Она впервые нами зарегистрирована в Новом Завете с Псалтирью (Киев, 1692, л. 2-го счета: 255б). Через три года в Апостоле (1695 г., л. 90б) эта гравюра на одну четвертую часть обновляется, что, по-видимому, было выполнено гравером Феодором, который специально для этого издания резал 20 досок. Подмена была совершена так удачно, что авторство Феодора на первый взгляд не вызывает сомнения.

Мы остановились только на ксилографии, так как именно она характерна для украинских книг кирилловской печати второй половины XVII в. В 157 изданиях этого периода, входящих в собрание Отдела редких книг, представлено около 1400 гравюр, из которых только 10 на меди.

Публикация свода украинской книжной гравюры в каталоге «Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв.» даст исследователям богатый материал для изучения яркого и своеобразного искусства украинских мастеров.

И. Н. Лебедева

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ЧАСТНЫХ БИБЛИОТЕК XVIII в. В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Как известно, первоначальные фонды Библиотеки АН СССР — старейшей в нашей стране государственной библиотеки сложились главным образом из частных библиотек русских государственных и других деятелей XVIII в. Среди них главное место принадлежит личным библиотекам Петра I и членов царской семьи — царевны Наталии Алексеевны и царевича Алексея Петровича. Кроме того, в первой половине XVIII в. в Библиотеку Академии наук поступили книжные собрания, принадлежавшие Фридриху-Вильгельму, герцогу Курляндскому (1716 г.), сподвижнику Петра I переводчику Андрею Виниусу (1718 г.), лейб-медику Петра Роберту Арескину (1719 г.), вице-президенту Коллегии ипострапных дел Петру Шафирову

(1723 г.), лейб-медику Екатерины I Георгию Поликоле (1723 г.), переводчику Иоганну Вернеру Паузе (1735 г.), генералу-фельдцейхмейстеру Якову Брюсу (1736 г.). В дальнейшем до конца первой половины века Библиотека пополнилась книжными собраниями Мессершмидта, Пашке, Аммана, Хрущова, Остермана, Миниха, Головкина, Корфа, Делиля и др.¹ Многие из названных лиц сыграли ту или иную роль в политической и культурной жизни России того времени или оставили след в истории русской науки, а потому принадлежавшие им книжные собрания заслуживают внимания исследователей не только с точки зрения истории библиотек, но прежде всего должны рассматриваться в их неразрывной связи с основными тенденциями развития русской культуры XVIII в. Особенно отчетливо это видно на примере библиотек Петра I и царевича Алексея Петровича.

Войдя в фонд Библиотеки, частные книжные собрания не сохранились в своем первоначальном составе, а разошлись по разным отделам фондов. Поэтому в настоящее время выявление и изучение этих собраний представляет определенные трудности. Но тем не менее эти трудности преодолимы, как показал опыт воссоздания библиотеки Петра I и частично библиотеки царевича Алексея Петровича в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки АН.²

Разыскание и выявление книг из частных библиотек XVIII в. в составе фондов Библиотеки значительно облегчается тем, что сохранились старые описи этих книжных собраний, хранящиеся в настоящее время в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР. Анализ этих описей позволяет сделать вывод, что все названные описи, кроме «Реестров» библиотеки Петра I, не являются передаточными документами. Лишь «Реестры» библиотеки Петра I являются тем документом, по которому происходила передача книг в Библиотеку.³ Все остальные

¹ См. соответствующие разделы в кн.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964. Названные частные библиотеки изучались С. П. Лупповым, см.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.

² Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 5—170.

³ «Реестры» см.: там же, с. 267—381.

описи написаны на бумаге с одними и теми же водяными знаками, переплетены в одинаковые обложки, некоторые из них написаны одним и тем же почерком. Анализ водяных знаков бумаги, на которой написаны эти описи, позволяет датировать их концом 30-х годов XVIII в.⁴ В это время в Библиотеке АН составлялся и подготавливался к изданию первый каталог книжных фондов, вышедший из печати в 1742 г.⁵ Расположение материала в каталоге соответствовало расстановке книг в Библиотеке, т. е. в систематическом порядке, а внутри разделов — по форматам книг. Отсюда и название каталога «Камерный», под которым он известен, так как в каждом разделе каталога было описание книг, содержащихся в определенном зале («камере»). По-видимому, наряду с подготовкой Камерного каталога происходило и составление или переписка каталогов частных собраний. Составление описи частного собрания могло предшествовать вливанию этого собрания в общий фонд Библиотеки. Не исключено также, что в это время были вновь переписаны старые передаточные описи, уже успевшие обветшать и прийти в негодность. Так или иначе, наличие описей частных собраний, вошедших в состав Библиотеки, тот факт, что их переписка или составление происходили параллельно с работой над систематическим Камерным каталогом, говорит о том, что библиотекари XVIII в. понимали значение этих документов, особенно в условиях распыленности частных собраний по разным отделам, и стремились сохранить хотя бы в описях состав некогда существовавших отдельных библиотек.

Составленные в XVIII в. в Библиотеке АН описи являются теперь тем важнейшим источником, по которому мы можем выявлять и изучать книжные собрания, составившие основу первоначальных фондов.⁶ Первый этап работы — это отождествление или определение изданий,

⁴ Филигрань — двуглавый орел под короной в круге, см.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959, с. 64, 225, № 601.

⁵ *Bibliothecae Imperialis Petropolitanae, pars I—IV. Petropoli, 1742.*

⁶ Эти описи изучались С. П. Лупповым, см.: Луппов С. П. Книга в России..., с. 165—247.

входивших в состав той или иной библиотеки. А это оказалось делом нелегким ввиду краткости и нечеткости описания в этих описях печатных и особенно рукописных книг. Например, в «Реестрах» библиотеки Петра I иностранные книги описаны на русском языке, большей частью без указания года и места издания, а также часто и языка, на котором написана данная книга. Примеры: «Юрия Цесаря гистория», «Нравоучительная немецкая», «Триодъ посная старой печати». Не всегда ясно, идет речь о печатной или рукописной книге. Поэтому отождествление описания с изданием или рукописной книгой представляет иногда крайнюю трудность.

При работе с вышеуказанными описями XVIII в. существенную помощь оказывают другие источники — рукописные и печатные каталоги XVIII в., отражающие состав фондов Библиотеки. Это прежде всего трехтомный рукописный каталог печатных книг, составленный в 30-х годах XVIII в. и хранящийся теперь в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 158, оп. 1, № 1—3). Материал в каталоге расположен по формату книг, внутри формата принят алфавитный порядок. В этом каталоге около каждого описания проставлены буквенные индексы, обозначающие прежних владельцев книг. Большая часть этих индексов расшифрована С. П. Лупповым.⁷ Далее, это Камерный каталог 1742 г., несмотря на его неполноту и некоторую неточность в описаниях. В Библиотеке АН сохранились также два экземпляра каталога русских фондов, составленного А. И. Богдановым («Российские печатные книги, находящиеся в императорской библиотеке...», СПб., 1742) с пометами А. И. Богданова, которые содержат сведения о прежних владельцах книг. Это, наконец, рукописный каталог иностранных рукописных книг, составленный в конце XVIII в. В нем также частично указаны имена прежних владельцев (ЛО ААН СССР, ф. 158, оп. I, № 132).

После установления изданий, входивших в состав той или иной частной библиотеки, начинается работа по отождествлению конкретного экземпляра данного издания. Здесь оказывают большую помощь имеющиеся на книгах экслибрисы, владельческие записи, старые штампы, старые наклейки с надписями, особенности переплета.

⁷ См.: История Библиотеки Академии наук СССР, с. 74—75.

В целом ряде случаев это отождествление экземпляров проводится с максимальной степенью достоверности ввиду наличия экслибрисов (книги, принадлежавшие Роберту Арескину или Якову Брюсу) или владельческих записей (на книгах Андрея Виниуса). Во многих случаях на книгах сохранились пометы библиотекарей XVIII в., принимавших книги частных библиотек или составлявших их описи. Например, латинская буква C, проставленная на форзаце книги, обозначает принадлежность книги к библиотеке герцога Курляндского, сочетание букв CP свидетельствует о том, что книга принадлежала царевичу Алексею Петровичу (нем. Cronprinz). Гораздо труднее обстоит дело с книгами из библиотеки Петра I, на которых очень редко есть какие-либо знаки, документально подтверждающие принадлежность книги. В таких случаях всегда должна специально оговариваться степень достоверности наших знаний о каждом конкретном экземпляре книги.

Изучение книг из частных библиотек XVIII в. дает богатый и интересный материал не только по истории книжной культуры этого времени. Книги иногда очень выразительно рассказывают о своих владельцах, их вкусах, характере, устремлениях. Очень показательны в этом отношении две библиотеки — Петра I и его сына царевича Алексея Петровича. Для характеристики этих библиотек мы пользуемся подсчетами, сделанными С. П. Лупповым.⁸ Библиотека Петра I включала в себя 1621 печатную и рукописную книгу и 1351 единицу карт и планов. Состав книжной части этой библиотеки очень разнообразен и свидетельствует о самых разносторонних интересах ее владельца. Здесь больше всего книг по кораблестроению и морскому делу, по пиротехнике и математическим наукам, по истории, географии и архитектуре, много словарей и писемников, книг по фортификации и артиллерии, анатомии и медицине, архитектуре и садово-парковому делу. В библиотеке Петра I были книги на разных языках: французском, немецком, голландском, латинском, итальянском, английском, польском, шведском. Состав библиотеки Петра I отражает широту и многообразие его интересов.

⁸ Луппов С. П. Книга в России. . ., с. 170, 182.

Иной характер имеет библиотека царевича Алексея Петровича. В описи этой библиотеки перечислено 269 книг. Это главным образом издания творений отцов церкви, книги немецких богословов XVI и XVII вв., книги по истории церкви и по математике (известно, что Алексей Петрович был послан отцом за границу учиться главным образом математике). В библиотеке Алексея Петровича собраны лучшие для его времени издания произведений отцов церкви — с параллельными текстами на греческом и латинском языках, подготовленными к изданию видными учеными того времени. Противник Петровских реформ, Алексей Петрович был весьма образованным человеком, но он был представителем традиционной образованности, которая не была нужна для преобразований Петра I.

В вышеприведенных примерах состав библиотеки подтверждал уже сложившуюся и устоявшуюся характеристику данного исторического лица. Но есть случаи, когда именно характер библиотеки помогает понять и личность ее владельца, если мы не располагаем достаточным количеством других данных. Очень показательна в этом отношении библиотека лейб-медика Петра I Роберта Арескина. Об этом человеке известно не очень много. Доктор медицины и философии Оксфордского университета, член Британского Королевского общества, Арескин прибыл в Россию в 1704 г. Сначала он был домашним врачом А. Д. Меншикова, затем президентом Аптекарского приказа, в 1713 г. он стал лейб-медиком Петра, а с 1716 г. — архиатром, руководителем всего медицинского дела в России. Арескин происходил из знатного шотландского рода, в его фамильном гербе содержался девиз: «Больше мыслю, чем говорю». Действительно, после Арескина осталось наречество мало письменных следов его деятельности. Два три письма, две записные книжки с записями о состоянии здоровья Петра I и завещание — вот и все, что написано его рукой. Но Арескин сыграл значительную роль в истории медицинского дела в России; при нем были организованы медицинские школы, усовершенствованы аптеки, он открыл целебные свойства полюстровской минеральной воды. Арескин был первым директором Кунсткамеры и Библиотеки Академии наук, первым советчиком Петра в вопросах приобретения естественнонаучных коллекций. Он сам собрал большую коллекцию минералов,

раковин, рисунков, после него осталась большая библиотека, которая поступила в Библиотеку Академии наук.⁹ Книжное собрание Арескина — второе по величине в составе первоначальных фондов академической библиотеки после библиотеки герцога Курляндского, ему по числу изданий уступает даже библиотека Петра I. В описи библиотеки Арескина перечислено 2322 названия книг, которые можно разделить на две основные группы. Первая из них — это книги по медицине и естественным наукам, примерно половина всей библиотеки, лучшие современные владельцу издания. Другая половина — книги гуманитарного содержания: история, философия, словари, описания путешествий и, что особенно интересно, современная Арескину литература о музеях и их коллекциях. Книги, принадлежавшие ему, в прекрасном состоянии; его библиотека была хорошо организована, она имела свои систематические разделы, обозначенные буквенными индексами, на корешке многих его книг вытиснен их шифр. Сама по себе библиотека Арескина уже характеризует его как человека разносторонних интересов, прекрасно образованного и в высшей степени организованного.

Многие иностранные издания и рукописные книги на иностранных языках из библиотеки Петра I и библиотек его сподвижников послужили в свое время оригиналами для русских переводов. Некоторые из таких переводов были изданы в России петровского времени, другие остались в списках. В тех случаях, когда нам может быть доступен оригинал, перевод должен изучаться только в его сопоставлении с оригиналом, такое сопоставление приводит иногда к очень интересным и неожиданным результатам.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что частные библиотеки XVIII в., входящие в состав первоначальных фондов Библиотеки АН СССР, являются ценнейшим историческим источником, к сожалению, еще недостаточно используемым нашей наукой. Без детального изучения книжных собраний, принадлежавших деятелям русской культуры XVIII в., наше знание отечественной истории этого периода будет заведомо неполным.

⁹ Изучением библиотеки Арескина занимался С. П. Луппов, см.: Луппов С. П. Книга в России..., с. 238—240.

Библиотеке АН СССР вполне по силам создание специального мемориального фонда, в состав которого могли бы войти личные библиотеки Петра I и его сподвижников. Этот фонд ни в коем случае не будет носить чисто библиофильского характера. Это будет наш вклад в изучение русской культуры и науки XVIII в. — основной книжный фонд, которым располагала отечественная наука в период своего становления.

А. Х. Рафиков

ЛИТЕРАТУРА О СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ
В ЧАСТНЫХ КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ
И В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Анализу состава первоначального фонда Библиотеки Академии наук и частных собраний первой половины XVIII в. посвящен целый ряд книговедческих исследований. Однако литература о Востоке специально в них не рассматривалась. Между тем материалы о странах Азии и Африки стали появляться еще в последней четверти XVII в. Они накапливались в Посольском приказе и в частных собраниях Петра I и его сподвижников. Когда в 1714 г. была открыта имп. Публичная библиотека (будущая Библиотека Академии наук), она стала центром сосредоточения востоковедческих книг. Впервые некоторые сведения об имевшихся в Библиотеке рукописных и печатных книгах по Востоку были приведены в сочинении И. Бакмейстера.¹ Но и в этой и в последующих работах литература о Востоке лишь упоминалась в связи с рассмотрением других вопросов.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть состав фонда Библиотеки Академии наук и частных собраний этого периода в ином аспекте: раскрыть наличие в них востоковедческой литературы. Отметим, что такие

¹ Бакмейстер И. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук. СПб., 1779.

книги приобретались не случайно, а с определенной целью — лучше знать Восток для внешней политики Русского государства в отношении восточных соседей.

* * *

Страны Востока издавна привлекали внимание Русского государства. В XVI—XVII вв. русские купцы и официальные посольства уже регулярно их посещали. Интерес к странам Востока вызывался торгово-экономическими и политическими задачами Московской Руси. Успешное ведение торговли требовало установления нормальных дипломатических отношений с восточными соседями, изучения торговых путей, предметов торговли, знания законов и обычаев. С этой целью и направлялись многочисленные посольства в Турцию, Персию, Хиву, Бухару и Китай. Делались попытки установить торговые отношения с далекой Индией.

Посольские отчеты, статейные списки были первыми письменными источниками о странах Востока. Каждое посольство, вернувшись, представляло такой отчет в Посольский приказ. Наибольший интерес представляют написанные на основе этих отчетов и личных впечатлений книги Н. Г. Спафария и И. Избранта, возглавлявших посольства в Китай в последней четверти XVII в. В книге Николая Гавриловича Спафария, написанной им по возвращении из Китая в 1678 г., дано подробное этнографическое и географическое описание Китая, изложена история Китая с древнейших времен, описаны его войны с маньчжурами, приведены важные сведения о китайской армии и флоте.² Н. Г. Спафарием впервые было дано подробное, с привлечением иностранных источников, литературное описание Китайского государства. Не случайно его книга, «как первый и единственный источник для ознакомления с этой страной»,³ получила известность не только в России, но и в Европе. Долгое время сочинение Спафария являлось основным источником для европейских авторов, писавших о Китае. Пекарский сообщает, что

² Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 520—523.

³ Там же, с. 530.

«Описание...» Спафария было использовано иезуитом Аврилем в его книге, опубликованной в 1693 г. в Париже под названием «Путешествие по разным государствам Европы и Азии, предпринятое с целью открытия нового пути в Китай».⁴

Не меньшее значение имела и книга Избранта, возглавлявшего посольство в Китай, отправленное в 1692 г. В ней тоже была изложена краткая история Китая, описаны природные условия, города, реки, дороги, обычаи и обряды. Особый интерес представляли этнографические сведения о татарах, бурятах и других народностях, живущих в Сибири и на Дальнем Востоке.

У книг Спафария и Избранта особая судьба: они тогда не были изданы в России, хотя списки их имели широкое распространение в допетровское время. Зато на Западе книга Избранта была издана в 1704 г. в Амстердаме на голландском языке под редакцией Витсена; издавалась она и на других европейских языках. Так, в личной библиотеке Петра I эта книга была на голландском языке, в собраниях Виниуса, Шафирова, Остермана, Корфа — на французском языке, в библиотеке Питкейна — на английском языке, а Брюс владел немецким изданием.⁵ Только в 1789 г. первый и единственный русский перевод сочинения Избранта был опубликован Н. Новиковым в «Древней российской вивлиофике».⁶

Петр I придавал большое значение отчетам и сочинениям послов. Так, готовя посольство Льва Измайлова в Китай, в январе 1719 г. Петр приказал выписать сведения о «...посланных наперед сего от царского величества к китайскому богдыхану ... начав из давних лет и о чем возможно сыскать и известие в посольской канцелярии до последней посылки, в которой, как чают они, был Елизар Избрант, кто для каких дел послан и как в Китае от богдыхана приман и какими резолюциями возвращались».⁷

⁴ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1882, с. 341.

⁵ Материалы для истории имп. Академии наук (далее: Материалы). Т. 1. СПб., 1885, с. 118—119; ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 212, л. 2 об.; № 215, л. 2 об.; ф. 3, оп. 1, № 841, л. 155; ф. 158, оп. 1, № 258, л. 27 об.; № 213, л. 15.

⁶ Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, с. 152.

⁷ Цит. по: Лебедев Д. М. География в России..., с. 147.

В Посольском приказе были работы не только по Китаю. Отметим две книги, написанные русскими авторами и посвященные Турции. Первая — «Описание Турецкой империи» — составлена неизвестным автором. Некоторые исследователи (П. А. Сырку, А. Н. Пыпин) полагают, что им был боярский сын из Ельца Федор Дорохин, находившийся в турецком плену и вернувшийся в Россию в 1674 г. Анонимный автор сообщает, что он за 62 месяца и 20 дней обошел почти все европейские, азиатские и африканские владения Османской империи. Этот уникальный литературный памятник опубликован в «Православном палестинском сборнике» с предисловием П. А. Сырку, который характеризует его как «военно-географическо-статистическое описание Турции».⁸ Автор предисловия пишет, что путешественник «нередко затрагивает почти все стороны политической и гражданской жизни турок и их учреждения».⁹

Вторая книга — это знаменитая «Скифская история» Андрея Ивановича Лызлова, завершенная в 1692 г., — первая работа в России, написанная русским историком и посвященная народам Востока. Скифами автор называл монголов, татар и турок. Анализу источников, раскрытию содержания книги Лызлова и его биографии посвящена большая статья Е. В. Чистяковой,¹⁰ написанная на основе изучения многочисленных списков книги Лызлова, архивов. Е. В. Чистякова пишет: «Центральной темой книги Лызлова явилась борьба европейских народов с турецкими захватчиками».¹¹ И не случайно в «Скифской истории» Турции отведено значительное место — 121 л. из 268 л. рукописи, не считая перевода книги Симона Старовольского «Двор султана турецкого» (64 л.), приложенного к книге (перевод этой книги, изданной в Кракове на польском языке в 1646 г., А. И. Лызлов сделал в 1686 г.). В главах, касающихся Турции, освещены вопросы о мусульманской вере, о расселении турок, о правлении 14 турецких султанов, их завоеваниях и

⁸ Православный палестинский сборник, т. X, вып. 3, СПб., 1890, Предисловие, с. XXV.

⁹ Там же, с. XXVII.

¹⁰ Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — В кн.: Очерки истории русского востоковедения. М., 1963, сб. VI.

¹¹ Там же, с. 59.

о борьбе против них европейских народов, о государственном устройстве Турции.¹² Подробно рассмотрены состояние, боевые качества и вооружение турецкой армии и флота, победы и поражения турок в XV—XVII вв.

«Скифская история» А. И. Лызлова была одной из популярных книг XVIII в. Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, П. И. Рычков, Г. Миллер использовали сведения из «Скифской истории» в своих трудах. В 1745 г. в письме к Шумахеру Татищев просил «списать из находящихся при академии книг: Лызлова оригинальная история татарская, именуемая Скифия, мною же подарена... Мне же оныя для изъяснения русской истории весьма нуждны».¹³

П. И. Рычков по рекомендации Татищева использовал материалы «Скифской истории» в своих работах о татарах и особенно в «Опыте казанской истории древних и средних времен».¹⁴ Г. Ф. Миллер высоко оценил «Скифскую историю» и перевел на немецкий и латинский языки отдельные отрывки.¹⁵ В XVIII в. «Скифская история» привлекала внимание Н. И. Новикова, и он дважды издал ее (в 1776 и 1787 гг.).

Таким образом, к концу XVII в., кроме отчетов и статейных списков русских посольств, в России появился ряд серьезных сочинений, посвященных странам Востока. В этих работах содержались необходимые для Посольского приказа сведения, но они не давали еще полного представления о положении дел в этих странах. Возникла необходимость обращаться к литературным источникам, опубликованным в Европе, где изучение Востока началось значительно раньше.

В начале XVIII в. Посольский приказ обладал целой коллекцией книг по Востоку, приобретенных в Западной Европе, причем некоторые из них уже были переведены на русский язык. Среди переводов мы видим описания путешествий в Персию Олеария и Сансона, описание Палестины Анзельма Краковского, описание Алжира и Ту-

¹² Там же.

¹³ Материалы, т. 7, СПб., 1895, с. 492.

¹⁴ Чпстякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова... с. 84.

¹⁵ См.: Сб. МГА МИД, вып. 6, М., 1899, с. 419; ср.: Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. — Сб. ОРЯС Академии наук, СПб., 1867, т. 2, № 1, с. 74.

ниса, «Путешествие в святую землю» Н. Радзивилла. Были переведены и два сборника статей. Один из них, составленный Готардом Артхусом, был издан в 1606 г. во Франкфурте и посвящался Индии. Другой сборник, переведенный с немецкого языка, включал описание Персии Олеария, описание путешествия по Востоку Андерсена, описание путешествия в Индию Иверсена, «Историю завоевания Китая татарами» Мартиниуса, «Бустан» и «Гюлистан»¹⁶ знаменитого персидского поэта XIII в. Саади.¹⁷ Составителем этого сборника, изданного в Гамбурге в 1696 г., был Адам Олеарий.

В числе исторических сочинений были «История Эфиопии» Лудольфа, подаренная В. В. Голицыну школьным учителем Немецкой слободы Лаврентием Рингубером,¹⁸ «История завоевания Китая татарами» Мартиниуса, «Двор султана турецкого» Старовольского, отрывок из книги Кирхера о Китае, «История иудейской войны» Иосифа Флавия.¹⁹ Из переводов, относящихся к Турции, следует назвать такие работы, как «Повесть о турках»,²⁰ в которой рассказывается о происхождении и завоеваниях турок, их религии, обычаях и обрядах, «Сказание брани венециан против турецкого царя», переписка турецкого султана с польским королем, императором Леопольдом и германскими государями.²¹

Отметим также четыре работы по исламу: 2 книги Петра Алфонса — «О Могамете и могометанской вере» и «О законе сарацинстем»; «О Могамете» — извлечение из книги Викентия Бургундия «Зерцало историческое» и извлечение из немецкого календаря Фохта на 1684 г. о Могамете.²² Переводы делались с латинского, немецкого, французского и польского языков.

Русские источники и переводы, постепенно накапливаясь в Посольском приказе, образовали первоначальный

¹⁶ «Гюлистан» Саади в переводе Адама Олеария был издан в Шлезвиге еще в 1654 г.

¹⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — Сб. ОРЯС Академии наук, СПб., 1903, т. 74, с. 69—76.

¹⁸ Цветаев Д. Сношения с Абиссинией. — Русский архив, 1888, № 1, с. 208.

¹⁹ Соболевский А. И. Переводная литература..., с. 90—97.

²⁰ Там же, с. 88.

²¹ Там же, с. 238—244.

²² Там же, с. 89—90.

фонд восточной литературы. Этот фонд не был всеобъемлющим, подбор литературы во многом носил случайный характер, но тем не менее можно сказать, что к тому моменту, когда Петр I взял в свои руки управление государством, в России уже существовало, хотя и небольшое, собрание литературы о Востоке.

При Петре I интерес к Востоку возрос еще более. Его всеобъемлющие реформы, необходимые для превращения страны в экономически развитую и могучую военную державу, затронули и отношения со странами Востока. Петр I стремился укрепить позиции России на Востоке, сделать ее посредником в торговле между Востоком и Западом. Активная восточная политика Петра I выразилась прежде всего в отправке многочисленных официальных посольств в Китай, Персию, Турцию, Хиву и Бухару,²³ в организации экспедиций для комплексного изучения Сибири и Средней Азии, в особом внимании к памятникам культуры Востока. Петр I издал целый ряд указов о собирании и сохранении памятников материальной и духовной культуры восточных народов, по его указаниям в Европе приобретались книги по Востоку. Он положил начало и регулярному обучению русских юношей восточным языкам. Обучение проводилось при духовной миссии в Китае и посольствах в Турции и Персии, а японский язык изучался в Петербурге.²⁴ Потребность в людях, владеющих восточными языками, вызывалась двумя причинами: они были нужны как для успешного ведения коммерческих и дипломатических дел, так и для управления восточными окраинами русского государства.

С именем Петра I связано появление первых оригинальных и переводных печатных книг по Востоку. Так, по повелению царя князем Дмитрием Кантемиром была написана «Книга Систима или состояние мухаммеданской религии», изданная затем в 1722 г. в Петербурге.

²³ ПСЗ, т. V, СПб., 1830, с. 105, № 2809; с. 197—198, № 2993.

²⁴ ПСЗ, т. IV, СПб., 1830, с. 59—60, № 1800; Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков. — В кн.: Тр. III международного съезда ориенталистов. Т. 1. СПб., 1879—1880, с. 167—168; Иванов П. И. Распоряжение Петра Великого об обучении в России японскому языку. — Вестник РГО, 1853, кн. 3, ч. 8, отд. VIII, с. 4—5; ПСЗ, т. V, с. 189, № 2978; Иванов П. И. Дополнительные сведения о распоряжении Петра Великого для обучения русских восточным языкам. — Вестник РГО, кн. 4, ч. 8, отд. VII, с. 170—171.

В 1716 г. был переведен с французского и издан Коран. Братья Лихуды в Новгороде перевели с итальянского языка сочинение Сигизмунда Альбегерти «Об артиллерии и способах победить турок на море».²⁵ С польского языка была переведена «Монархия турецкая» Пауля Рикота.²⁶ П. А. Толстой перевел с итальянского языка книгу под названием «История о настоящем управлении Турецкой империи»²⁷ и преподнес царю два собственных сочинения: о турецких городах и населенных пунктах, расположенных вокруг Черного моря,²⁸ и «Описание состояния народа турецкого».²⁹ В 1716 г. Дмитрий Кантемир завершил свою двухтомную (в четырех книгах) «Историю Оттоманской империи». Трижды издавалась при Петре «История о разорении... града Иерусалима».

К Петровскому времени относится и издание в 1710 г. первой книги по географии под названием «География или краткое земного круга описание», переведенной, как полагают Пекарский, с голландского языка. В ней дано и описание стран Азии и Африки. При Петре I эта книга выдержала трехкратное издание.

Петр I придавал большое значение книгоиздательскому делу, при этом он считал книгопечатание «заведенным не для какой прибыли, но токмо для повелительных государственных нужнейших дел и для обучения русских людей».³⁰ Именно исходя из этого, Петр I провел ряд реформ в области книгопечатания. Из петровских реформ в этой области следует упомянуть арабскую типографию, созданную по указу царя перед Персидским походом, в которой был напечатан «Манифест» Петра на турецком языке (1722) — первое произведение, напечатанное в России арабским шрифтом.

²⁵ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 213.

²⁶ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. Л., 1956, с. 223.

²⁷ Пекарский П. П. Наука и литература в России..., т. I, с. 222; Вандербех М. Настоящее состояние просвещения в России. — Сын отечества, СПб., 1842, ч. I, № 1, с. 31.

²⁸ Пекарский П. П. Наука и литература в России..., т. I, с. 222.

²⁹ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973, с. 46.

³⁰ Цит. по: Сидоров А. А. История оформления русской книги. М.—Л., 1946, с. 142.

Как уже отмечалось, в 1714 г. Петр I учредил Публичную библиотеку, но он имел и свою личную богатую библиотеку, в которой немалое место занимали книги, посвященные Востоку.

Библиотека Петра I была одной из крупнейших частных библиотек этого периода, она содержала сведения практически по всем отраслям знаний. Пополнение царской библиотеки шло из разных источников: покупка иностранной литературы за рубежом, дары от иностранцев и русских, поступление непосредственно из типографии и т. д. Подробный анализ состава библиотеки Петра I дан в книге С. П. Луппова,³¹ поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь востоковедческой литературы (описи книг, переданных после смерти Петра в Библиотеку Академии наук, опубликованы в «Историческом очерке и обзоре фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 1, Л., 1956).

Какие же книги по ориенталистике были в библиотеке Петра I? Среди 149 исторических книг по истории народов Востока были следующие: «История... о разорении... Иерусалима», «Книга Систима...» Дмитрия Кантемира, рукописные книги «История Казанского царства», «Сказание о взятии царства Казанского», «Книга о сербских царях и о войне турецкой с цесарем христианским» Афанасия Сербянина, а также, в роскошном переплете, 36-томная «История Византии» на латинском и греческом языках, привезенная Лебедниковым в 1717 г.

В числе книг, относящихся к географии стран Востока, у Петра I было значительное количество описаний путешествий на европейских языках, среди них изданные в Амстердаме на голландском языке «Северная и Восточная Татария» Витсена (1705), описания Азии, Африки, Сирии и Палестины, Анатолии и Аравии, Малабара, Короманделя и Цейлона (1671—1680) известного голландского путешественника Ольферта Даппера, описание путешествия в Китай Избранта (1704), «Поездка Корнелиуса де Бруина через Малую Азию и описание лучших городов Египта и Сирии» (1698), «Описание второго и третьего посольства в Китайскую землю» Даппера (1671), «Посольство в Китайскую землю» Иоанна Нихова (1693)

³¹ Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 166—177.

и его же «Путь через мир в Ост-Индию» (1682).³² Было также описание путешествия в Персию Олеария на немецком языке. К Индии и Китаю Петр I проявлял большой интерес, стремился установить с ними нормальные дипломатические и торгово-экономические отношения. Именно с этой целью им были посланы в Китай духовная миссия (1714) и посольство Измайлова (1719). При духовной миссии обучались русские юноши китайскому и маньчжурскому языкам. Многочисленные посланцы в Бухару и Хиву имели задачу добыть сведения о торговых путях в Индию.³³ Не случайно, нам кажется, в библиотеке Петра были книги под названием «Истинное изображение рыб, в Ост-Индии обретающихся» (на немецком языке) и «Лексикон крепостям и городам Великого Могола».³⁴

В книжном собрании были также «Евангелие армянское» и «Армянская литургия», которая была переведена с армянского на итальянский язык в 1690 г., а с итальянского — на русский и издана в Москве в 1709 г.³⁵

Всего в личной библиотеке Петра I было 24 названия печатных и рукописных книг, относящихся к Востоку, из них 12 — на голландском языке, 2 — на немецком, 1 — на латинском, остальные были на русском языке.

Немало книг по Востоку имелось и в библиотеке А. А. Виниуса. Виниус (1641—1717), сын амстердамского купца, родился в России. Он отлично владел иностранными языками и в 1664 г. стал переводчиком Посольского приказа, позднее выполнял дипломатические поручения. В 1685 г. он был назначен главой почт России, а в 1697 г. был поставлен во главе Сибирского приказа; одновременно занимался переводами и редактировал переводы других авторов. Виниус всю жизнь собирал книги и создал хорошую рабочую библиотеку. Она насчитывала 375 книг на голландском, немецком, французском, латинском, польском языках самой разнообразной тематики,³⁶ но особенно хорошо была представлена литература историко-географическая и филологическая.

³² Исторический очерк и обзор фондов..., вып. I, с. 291, 292, 298, 302, 305, 337, 339, 343, 371.

³³ ПСЗ, т. V, с. 197—198, № 2993.

³⁴ Исторический очерк и обзор фондов..., с. 276, 277, 373. См. также: Материалы, т. 1, с. 118—119.

³⁵ Материалы, т. 1, с. 129—317.

³⁶ Подробно см.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в., с. 236—238.

Восток, особенно Персия и Индия, привлекал Виниуса как объект торговли. Еще в 1668 г., в самом начале своей службы в Посольском приказе, Виниус подал записку, в которой предложил проложить оригинальный торговый путь на Восток: построить каторги³⁷ для плавания на них по Каспийскому морю и ведения торговли «не токмо с персидами, но с иными народы, облегающих вокруг того моря, где те каторги будут приходить мочно в пристанищах промысел торговых учинить и в верховые города с каторгами будет реки великие ехать», «и промысел торговой учинится, то самая великая прибыль великого государя казне и московскому государству имать быти».³⁸

Таким образом, интерес Виниуса к литературе о Востоке не случаен. Всего в его книжном собрании насчитывалось 26 названий книг, относящихся к странам Востока. «Многие мне г. Витзен присылал», — писал А. А. Виниус.³⁹ Опись книг Виниуса, переданных в Библиотеку Академии наук, хранится в фондах ЛО ААН.⁴⁰ По этой описи нами было установлено, что среди его книг по Востоку преобладали описания путешествий; на втором месте стояли исторические сочинения. Характерно, что Виниус имел в основном те же сочинения известных путешественников, какие были в личной библиотеке Петра I: те же изданные на голландском языке описания Азии, Африки, Сирии и Палестины, «Описание второго и третьего посольства в Китай» Даппера, «Поездка Корнелиуса де Бруина через Малую Азию...», «Северная и восточная Татария» Витсена, описания посольств в Китай Избранта и Нихова и др. На немецком языке у Виниуса было описание путешествия в Персию Олеария (Амстердам, 1656), также имевшееся в библиотеке Петра I.

Из книг, отсутствовавших у Петра I, следует назвать такие, как «Посольство в Японию» Монтания на немецком языке (Амстердам, 1669), «Путешествие в Китай через Сирию, Персию и Индию» епископа Берита (Амстердам, 1683) на голландском языке, «Описание Малабара, Коро-

³⁷ Каторга — в XV—XVIII вв. мореходное гребное судно, род галеры (Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.—Л., 1956).

³⁸ Цит. по кн.: Лебедев Д. М. География в России петровского времени, с. 102—103.

³⁹ Пекарский П. П. Наука и литература в России..., при Петре Великом, т. I, с. 205—206.

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 212, л. 1—8 об.

манделя и Цейлона» голландского миссионера Филиппа Балде на голландском языке (Амстердам, 1672), «Путешествие в Сиам» де Шомона на голландском языке (Амстердам, 1687) и двухтомное сочинение известного путешественника по Востоку Тавернье (Амстердам, 1682).

Среди исторических сочинений книжного собрания Виниуса отметим две работы Пауля Рикота: «Монархию турецкую» на польском языке, изданную в Риме в 1678 г., и «Историю трех последних турецких султанов» на голландском языке (Амстердам, 1684). Кроме того, были две книги на голландском языке, освещавшие историю Ост-Индской компании: «Начало конца успеха Ост-Индской компании» (Утрехт, 1682) и «Ост-Индские путешествия» (Амстердам, 1648),⁴¹ а также книга на польском языке «О внутренних войнах с казаками и татарами» (Галиция, 1681). Отметим еще очень редкий латинский перевод «Алкорана», изданный в Нюрнберге в 1664 г. После смерти Виниуса все его книги перешли в Библиотеку Академии наук.

Не меньший интерес представляют книги о Востоке, находившиеся в библиотеке Р. К. Арескина. Выходец из Шотландии, он был приглашен на русскую службу Петром I. С 1706 г. он — президент Аптекарского приказа, а с 1713 г. — одновременно и лейб-медик Петра I.

Библиотека Арескина была одной из крупнейших частных библиотек того времени. В описи его книг, хранящейся в ЛО ААН, перечислены 2527 ед. (2322 названия).⁴² Хотя литература о Востоке составляла чуть более 1% (31 название на латинском, английском, немецком, французском и голландском языках), среди книг было 12 описаний путешествий, 8 исторических сочинений, 5 работ по восточной филологии, 3 — религиозного содержания и только 3 — по восточной медицине, но все три медицинские книги являются редчайшими изданиями. Первая — энциклопедический медицинский труд выдающегося арабского философа и врача Ибн Рушда (Аверроэс, 1126—1198),⁴³ отстаивавшего права разума в познании и оказавшего огромное влияние на развитие средне-

⁴¹ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. СССXXI.

⁴² ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 214а, л. 1—59.

⁴³ См. о нем: Islam Ansiklopedisi, С. 48. Istanbul, 1950, S. 781—797.

вековой философии и медицины. Она называется «Китаб-аль-Коллият» («Colliget» в европейской литературе), издана в Базеле в 1544 г. на латинском языке. Вторая книга — «Авиценна, Аристотель, Гален и другие» — тоже принадлежит перу Ибн Рушда, издана в 1678 г. в Аргенте (Страсбурге). Третья книга («Арабская алхимия») тоже издана в Страсбурге (1698).

В числе описаний путешествий по странам Востока мы видим лондонское издание «Путешествия по Востоку» Тевено (1687), «Описание Китая и Японии» (Амстердам, 1669) уже упомянутого Нихова, «Путешествие в Персию» Олеария на немецком языке, «Описание путешествия по Индии, Мадагаскару и Цейлону» Манделсло (1658) на немецком языке, «Описание путешествия в Индию» Хюльси в трех томах (Франкфурт, 1625), «Описание путешествия в Египет, Аравию, Сирию и Палестину» фон Хаймендорфа (Нюрнберг, 1646), описание путешествий по Востоку Эразма (Нюрнберг, 1668) и Берейтуса (1662).

Арескин интересовался и историей восточных стран. В его библиотеке имелись такие исторические сочинения, как «Иллюстрированный Китай» Кирхера (Амстердам, 1667), «История Турции» Ломилави (Кельн, 1695), «История Эфиопии» Лудольфа (Кельн, 1691), «История Турецкой империи» Рикота (Лондон, 1662), «Турецкая хроника» Лоенклау (Франкфурт, 1595), «История евреев» Сабеллиуса на латинском языке, изданная в Страсбурге в 1515 г. (редчайшее издание). Следует особо отметить еще одну редкую книгу — «Путешествие по Востоку» Д'Арфея (Лион, 1568), знаменитого французского географа и картографа XVI в. В этом произведении в основном описывается Турция, и позднее оно целиком было включено во «Всеобщую историю Турции» Мезро (Париж, 1662).⁴⁴ Назовем еще сочинение Иосифа Флавия «Иудейская война», напечатанное в Базеле в 1587 г., и «Письма турецкого шпиона» в семи томах на английском языке (Лондон, 1692).

Литература по восточной филологии была представлена грамматиками арабского, персидского и турецкого языков Эрпени и Коллониха, а также четырехтомным исследованием Кирхера «Язык Египта» (Рим, 1652). Следует упо-

⁴⁴ Dictionnaire de Biographie Francaise. Paris, 1937, fasc. 14, p. 501.

мянуть также «Гюлистан» знаменитого персидского поэта XIII в. Саади в переводе Олеария (Шлезвиг, 1660) и 2 книги религиозного содержания: «Доктрину Мохамеда», «Еврейскую синагогу».

После смерти Арескина в 1718 г. его собрание было приобретено для Библиотеки Академии наук. Библиотека Р. К. Арескина, доктора философии и медицины, члена Королевского общества Великобритании, отличалась хорошим подбором книг, являлась рабочей библиотекой ученого. Литература о Востоке в ней была представлена редкими изданиями.

Библиотека П. П. Шафирова (1669—1739) — крупного дипломата, сподвижника Петра I, и по количеству книг (484 тома, 308 названий),⁴⁵ и по характеру подбора литературы значительно уступала библиотекам Виниуса и Арескина, не говоря уже о библиотеках Петра I и Голицына. В 1724 г. книги Шафирова по распоряжению Петра были переданы Библиотеке Академии наук. Согласно описи, к Востоку относилось 5 книг: уже известные нам сочинения Избранта, Витсена на голландском языке, кельнское шеститомное издание «Турецкого шпиона» (1717), Коран на латинском языке (Амстердам, 1696),⁴⁶ «История иудейская» И. Флавия, изданная в Голландии в 1636 г.⁴⁷

В 1726 г. Библиотека Академии наук пополнила свои книжные фонды еще одним частным собранием — библиотекой А. П. Ганнибала.⁴⁸ Ганнибал с 1716 г. учился во Франции, и все книги о Востоке у него были на французском языке. В 1742 г. библиотека была возвращена Ганнибалу по его просьбе и сохранилась лишь опись возвращенных книг, первоначальная же опись была утеряна ранее. Согласно описи возвращенных книг, литература о Востоке в библиотеке Ганнибала была представлена 13 названиями: «История Эфиопии», «История Турции», «История Мадагаскара», «История Тамерлана», описание путешествия по Аравии, описание путешествия в Московию, Татарию, Персию и Индию Ж. Струя, описание путешествия по Малой Азии и Африке П. Луки, описание

⁴⁵ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 215.

⁴⁶ Там же, л. 1, 2 об., 4 об., 5.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Подробно о составе этой библиотеки см.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 245—247.

путешествия Томаса Ганье, описание Сиама, Коран, книга «Религии мира» и очень популярный «Турецкий шпион». К сожалению, в описи редко указываются место и дата издания.

Ценные книги по ориенталистике имелись в библиотеке Я. В. Брюса (1670—1735). Брюс получил блестящее образование, увлеченно занимался математикой и астрономией, хорошо знал инженерное дело и артиллерию, владел английским, немецким, голландским языками. С юношеских лет он находился в окружении Петра I, участвовал в его азовских походах, в путешествии по Европе, в битве под Полтавой. Исключительные способности и блестящее образование Брюса высоко ценил Петр I, давая ему самые различные ответственные поручения. В историю русской науки и культуры Брюс вошел и как автор книги «О превращении фигур плоских во иные такова же содержания», и как составитель лексиконов русско-голландского и голландско-русского, и как переводчик и редактор научных книг по математике, астрономии, артиллерии, военно-инженерному делу, географии и языкознанию.⁴⁹

По-видимому, в течение всей своей жизни Брюс неотомимо собирал библиотеку. Она выделяется широтой тематики, научным характером. Вполне естественно, что в его книжном собрании находилось, согласно описи, хранящейся в ЛО ААН,⁵⁰ более 40 названий книг и большое количество географических карт, относящихся к Востоку.

П. П. Пекарский сообщает, что Брюс советовал Петру I послать экспедицию к берегам Восточного океана, чтобы проложить путь к «полезным для России сношениям с Японией».⁵¹ Известно, что Петр I в 1710 г. предписывал якутскому казачьему десятнику Василию Севастьянову «учинить с Японским государством меж русскими людьми торги немалые... как с китайцами».⁵² Таким образом, Брюс участвовал в выработке и осуществлении восточной политики России, поэтому и не

⁴⁹ См. в кн.: Описание изданий гражданской печати. М.—Л., 1955, с. 67, 74—75, 90—94, 211—212, 216—217, 441—442.

⁵⁰ ЛО ААН, ф. 158, № 219, 220, 221.

⁵¹ Пекарский П. П. Наука и литература в России..., т. I, с. 303.

⁵² Там же.

случайно в его собрании находилось немалое количество книг, относившихся к истории, географии и религии народов Востока.

Брюс не был историком, поэтому исторические книги по Востоку в его библиотеке в основном те же, что и в ряде других частных библиотек: «Турецкая хроника» Лоенклау, «Иудейская война» Флавия, «История Тимурбека», «Житие великого Тамерлана» (1620), «История моголов». Исключение составляет «Краткая китайская хронология или время правления всех китайских императоров» Менцеля на немецком языке (Берлин, 1696).

Большой интерес Брюс проявлял к путешествиям. В его библиотеке были представлены широко известные сочинения уже упомянутых Адама Олеария, Корнелия де Бруина, Избранта, Витсена. Впервые встречается описание девятнадцатилетнего путешествия по Азии и Африке Литгоу (Амстердам, 1653), «Описание путешествия по Востоку» Гробена на немецком языке (Франкфурт, 1671), описание путешествия в Китай Унферцагта на немецком языке (Рацбург, 1727) и др. Брюс «стремился иметь больше сведений о Китае»,⁵³ поэтому не случайны в его библиотеке редкие книги Менцеля и Унферцагта. У Брюса имелось также много географических карт и планов городов, в том числе и восточных стран, например карта Азии и Африки, карта Африки, составленная Фохтом (1609), рукописная карта Сибири, план города Баку и др.

Из религиозных книг отметим такие, как «Буддейские рассуждения против Вольфа» на немецком языке, «Мусульманское толкование снов» (Гамбург, 1702).

После смерти Брюса его библиотека тоже вошла в состав Библиотеки Академии наук.

К сожалению, очень мало можно сказать о библиотеке филолога и востоковеда Г.-З. Б а й е р а (1694—1738). Академия не располагает его библиотекой, каталог ее тоже не обнаружен. Судя по свидетельствам очевидцев, в ней были очень ценные и редкие издания.⁵⁴ Работая в России, Байер написал «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», «Хинейскую грамматику», «Музеум синикум» (в двух томах), большое число работ в «Ком-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Материалы, т. 6. СПб., 1890, с. 47—48.

ментариях Академии наук». Нет сомнения в том, что он при этом использовал не только литературу из Библиотеки Академии, но и свою собственную, в которой, можно сказать вполне определенно, востоковедческая литература была широко представлена.

Из всех частных библиотек первой половины XVIII в. самой крупной было собрание Д. М. Голицына (1665—1737). По подсчетам С. П. Луппова, в библиотеке Голицына было не менее 2765 книг и «какое-то количество несброшюрованной литературы в связках»,⁵⁵ в том числе более 40 названий, касающихся Востока.

Происхождение, образование поставили Голицына в первом ряду государственных деятелей России. Даже несмотря на отрицательное отношение Голицына к реформам, Петр I использовал его и на дипломатическом поприще, и в руководстве государством. В 1701 г. Голицын был направлен чрезвычайным послом в Турцию с поручением добиться согласия Порты на свободное плавание русских кораблей по Черному морю. По поручению Петра I в Киеве Голицын провел большую работу по переводу с иностранных языков исторических и политических сочинений. Среди переводов, сделанных в Киеве по распоряжению Голицына, было несколько книг, касающихся стран Востока: «Монархия турецкая» Рикота, переведенная с польского языка в 1714 г., «История Эфиопии» Лудольфа, «Описание китайского и японского государств», «Описание путешествия в Персию» Олеария, «Описание Алжира», «Описание Индии» Готарда Артхуса.⁵⁶ Все они вошли в его библиотеку. Кроме переводных рукописных книг, было 38 названий печатных книг на европейских языках, посвященных странам Востока, из них 26 на французском языке, 5 на английском, 3 на латинском и 4 на польском. По тематике эти книги распределялись так: 15 описаний путешествий, 11 по истории, 9 по юриспруденции, 2 религиозного содержания и 1 по искусству.

Из описи книг Голицына, хранящейся в Центральном историческом архиве, видно, что в его книжном собрании имелись описания путешествий Корнелия де Бруина, Ни-

⁵⁵ Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 211.

⁵⁶ Материалы, т. 4. СПб., 1887, с. 182—188, 403—404.

хова, Тевено, Тавернье (6 томов), Олеария, десяти томное «Описание путешествия» Шардена (Амстердам, 1711), «Путешествие по Востоку» Турнефора (Амстердам, 1718), двухтомное «Путешествие по Сирии и Ливану» де Ларока (Амстердам, 1723), «Путешествие в Индию» Люилье и др.⁵⁷

В числе исторических сочинений, посвященных Востоку, у Голицына были такие, как «История Японии...» (Париж, 1678), «Документированная всеобщая история турок» Мишеля Бандье (Руан, 1641), «Краткая история турок» Вердые (Париж, 1676), «История мусульман» Лоенклау на латинском языке (Франкфурт, 1591, очень редкое издание), «История последнего переворота в Персии» Крусинского в двух томах (Гаага, 1728),⁵⁸ «История Георга Кастриота — Искандер-бека» (1604), «История Китайской империи», «Новые исследования нынешнего состояния Китая» Луи (Амстердам, 1697, в трех томах), «История путешествия в Индию» Жака Лемэра, «Восточная Индия» Теодора де Бри (1619) на латинском языке. 5 книг на английском языке касались статута Ост-Индской компании, об этом же было 2 книги на французском языке: «Защита прав Голландской Ост-Индской компании» (1725) и «Трактат, в котором исследуются роковые последствия учреждения Ост-Индской компании, которых должны опасаться англичане и голландцы» (Амстердам, 1726). Религиозная литература была представлена «Алкораном» на польском и русском языках.

Группу книг о Востоке в библиотеке Голицына составляют работы на русском языке: 2 печатные — «Книга Система...» Кантемира (СПб., 1722) и «Манифест о разрыве мира с Турцией» (СПб., 1711) и более 10 рукописей — «История Казанская», «Странник московских купцов в Царьграде», «О пленении... и взятии Царьграда», «Путник Силивестра Диканского о Палестине», «Повесть о турках».⁵⁹

Особо следует отметить произведение Мишеля Тебура о турецком театре (Париж, 1682).

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 49 об.—62.

⁵⁸ Подробно об этой книге см.: Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973, с. 109—111.

⁵⁹ Материалы, т. 4, с. 182—188, 403—404.

Библиотека Голицына содержала в основном широко известные сочинения европейских авторов, посвященные Востоку. Привлекает внимание наличие целого ряда сочинений, касающихся Ост-Индской компании. Петр I стремился проложить торговый путь в Индию, и не случайно у президента Коммерц-коллегии оказались книги о правах и привилегиях Ост-Индской компании.

После ареста Голицына и заключения его в Шлиссельбургскую крепость часть книг была передана в Славяно-греко-латинскую академию,⁶⁰ остальные — в Библиотеку Академии наук.

Книги о странах Азии и Африки были и в книжном собрании Г. Пашке, приобретенном Библиотекой Академии наук в 1741 г. Г. Пашке, сотрудник Библиотеки Академии наук, собирал, судя по каталогу его библиотеки, книги по истории и юриспруденции. Его библиотека содержала 503 названия, из них 10 названий (16 ед.) относилось к Востоку: 5 на французском языке, 3 на латинском, по одной на немецком и итальянском. В числе книг были такие редчайшие издания, как «История персидских войн» Дж. Томаса на итальянском языке (Венеция, 1588), «История Китая» на латинском языке (Франкфурт, 1589), «История Японии с 1577 до 1589 г.». В этой библиотеке впервые встречаются «Путешествие на остров Цейлон» Роберта Кюкса (Амстердам, 1693), многотомное издание «Истории евреев» (10 томов), «Сарацинская и турецкая хроника» Рейски (Лейпциг, 1689) и «Путешествие из Алеппо в Иерусалим» Генри Мундрелло (Утрехт, 1715).

О библиотеке Д.-Г. Мессершмидта (1685—1735) можно сказать немного. Он имел степень доктора медицины, знал восточные языки. Петр I заключил с ним контракт, согласно которому Мессершмидт должен был поехать в Сибирь для проведения географических и этнографических исследований. Эта экспедиция продолжалась 7 лет (1720—1727 гг.). Путешествие Мессершмидта можно назвать первой русской научной экспедицией в Азию. Во время экспедиции он собрал много монгольских, китайских и тунгусских рукописей, открыл для науки уни-

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 181 об., 183 об., 184, 186 об., 195, 219.

сейскую письменность, обнаружил и прислал в Петербург в 1720 г. неизвестную в науке рукопись «Родословное древо тюрков» Абульгази Бахадур-хана.⁶¹

После смерти Мессершмидта в 1735 г. осталась библиотека, но Библиотека Академии наук приобрела лишь часть ее — 170 названий. В описи этих книг, хранящейся в Архиве Академии наук, мы обнаружили лишь две работы, относящиеся к Востоку: парижское (1712) и гаагское (1705) издания «Путешествия по Греции, Азии и Африке» Пауля Луки и «Путешествие в Персию и другие страны Востока» Шардена (Амстердам, 1711) в девяти томах.⁶²

Имелись книги о Востоке и в библиотеке А. П. Волынского (1689—1740) — крупного дипломата, губернатора Астрахани и Казани, посланника в Персии, с 1738 г. — кабинет-министра. После казни Волынского в 1740 г. его библиотека была передана в Канцелярию конфискации, часть ее купила Герольдмейстерская контора.⁶³ Опись его библиотеки хранится в фондах Центрального государственного архива древних актов.⁶⁴ Несмотря на то что Волынский считался специалистом по Востоку, книг о Востоке у него было очень мало — всего 8 названий из 545,⁶⁵ в том числе «Японская история» на русском языке, «О разорении Иерусалима...» на русском языке, книга о Персии и Индии на французском языке, «Описание Персии и Грузии» на немецком языке, «История Иерусалима» на польском языке, «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова» Байера на немецком и русском языках, «Описание Оттоманской Порты» на русском языке.

Библиотека А. Ф. Хрущова (1691—1740), единомышленника Волынского, была куплена Академией наук. Она отличалась хорошим подбором литературы и насчиты-

⁶¹ Подробнее см.: Рафиков А. Х. Изучение Востока в Петровскую эпоху. — В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 17, кн. 3. М., 1975, с. 13—14.

⁶² ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 30; Материалы, т. 4, с. 729—739.

⁶³ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976, с. 171.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 6, л. 381—396; Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 171.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 6, с. 381—396.

вала около 600 названий.⁶⁶ К Востоку относилось 11 названий (16 томов).⁶⁷ Это такие издания, как сборник путешествий по Татарии и Персии, «Описание путешествия в Персию и в Московию» Олеария, «Описание путешествия в счастливую Аравию», двухтомное «Описание путешествия на Восток» Пауля Луки, «Путешествие в Палестину» де Ла Руа, «Описание путешествия в Турцию» Пауля Луки (Гаага, 1705), «Путешествия Тевено» в 5 томах. Как видим, литература о Востоке представлена описаниями путешествий — популярным видом литературы XVIII в., причем все они относятся к мусульманскому Востоку.

Одной из крупнейших частных библиотек первой половины XVIII в. была библиотека А. И. Остермана (1686—1747), который принадлежал к числу образованнейших людей своего времени, хорошо владел почти всеми европейскими языками, интересовался широким кругом научных знаний. Поступив на русскую службу в 1704 г., он сделал блестящую карьеру: от переводчика Посольского приказа до вице-президента Коллегии иностранных дел, фактического руководителя внешней политики России. После государственного переворота 1741 г. Остерман был осужден, и его имущество, в том числе книги, было конфисковано.

По подсчетам С. П. Луппова, в библиотеке Остермана насчитывалось не менее 2300 книг по всем отраслям знаний.⁶⁸ Значительная часть этих книг (1611) была передана в Библиотеку Академии наук, а часть (208 печатных и 6 рукописных) — в Коллегию иностранных дел. Описи книг Остермана, поступивших в Библиотеку Академии наук в 1742 и 1743 гг., хранятся в Архиве Академии наук,⁶⁹ а книги, переданные в Коллегию в 1744 г., отражены в реестре ее библиотеки.⁷⁰

В Библиотеку Академии наук поступило 28 единиц (21 название) востоковедческих книг на европейских языках, в основном историко-географического содержания;

⁶⁶ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 229.

⁶⁷ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 29 об.—30 об.

⁶⁸ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 187.

⁶⁹ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 841; ф. 158, оп. 1, № 223.

⁷⁰ См.: Сборник МГА МИД, вып. 7, М., 1900, с. СССХVI—СССLXXXVIII.

среди них «Монархия турецкая» Пауля Рикота на латинском и немецком языках (Аугсбург, 1694, 1701), «Записки для истории Ост-Индии» (Париж, 1702), «Описание путешествия по Турции, Персии и Индии» Тавернье в двух томах (Париж, 1679), «Путешествие Избранта в Китай» (Амстердам, 1699), «История Тимура» в четырех томах — перевод с персидского на французский язык де Лакруа (Дельфт, 1723), «Еврейская монархия», перевод с испанского (т. 2, 3, 4), «Турецкий шпион» на французском языке (т. 2, 3, 4, 6), «Описание путешествия де Ларока в Палестину» (1716) на немецком языке, включающее и описание Аравии, составленное Абу-ль-Фидом и переведенное с арабского на французский язык самим путешественником, «Путешествие в Аравию» де Ларока на французском языке (Амстердам, 1715), сочинение Байера о китайских делах на латинском языке, «Военное состояние Оттоманской империи...» Марсильи (СПб., 1737), Коран на французском языке, китайский календарь, переведенный на русский язык, «Еврейско-халдейский словарь» Буксторфа (Базель, 1615) и др. В рукописях были «Взятие Казанского ханства» и «Обряды казанские». В собрании Остермана, поступившем в Библиотеку Академии наук, были еще две связки книг, названия которых в описи не приведены. В одной находились 3 турецкие книги (одна из них в переплете), а в другой — 15 небольших турецких книг. Кроме того, Остерман имел одну книгу на китайском языке и две книги «О могульских и арабских монетах» профессора Кера — на латинском языке.⁷¹

Из книг, переданных в Коллегию иностранных дел, было 13 по востоковедению, в том числе «Путешествие через Москву и Персию в Индию» Корнелия де Бруина (Амстердам, 1711) на голландском языке, «История завоевания Китая татарами» Палафокса, переведенная с испанского на французский язык (Амстердам, 1723), «Исторический портрет императора Китая» Бувэ (Париж, 1697), «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова» (СПб., 1738). Следует особо отметить очень редкое издание — сочинение известного турецкого историка и географа XVII в. Катипа Челеби «Таквим ут-таварих» («Хронология истории»). Оно было переведено с рукописи

⁷¹ Материалы, т. 5. СПб., 1889, с. 260.

на итальянский язык венецианским драгоманом Ринальдо Карли и издано в Венеции в 1697 г. (на турецком языке книга была напечатана в Константинополе только в 1733 г.⁷²). В частной библиотеке первой половины XVIII в. встречена впервые.

Остерман интересовался не только историко-географическими сочинениями о Востоке, но и книгами о религии, языках восточных народов. В составе его собрания, поступившего в Коллегию иностранных дел, были Коран на арабском языке, «Преидики Римской церкви» на китайском языке, «Лексикон китайский» (два тома), китайский календарь,⁷³ рукописное сочинение миссионера Д. Торгена о китайском языке, в рукописи же было «Краткое описание Турецкого государства» (2 экз.).⁷⁴ Всего Коллегия получила 6 книг на китайском языке, по одной — на арабском и турецком. А среди книг, переданных в Библиотеку Академии наук, насчитывалось, как было указано выше, 18 турецких и 1 китайская. Кроме того, из описи, хранящейся в Архиве Академии наук, видно, что у Остермана имелись и другие книги на китайском и маньчжурском языках, в числе их «Императорская династия», астрономические таблицы, объяснение иероглифов на латинском языке, книга о живописи на маньчжурском языке.⁷⁵

Возникает вопрос: каким путем книги на восточных языках приобретались Остерманом, и мог ли он пользоваться ими? Китайские книги, по-видимому, были преподнесены ему Лоренцом Ланге, побывавшим в Китае несколько раз по заданию Коллегии иностранных дел. Арабские и турецкие книги могли попасть к Остерману тоже через Коллегию иностранных дел, когда туда поступали книги пленных турок. С. А. Белокуров сообщает, что вместе с книгами Остермана в архив Коллегии поступило еще 68 книг и рукописей, отобранных у пленных турок.⁷⁶ Интерес Остермана к восточной литературе несомненно был вызван его занятиями по разработке проблем восточной политики; пользоваться ею он мог с помощью переводчиков, находящихся в его подчинении.

⁷² Раффигов А. Х. Очерки... , с. 136.

⁷³ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей... , с. ССCLIII—ССCLVI.

⁷⁴ Там же, с. 89.

⁷⁵ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 223.

⁷⁶ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей... , с. 90.

Таким образом, в книжном собрании Остермана востоковедческая литература была представлена значительным количеством книг как на европейских (30 названий), так и на восточных (30 названий) языках, и в этом заключалась основная особенность его библиотеки.

Не меньший интерес с этой точки зрения представляла библиотека Г. Я. Керера (1692—1740). Его библиотека состояла целиком из востоковедческой литературы.

Г. Я. Керер, известный немецкий ориенталист, прибыл в Россию в 1732 г. по приглашению Остермана для работы в Коллегии иностранных дел в качестве переводчика с восточных языков в звании профессора. Он знал арабский, персидский, турецкий и др. Согласно контракту, заключенному с ним, Керер обязался обучать этим языкам русских юношей. 6 марта 1732 г. Коллегия иностранных дел обратилась к Синоду в Москве с просьбой выбрать в Славяно-греко-латинской академии «человек пять или шесть, которые могли с тем иноземцем по латыне говорить и оные языкам способные обучаться»,⁷⁷ что и было поручено ректору Славяно-греко-латинской академии архимандриту Софронию Мигалевичу.⁷⁸

Керер занимался также научно-исследовательской работой и литературными переводами. Еще до приезда в Россию им было опубликовано несколько работ по нумизматике древних государств Ближнего Востока и Индии. В совершенстве владея арабским языком, он первым установил, что куфические письмены представляют собой не что иное, как древнеарабские. В Нюрнберге Керер вместе с И. Г. Лоттером открыл, что узоры на плаще Карла Великого в действительности тоже были куфическими письменами.⁷⁹ Его богатая коллекция восточных монет не имела себе равных. Из первых переводов, сделанных Г. Я. Керером в Коллегии иностранных дел, следует упомянуть перевод с турецкого на немецкий язык мирного трактата между Турцией и Персией и перевод грамоты султана Махмуда I к императрице Анне Иоанновне. В 1733 г. он перевел с русского на латинский и персидский языки письмо к персидскому шаху Тахмаспу с исто-

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 796, оп. 13, № 76/329, л. 1.

⁷⁸ Там же, л. 2.

⁷⁹ Пекарский П. П., История имп. Академии наук. Т. I. СПб., 1870, с. 313—314.

рико-филологическими примечаниями на латинском языке.⁸⁰

Г. Я. Кер выполнял и поручения Академии наук, принимал участие в ее конференциях. С сентября 1735 г. он занимался описанием восточных медалей Академии наук.⁸¹ В октябре 1737 г. Кер представил в Академию наук свой немецкий перевод сочинения Абулгази Бахадур Хана «Родословное древо тюрков», сделанный с татарского (точнее, с чагатайского) языка.⁸² С чагатайского же языка на латинский Кер перевел «Записки Бабура» («Бабурнаме») — основателя династии Великих моголов Захиреддина Бабура (1483—1530).⁸³ В рукописи, в брошюрованной тетради, осталось до 137 азбук, собранных Кером. Им были составлены географические карты Кавказа и Закаспийского края, а также скопирована карта турецких владений вокруг Черного моря — с карты, напечатанной в 1724 г. в Константинополе Ибрахимом Мютеферрика, турецким первопечатником. Это копия первой географической карты, изданной в Турции с легендами на турецком языке. Нельзя не отметить также астрономические таблицы Улугбека, переведенные Кером с персидского на латинский язык. Об этом переводе он делал сообщение на академической конференции 25 июня 1739 г.⁸⁴

Г. Я. Кер несомненно был крупным ученым-востоковедом своей эпохи, «серьезным арабистом».⁸⁵ Его обширные знания в области востоковедения создали ему еще при жизни известность в Европе. В историю русского востоковедения он вошел не только как замечательный переводчик исторических памятников Востока, но и как первый учитель арабского, персидского и турецкого языков. Грандиозный проект учреждения в Петербурге «Академии или общества восточных наук и языков»,⁸⁶ составленный

⁸⁰ Шувалов М. М. Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера. — В кн.: Сборник МГА МИД, вып. 5, М., 1893, с. 98.

⁸¹ Материалы, т. 2. СПб., 1886, с. 842.

⁸² Материалы, т. 3. СПб., 1886, с. 506, 576, 578. Пекарский П. П. История..., т. I, с. 313, 314, 617.

⁸³ Материалы, т. 3, с. 576.

⁸⁴ См.: Пекарский П. П. История..., т. I, с. 314.

⁸⁵ Крачковский И. Ю. Избр. соч., т. 5. Л.—М., 1958, с. 36.

⁸⁶ Савельев П. Предположения об учреждении Восточной академии в С.-Петербурге. — ЖМНП. СПб., 1856 (февраль), ч. 89, отд. III, с. 27—36. Ср.: Шувалов М. М. Критико-биографический очерк...

Кером в 1733 г. на латинском языке, свидетельствует о его стремлении видеть в России своих ученых-востоковедов. В этом проекте Кер предложил, в частности, создать при Восточной Академии библиотеку востоковедческой литературы. Основой такой библиотеки могло бы стать, по мнению Кера, его собственное собрание, в котором имелись книги по истории, географии, нумизматике, генеалогии арабов, персов, турок и татар. Кроме того, он предложил посылать молодых людей, знающих арабский язык, в Германию, Голландию, Францию, Испанию и Италию для переписывания восточных рукописей. Пополнять библиотеку можно было, считал Кер, покупая рукописи в Бухаре, а турецкие книги — через посольство. Он предлагал покупать литературу о Востоке и у частных лиц в России и даже привел список этих лиц: граф Дуглас, генерал Левашов и др. Об этих библиотеках никаких сведений нет, свидетельство Кера — единственное указание на то, что в них была литература о Востоке.

Г. Я. Кер умер в 1740 г. в Петербурге, оставив хорошо подобранную библиотеку и богатую коллекцию восточных монет. В 1741 г. его книги и рукописи были приобретены Коллегией иностранных дел. По сведениям С. А. Белокурова, в библиотеке Кера было 61 печатное издание и 14 рукописных сочинений.⁸⁷ Из них 13 печатных книг было отдано И. Бакунину, назначенному консулом в Гилане. Остальные же книги и рукописи в 1741 г. поступили в Московский архив Коллегии и нашли отражение в реестре библиотеки архива, в котором указывалось, из какой библиотеки каждая поступила. Из оставшихся 48 названий (после передачи 13 книг Бакунину) в реестре отражено 40 (60 ед.). Это книги по истории и филологии мусульманского Востока, а также религиозные и справочные издания (на лат. яз. — 20, с параллельным текстом на араб. и лат. яз. — 8, на араб. яз. — 6, на нем. яз. — 2, на перс. яз. — 2, на турец. яз. — 1, на франц. яз. — 1). Рукописи же были только на арабском, персидском и турецком языках.

Как мы видим, половина печатных книг Кера была на латинском языке, на втором месте стояла литература на арабском языке. В его книжном собрании было 13 назва-

⁸⁷ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 91—92.

ний исторических сочинений, 10 по филологии, 3 по астрономии, 3 справочных издания, 11 книг религиозного содержания.

Среди исторических работ привлекают внимание труды арабских историков, переведенные на латинский язык и издаваемые параллельным текстом на латинском и арабском языках. К ним относятся: «История сарацинов...» (Лейден, 1625) египетского историка Георгия Альмакина (El-takun), известного и под именем Ибн Амид (1323—1373), «Дополнение к истории династии» Абу-ль-Фараджа (1226—1286) (Оксфорд, 1663) на арабском языке, изданное известным английским арабистом Эд. Пококком, «О жизни и деяниях Мохаммеда» Абу-ль-Фида (Оксфорд, 1729). Отметим и изданную на арабском языке «Историю Тамерлана» Ахмеда Ибн Арабшаха (Лейден, 1636), изданную известным голландским арабистом Якобом Голдусом.⁸⁸

В числе исторических сочинений были такие редкие издания, как «История турецких мусульман» (Франкфурт, 1591), написанная по восточным письменным источникам Иоганном Люенклау, посетившим Турцию в 1582 г., и его же «Жизнь и портреты турецких султанов, персидских шахов и других от Османа до Мехмеда II» (Франкфурт, 1596) на латинском языке. Не меньший интерес представляют «Восточная история» (Цюрих, 1660), составленная из разных восточных памятников И. Г. Хотгингером, а также «Историко-политические комментарии деяний Турции» Боеклера, «Послание турецкого султана Мехмеда...» (Франкфурт, 1690), «Северная и восточная часть Европы и Азии» Страленберга (Стокгольм, 1730). Еще одно ценное и редкое издание — это перевод сочинения Марко Поло с итальянского на латинский язык, сделанный Пипинусом и изданный в Бранденбурге в 1671 г. под названием «Об условиях жизни и обычаях в восточных странах».⁸⁹

Г. Я. Кер был прежде всего лингвистом, поэтому в его библиотеке находились такие известные филологические труды, как «Арабско-латинский лексикон» Якоба Голиуса (Лейден, 1653) и «Лексикон еврейского, халдейского, си-

⁸⁸ Подробно об этом произведении см.: Рафиков А. Х. Очерки, с. 116—117.

⁸⁹ Biographie universelle (Michaud), t. 29, Paris, p. 534—535.

рийского, арабского, эфиопского и персидского языков» с приложением грамматик этих языков (Иена, 1670). Составитель этого многоязычного словаря Николай Иоганн-Фридерик — крупный немецкий ориенталист XVII в.⁹⁰ В числе лингвистических произведений были также «Грамматика арабского языка» (Лейден, 1656) и «Начальное обучение арабскому языку» (Лейден, 1733) Томаса Эрпени, «Грамматика турецкого языка» Христиана Клодиуса (Лейпциг, 1729), «Турецко-латинский разговорник» (Бранденбург, 1672), грамматика персидского языка была представлена сочинением английского ориенталиста и астронома Джона Гривса «Основы персидского языка» (Лондон, 1649). В одном переплете с этим произведением Гривс выпустил анонимное сочинение по астрономии на персидском языке, снабдив его латинским переводом.

По астрономии у Кера был еще сборник «*Arabum astrologi*» (Нюрнберг, 1549), содержащий астрономические таблицы арабов, а также «Начала астрономии» аль-Фергани с латинским и арабским параллельным текстом. Это сочинение, представляющее собою энциклопедию астрономических знаний того времени,⁹¹ было опубликовано упомянутым голландским арабистом Голиусом (Амстердам, 1669). Об астрономах, историках арабоязычного Востока рассказывается и в книге Джона Гривса под названием «Эпоха знаменитых астрономов, историков» (Лондон, 1650, издана с параллельным текстом на арабском и латинском языках, с комментариями). В книжной коллекции Кера находился еще один очень редкий литературный памятник арабского Востока — поэма ал-Тограи арабского поэта XII в., изданная под латинским названием «*Sarpen Tograi*», с латинским переводом и примечаниями английского арабиста Эд. Пококка (Оксфорд, 1661).

Отметим также ценные справочные издания. «Восточная библиотека или универсальный словарь» (Париж, 1697) французского ориенталиста Эрбело — первый энциклопедический справочник по мусульманскому Востоку, содержащий подробные сведения об ученых и государственных деятелях, науке и литературе, книгах, законах и обычаях. В другом издании, которое также называлось «Восточная библиотека» (на лат. яз.; Гейдельберг,

⁹⁰ Ibid., t. 30, p. 443.

⁹¹ Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 4. М., 1957, с. 25—26.

1658, составитель — швейцарский богослов и ориенталист И.-Г. Хоттингер) и представляло собой каталог, отражено несколько сот работ еврейских, сирийских, арабских и эфиопских авторов.⁹² К справочной литературе следует отнести также персидский календарь, содержащий сведения о военно-исторических событиях, о движении планет, изменении лунной фазы, летосчислении и т. д.

О разносторонности интересов Кера свидетельствует наличие в его книжном собрании такой книги, как «История шахматных игр на Востоке», переведенной с арабского на латинский язык и изданной английским арабистом Томасом Хайдом (Оксфорд, 1694). Автором оригинала является арабский ученый Мухаммед ибн Ахмед Сукайкир, прославившийся как теоретик шахматных игр и оставивший несколько трактатов на эту тему.⁹³

Что касается религиозной литературы в библиотеке Кера, то она, как нам кажется, подбиралась не случайно, а исходя из тех задач, которые ставил перед собой Кер (изучение истории, религии, культуры и языков мусульманского мира), и была представлена такими сочинениями, как «О религии Мохаммеда» (Утрехт, 1717) голландского ориенталиста Адриана Реланда, «О мохаммеданской религии» (Шлезвиг, 1666), Алкоран на французском и арабском языках, Новый завет на турецком языке (Оксфорд, 1666) — очень редкое издание, весь тираж был послан на Восток,⁹⁴ Новый завет на арабском языке (Лейден, 1616), Псалтырь на арабском языке и др. Они, по-видимому, интересовали Кера и с точки зрения техники перевода.

Среди рукописных сочинений Кера также были работы, относившиеся к исламу, например «История об имаме Шафии» на арабском языке, «Изъяснение могометанской веры» на турецком языке, «Пророчество Синаби» на персидском языке, часть Корана и молитвенник на арабском языке, вокабулы на арабском и персидском языках, турецкие и персидские песни, персидские пословицы, диваны, описание осады и взятия г. Кандии турками в 1677 г. и др.

В целом библиотека Кера была сугубо востоковедческая, необходимая для научно-педагогической деятель-

⁹² *Biographie. . .*, t. 20, 1858, p. 32—34.

⁹³ Крачковский И. Ю. Избр. соч., т. 4, с. 672.

⁹⁴ *Bibliothèque de Sacy*, t. 1. Paris, 1842, p. 265, № 1265.

ности ее владельца. Отличительная черта этой библиотеки — наличие довольно редкой в России того времени литературы на арабском, турецком и персидском языках. Имея обширные связи с ученым миром, книготорговцами и издателями Запада, Г. Я. Кер приобретал наиболее известные и редкие книги по ориенталистике.

Большинство библиотек, о которых говорилось выше, пополнило фонды Библиотеки Академии наук. Библиотека же И. А. Корфа, президента Академии наук, наоборот, пополнялась за счет Библиотеки. Барон Корф, страстный книголюб, пользуясь своим служебным положением, присваивал книги из фондов, из академической книжной лавки, из поступавшей литературы. В конце концов, уже будучи посланником в Дании, он вынужден был вернуть книги, которые и поступили в Библиотеку в 1746 г.⁹⁵ В них насчитывалось 1755 томов (1072 названий) книг, почти исключительно по гуманитарным наукам, в основном исторического содержания.⁹⁶ По каталогу, хранящемуся в Архиве Академии наук, нами было выявлено 39 названий (70 томов) книг, относящихся к Востоку (30 на франц. яз., 5 на лат. яз. и 4 на нем. яз.). Какие же это были книги?

Основную часть литературы составляли исторические сочинения и описания путешествий (соответственно 22 и 10 названий), был также 1 энциклопедический словарь (известный словарь Эрбело) и 6 книг религиозного содержания.

В числе исторических книг имелись «Царство древних евреев» Ст. Филиппа (Гаага, 1728, т. 1—2), «Размышление над историей евреев» (Женева, 1727, т. 1—2), «История христианства в Абиссинии и Армении» Ла Кроза (Гаага, 1739), «Размышление над историей древних народов — халдейцев, евреев, финикийцев, египтян и других до эпохи Кира» Фурмона (Париж, 1735, т. 1—2), «История Древнего Египта, Ассирии, Вавилонии и др.» Роллена (Амстердам, 1730, т. 1—3), «История Оттоманской империи» Сагрето (Париж, 1724, т. 1—7), перевод с итальянского на французский язык Лорана, «История Японии...» Шарлуа (Париж, 1736, т. 1—2), «Всеобщая

⁹⁵ Материалы, т. 8, СПб., 1895, с. 230—240.

⁹⁶ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 258 (каталог книг, полученных от Корфа).

история могулов...» (Париж, 1715, т. 1—4), «История Надир Кули-хана...» (Лейпциг, 1738), «История Махмуда Газневида» (пер. с арабского, Роттердам, 1729). Среди описаний путешествий мы снова видим работы Шардена, Тевено, Избранта, а также «Описание путешествия по Востоку» Турнефора (Амстердам, 1718, т. 1—2), «Путешествие по Турции» Дю Мона (Гаага, 1699, т. 1—4). Большинство книг собрания Корфа составляли новейшие двухтомные и многотомные издания, выпущенные в свет во второй четверти XVIII в.

Отдельные книги о Востоке были и в других частных собраниях этого времени. Так, в библиотеке Феофилакта Лопатинского, вице-президента Синода и архиепископа Тверского, имелись сочинения Рикота на польском языке, а на латинском — описания Аравии и Персии, история Византии и книга о философии Конфуция.⁹⁷ Среди книг епископа Казанского Гавриила мы видим «Еврейско-халдейский лексикон» и «Сокровище еврейское» Иоганна Бухсторфа, сочинение Гоффера о Иерусалиме и др.⁹⁸ У архиепископа Нижегородского были «История Иерусалимская», «История о взятии Казани» (рукописная), Лексикон на «хинском» (китайском) языке, «Описание града Иерусалима» на греческом языке.⁹⁹ В числе книг, приобретенных Синодом после смерти переводчика Синода Василия Козловского, значится «Элементар на персидском и арабском языках».¹⁰⁰

* * *

Первая трудность, которая встречается при анализе состава библиотек первой половины XVIII в., это — неполнота или почти полное отсутствие информации. Нами описаны 17 частных собраний, но это не означает, что книги о Востоке были только в них. Книжные собрания, например, имели историк академик П. Леруа, натуралист академик Г.-В. Штеллер.¹⁰¹ Известно, что их собрания (целиком или частично) были закуплены Библиотекой

⁹⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 376, л. 121, 136 об., 143, 158.

⁹⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Синода, т. XI. СПб., 1903, прилож. IV, с. 833, 835, 837, 849.

⁹⁹ Там же, т. XXVI, СПб., 1907, с. 721.

¹⁰⁰ Там же, с. 736.

¹⁰¹ Материалы, т. 8, с. 442—443.

Академии наук, но описи не сохранились. Нами проанализирован состав 21 частной библиотеки, и в 17 из них встретилась литература о Востоке.

Литература о Востоке в частных собраниях составляла от 1 до 3%. Исключение представляют востоковедческая библиотека Кера и библиотеки Виниуса (7%) и Ганнибала (8%). Большинство книг было на европейских языках. Это естественно: людей, знающих восточные языки, в России в первой половине XVIII в. почти не было. Если говорить о тематике, то на первом месте идут описания путешествий — весьма популярный в то время род литературы. Неведомые и загадочные страны Востока привлекали взгляды многих, поэтому с таким интересом читались записки путешественников. Но это было не просто «легкое чтение»: государственный деятель, ученый могли многое почерпнуть из таких книг. Вероятно, правильнее говорить о двояком значении описаний путешествий: чисто познавательном, во-первых, и практическом и научном — во-вторых.

Второе место занимали исторические сочинения. Это были работы как европейских, так и восточных (преимущественно арабских) ученых. Почти отсутствовала художественная литература — открытие классической арабской и персидской поэзии, китайской прозы было делом будущего. Что касается религиозной литературы, то преобладали работы по исламу — ни по буддизму, ни по конфуцианству, ни по другим религиям Востока работ практически не было. Интересно отметить наличие книг о христианстве, переведенных на арабский язык и напечатанных в Европе, которые предназначались для пропаганды христианства на Востоке.

По времени издания абсолютное большинство книг относится к XVII и XVIII вв., но встречаются и уникальные издания XVI в., такие как «Китаб-аль-Куллият» Ибн Рушда (1544), «История евреев» Сабеллини (1515) (библиотека Арескина).

Почти все рассмотренные нами частные собрания в конечном итоге вливались в Библиотеку Академии наук. Однако этот способ пополнения фондов был не единственным.

В 1716 г. Библиотека получила крупную партию книг из Курляндии — библиотеку герцога Курляндского. Согласно описи, хранящейся в Архиве Академии наук,

в этом собрании насчитывалось 2585 названий (2763 тома) книг по различным отраслям знаний.¹⁰² Из них нами выявлено 38 названий (40 томов) книг о странах Азии и Африки (17 на гол. яз., 8 на лат. яз., 8 на франц. яз., 4 на нем. яз., 1 на араб. яз.). По тематике они распределяются следующим образом: 25 описаний путешествий, 5 книг по истории, 2 по географии и 2 по медицине.

Среди описаний путешествий, помимо уже встречавшихся работ О. Даппера, А. Олеария, В. Литгоу, мы видим «Описание путешествия в Ост-Индию» В. Шульца (Амстердам, 1643) на немецком языке, «Описание путешествия в Японию» А. Монтани (Амстердам, 1669),¹⁰³ «Путешествие Э. Сомерса» по Востоку (Амстердам, 1649), «Путешествия по Африке и Азии» Ж. Маккэ (1656), описание путешествия М. Мартини по Азии (Амстердам, 1662).¹⁰⁴ Из исторических работ в курляндской библиотеке были «История великих везиров» на французском языке, изданная в Амстердаме в 1676 г., «Мемуары послов» (Колонь, 1676),¹⁰⁵ «История Эфиопии» на французском языке (Париж, 1614).

Особо следует отметить сочинение А. Г. Бусбека, австрийского посла в Турции с 1554 по 1562 г. В своих четырех письмах, опубликованных потом в виде одной книги, он подробно описывал государственное устройство Турции, города, оценивал развитие торговли, особо останавливался на военной мощи Турции и предлагал методы ведения войны против турок. Турция была постоянной угрозой для государств Европы, поэтому работа Бусбека вызвала большой интерес. Латинский оригинал первого письма был опубликован в Антверпене в 1581 г.; все письма, переведенные с латинского на французский язык, были впервые изданы в Париже в 1589 г. и с тех пор многократно издавались на всех европейских языках.¹⁰⁶ В курляндской библиотеке имелось парижское (1646) издание этого сочинения.¹⁰⁷

¹⁰² ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 210; см.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 334.

¹⁰³ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 210, л. 14.

¹⁰⁴ Там же, л. 32 об.

¹⁰⁵ Там же, л. 50 об.

¹⁰⁶ Верна Моган. Türklere ilgili ingilizce yayınlar bibliografyası. İstanbul, 1964, s. 140, 265.

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 210, л. 55 об.

Привлекает внимание наличие в библиотеке знаменитого сочинения Авиценны (Ибн Сины) «Канон медицины», причем было 2 издания: римское на арабском языке, напечатанное в типографии Медичи в 1593 г. и венецианское двухтомное издание на латинском языке 1608 г.¹⁰⁸ Римское издание следует считать первой арабской книгой, поступившей в имп. Библиотеку. В латинском переводе «Канон» издавался около 30 раз, один из этих переводов и был в курляндской библиотеке.

В этом собрании имелись и атласы Меркатора, известного фламандского картографа XVI в., и географические карты Азии и Африки, опубликованные в Париже в 1652 и 1656 гг. Н. Самоном.¹⁰⁹ В целом курляндская библиотека стала существенным вкладом в первоначальный фонд Библиотеки Академии наук.

В Шотландии по распоряжению Петра I при посредничестве известного филолога Томаса Руддимана¹¹⁰ была куплена библиотека А. Питкейна (1652—1713) для Академии наук.¹¹¹ Питкейн, медик по образованию, был известен и как специалист по классической филологии, поэтому в его библиотеке были работы и античных авторов, и книги по медицине, истории, географии. Из 1906 книг (1522 названия) 15 книг (13 названий) относились к Востоку. Назовем книги по восточной медицине: 2 издания «Канона медицины» Авиценны на латинском языке, в 2 томах (Венеция, 1608, 1658), три книги Р. Алпинуса «Египетская медицина» (Венеция, 1591), «Индийская медицина» (Париж, 1646) на латинском языке и «Растения Египта» (Венеция, 1592), латинский перевод «Китаб-аль-Куллият» Ибн Рушда, значащийся в описи под названием «Averrois oroga» (Венеция, 1542),¹¹² «О природе медицины Индии» Пусониса (Амстердам, 1658).

В библиотеке Питкейна были также 4 исторические работы: 2 на английском языке — «История Турецкой империи» Р. Рикота (Лондон, 1680) и «История священной войны» Нельсона (1686) и 2 на латинском — «История еврейского государства» Кундуса (Лейден, 1703) и «Ис-

¹⁰⁸ Там же, л. 7.

¹⁰⁹ Там же, л. 32 об., 33 об.

¹¹⁰ The Encyclopaedia Britannica, 12 ed., vol. 23, p. 814.

¹¹¹ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 213, л. 13.

¹¹² Там же, л. 5.

тория Индии» Массе.¹¹³ Кроме перечисленных книг, у Питкейна были еще «Путешествие в Китай» Избранта (Лондон, 1706)¹¹⁴ и двухтомный сборник путешествий, составленный членом Королевского общества Харрисом (Лондон, 1705).¹¹⁵

В 1722 г. фонд литературы о странах Азии и Африки Библиотеки Академии наук пополнился книгами, приобретенными Шумахером за границей. И. Д. Шумахер, возглавлявший Библиотеку со дня ее основания (1714 г.), в 1721 г. был послан Петром I за границу с целым рядом поручений, в том числе и для приобретения новой литературы. Из каталога книг, купленных Шумахером в Европе, видно, что 10 названий относилось к Востоку (из общего числа 314 названий — 541 том). Это описания путешествий Олеария, Манделсло, «История экспедиции в восточные страны...» (Ганновер, 1611) на латинском языке, многотомная история Византии (Corpus Byzantinae, Париж, 1648),¹¹⁶ все тот же «Турецкий шпион» (Кельн, 1715) на французском языке,¹¹⁷ «История Тамерлана» (Лейден, 1634) на арабском языке.¹¹⁸ Последняя, по-видимому, является второй арабской книгой, поступившей в Библиотеку Академии наук. Среди книг, привезенных Шумахером, находилась и по сей день представляющая ценность для востоковедов «Восточная библиотека» Эрбело (Париж, 1697).¹¹⁹ Следует отметить также «Беседу о христианской и китайской философии» Малевринса (на франц. яз., Париж, 1708).¹²⁰

По содержанию книги распределялись следующим образом: 4 исторические, 3 описания путешествия, 1 по философии, 1 энциклопедический словарь и 1 по ботанике (Флога Яароника). 6 книг было на французском языке, 3 на латинском и 1 на арабском.

И. Бакмейстер сообщает, что «в 1723 году начали выписывать книги из Голландии, из коих многие дошли сюда и в тамошнем переплете. Сие продолжалось до

¹¹³ Там же, л. 8, 12.

¹¹⁴ Там же, л. 15.

¹¹⁵ Там же, л. 7.

¹¹⁶ Там же, № 255, л. 1 об., 2 об., 3.

¹¹⁷ Там же, л. 5 об.

¹¹⁸ Там же, л. 4.

¹¹⁹ Там же, л. 2.

¹²⁰ Там же, л. 5 об.

1728 года, и число оных накопилось до тысячи». ¹²¹ Это — еще один результат поездки Шумахера, начало систематической закупки книг. Петр I в указе Сенату в 1724 г., определяя задачи Академии наук, писал, что «каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать, и тако ему легко будет экстракт из оных сочинить». ¹²² Неукоснительно выполняя это требование, Академия наук выписывала иностранные издания только после олобрения академиков. Так началось систематическое, целенаправленное комплектование Библиотеки иностранными изданиями — новейшими изданиями, появлявшимися на книжных рынках стран Западной Европы. Амстердамские книготорговцы Фанлербурх, Леллонг, Везенберг, Вейтбрехт, лейпцигские — Менке, Кледичен, ¹²³ Шустер, Кланнер ¹²⁴ снабжали Академию наук книгами, распространяли академические издания. Постепенно стал развиваться и книгообмен. ¹²⁵

По каталогу, хранящемуся в Архиве Академии наук, ¹²⁶ нами было установлено общее количество и названия книг по Востоку, приобретенных с 1723 по 1732 г.: 47 библиотечных единиц — 24 названия (21 на француз. яз., 3 на лат. яз.), из них 12 исторических книг, 11 описаний путешествий и 1 словарь. Среди исторических сочинений были «История христианства в Индии» Ла Крузе (Гаага, 1724), четырехтомная «История Тимура» (Париж, 1722), «История Цейлона» Ж. Рибейро (Амстердам, 1701), двухтомная «История королевства Сиама» без указания автора (Амстердам, 1714), трехтомная «История Древнего Египта» (Амстердам, 1730), двухтомная «История Японии» Каемпфера (Амстердам, 1729), «История Махмуда Газневида» (Роттердам, 1729), «Жизнь Мухаммеда» Ганье (Амстердам, 1732). ¹²⁷

¹²¹ Бакмейстер И. К. Опыт о Библиотеке..., с. 36.

¹²² Материалы, т. 1, с. 18—19.

¹²³ Там же, с. 458.

¹²⁴ Там же, т. 8, с. 110; См. также: Tetzner I. Verkauf russischer Bücher in Leipzig am Anfang des 18 Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slawistik. Bd II, Hf. 4, Berlin, S. 603—605.

¹²⁵ Луппов С. П. Основание и первые годы существования Библиотеки. — В кн.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964, с. 24.

¹²⁶ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 258.

¹²⁷ Там же, л. 4 об., 6 об., 7, 7 об., 13, 14.

Среди описаний путешествий были работы Бернье (Амстердам, 1724, в двух томах), Тавернье, Франсуа Кореала, Ламотре, Струя и др. К числу описаний путешествий относится и сборник, включающий описания различных путешествий в Тартарию (Лейден, 1729), такой же сборник об Ост-Индской компании¹²⁸ и др. Ценным приобретением стал «Латино-турецко-немецкий словарь» немецкого востоковеда Клодиуса (Лейпциг, 1730).¹²⁹

В 1739 г. Библиотека Академии наук пополнилась книгами из библиотеки Голицына, состав которой был уже рассмотрен при анализе частных собраний. А. И. Богданов, помощник библиотекаря, отобрал из этой библиотеки 283 книги, в числе которых находились следующие рукописные: «Описание о царствах Вавилонским...», «Описание Индии» Артхуса (рукописный перевод ч. 7), «История Казанская и Псковская и взятие Сибири», «Описание Китайского и Японского государств», «Странник московских купцов в Царьграде», «История о взятии царства Сибирского», описание Иерусалима, «Путник Силивестра Диканского о палестинской земле», рукописные переводы Саади, Манделсло, «Путешествия в землю святую» Хр. Радзивилла, «Повести о турках».¹³⁰

Продолжались и закупки книг за рубежом. В Архиве Академии наук сохранилась опись книг, закупленных в 1732—1742 гг.¹³¹ За это время было получено 20 единиц (10 названий) книг по Востоку. В основном это многотомные новейшие издания, почти все на французском языке. К ним относятся трехтомное «Путешествие по Европе, Азии и Африке» Ламотре, изданное в Гааге в 1727 (кстати, в 1726 г. автор посетил Библиотеку Академии наук и дал ей высокую оценку), четырехтомное «Описание Китайской империи» Дю Альда (Гаага, 1736), двухтомное описание путешествия по Востоку Турнефора, парижское и амстердамское издания (1717, 1718), «Турки Европы и Азии...» Мортье в двух томах, «Критические размышления...» (Париж, 1735) — работа французского востоковеда Э. Фурмона о народах Древнего Востока.

Библиотека приобрела также «Арабско-латинский словарь» Якоба Голиуса (Лейден, 1635) и «Военное состоя-

¹²⁸ Там же, л. 4 об., 5 об., 6 об., 7, 7 об., 10, 10 об., 15.

¹²⁹ Там же, № 256. л. 12.

¹³⁰ Материалы, т. 4, с. 178—190.

¹³¹ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 257.

ние Оттоманской империи...» Луиджи Фердинанда Марсилли (Гаага, 1732). Последняя была переведена с французского на русский язык В. Н. Тредиаковским и позднее (1737) напечатана в типографии Академии наук «со многими гридорованными фигурами». ¹³² Перед сдачей в печать президент Академии наук И. А. Корф направил рукопись И. И. Неплюеву, ¹³³ бывшему (1711—1735) резиденту в Турции, и А. А. Вешнякову, также бывшему русским резидентом в Турции, ¹³⁴ на отзыв. Многочисленные примечания к русскому изданию, по-видимому, были сделаны этими лицами, хотя прямых указаний на этот счет не обнаружено.

В 30-е годы XVIII в. в сферу изучения вошел и Дальний Восток. 25 мая 1736 г. Сенат предписал Академии наук направить в Иркутск одного из японцев, привезенных в 1733 г. в Петербург, с поручением «немедленно сыскать японское судно, на котором они были, и притом и книги на их языке, кто из российских людей взяли, и те книги у кого ныне обретаются. И сколько тех книг или писем каких на японском языке отыскано будет, оныя прислать в Сенат немедленно». ¹³⁵ В 1740 г. Академия наук просила Сенат о том, чтобы капитану Шпанбергу и адъютанту Штеллеру, входившим в состав второй Камчатской экспедиции Беринга, было разрешено «в Епонские острова съездить, а во оных как политическия, так географическия и к натуральной истории принадлежащия обсервации отправлять», так как это «впредь изрядныя следствия иметь будет». ¹³⁶

В Петербурге же Андрей Богданов с помощью японцев, о которых говорилось выше, подготовил несколько учебных пособий для изучения японского языка. В их числе были «Лексикон на русском и японском языке», «Грамматика японская», «Вокабулы и разговоры на русском и японском языке», «Орбис Тектус на русском и японском языке». Все эти работы остались в рукописи, они отражены в русской части Камерного каталога. ¹³⁷

¹³² См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. Т. 2. М., 1964, с. 222, № 4088, ср.: Материалы, т. 3, с. 165—166.

¹³³ Материалы, т. 3, с. 144.

¹³⁴ Там же, с. 482.

¹³⁵ Там же, с. 76—77.

¹³⁶ Там же, т. 4, с. 507—508.

¹³⁷ Камерный каталог (Российские печатные и рукописные книги), с. 61.

В 1746 г. в Копенгагене была приобретена двухтомная история Японии Шарлвуа, изданная в Париже в 1736 г.¹³⁸

Продолжала поступать литература и о Китае. И. Бакмейстер сообщает, что в 1730 г. Лоренц Ланге привез из Китая большую партию книг — 82 тетради в 8 папках.¹³⁹ Находясь в Китае, Ланге договорился с иезуитской миссией об установлении книгообмена. В 1734 г. в связи с предстоящей поездкой туда Ланге обратился в Академию наук с просьбой разрешить книгообмен, и в том же году Сенат по ходатайству Академии принял указ, разрешающий Академии наук «книгами своими в Сибири и в Китайском царстве торговать».¹⁴⁰ Был также издан правительственный указ, запрещающий таможенный досмотр академических посылок в пути от Петербурга до китайской границы, что освобождало от взимания пошлин и обеспечивало сохранность книг. 21 октября 1737 г. Ланге писал из Селенгинска, что он 18 сентября с караваном Фирсова в адрес Академии наук выслал три ящика китайских книг. Книги были доставлены в Сибирский приказ в Москве, а оттуда в июне 1738 г. перевезены в Петербург.¹⁴¹ В ноябре 1739 г. в Китай были снова посланы академические издания,¹⁴² а от иезуитов в 1740 г. получено 6 томов китайских книг. Согласно аннотациям, были получены «Краткая география» в 4 томах, напечатанная в 1694 г., Евангелие, переведенное на китайский язык иезуитами в 1636 г., «Астрономия», «сочиненная» иезуитами.¹⁴³

Существенный вклад в изучение Китая и в пополнение китайского фонда библиотеки внес Ларион Россохин. В 1738 г., находясь в Китае, он прислал в Петербург большую географическую карту всего Китая, которую перевел на русский язык. Вернувшись, с 1741 г. стал заниматься в Академии наук переводами китайских сочинений. В августе 1745 г. в рапорте Россохин приводит перечень переведенных им китайских сочинений, общим числом 17 названий, среди них «Краткая хронология

¹³⁸ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 258, л. 16.

¹³⁹ Бакмейстер И. Опыт о Библиотеке. . ., с. 93—94.

¹⁴⁰ Материалы, т. 2, с. 566—567.

¹⁴¹ Там же, с. 594—595, т. 6, с. 485.

¹⁴² Там же, т. 4, с. 244—245.

¹⁴³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 842, л. 156, 157, 157 об.; ср.: Материалы, т. 8, с. 442.

о изчислении лет всех китайских царей», «Исторический экстракт о всех ханах, которые владели Китайским государством...», «О маньчжурских ханах...», «Краткая история о Японии, переведенная из китайского географического описания...», «Философические вопросы и ответы», «О чрезвычайном почтении родителей», «Нравоучительные пословицы славных китайских учителей» и др.¹⁴⁴ Все эти рукописи были переданы в Библиотеку Академии наук.

В другом рапорте Академии наук Россохин писал: «Сверх обучения учеников, перевозжу Историю, в пяти томах состоящую, о завоевании китайским ханом Кан-хием калкаских и элетских мунгал в Великой Татарии».¹⁴⁵ В 1750 г. он начал переводить «Китайскую генеральную обо всех китайским государством владевших разных фамилий ханах и князьях историю» в трех частях.¹⁴⁶ Что касается пополнения китайского фонда Библиотеки, то в 1741 г. Россохин продал Академии наук свои китайские книги за 242 руб. 30 коп.,¹⁴⁷ в 1748 г. он просил Академию за 193 руб. 80 коп. купить китайские книги, которые он «приискал у разных чинов людей, а при Императорской библиотеке таких книг не имеется».¹⁴⁸

В 30-е годы в Библиотеку поступали и рукописные сочинения о сибирских народах. Их присылали участники Сибирской экспедиции. Так, в 1734 г. Г.-Ф. Миллер из Тобольска отправил в Сенат «Вокабуляриум татарскаго, аринскаго, котовскаго, камашинскаго и брацкаго языков» Красноярского уезда, «Вокабуляриум татарскаго и вогульскаго языков», «Описание черемисов, чувашов и вотяков», а в 1735 г. из Енисейска он же отправил «Вокабуляриум калмыцкаго и бухарскаго языков». В 1739 г. Крашенинников из Красноярска прислал японскую книгу и «Вокабуляриум камчатских языков».¹⁴⁹

В России в это время тоже стали издаваться книги о Востоке. Первоначально это были переводы. Мы уже упоминали о книге Марсилы «Военное состояние Отто-

¹⁴⁴ Материалы, т. 7, с. 496—497.

¹⁴⁵ Там же, т. 10, СПб., 1900, с. 36.

¹⁴⁶ Там же, с. 681—682.

¹⁴⁷ Там же, т. 4, с. 620.

¹⁴⁸ Там же, т. 9, СПб., 1897, с. 58.

¹⁴⁹ Там же, т. 8, с. 196, 198, 201, 206.

манской империи». Добавим, что перевод и печатание этой объемистой книги были осуществлены в сравнительно короткий срок. 25 июня 1736 г. Корф приказал Тредиаковскому приступить к переводу,¹⁵⁰ а в 1737 г. книга уже вышла в свет сравнительно крупным тиражом: 1200 экземпляров. Большой тираж подчеркивает актуальность книги: она была напечатана во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Повышенным интересом к Турции можно объяснить и выход в свет в 1738 г. «Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730—1731 года при низложении Ахмета III...».

В 1741 г. вышла еще одна книга о Турции — «Монархия Турецкая...» Пауля Рикота. Эта книга, написанная секретарем английского посольства в Турции, впервые была издана на английском языке в Лондоне в 1668 г. под названием «Нынешнее состояние Оттоманской империи», она переводилась на многие европейские языки. Издание ее в России имеет свою историю. Из протокола Синода от 4 сентября 1724 г. видно, что П. А. Толстой представил перевод этой книги с письмом, в котором он просил «о исправлении в правописании и о напечатании», и Синод решил «для исправления сдать в санктпетербургскую типографию» синодальному советнику школ и типографий архимандриту Гавриилу. 24 декабря 1724 г. Синод рассмотрел ответ Гавриила, который писал, что правописание он исправил, других исправлений в содержании не сделал, «без автора того исправлять не можно». Синод решил вернуть рукопись Толстому.¹⁵¹ О дальнейшей судьбе этой книги говорится в «Истории Академии наук» Г.-Ф. Миллера. Он сообщает, что книга была переведена с польского издания в царствование Петра I и ее начали печатать под наблюдением П. А. Толстого, но печатание оборвалось на 71-й странице, так как в 1727 г. при Петре II Толстой попал в немилость. Только в 1736 г. Синод передал отпечатанные листы Академии наук и разрешил издание книги под названием «Монархия Турецкая, описанная через Рикота, бывшего аглинскаго секретаря при Оттоманской Порте».¹⁵²

¹⁵⁰ Там же, т. 3, с. 99.

¹⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 5, № 411/11, лл. 4, 6.

¹⁵² Материалы, т. 6, с. 441.

К середине XVIII в. Академией наук было опубликовано свыше 20 работ, относящихся к Востоку,¹⁵³ в основном в виде отдельных статей, помещенных в периодических изданиях Академии. Из монографий следует назвать в первую очередь уже упоминавшиеся работы Байера: «Историю древнего мира» (1728), «Историю Азова», «Музей синикум» (т. 1—2, 1730). Большой популярностью пользовалась книга, посвященная Японии. Она была переведена с французского языка и выпущена в свет в 1734 г. под названием «Описание о Японе, содержащее в себе три части...». Эта книга включала в себя три самостоятельных сочинения трех авторов. Первая часть, названная «Известие о Японе и о вине гонения на христиан», написана Ж.-Б. Тавернье, вторая — «История о гонении христиан в Японе» — написана Р. Жижсбертом, третья часть — «Последование [продолжение] странствования Генрика Гагенара...» — составлена Франсуа Кароном. О популярности этой книги свидетельствует такой факт: в 1737 г. Андрей Богданов приобрел у купца Терентия Никифорова за 5 экземпляров «Описания о Японе...» две рукописи, а за 4 экземпляра — 4 древнерусских рукописи.¹⁵⁴

В 1745 и 1746 гг. в Библиотеку Академии наук поступили еще две крупные партии книг. Первая партия — 583 книги на французском языке — была получена в 1745 г. из летнего дворца Елизаветы Петровны. 17 книг из них относилось к Востоку. В основном это были описания путешествий таких известных путешественников, как де Бруин, Манделсло, Олеарий, Бернье, Марше, де Ларок, Тавернье. Интересно, что сочинения многих из них были представлены в нескольких экземплярах. Так, описание путешествия Корнелия де Бруина имелись в 3 экземплярах, «Путешествие» кавалера Марше — в 4 экземплярах. В этой партии книг были и исторические сочинения, такие как «Введение в историю азиатическую, африканскую...», «История константинопольская», «История о Тимурбеке», «История об Оттоманской империи».¹⁵⁵ Вторая крупная партия книг была закуплена в 1746 г. в Копенгагене, из которой 31 книга посвя-

¹⁵³ Ливотова О. Э., Португаль В. Б. Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. М., 1966, с. 11—12.

¹⁵⁴ Материалы, т. 3, с. 307, 334—335, 343.

¹⁵⁵ Там же, т. 7, с. 329, 332—338.

цена странам Востока — описания путешествий и исторические произведения. В числе последних — двухтомное «Введение в историю Азии, Африки...» Мартинье (Амстердам, 1735), «История Оттоманской империи» (Париж, 1724) в семи томах, «Всеобщая история могулов» (Париж, 1715) в четырех томах, фрагменты восточной истории (перевод с араб. яз. Махмуда Газневида, Роттердам, 1729), «Родословное древо тюрков», переведенная с татарской рукописи на французский язык (Лейден, 1726), и др. Среди описаний путешествий отметим произведения Шардена (в трех томах), Турнефора, «Описание Египта» Маскрира (Париж, 1735), Тевено (в 5 томах), четырехтомное «Путешествие Дю Мона по Турции» (Гаага, 1699) и др. Всего было 11 описаний путешествий, 5 книг по исламу, остальные — исторические. Абсолютное большинство работ составляли многотомные новейшие издания.

* * *

Из года в год в книжном фонде Библиотеки Академии наук увеличивалось количество книг, посвященных Востоку. Литература поступала из частных собраний, приобреталась за границей, у частных лиц, присылалась по книгообмену. Мы попытались в хронологическом порядке показать динамику роста фонда востоковедческой литературы. Однако для полноты картины необходимо оценить фонд в целом к середине XVIII в. Большинство книг о Востоке нашло отражение в первом печатном, так называемом Камерном каталоге, изданном в 1742 г. на латинском языке.¹⁵⁶ Этот каталог включает книги, поступившие в Библиотеку к началу 1736 г.¹⁵⁷ Дополнительно были проанализированы нами поступления 1736—1750 гг. Общий итог исследования следующий: в Камерном каталоге описано 160 названий книг, относящихся к Востоку, среди поступлений 1736—1750 гг. больше книг о Востоке. Таким образом, к середине XVIII в. в Библиотеке Академии наук литература о Востоке насчитывала свыше 200 названий. В это число не вошли китайские книги:

¹⁵⁶ Bibliothecae imperialis Petropolitanae. Pars I—IV. Typis Academiae imperialis scient., 1742.

¹⁵⁷ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 347.

Камерный каталог не отразил больших поступлений 20-х и 30-х годов.

Итак, к концу 40-х годов фонд литературы о Востоке насчитывал 200 названий. Много это или мало? Если исходить из общего числа книг в Библиотеке (17 560),¹⁵⁸ то это ничтожно малая величина (1.2%). Но именно в эти годы в России появились первые востоковеды, стала складываться русская востоковедческая школа, впоследствии получившая мировое признание. И не последнюю роль в этом сыграл небольшой фонд восточной литературы Библиотеки Академии наук. В заключение следует сказать, что свыше 60% литературы фонда относилось к мусульманскому Востоку, 11% — к Индии, около 7% — к Китаю. Авторами большинства изданий были европейцы, второе место занимали переводы восточных (преимущественно арабских) авторов на европейские языки. По тематике, как уже подчеркивалось, преобладали описания путешествий, затем шли исторические сочинения, филологические работы составляли около 10%, религиозная литература — около 5%.

В. Ю. Пореш

БИБЛИОТЕКА А. Ф. ХРУЩОВА
(СОБРАНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО
ФРАНЦУЗСКИХ КНИГ)

В ряду русских частных библиотек 30-х годов XVIII в. библиотека А. Ф. Хрущова выделяется одной особенностью: из 602 томов его собрания — 580 на французском языке. Мы ожидали бы такого преобладания французских книг скорее во второй половине XVIII в.

Францию XVII—XVIII вв. можно назвать в определенном смысле столицей Европы. Из всех стран континента именно Франция наиболее ярко воплотила в себе дух европейской цивилизации. А поскольку реформы, проводившиеся в России, имели целью поставить ее в ряд ве-

¹⁵⁸ Там же, с. 348.

ликих держав, т. е. в конечном счете «европеизацию» страны, то становится закономерным и понятным тотальное влияние французской культуры, которое к концу XVIII в. захватило все русское образованное общество. Европеизация проводилась постепенно, в течение всего XVIII в., так же постепенно нарастало и французское влияние. Французский язык стал языком европейской цивилизации вообще. Чтобы сделать какое-нибудь сочинение достойным всего читающего мира, его надо было перевести на французский. Именно поэтому библиотека Хрущова приобретает для нас особый интерес.

В монографии С. П. Луппова «Книга в России в послепетровское время» имеется специальный раздел, посвященный А. Ф. Хрущову и его библиотеке.¹ Во избежание повторения мы не будем приводить всех данных, собранных в этой монографии, но постараемся пополнить их новыми сведениями и новым толкованием. Мы обращаем внимание главным образом на гуманитарную часть библиотеки Хрущова, состав которой в значительной мере определялся философско-политическими идеями, распространенными в тогдашнем европейском обществе.

Андрей Федорович Хрущов (1691—1740) известен как «конфидент» А. П. Волынского, кабинет-министра, главы антинемецкой партии при дворе императрицы Анны Иоанновны. О жизни Хрущова мы знаем немного. В 1705 г. он учился в гимназии Глюка, в январе—июле 1711 г. — в Немецкой и Французской школах в Москве.² Здесь он, по-видимому, и получил первые знания во французском языке. В 1712 г. Петр I послал его вместе с другими юношами в Голландию, в Амстердам, для изучения «навигационной» науки. Вернулся Хрущов в Россию в 1720 г. В начале 30-х годов он служил в Адмиралтейском ведомстве в чине капитана флота. В Петербурге Хрущов сблизился с известным кабинет-министром А. П. Волынским и даже породнился с ним (оба были женаты на сестрах Нарышкиных). В то время вокруг Волынского образовался целый круг европейски образованных людей: в него входили такие люди, как П. М. Еропкин, В. Н. Татищев, А. Канте-

¹ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976, с. 227—234.

² Белокуров С. А. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. — ЧОИДР, 1907, кн. 1, разд. 1, Материалы исторические, с. 3, 54, 107, 126.

мир, Ф. Соймонов, П. И. Мусин-Пушкин и др. Собираясь в доме Волынского, члены кружка обсуждали насущные вопросы внутреннего и внешнего положения России. Волынским при участии Хрущова и Еропкина был составлен «Генеральный проект о поправлении внутренних дел государства»,³ причем, по показаниям на следствии самого кабинет-министра, Хрущов был самым деятельным его помощником. Это стоило ему головы: 27 июня 1740 г., за несколько месяцев до падения Бирона, главного виновника их гибели, Волынский, Еропкин и Хрущов были казнены в Петербурге на Сытном рынке.

Имя Хрущова известно и в русской литературе: он первый перевел на русский язык знаменитый философский и политический роман Фенелона «Похождения Телемака» — роман, который всей Европе дал образ и идеал мудрого просвещенного государя.

Получивший образование за границей, обладатель отборного собрания французских книг, переводчик «Телемака», А. Ф. Хрущов бесспорно принадлежал к числу просвещенных русских людей. И в полной мере об этом свидетельствует состав его библиотеки.

В 1742 г. книги Хрущова были куплены Академией наук. Их опись сохранилась в академическом архиве.⁴ Следует сразу же оговориться, что опись эту едва ли можно считать полной, потому что В. Н. Татищев в письме к Шумахеру от 5 августа 1741 г. торопил Академию с решением судьбы книг Хрущова, «ибо у него разбирают их врознь».⁵

Описание большинства изданий библиотеки Хрущова дано в описи без указания года их издания. Нам удалось установить часть этих дат, и на основе полученных данных можно утверждать, что большое число книг для своей библиотеки Хрущов купил во время жизни за границей.

Книжное собрание Хрущова можно разделить по содержанию на две большие части: одну из них составит

³ О мировоззрении и взглядах на государственное устройство членов кружка Волынского можно судить лишь приблизительно, главным образом по тому, что нам известно об этом «Проекте».

⁴ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 27—31 об.

⁵ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 4. СПб., 1887, с. 720.

литература естественнонаучного, прикладного характера (книги по навигации, военному делу, фортификации, физике, математике), а другую — гуманитарная литература (книги по философии, политике, истории, богословию), причем и в той и в другой части имеются многотомные издания. Первый раздел этого собрания связан с профессиональной деятельностью Хруцова как навигатора. Здесь есть такие книги, как Морской словарь («Le dictionnaire de marine contenant les termes de la navigation et de l'architecture navale»), «Искусство кораблевождения» («L'art de naviguer démontré par principes»), сборник указов Людовика XIV для морского флота и т. п. Отдел фортификации представлен книгами самых известных в то время авторов — Кугорна, Вобана, Блонделя. Сочинения Вобана, «Артиллерийские записки» («Les mémoires d'artillerie») Сен-Реми, «Марсовы труды» («Les travaux de Mars») Малэ переведены, как известно, на русский язык и напечатаны еще в петровское время по приказанию самого Петра. Имелось также множество книг по математике, физике, одна книга по медицине и т. п. Необходимо, кроме того, отметить, что многие из книг этого рода встречаются в собраниях других деятелей царствования Петра и Анны Иоанновны: у самого Петра (Блондель, Кугорн, Маролау, Дасье), у Д. М. Голицына (Вобан, Мариот, Лами), у А. И. Остермана (Кугорн, Вобан). Список таких книг можно было бы продолжить. В целом специальный раздел книг Хруцова имеет вполне определенную направленность и составлен из произведений авторов, уже признанных лучшими.

Что же касается второй части его собрания, то она, как нам представляется, сформировалась под влиянием политической обстановки в Европе того времени и философско-политических идей, распространенных в тогдашнем обществе. Когда с отмены правительством Людовика XIV Нантского эдикта в 1685 г. началось преследование протестантов, из Франции хлынула целая волна политических эмигрантов, значительное число которых осело в Голландии, в частности в Амстердаме — центре свободомыслия в Европе. За границей печаталось на французском языке множество книг, во Франции запрещенных. Между 1715 и 1719 гг., как раз в те годы, когда Хруцов и находился в Амстердаме, около 44% сочинений, рецензируемых в «Journal des savants», опубликовано за границей, из

них около трети — в Голландии.⁶ Передовая общественная мысль в Европе того времени, преимущественно протестантская, была занята проблемами государственного устройства. Господствующей теорией была теория естественного права, полагающего основы государственности в разуме и природе человека. Сочинения Гроция, Пуфендорфа и других идеологов естественного права были очень популярны в Европе XVII—начала XVIII в. Влияние этой теории в России уже в петровское время известно: повелением Петра было переведено и дважды напечатано сочинение Пуфендорфа «Введение в историю европейскую», именно такие идеи проводили в своих сочинениях, например, Феофан Прокопович и В. Тредиаковский. Все эти обстоятельства не могли не наложить отпечатка на личность самого Хрущова и характер собираемых им книг. Реформаторский дух протестантской Европы и та жажда деятельности, которую он повсеместно вызывал, чувствуется по всему, что нам известно о Хрущове, в том числе и по тем книгам, которые у него были. Предпринятый им перевод философского романа Фенелона, участие в составлении проекта Вольтерского (который, по словам Хрущова, «будет полезнее книги Телемаковой») — проекта, в конечном счете стремящегося к преобразованиям весьма значительным,⁷ а также состав книг его библиотеки — все это убеждает нас в том, что Хрущов вернулся из-за границы настроенный, как нам представляется, вполне радикально.

Гуманитарная часть собрания Хрущова составляет более половины книг, причем больше всего книг было у него по философии. Этот раздел представлен сочинениями самых крупных и известных мыслителей того времени. Сюда мы относим «Утопию» Томаса Мора («L'Utopie»), «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского («L'éloge de la folie»), «Философские основы гражданина» Гоббса («Éléments philosophiques du citoyen»), сочинения Гассенди и Спинозы, Декарта и Мальбранша и полемика вокруг них, сочинение Локка «О разумности христианской религии» («Que la religion chrétienne est très raisonnable»). Сле-

⁶ Romeau R. L'âge classique. Т. 3. 1680—1720. Paris, 1971, p. 17.

⁷ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Вольтерского. — Дела и дни, кн. 3. Пб., 1922, с. 1—31.

дует отметить, что у Хрущева имелся рукописный перевод на русский язык другой работы Локка — «О правлении гражданском».⁸

Имелось у него и много политических сочинений: «Сказка бочки» Свифта в 2 экземплярах («*Le conte du tonneau*») — сатира, направленная против церкви, памфлет «Стенания поработенной Франции, стремящейся к свободе» («*Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté*»), направленный против папы и иезуитов в пользу веротерпимости, «Панегирическая речь о мире и согласии» Гроция («*Harengue panégyrique de la paix et de la concorde*»), книга Нодэ «Политическое рассуждение о государственных переворотах» («*Les considérations politiques sur les coups d'état*») — трактат о происхождении религии и политического могущества. Сюда же мы относим сочинение А. Коллинса «Речь о свободе думать и рассуждать о важнейших вещах» («*Discours sur la liberté de penser et réfléchir sur les matières les plus importantes*», 2 экз.), а также памфлет Лизола «Защита государства и закона против притязаний Франции на всемирное господство» («*Bouclier d'état et de justice contre le dessein de la France qui aspire à la monarchie universelle*», 2 экз.). Памфлет этот имелся также в собрании Д. М. Голицына. К области философско-политической мысли можно отнести, кроме уже упомянутого «Телемака» (2 экз.), и роман Баркли «Аргенида» («*L'Argénis*», 2 экз.).

Из книг религиозного содержания значительную часть составляли труды по нравственному богословию, воспитанию, религиозной философии: «Опыт нравственного богословия» Жюля («*Essai de théologie morale*»), «Евангельская мораль» («*Morale de l'Évangile*»), «Христианское воспитание детей» («*L'éducation chrétienne des enfants*»), «Воспитание девиц» Фенелона («*L'éducation des filles*»), «Разговоры о религии» («*Entretiens sur la religion*») и т. п.

Сочинения по новейшей истории, которых у Хрущева было множество, также носят политическую окраску. Это несколько работ, посвященных Нидерландской республике, «История вигизма и торизма» («*L'histoire du wighisme et du thorisme*»), «История жизни и смерти двух братьев Корнеля и Яна Виттов» («*L'histoire de la vie et de*

⁸ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 89.

la mort de deux frères Corneille et Jean de Witt»), которые, как известно, были убиты оранжистами, очень популярная в свое время книга бывшего узника Бастилии Ренвиля «Французская инквизиция» («L'inquisition française», 2 экз.).

В книгах по социальной философии, политике и новейшей истории Хрущов должен был искать ответа на вопрос: как жить и действовать в этом мире? Хрущов родился и вырос в петровское царствование, а значит, его личность сформировалась в уже новое для России время. И если близость к людям государственным, с одной стороны, и частые дворцовые перевороты — с другой, давали таким людям какую-то возможность действовать, то характер полученного ими образования сообщал этой деятельности направление. Дворянские проекты 1730 г. и проект Воынского — это два этапа одного пути развития русской государственной мысли.⁹

В библиотеке Хрущова были представлены и классические авторы: Аристотель и Платон, Геродот, Ксенофонт, Плутарх и др., и то, что мы относим к художественной литературе: рассказы Маргариты де Валуа, собрание сочинений Мольера, «Дон Кихот» Сервантеса, и такие книги, как «Игра в пикет» («Jeu de l'ombre du piquet»), «Придворный человек» Грациана («L'homme de cour»), Словарь французских пословиц. Следует упомянуть еще периодические издания, которых у Хрущова было более 100 томов. Это очень распространенный в то время «Journal des savants», который выходил по одному тому в год с 1665 г. и был посвящен в большей своей части гуманитарным предметам, так же как и продолжающееся издание «История Академии наук» в 23 томах («L'histoire de l'Académie des sciences»). 37 томов «Новостей литературного цеха» («Nouvelles de la républiques des lettres»), издававшихся известным мыслителем и критиком того времени П. Бейлем, вводили Хрущова в курс всех тогдашних литературных течений, причем в отличие от официального «Journal des savants» это было заграничное, эмигрантское издание.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в характеристике книжного собрания А. Ф. Хрущова мы отмечали не столько широту и разнообразие тематики (что

⁹ Готье Ю. В. «Проект...» Воынского, с. 31.

в полной мере исполнено в упоминавшейся монографии С. П. Луппова), сколько известное единство. И если по имеющимся у нас данным мы не можем определенно высказаться о мировоззрении Хрущова, то по крайней мере мы можем очертить круг идей, которыми он жил. Возможность эту дает нам описание его библиотеки. Это собрание человека образованного, ищущего, размышлявшего над проблемами современного ему мира, — интеллигента первой половины XVIII в.

Р. Я. Клейман

КНИГИ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА
XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В МОЛДАВИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦНБ АН МССР)

Настоящая работа является первым итогом изучения редких книг гуманитарного цикла Библиотеки Академии наук МССР. История коллекции драматична. Она начала складываться в 1940 г., после освобождения Бессарабии от боярско-румынской оккупации. В фонд научной библиотеки, организованной при Научно-исследовательском институте истории, языка и литературы, стали поступать раритеты из различных источников. Так, очень ценными оказались книжные богатства бывшей духовной семинарии, редчайшие издания по славистике и молдавоведению хранились в личной библиотеке известного ученого и библиографа П. Д. Драганова, значительный интерес представляли национализированные фамильные библиотеки бежавших оккупантов, частные библиотеки с абонементом.

Таким образом, складывался богатейший книжный фонд, в составе которого, как отмечают исследователи, «...особенно выделялась коллекция русских старопечатных книг XVII—XVIII веков». Имелись ценные и редкие издания Эразма Роттердамского, Фирмена Дидо, Альда Мануция и др. Богато была представлена «Россика» — издания о России и ее культуре на иностранных языках.¹

¹ Кидель А. С., Гуцу Л. А. Из истории академической библиотеки Молдавской ССР. Кишинев, 1968, с. 3—4.

Однако работа по выявлению и сбору ценных книжных фондов, по созданию каталогов была прервана Великой Отечественной войной. Эвакуировать еще не систематизированные, рассредоточенные фонды библиотеки не представлялось возможным. В период оккупации книжные богатства были частью расхищены, частью вывезены за рубеж. Как и в предыдущий период оккупации Бессарабии боярской Румынией, захватчики стремились уничтожить следы прогрессивного влияния России на культуру края. Кроме того, значительная часть изданий по истории культуры Молдавии, сосредоточенных в книгохранилище библиотеки «Университатя популарэ» («Народный университет»), погибла при бомбежке весной 1943 г.

Восстановить в первоначальной полноте коллекцию редких книг не удалось. До недавнего времени у Библиотеки не было возможности систематически заниматься исследованием редких книг. Далеко не все раритеты выделены в отдельное книгохранилище: значительная часть их рассредоточена по фондам Библиотеки; многие ценные издания не отражены в справочном аппарате Библиотеки и на данном этапе работы практически недоступны для изучения. Однако уже анализ выявленных раритетов свидетельствует о наличии в нашей библиотеке чрезвычайно интересных гуманитарных изданий. Складывается ряд коллекций, среди которых старопечатные издания кирилловского и гражданского шрифта, книги лучших отечественных издательств и типографий первой половины XIX в., зарубежные издания, издания краеведческого характера («Молдавика»).

Среди старопечатных книг кирилловского шрифта Библиотеки — издания московского Печатного двора, Киево-Печорской лавры, львовской Типографии братства, книги почаевской, супрасльской, черниговской типографий. Владельческие и вкладные надписи на этих книгах говорят о распространении русской книжной культуры XVI—XVIII вв. в Молдавии. Часть старопечатных книг кирилловского шрифта издана на территории Молдавии, Валахии и Румынии.

Среди них — гордость нашей библиотеки: экземпляр первой молдавской печатной книги — «Казания» (Яссы, 1643).² Книга представляет собой сборник евангельских

² B i a n u ș i H o d o ș . Bibliografia românească veche. T. 1. București, 1903, p. 137—143, N 45.

притч и поучений, изданный просветителем и книжником, одним из образованнейших людей своей эпохи митрополитом Варлаамом. Выход в свет этой книги с помощью Москвы, Киева, Львова, откуда были получены все типографские принадлежности, включая бумагу, — важная веха в истории русско-молдавских культурных связей.³

Первая молдавская печатная книга отличается исключительным богатством декоративного элемента. Это поистине одна из красивейших книг кирилловской печати XVII в. Многочисленные гравюры, украшающие книгу, сделаны с досок известного на Руси гравера Ильи, монаха Киево-Печерской лавры; причем, по наблюдению Г. И. Коляды,⁴ семнадцать гравюр «Казаний» были, очевидно, специально заказаны Илье для этого издания, так как эти гравюры не встречаются ни в одном из украинских изданий и не упоминаются в словаре Ровинского.

Как показали исследования,⁵ орнаментика первой молдавской печатной книги сложилась под влиянием традиций славянского книгопечатания. Так, многие заставки и инициалы «Казаний» восходят к украинским книгам, к виленским изданиям Петра Мстиславца, а одна из заставок «Казаний» — мастерски исполненная копия федоровской заставки из московского Апостола 1564 г.

Значительный интерес среди валашско-молдавских книг кирилловской печати представляет также Евангелие (Снегов, 1697),⁶ изданное замечательным типографом и иллюстратором, выходцем из Грузии (Иверии) Антимом Иверяну. Расположение текста в два столбца, умелое сочетание красной и черной краски, гравированный герб на обороте титульного листа, изящные заставки, мастерски исполненные четыре большие ксилографии, изображающие евангелистов Иоанна, Матфея, Луку и Марка, — все в этой книге свидетельствует о высокой издательской культуре Антима Иверяну.

³ Подробнее см.: Вартичан И. К. Варлаам — первый молдавский книгопечатник. — В кн.: Вартичан И., Грекул И., Попович К. Страницы дружбы. Молдавско-русские литературные связи. Кишинев, 1958.

⁴ Коляда Г. И. Из истории книгопечатных связей России, Украины и Молдавии в XVI—XVII вв. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 94.

⁵ Там же, с. 96—97; Tomescu M. Istoria cărții de la începutul pînă la 1918. București, 1968, p. 81—82.

⁶ Bîanu și Nodolău. Bibliografia..., p. 343—344.

В коллекции книг гражданской печати XVIII в. отметим прежде всего издания Академии наук, отличающиеся высоким искусством полиграфического исполнения и широтой научной тематики. В нашем фонде хранятся академические издания по истории, филологии, юриспруденции, философии, различные словари, справочники, переводы трудов зарубежных ученых.

Ряд книг гражданского прифшта нашей коллекции относится к 60—80-м годам XVIII в., когда, как известно, Екатерина II особенно усердно исполняла роль «просвещенного монарха», покровительствуя развитию русской культуры, в том числе и книгопечатания. Особый интерес представляют книги, издание которых связано с именем Н. И. Новикова — наиболее выдающейся фигуры в истории русского книжного дела XVIII в. Среди книг нашей коллекции, вышедших в период «новиковского десятилетия» (1779—1789), — тома второго, дополненного издания знаменитой «Древней российской вивлиофики», «Видимый мир» великого чешского мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского (текст параллельно на латинском, русском, немецком, итальянском и французском языках), латинское издание трудов русского философа и просветителя Д. С. Аничкова.

В фондах ЦНБ хранятся также отечественные издания первой половины XIX в. В нашей библиотеке такие издания относятся к редким, что обусловлено, с одной стороны, важностью литературы указанного периода для истории Молдавии (в связи с присоединением к России в 1812 г.), а с другой — драматизмом последующих событий, во время которых значительная часть русских изданий этой эпохи пострадала. Поэтому каждая сохранившаяся на территории Молдавии русская книга первой и второй четверти XIX в. представляет несомненный научный и исторический интерес как свидетельство распространения русской книжной культуры в Молдавии.

В коллекции ЦНБ АН МССР представлены книги лучших издателей и типографов России первой половины XIX в.: Смирдина, Глазуновых, Плавильщикова, Сленина, Селивановского, Всеволожского, Плюшара, Семена и др. Среди смирдинских изданий нашей коллекции — знаменитые сборники «Сто русских литераторов» (1839—1845), отдельные книжки «Библиотеки для чтения» за 1839 г., третье и четвертое издания «Истории...» Н. М. Карам-

зина, выходявшие в 30-е годы. Из других книг этой эпохи назовем вышедшее у И. П. Глазунова по инициативе В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова второе издание «Собрания образцовых русских сочинений в стихах и прозе» (1821—1824) с портретами авторов, а также выпущенный Н. А. Некрасовым в качестве приложения к «Современнику» «Литературный сборник» (1849), где впервые был опубликован «Сон Обломова» — глава из будущего романа И. А. Гончарова.

Значительный интерес представляет коллекция зарубежных изданий. Среди них — старопечатные книги XVI—XVII вв., а также образцы печатной продукции крупнейших европейских издательских домов: Плантенов, Этьеннов, Дидо. Коллекция богата и разнообразна по содержанию. Так, хорошо представлены сочинения французских материалистов XVIII в., имеются многие прижизненные издания выдающихся представителей философской, исторической, политической мысли, классиков европейской литературы XVII—XVIII вв. Привлекает внимание обширная коллекция сочинений римских и греческих классиков.

Особое место в коллекции раритетов ЦНБ АН МССР занимает литература краеведческого характера — «Молдавика». В ее составе — ряд старопечатных книг кирилловского шрифта (о которых уже шла речь выше), печатная продукция типографии Нямецкого монастыря, основанной в 1800 г. при участии Михаила Стрельбицкого,⁷ а также книги первых кишиневских типографий. Как известно, печатное дело в Кишиневе стало развиваться сравнительно поздно: лишь после присоединения к России, в период общего подъема экономики и культуры в Молдавии, в столице ее появились первые типографии. Первая из них, основанная Г. Банулеску-Бодони, была торжественно открыта 31 мая 1814 г.⁸ В том же году была основана областная типография на правах штатных губернских типографий, в 40-е годы начинает активную деятельность частная литография, а затем типография А. Попова, ко-

⁷ Кирияк В., Мадан И. Книжная деятельность Михаила Стрельбицкого. — Кодры, 1973, № 8, с. 133.

⁸ Лашков Н. В. Юбилейный сборник города Кишинева (1812—1912). Кишинев, 1912, с. 140.

торая, как отмечает исследователь, «была оснащена современной для того времени оборудованной».⁹

Часть «Молдавики» издана за пределами республики. Это такие книги, как, например, «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии...» П. Сумарокова (М., 1800), «Начертания правил валахо-молдавской грамматики» Я. Гинкулова (СПб., 1840). Издание подобного рода книг в Москве и Петербурге свидетельствует об определенном интересе культурной России к истории, быту, языку молдавского народа.

Большой интерес представляют книги «Молдавики», изданные в типографии «Албина» (Яссы), основанной известным молдавским писателем и общественным деятелем Г. Асаки. Среди ясской «Молдавики» нашей коллекции — книги самого разнообразного содержания: прижизненные издания классиков молдавской литературы Г. Асаки, А. Донича, К. Негруцци; труды по истории Молдавии, среди которых наиболее значительным является фундаментальное трехтомное издание древних молдавских летописей (1845—1852), предпринятое выдающимся историографом и литературоведом М. Когэлничану; различные учебники, научно-популярные издания, переводы русских и европейских классиков и т. д.

Следует заметить, что выявленная в настоящее время «Молдавика» ни в коей мере не может претендовать на полноту. Уточнение репертуара книг, изданных в Молдавии или посвященных молдавской тематике, розыск desiderat, многоаспектное изучение молдавской рукописной и печатной книги — задачи предстоящей работы. Важным направлением работы представляется изучение истории читательских интересов, распространения книги и книжности в Молдавии. Ценным источником для подобного исследования являются многочисленные владельческие надписи, штампы, экслибрисы, маргиналии, обнаруженные на раритетах фондов ЦНБ. Необходимо также изучить вопрос о масштабах влияния русской и западноевропейской книги на прогресс молдавской культуры. Иными словами, предстоит большая работа по комплексному изучению книги в Молдавии. В конечном счете такая работа

⁹ Мадан И. Из истории молдавской книги. — В кн.: Книги Советской Молдавии. 1924—1964. Библиография. Ч. 1. Кишинев, 1974, с. 20.

должна способствовать созданию фундаментальной истории отечественной книги. Данные о составе коллекции раритетов ЦНБ МССР представлены ниже (табл. 1, 2).

Т а б л и ц а 1
Распределение книг по отраслям знания

Отрасль знания	Количество книг	%	В том числе			
			отечественные		зарубежные	
			количество	%	количество	%
Богословие	60	14.5	27	6.5	33	8
Философия	24	5.8	3	0.7	21	5.1
История	153	36.5	78	18.5	75	18
Литературоведение	33	7.9	10	2.4	23	5.5
Худож. литература	59	14.1	24	5.7	35	8.4
Языкознание	28	6.8	7	1.7	21	5.1
Искусство	4	0.9	3	0.7	1	0.2
Литература универсального содержания	54	13.5	11	2.6	43	10.4
Всего	415	100	163	39	252	61

Т а б л и ц а 2
Распределение изданий по периодам и языкам, кроме русского

	Фр.	Ит.	Исп.	Рум.	Нем.	Англ.	Болг.	Польск.	Лат.	Греч.	Др.-евр.
XVI в.		1									
XVII в.	2								2		
XVIII в.	84	1		2	9	2			17	1	
XIX в. (до 1850 г.)	70	3	1	7	21		1	2	14	4	3
Всего	156	5	1	9	30	2	1	2	33	5	3

РЕДКИЕ КНИГИ И РУКОПИСИ
ИЗ БИБЛИОТЕКИ Ф. В. КАРЖАВИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАДА)

Федор Васильевич Каржавин (1745—1812) — один из интереснейших представителей разночинной интеллигенции XVIII в. В своей литературной и издательской деятельности Ф. В. Каржавин был связан с выдающимся русским просветителем Н. И. Новиковым, архитектором В. И. Баженовым, поэтом и драматургом А. И. Бухарским, издателем И. К. Шнором, переводчиками А. В. и Е. В. Рознатовскими. Незаурядный писатель и ученый, Каржавин был страстным коллекционером и знатоком книги; на протяжении многих лет он изучал книгохранилища в России и за рубежом, собирал книги и рукописи, рисунки, бумаги своих друзей.¹

В годы учебы в Париже (1753—1765) Каржавин глубоко заинтересовался идеями энциклопедистов, на которые впоследствии неоднократно ссылался в своих сочинениях. Дружба и сотрудничество его дяди, переводчика Ерофея Никитича Каржавина, с знаменитыми учеными Франции² давали возможность юноше познакомиться с ценными библиотеками астронома Делиля, первого королевского географа Бюаша, знаменитого картографа Барбо де Брюера; они же пользовались книгами Каржавиных, присланными из России. Сильно нуждаясь, Федор Каржавин находил все же возможность покупать первые книги для своей библиотеки, которая в дальнейшем стала одной из лучших в России. «Чтение — моя страсть», — писал он в 1761 г. в Россию, рассказывая отцу о приобретенных книжных новинках.³ Русские книги 20-летнего

¹ Березин-Ширяев Я. Ф. Из воспоминаний библиофила. — Библиограф, 1887, № 1, 3; Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов. СПб., 1895, с. 317; Долгова С. Р. Судьба библиотеки Ф. Каржавина. — В кн.: Альманах библиофила. М., 1975, вып. 2, с. 166—168; Мартынов И. Ф. Ф. В. Каржавин — читатель журнала «Зеркало света». — Распространение печати, 1975, № 8, с. 39—42.

² Русская старина, 1875, т. XII, февраль, с. 272—295.

³ ГПБ, ф. 370 (Коплан Б. И. и Коплан-Шахматова С. А.), д. 5, л. 44.

Каржавина были оставлены в Париже у его учителя, профессора греческого языка Вовилье, изучавшего русский язык; Федор привез с собой в Россию «много французских и латинских книг»,⁴ рукописи своих учителей и соотечественников: сочинения профессора Вовилье, иеромонаха русской церкви при Парижской миссии Кириллы Флоринского, астронома Гранта.⁵

По возвращении на родину (1765) к коллекции иностранных книг Каржавин присоединяет русские издания почти по всем отраслям знания. Сохранились ранние владельческие записи тех лет: «Сия книга Федора Каржавина в Лавре»;⁶ «редкая, куплена сия рукопись в 1771-м году в Москве, на Красной площади, у носящего разныя книжки; дана 15 Roub». ⁷ Центр книжной торговли в Москве был сосредоточен в Кремле и на территории, к нему прилегающей, что давало возможность Каржавину, служившему в Экспедиции кремлевских строений (декабрь 1769—1773), постоянно пополнять свою библиотеку книжной продукцией. По поручению архитектора В. И. Баженова он подбирал книги для архитектурской команды и обследовал книжные коллекции Патриаршей библиотеки.⁸

Книги сопровождали Каржавина в годы странствий: в Америку, в 1776 г., он привез «великое множество картин, книг и редкостей». В конце жизни книги были его единственным достоянием.⁹

⁴ Например, антикварная книга: Курций Квинт. История Александра Македонского. Париж, 1530. По данным «Каталога редких книг» (Дрезден—Лондон, 1861), это издание в XIX в. отсутствовало в Парижской национальной библиотеке. Сейчас в ЦГАДА (ОРИ, № 2652). На титульном листе запись Каржавина: «Очень редкая книга». Другие его пометы относятся к работе над текстом.

⁵ Сейчас эти рукописи, собранные Каржавиным в один сборник, принадлежат профессору А. И. Маркушевичу.

⁶ На книге М. В. Ломоносова «Краткий российский летописец» (СПб., 1760). Запись Каржавина относится ко времени его преподавания в Троице-Сергиевой лавре (1765—1769). Хранится в БАН (ОРК, № 671д).

⁷ ГБЛ, ф. 96 (Собрание Н. П. Дурова), № 37. Запись Каржавина на обороте верхней крышки переплета книги под названием «Краткая книжица политических и гражданских обходительных поступков по правилам Мазариновым...» (М., 1709).

⁸ ЦГИА СССР, ф. 789 (Академия художеств), оп. 1, ч. 1, д. 397, л. 53.

⁹ ЛОИИ, ф. 238 (колл. Лихачева), оп. 2, карт. 146, д. 24, л. 5.

Время не пощадило библиотеку Каржавина. Сейчас книги и рукописи из его коллекции находятся в нескольких книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Большой интерес для исследователей представляют обнаруженные недавно в ЦГАДА новые материалы из его библиотеки. По ценности их можно сравнить с «Альбомом» Ф. В. Каржавина (хранится в ГБЛ), описанным членом-корреспондентом АН СССР А. А. Сидоровым. Этот сборник был составлен Ф. Каржавиным в конце 80-х годов, после возвращения из Америки.¹⁰ Под одним старинным переплетом собраны книги, рукописи, рисунки Каржавина, его друзей и современников. Печатные материалы в сборнике представлены сочинениями русских писателей второй половины XVIII в. и свидетельствуют о широте и разнообразии научных и общественных взглядов владельца: «Ода на заключение мира с готвами» Н. Ф. Эмина (СПб., 1790); «Надпись к монументу Великого и Первого Петра...» Д. Гамалея (СПб., 1782); «Письмо к народу» А. Л. Тома (СПб., 1770), где на полях, против предисловия переводчика С. В. Нарышкина, Каржавин отметил: «очень дурно»; «Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитриевска для путешествия Е. И. В. по оной реке» И. И. Стафенгагена (СПб., 1767); «Послание его величеству королю Швеции и опровержение реляции в Гамбургской газете о морской битве 13 августа по старому стилю 1789 г. между галерным флотом его величества шведского короля и русским флотом...» принца К. Г. Нассау-Зигена (СПб., 1789, на франц. яз.) с многочисленными возражениями Каржавина против текста публикуемого в «Гамбургской газете» (по распоряжению Густава III) отчета о сражении. Восхищаясь мужеством русских воинов, Каржавин, в частности, пишет: «Надо, чтобы подобные отчеты были верны, или не надо их делать; король не должен обманывать своих подданных, и, если он был обманут сам, он должен наказывать тех, кто ввел его в заблуждение. Он это должен, т. к. мягкость государя в этом отношении пагубна для его подданных, это зараза в государстве». Это назидание могло относиться не только к шведскому королю, но и к русской

¹⁰ На некоторых книгах имеется заведенный Каржавиным по возвращении из-за границы красный или черный штампель — экслибрис.

императрице; о придворных интригах Каржавину было хорошо известно.

Заключают сборник следующие издания: «Российское посольство в Константинополе, 1776 года, с гравированными фигурами» (СПб., 1777) Я. И. Булгакова; «Наилучший способ плавить и выковывать железо» (СПб., 1784) И. Ф. Германа (к книге приложен рисованный план железоделательного завода, скопированный сослуживцем Ф. Каржавина по Адмиралтейской коллегии Григорием Соколовым);¹¹ «Реестры греческим рукописям, хранящимся в Синодальной книжной палате Московского Кремля и библиотеке святейшего Синода» (СПб., 1780) Х. Ф. Маттеи с записями и пометками Каржавина, свидетельствующими о его знакомстве с составом этих библиотек. Значительное место в сборнике занимают сочинения поэта и драматурга А. И. Бухарского, сотрудничавшего в 90-е годы в журналах И. А. Крылова, П. А. Плавильщикова и А. И. Клушина. Сборник открывается стихотворением А. И. Бухарского «Письмо к жене от мужа, идущего на приступ Очакова» (СПб., 1790). Прозаический перевод «Письма» на французский язык сделан Ф. В. Каржавиным, им же написано обращение «К читателю» (помещено в конце стихотворения). Обращение интересно тем, что в нем дается высокая оценка творчеству почти забытого сейчас писателя и раскрывается история создания стихотворения.¹²

Высоко оценивая перевод друга («все слабое мое потеряно тобою»), А. Бухарский обратился к Каржавину с дружеским посланием «Стихи Федору Васильевичу господину Каржавину» (1790). Кроме этого стихотворения, Каржавин поместил два других отличающихся своей гражданственностью произведения А. А. Бухарского: «Оду на заключение мира со Швецией» (СПб., 1790) и «Оду на взятие Бендер ноября 4 дня 1789 г.» (СПб., 1789) с пояснением [Каржавина], что это ода «стихотворца, который переложил на стихи письмо к жене от мужа и проч.». Как известно, события русско-турецкой войны 1787—1791 гг. отразились не только в патристических стихотворениях, но и послужили поводом придвор-

¹¹ ЦГАВМФ СССР, ф. 212, оп. 9, д. 126, л. 3.

¹² Стихотворение А. И. Бухарского представляет собой обработку реального письма майора артиллерии К. И. Меллера, погибшего от рац, полученных им при штурме Очакова.

ным поэтам для новых преувеличенных восхвалений Екатерины II и Потемкина. Некоторые из этих сочинений попали в сборник Каржавина и вызвали его критическое отношение не только к авторам, но и к правительственным кругам России. Это отразилось в его не предназначенных для цензуры записях и комментариях на страницах печатных изданий. Сочинение неизвестного автора «Ода на войну настоящую и на взятие Очакова его светлостью князем Потемкиным» (СПб., 1789) издано на французском языке, как пояснил Каржавин, «типографщиком Тома».¹³ «Главный тиран России» — вывел Каржавин крупными французскими буквами на титульном листе книги (л. 11),¹⁴ тем самым выразив отношение передовых людей России к первому фавориту Григорию Потемкину (рис. 1).

11 октября 1774 г. на высочайшее имя был подан доклад «О перенесении на другое место Зимовейской станции и сожжении дома, где родился Емельян Пугачев».¹⁵ Автором доклада был Григорий Потемкин. В том же году по инициативе Потемкина была ликвидирована Сечь Запорожская и ее войско как возможный очаг новых массовых выступлений. «Князь, — пишет неизвестный нам автор рукописи «О Потемкине», — получал от императрицы чрезвычайные суммы, коих даже и назначить невозможно, и особливо тайные подарки...».¹⁶ Что это были за подарки, известно по сохранившимся документам в бумагах Кабинета Екатерины II: «реестры» подаренных князю вотчин и крепостных, доходы с имений, многочисленные «счета, поставленные во дворец Е. И. В.».¹⁷ Как и другим современникам, все эти злоупотребления были хорошо известны Каржавину и вызвали его непримиримое отношение, которое прослеживается и в других записях на этом же издании. Приведем некоторые из них.

¹³ Это редкое издание отсутствует в других крупных книгохранилищах Москвы и Ленинграда и, видимо, попало к Каржавину благодаря его тесным связям с типографщиком Горного училища Тома. См. статью И. М. Полонской «Издательская деятельность Ф. В. Каржавина» (в кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 160—184).

¹⁴ При публикации ссылка дается на листы, пронумерованные в сборнике Ф. Каржавиним.

¹⁵ ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 518, л. 1.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 345 (И. А. Селивановского), д. 38, л. 14 об.

¹⁷ ЦГАДА, Госархив, р. XI, д. 950, ч. 1.

7448

11

O D E

SUR LA GUERRE PRÉSENTE

ET

SUR LA PRISE

D'OTSCHAKOFF, *d'Otscharov,*

A

SON ALTESSE SERÉNISSIME

MONSEIGNEUR

LE PRINCE POTÉMKINE,

Chef-Tiran en Russie.

imprimée par Thomas.

A SAINT-PETERSBOURG,

De l'Imprimerie de l'Ecole Impériale des Mines,

M. DCC. LXXXIX.

Рис. 1. Титульный лист книги «Ода на войну и на взятие Очакова».

ЦГАДА, Библиотека.

Л. 12. Автор: «И откуда является эта лира, что волнуется и трепещет под моими пальцами...». — Каржавин: «Она трепещет от ужаса».¹⁸ **Л. 13.** А.: «Пламенный взор [Потемкина] угрожает одновременно северу и югу». К.: «О, да». А.: «Дети России, защитите отечество; Эвскин, разбей свои цепи, будь свободен...». К.: «Так ли это?». **Л. 13 об.** А.: «Сыны победы, русские, вспомните свои прежние подвиги, схватить весла, поднять вымпел; слышите, Вы, его голос?». К.: «Что же он не помогает?». А.: «Потемкин метнул молнию, превратившую суда в прах». К.: «Русский солдат, а совсем не он». **Л. 14 об.** А.: «Вернись, князь-победитель, Нева тебя просит». К.: «Это довольно сильно». А.: «Империя, которая тебя любит и тобою восхищается». К.: «Верно ли это?». **Л. 15.** А.: «И вы, кто сопровождал его на его колеснице победы, сотоварищи его славы, примите дань наших торжественных песнопений, чтобы увенчать ваши головы нами приготовленными гирляндами, в песнях будут греметь ваши бессмертные имена». К.: «В добрый час, они это заслужили». **Л. 15 об.** А.: «Божественная смелость [Петра II] воспламеняет Екатерину...». К.: «Всю трепещущую».

Подобные же записи против Потемкина имеются на сочинении М. М. Хераскова «Ода на взятие города Очакова» (М., 1788). **Л. 17 об.** А.: «Но гром в Потемкина руках! Разит...». К.: «Лесть». **Л. 19.** А.: «Потемкин, ты Екатерине вручаешь новы лавры ныне. Гряди в Петрополь по цветам...». К.: «Надолго ли?». А.: «Почтен отныне временами между героев именами, Потемкин, будешь ты сиять». К.: «Неправда».

Еще более смелые высказывания на книге Н. Е. Струйского «Апология к потомству ... или начертание о свойстве права А. П. Сумарокова» (СПб., 1788), подаренной Каржавину (как свидетельствует его запись 25 июня 1789 г.) автором гравюры на титульном листе этого издания, его другом, известным гравером И. Набгольцем (рис. 2). Каржавин выступает против сложившегося мнения о покровительстве Екатерины II наукам и просвещению. **Л. 65.** А.: «Пришли науки: водворились и обитают». К.: «Ужаснулись и ушли». А.: «...просвещенною Екатериною, мужественною, и благодеяниями к нам преисполненною...». К.: «Какими?». А.: «Десни-

¹⁸ Далее принято сокращение: А — автор, К — Каржавин.

7453

49

АПОЛОГІЯ

къ

ПОТОМСТВУ

ошъ

Николая Струйскаго:

или

НАЧЕРТАНІЕ

о свойствѣ нрава

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА
СУМАРОВОА

и о нравоучительныхъ его поученіяхъ,

писана 1784 года,

*Подпись Иванъ
28. Іюня*

*въ Рузавкѣ.
это принадлежала
Струискому.*

*Иванову Н. Небольсу
1789. года.*

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія у Шнора,
1788 года.

10

Рис. 2. Титульный лист «Апологии к потомству». Страница с автографом Каржавина. ЦГАДА, Библиотека.

цею ея, здесь науки покрываются...». К.: «Затмеваются». Л. 65 об. А.: «Здесь приняты все науки и художества». К.: «Неправда».

В сборнике обнаружен неизвестный исследователям «План верхних катакомб святого Антония в Киевской лавре и катакомб святого Феодосия в Киевском Кремле, представленный титулярному советнику Завалишину в 1769 году. Гравировал и сочинял И. Набгольц. 1789 г.; перевел Ф. Каржавин».¹⁹ Таким образом, стала известна первая совместная работа Ф. Каржавина и И. Набгольца, что служит подтверждением их творческого содружества в 80-е годы.

Одно из поэтических посланий в сборнике А. П. Сумарокова обращено к первой трагической актрисе русского театра Татьяне Михайловне Троепольской: «От автора трагедии Синава и Трувора Татьяне Михайловне, актрисе российского имп. театра на представление Ильмены ноября 16 дня 1766 года» (СПб., 1766). На обороте этого стихотворения Каржавин написал свое посвящение: «Татьяне Михайловне Троепольской. Она была в свое время колокольчиком русского театра. Ниже помещенные стихи обращены к ней господином генералом Сумароковым, нашим Вольтером; он говорит, что в лице Дмитриевского Барон²⁰ явился на берега Невы и для Троепольской. Он убедил ее создать себе имя, подобно знаменитой Лекуврер». Поклонник творчества А. П. Сумарокова, Каржавин, как видим, дает ему самую высокую оценку, сравнивая его с кумиром русских вольнодумцев того времени — Вольтером.

В сборнике помещено издание Каржавина в Париже, до сих пор неизвестное исследователям его творчества. Оно посвящено куратору Московского университета И. И. Шувалову, который не раз оказывал Каржавину покровительство на чужбине.²¹ Каржавин опубликовал стихи члена Королевской академии изящной словесности Ги де Марселя, открытые им «в библиотеке господина Барбо и представленные его сиятельству Шувалову

¹⁹ Издание чрезвычайно редкое; данные о нем отсутствуют в списке работ И. Х. Набгольца, приведенных Д. А. Ровинским в «Подробном словаре русских граверов XVI—XIX вв.» (СПб., 1895, с. 461—464).

²⁰ Известный актер, ученик Мольера.

²¹ ЛОИИ, ф. 238 (колл. Лихачева), оп. 2, карт. 146, д. 17.

Вотъ та Митрополита Габриѣла да имамъ Павле! ^и
да устроимъ царство и до сега; и въ
всѣхъ алакасахъ, таида си држеватомъ
мистички хетя сѣмъ таи и на Свѣтѣхъ,
въ само то да дѣлѣ и да правѣ въ и си онѣ, а кто
устроитъ.

Въ Мѣлѣ Павле! ахти Павле!
кто тебѣ удрѣе?

О. Кири. П. Микой Паренѣ
фондъ г-и. Пакенѣ.

Рис. 3. Эпиграмма Каржавина (автограф).
ЦГАДА, Библиотека.

в 1776 г. в Париже». Из комментариев Каржавина к стихотворению Ги де Марселя видно, что и в 70-е годы он сохранил возникшие еще в годы его учебы тесные контакты с французскими учеными. Знаменательно, что в этом сборнике Каржавин хранил революционную «Марсельезу», впервые попавшую в Россию, видимо, через одного из его корреспондентов.²² Он же выписал из «Гамбургской газеты» (1794 г., № 100) стихотворение «Гимн божеству» и не побоялся поместить после ареста А. Н. Радищева и Н. И. Новикова в сборник следующие строки из гимна:

«Ненавистью к королям воодушеви отечество,
Отгони тщеславные желания, несправедливую надменность
чинов,
Развращающую роскошь, низкую лесть,
Боле пагубную, чем тираны.
Развей наши заблуждения, сделай нас добрыми, сделай
нас справедливыми.
Царствуй, царствуй над всей беспредельностью
Освободи от цепей природу твоим величественным
постановлением.
Оставь человеку свободу».

К этому циклу вольнолюбивых стихотворений примыкают эпиграммы, составленные, видимо, самим Каржавиным. Первая высмеивает противников Французской революции и начинается словами: «Один добрый галл, вне себя от возмущения, оплакивал своей страны разрушения...» (автограф Каржавина, на франц. яз.). Другая эпиграмма имеет не только политическое, но и антирелигиозное звучание. Приводим ее полностью: «Встреча митрополита Гавриила с имп. Павлом I в пространстве царствия небесного, где всяк является (так сказывают мистики, хотя сами там и не бывали) в самом том виде и образе, в каком кто умирает. Вопрос митрополита Гавриила: «Павле, ахти Павле! Кто тебе удавле? Ответ императора: Милой парень, фон дер Пален» (рис. 3). Поэтическое творчество Ф. Каржавина представлено в сборнике также двумя стихотворениями, по-

²² Долгова С. Р. Первая Марсельеза в России. — В кн.: Традиции русской музыкальной культуры XVIII в. М., 1975, с. 181—187 (Гр. Ин-та им. Гнесиных).

священными его другу и соратнику, замечательному русскому архитектору В. И. Баженову.²³

Заканчивая обзор, необходимо отметить, что сборник Каржавина является ценным памятником русской культуры XVIII в. Большинство изданий и рукописей, помещенных в сборнике, уникальны и могут являться предметом специального исследования литературоведов, историков, искусствоведов, археологов и философов. Материалы сборника свидетельствуют не только о широте интересов владельца к научной и общественной жизни России, но и о его передовых, свободололюбивых воззрениях.

Л. И. Киселева

ИЛЛЮМИНОВАННЫЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ Ф. А. ТОЛСТОГО (БАН СССР)

Собирание памятников как русской, так и европейской письменности в России началось еще в XVII в. В следующем столетии, а особенно в XIX в. были созданы крупнейшие коллекции. Одной из таких замечательных коллекций было собрание графа Ф. А. Толстого (1758—1849), куда входили русские и иностранные книги и рукописи. «Коллекционерство было для него, — пишет академик М. П. Алексеев, — всепоглощающей страстью, стихией, захватившей его целиком. Все свое состояние, умноженное богатым приданым, он истратил на свою «Библиотеку русской старины», которая уцелела при пожаре Москвы и затем пополнялась непрерывно до конца его жизни».¹ Кроме русских рукописей и книг, Ф. А. Толстой собирал также иностранные рукописные и печатные книги. Если собрание русских редкостей этой библиотеки было известно уже с 20-х годов XIX в. благодаря каталогам, составленным К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строе-

²³ Долгова С. Р. Каржавин и Баженов. — Русская литература, 1976, № 1, с. 110—113.

¹ Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний. — В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. из ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, с. 79.

вым и др.,² то об иностранной части библиотеки известия более скудные.

После смерти Ф. А. Толстого его зять А. А. Закревский предложил Академии наук купить богатое собрание иностранных книг и рукописей. Непременный секретарь П. Н. Фус обратился к академикам Н. Г. Устрялову и Я. И. Бередникову и адъюнкту А. А. Кунику с просьбой оценить по каталогам библиотеку Ф. А. Толстого. Они признали ее очень ценной, особенно в иностранной части. П. Н. Фус в 1849 г. писал: «Никто более Академии желать не может, чтобы сие драгоценное собрание было сохранено в целости и сделано доступным любознательности ученых. К сожалению, недостаточность денежных фондов Академии не дозволяет ей и помышлений о покупке сей библиотеки для себя, ходатайствовать же о помощи со стороны правительства ныне, как известно вашему сиятельству, не предстоит никакой возможности».³ Академия наук не смогла тогда приобрести эту коллекцию, ее купил московский купец Семен Петрович Алексеев и в 1854 г. подарил Академии наук в знак «уважения к пользе, приносимой Академией образованию моих соотечественников».⁴

Иностранные рукописи коллекции Ф. А. Толстого были до настоящего времени мало изучены, так как оставались почти неизвестными. Коллекция создавалась в течение долгого времени. Некоторые рукописи были приобретены во время поездок его за границу. Так, в 1824—1825 гг. во Фландрии он купил несколько рукописей фламандского происхождения.⁵ В 1825 г. его коллекция пополнилась рукописями из распроданной в Одессе библиотеки графа А. К. Разумовского (1748—1822) — крупнейшего русского коллекционера.

Рукописи коллекции Ф. А. Толстого разнообразны по содержанию. Предметом нашего внимания будут иллюминированные средневековые рукописи XI—XVI вв., т. е. ру-

² См.: Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого, с палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825.

³ ЛОААН, ф. 158, оп. 5, л. 3.

⁴ Там же, л. 15.

⁵ Neumanns J. G. Het psalter van Leningrad. Leiden. 1973, p. IX.

кописи, украшенные цветными рубриками, бордюрами, инициалами, миниатюрами. Их в собрании 61.

Поскольку Ф. А. Толстой не ставил своей задачей целенаправленное соби́рание рукописей с миниатюрами, в его коллекции имеются разнообразные по стилю и значимости иллюминированные рукописи. Назовем такие, как трактат XV в. об архитектуре Антонио Аверлино с изящными акварельными рисунками, разбросанными на полях рукописи,⁶ «История от основания города, Рима» Тита Ливия — рукопись XV в. с прекрасной миниатюрой на первом листе, два сборника формул с правилами для бенедиктинских монахов, иллюстрированные небольшими миниатюрами, миссалы с огромными инициалами.

Рассмотрим рукописи, которые можно объединить по содержанию и происхождению, а следовательно, провести их аналитическое сравнение.

Большое распространение в средние века имела Псалтирь. Она входила составной частью в Библию и переписывалась отдельно, использовалась в молитвенниках и во всех богослужебных книгах. В составе коллекции Ф. А. Толстого 10 прекрасных Псалтирей, самая ранняя из которых — итальянского происхождения — относится к началу XII в. (Ф. № 164)⁷ с изящными орнаментальными инициалами и 3 миниатюрами, выполненными мастером средней руки. Особый интерес представляют три Псалтири XIII в.: одна происходит из Брабанта (О. № 97), с 4 миниатюрами; вторая, ведущая свое происхождение из Сен-Галена, — с 16 миниатюрами, помещенными на отдельных листах, и 10 миниатюрами в инициалах (О. № 106). На них изображены святые. В живописном отношении они сохраняют византийские традиции. Псалтирь Q. № 188, французского происхождения, являет собой классический пример декоративного убранства подобных рукописей XIII в. В ней бордюры плоскостного и абстрактного рисунка завершаются стилизованным растительным орнаментом и объемными мелкими фигурками

⁶ Гук ов с к и й М. А. Неизвестная рукопись трактата об архитектуре Антонио Аверлино Филарете. — В кн.: Из истории русского и западноевропейского искусства (материалы и исследования). М., 1960, с. 243—252.

⁷ К и с е л е в а Л. И. Ранняя итальянская рукопись в Библиотеке АН СССР. — В кн.: Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976, с. 27—33.

жонглеров и зверей. Горизонтальные и вертикальные стволы бордюров используются для размещения орнаментальных фигурок: жонглеров, играющих на трубе, воинов, женщин в колпаках, обезьянок, играющих на скрипках; пустые пространства в строках заполнены цветными лентами с изображением динамичных фигурок рыб, грифонов, зайцев, петухов, человечков. 167 инициалов средней величины на золотом и цветном фоне с изображением зверей, рыбок и человеческих фигур. 6 крупных инициалов с миниатюрами свидетельствуют о высоком профессиональном уровне художника. Анализ миниатюр и сравнение их с воспроизведениями миниатюр уже изученных рукописей других хранилищ позволило считать, что эта Псалтирь (Q. № 188) была создана в парижской мастерской.

К XIII в. относятся две французские Библии большого формата, в одной из которых (Q. № 21) имеются цветные инициалы на золотом фоне в черной рамке с животным орнаментом из драконов и ящеров и «жестким» бордюром с изображением грифонов, обезьян и чертей, два инициала: один с изображением Иеронима, другой — с клеймами ветхозаветных сцен дней творения.

Вторая Библия (F. № 148) снабжена многочисленными инициалами с миниатюрами, включающими традиционные сюжеты, иллюстрирующие текст. Обычно иллюстрировались не главные события рассказа Библии, а первые строки текста. Однако набор и число иллюстраций были неодинаковы. В нашей рукописи встречаются миниатюры: св. Иероним, семь дней творения, Саул, цари Эдема, Юдифь и Олоферн, ветхозаветные пророки, евангелисты, апостолы. В живописном отношении они демонстрируют все особенности французской раннеготической иллюстрации. Композиции миниатюр просты, изображения графичны: прочерчены четким черным контуром; колорит строгий и изысканный, в нем преобладают оттенки красного цвета (особенно выделяется огненно-оранжевый) и серо-синяя гамма. Рисунок в миниатюрах довольно тонкий. Вытянутые фигурки напоминают скульптуры, украшающие порталы готических соборов, лица персонажей, как правило, изображены в трехчетвертном повороте и имеют сходные черты: высокий лоб, вьющиеся волосы, приподнятые брови; однако художник связывает персонажи взглядом, что создает впечатление общения; объем воспроизводится моделировкой драпировок. Иногда художник вводит мел-

кие бытовые детали. Например, Елимелех, идущий с женой из Вифлеема, несет на плече на посохе узелок. Библейские баталии изображаются в виде рыцарских турниров. В целом миниатюры этой Библии свидетельствуют о разнообразии сюжетов и композиций. В них проявился вкус художника к повествованию и живописности. Рукопись обнаруживает стилистическое сходство с рукописью Национальной библиотеки в Париже «Евангелие Сент-Шапель» (Lat. 17326).⁸

В коллекции Ф. А. Толстого девять breviариев — книг молитв и служб для чтения монахам и священникам. Восемь из них итальянского происхождения, один — фламандского. Особо следует выделить три breviария XV в. (О. № 98, О. № 110, О. № 111) небольшого размера с цветными инициалами, пышными бордюрами и тонкими изящными миниатюрами. Основываясь на их сходстве в оформлении, можно полагать, что они происходят из одного скриптория (вероятно, из Падуи).

В breviариях не было определенных канонов для иллюстрации текстов. Обычно иллюстрировали Псалтирь, входившую в Breviарий составной частью, включали изображения Девы Марии и святых. Влияние ренессанса сказывалось не только в характере живописи, но и в изменении орнаментальных украшений. Геометрические линии сменились ярким растительным орнаментом из листьев, помещенных в вазы, в него вплетаются изображения птиц, путти, медальоны с портретами. Цветные фоны инициалов сменились пейзажными с многоплановой перспективой. В изображении человеческих фигур менялись пропорции (исчезла готическая удлиненность), лица наделялись индивидуальными чертами, пейзаж стал многоплановым, и все более четко разрабатывалась перспектива. Примером тому может служить очень тонко исполненная миниатюра с изображением св. Бенедикта в Breviарии О. № 98. Индивидуальными чертами обладают лица четырех монахов, помещенные в бордюре первого листа Breviария О. № 110.

Наибольший интерес для изучения книжной иллюстрации и живописи из числа книг коллекции Ф. А. Толстого представляют 11 часовников: 8 фламандского происхождения, 3 — французского. Появились часовники в XII в.,

⁸ Porcher J. L'enluminure française. Paris, 1969, p. 46.

придя на смену псалтирям, но мода на них распространилась в XIII в. и продолжалась до XVI в. включительно. Часовники в большинстве случаев изготовлялись на заказ, а с конца XIV в., можно сказать, было налажено их серийное производство в ремесленных мастерских. В состав Часовника входили календарь, службы Деве Марии, покаянные псалмы, литании, молитвы святым, похоронные службы; Псалтирь составляла важную часть Часовника, так как многие псалмы включались в составные его части. Текст Часовника подбирался для мирян и не зависел от литургического цикла, не был связан с последовательностью церковных праздников, как в Бревиарии. Как правило, часовники хорошо иллюстрировались. Сходные по содержанию и предназначенные для одинаковых целей, они сходны и по составу миниатюр, различаясь между собой в стиле в зависимости от времени и места их происхождения. Однако трудно найти хотя бы два идентичных часовника. Каждая составная часть Часовника снабжалась миниатюрой во весь лист, обрамленной пышным бордюром. Молитва святому предварялась его изображением.

Сюжеты, используемые для иллюстрации часовников, можно разделить на три типа: ветхозаветные, новозаветные и изображения святых. Из ветхозаветных сюжетов использовались главным образом сюжеты, иллюстрирующие Псалтирь, изображения святых зависели от состава молитв. Для покаянных псалмов на миниатюре обычно изображали воскрешение мертвых, воскрешение Лазаря или Иова перед могилой. Наиболее полный и разнообразный цикл миниатюр связан с новозаветными сюжетами, которых в ряде часовников насчитывается до 70.

В коллекции Ф. А. Толстого имеются 4 часовника: Q. № 185, Q. № 219, O. № 104, F. № 244, в которых до 35 новозаветных сюжетов. Основные из них: благовещение, встреча Марии с Елизаветой, рождество, благовествование пастухам, поклонение волхвов, сретенье, бегство в Египет, избиение младенцев, страшный суд, воскрешение мертвых, воскрешение Лазаря, лобзание Иуды, распятие, снятие с креста, положение во гроб, вознесение, сошествие святого духа на апостолов, троица. Расположение иллюстраций в этих рукописях неодинаково. В других часовниках собрания Ф. А. Толстого включена половина или треть от общего числа, а в некоторых — две-три миниатюры.

Если сравнить одинаковые сюжеты в часовниках разного времени, то можно заметить, что иконография постепенно менялась в соответствии с изменением отношения христианского сознания к тексту Евангелия; следовательно, иконография была подчинена законам исторического развития. Унаследованные от раннего периода христианства темы обрастали всевозможными преданиями, которые воспринимали художники, внося изменения в иконографию, создавая новые композиции.

У европейских миниатюристов в период XIV—XV вв. обнаруживается совершенно своеобразное отношение к своим задачам. В трактовке евангельских сюжетов они низводят явления в сферу обычной действительности. Изображая действующих лиц, они стараются представить их в естественной обстановке, вводят детали, не связанные с евангельским сюжетом, часто совмещают его с апокрифическими. Например, сцена благовещения встречается в древней форме (дева Мария изображается с лилией и книгой) и в более поздней, взятой из апокрифа (Мария перед аналоем, на котором лежит раскрытая книга). Иногда в миниатюру привносится элемент богословского толкования.

С точки зрения художественного выполнения орнамента и миниатюр коллекция часовников очень интересна. В ней встречаются экземпляры ремесленного производства, сделанные небрежно, наспех, рукой неумелого художника (О. № 100, Q. № 323, О. № 90), фигуры статичны, необъемны, свето-теневая моделировка едва намечена. В других экземплярах ярко выступает различие двух или более мастеров: орнаменталистов, сделавших бордюр и инициалы, и художника, написавшего миниатюры. Так, в Часовнике фландрского происхождения (Q. № 152) бордюр выполнен орнаменталистом французской школы, а миниатюры — в ином, скорее фламандском стиле.

В коллекции имеются также часовники и высокого художественного достоинства. Остановимся на трех: Q. № 219, F. № 244, О. № 104. Часовник Q. № 219 датируется первой половиной XV в. В нем 23 миниатюры в лист, окруженные пышным бордюром из цветов сине-оранжевого, зелено-розового чертополоха и золотых листьев винограда с цветными инициалами из цветных листьев винограда в золотой рамке. Миниатюры выполнены хотя и не первоклассным мастером, но все-таки неплохим художни-

ком. Сюжеты традиционны, композиции просты, изображения фигур довольно статичны, недостаточно разработана перспектива. Однако поражает умение художника передать фактуру материалов, объем с помощью свето-теневой моделировки. Четкость рисунка (как миниатюр, так и бордюра), редкостная сочность красок делают книгу очень нарядной. Мастер, создавший ее, относится к французской школе.

Второй Часовник (F. № 244) можно датировать концом XV—началом XVI в. В нем 12 средней величины миниатюр, сопровождающих календарь (плохо сохранившиеся), 9 малых и 32 миниатюры в лист, 5 вариантов бордюров из плодов, цветов, листьев, золотых веревок, ветвей деревьев. Многие бордюры повторяются на обороте листа в зеркальном отражении. Миниатюры, по-видимому, выполнены несколькими художниками. В одних чувствуется экспрессия, выразительность, переданы чувства страдания, злости, восторга на лицах с индивидуальными ярко выраженными фламандскими чертами, в других — статичность, скованность. В качестве фонов широко используется пейзаж с уходящими далями, замками. В рукописи имеется две миниатюры «Распятие» с разным композиционным решением. На примере этой рукописи видно, что книжная миниатюрная живопись сделала свой следующий шаг в направлении к станковой живописи. Если рассматривать эти миниатюры в увеличенном виде, то невозможно принять их за книжные миниатюры. Мастеров, украшавших эту рукопись, можно отнести и к франко-фламандской школе. Вообще в книжной живописи XV в. Франции и Фландрии трудно провести границу. Художники работали в такой тесной взаимосвязи, так сильны были их влияния друг на друга, что трудно определить, к какой школе живописи относится тот или иной художник, особенно если он работал на территории Бургундского государства, включавшего тогда часть территории Франции, Брабант, часть Голландии, Зеландию, Люксембург.

К французским рукописям относится Часовник O. № 104, вероятно самая замечательная в художественном отношении рукопись Библиотеки АН. Анализ миниатюр приводит к выводу, что Часовник был создан, вероятно, в мастерской Жана Фуке — знаменитого художника XV в. В 1460—1470 гг. из его мастерской вышли многочисленные часовники.

Произведения Фуке были высоко оценены еще при его жизни. Когда в 1443—1447 гг. он был в Риме, папа Евгений IV заказал ему свой портрет. Фуке оставил много учеников и последователей, и теперь очень трудно установить, что он создал сам, что приготовил для своих помощников и что сделали его ученики под его руководством. Фуке был первоклассным и художником, и орнаменталистом. Для миниатюр его работы характерны точность рисунка, прекрасно разработанная перспектива, пленер, а для бордюров и инициалов, над которыми иногда он сам работал, — неумная фантазия.

В композиционном отношении многие из 11 миниатюр, расположенные на отдельных листах, отмечены оригинальностью. Миниатюра «Благовествование пастухам» выделяется умением передать широту пространства, наполненного воздухом, хорошо разработанной перспективой: едва виднеющееся вдаль селение, а за ним на горе замок. Лица пастухов индивидуальны, композиционно объединены напряженными взглядами, устремленными в небо. Своеобразна композиция миниатюры, помещенной перед похоронными псалмами. Обычно в часовниках изображали трех поющих монахов или Иова, выходящего из могилы, или воскрешение мертвых, а в этом Часовнике изображены три скачущих на лошадях всадника, преследуемые тремя фигурами Смертей с поднятыми копьями, направленными на всадников. Композиция развернута на фоне идиллического пейзажа и напоминает рыцарский турнир.

В живописном отношении не все миниатюры одинаковы. Одни из них выполнены изящно, тонко, в других недостает завершенности, но во всех присутствуют живописные приемы, характерные для мастерской Фуке. В каждой миниатюре одно из главных действующих лиц одето в золотистый плащ с красноватым оттенком. Золото, нанесенное тонкими штрихами и точками, переливается и как бы трепещет, создавая своеобразный эффект. Вообще мастер широко пользуется золотом для моделировки. К характерным признакам относятся также умение передать особый трепет листвы деревьев (как в миниатюрах св. Екатерины, св. Иллария в Часовнике Этьена Шевалье — Chantilly, Musée Condé).⁹ Доминирующим тоном

⁹ Ibid. pl. LXXX.

в колористической гамме является пастельный характер с преобладанием разных оттенков серого цвета. Миниатюры обнаруживают сходство как в рисунке, так и в колорите с миниатюрой, выполненной Жаном Фуке в сочинении Мартина Лефрана «О споре доблести и фортуны», хранящемся в Государственной Публичной библиотеке (Фр. F. v. XV 6).

24 маленькие миниатюры, сопровождающие календарь, выполнены сепией с золотой светотеневой моделировкой, сделаны в той же манере, что и вставки в миниатюры Часовника Этьена Шевалье. Стиль орнаментики бордюров, помещенных на всех листах, сходен с бордюрами многих рукописей мастерской Фуке. Тот же набор цветов, плодов, листьев, те же сочетания красок, колорит, насыщенность цвета. На листах с миниатюрами бордюры особенно пышные. В них помещены фигурки людей или фантастических животных, композиционно соединенных друг с другом. В бордюре, обрамляющем миниатюру «Благовествование пастухам», на правом поле помещен играющий на волынке музыкант, а внизу — лихо отплясывающий крестьянин. На нижнем поле миниатюры «Купающаяся Вирсавия» изображен человек (за пределами миниатюры), заглядывающийся на обнаженную, на правом поле — стоящий человек ослеплен ее красотой настолько, что закрыл рукой один глаз. Эта связь сюжета миниатюры с живыми сценками, введенными в яркий орнаментальный бордюр, говорит об интересном художественном замысле, который мог появиться у незаурядного художника.

Миниатюра «Благовещение», помещенная в самом начале Часовника, по стилю и размеру отличается от других миниатюр. Она несколько напоминает «Благовещение» из Часовника Дианы де Круа (Sheffield, Musée Ruskin):¹⁰ лицо ангела, поза (с приподнятыми руками), архитектурная рамка с перевитыми колоннами. Качество миниатюры не столь высокое, к тому же миниатюра повреждена и была подновлена позднее неумелой рукой. Таким образом, можно предполагать, что Часовник О. № 104 из собрания Ф. А. Толстого был сделан в мастерской Жана Фуке, возможно, его учениками. Таковы иллюминированные рукописи собрания Ф. А. Толстого.

Каждое книжное собрание интересует нас не только

¹⁰ Ibid., p. 73, fig. 82.

само по себе, но и потому, что его история является отражением интересов конкретного собирателя и проявлением духовной культуры своего времени, а также важным фактором, влияющим на развитие культуры в целом.

Один из современников Толстого — К. Ф. Калайдович писал: «Почтенный любитель отечественных древностей не перестает новыми приобретениями умножать свои сокровища, исторгая памятники просвещения из рук невежества. Хвала ревностному собирателю, который вопреки многим библиофилам отверзает свою библиотеку для каждого водимого любопытством и знанием и ищущего в опой новых открытий».¹¹

Сокровища, собранные Ф. А. Толстым, не были предметом единоличного созерцания коллекционера. Он с большой охотой знакомил со своей превосходной по тому времени библиотекой широкий круг русской интеллигенции.

¹¹ К а л а й д о в и ч К. Ф. Библиографические поправки. — Вестник Европы, 1820, ч. СХІ, № 11, с. 203.

РЕКОМЕНДАЦИИ
ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КНИГА В РОССИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.»

Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века» была созвана Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры» Академии наук СССР и Библиотекой АН СССР в Ленинграде 13—15 октября 1976 г. В работе конференции приняли участие представители научно-исследовательских учреждений АН СССР, крупнейших библиотек СССР (Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), библиотек и научных учреждений Академий наук союзных республик, Всесоюзной книжной палаты, архивов, музеев и высших учебных заведений, занимающихся исследованием проблем истории книги. На конференции было заслушано 30 докладов и сообщений. В качестве докладчиков выступали видные специалисты в области истории книги Ленинграда, Москвы, Киева, Тбилиси, Риги, Львова, Новосибирска, Кишинева. Всего на конференции присутствовало 260 представителей 39 учреждений 14 городов РСФСР и союзных республик. В обсуждении докладов приняло участие 10 человек.

Конференция отмечает крупные успехи, достигнутые в СССР за последние годы в области изучения истории отечественной книги: опубликование ряда крупных монографий и большого числа статей научно-исследовательского характера, защиту докторских и кандидатских диссертаций, активизацию работы по созданию сводных каталогов рукописных и редких печатных книг по фондам крупнейших библиотек и других хранилищ, публикацию документального материала по истории книги, проведение крупных научных форумов, в том числе Всесоюзных научных конференций по проблемам книговедения (1971, 1974 гг.) и ежегодных научных сессий «Федоровские чтения» с 1973 г., расширение круга научных коллективов, занимающихся исследованием проблем истории книги, регулярное проведение археографических экспедиций. Особенно много сделано в этой области научными коллективами Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Библиотеки АН СССР, Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Археографической комиссии Академии наук СССР.

Вместе с тем в организации историко-книговедческих исследований имеется еще ряд существенных недостатков:

— отсутствует детально разработанный перспективный план исследовательской работы в области истории книги;

— недостаточно развернута работа по истории книги в союзных республиках и в целом ряде городов РСФСР;

— публикация результатов исследований производится с большим опозданием;

— слабо налажена информация широких кругов читателей о проводящихся и уже законченных исследованиях в области истории книги, о новых изданиях. Рецензированием охватывается лишь небольшой круг вышедших работ;

— совещания и симпозиумы по специальным вопросам истории книги проводятся редко и нерегулярно.

Обсудив проблемы, стоящие перед исследователями в области истории книги, Конференция считает, что одной из важнейших задач является уточнение репертуара печатных и рукописных книг, созданных в разные исторические эпохи. В связи с этим Конференция рекомендует библиотекам и научным учреждениям активизировать работу:

— по созданию системы сводных каталогов печатных книг, и в том числе по сводным каталогам русской книги XIX—XX вв., славянской старопечатной книги кириллического и глаголического шрифтов XV—XVII вв., инкунабул и палеотипов, хранящихся в советских собраниях;

— по подготовке сводных каталогов рукописей и публикации описаний наиболее ценных коллекций книг и рукописей;

— по выявлению в архивах новых данных о произведениях печати и рукописях, отсутствующих в фондах библиотек.

Учитывая важность и трудоемкость работы по уточнению репертуара рукописных и печатных книг, Конференция рекомендует учреждениям — составителям каталогов привлечь к этой работе возможно большее число научных коллективов как в центре, так и на периферии.

Конференция отмечает особую актуальность исследования проблемы читателя печатной и рукописной книги различных исторических эпох. В связи с этим Конференция рекомендует научным учреждениям и библиотекам усилить работу по выявлению и публикации:

— записей на книгах и рукописях;

— описей библиотек представителей различных групп населения;

— списков подписчиков на книги и периодические издания;

— материалов о читательских запросах в различных библиотеках;

— данных о книготорговле и о географическом распространении различных изданий.

Конференция рекомендует библиотекам и научным учреждениям активизировать работу по изучению истории формирования книжных фондов библиотек; актуальной практической задачей при этом является реконструкция состава старинных библиотек, сыгравших большую роль в развитии культуры страны, или отдельных ценных книжных собраний, являющихся в настоящее время частью книжного фонда тех или иных библиотек или других хранилищ.

Конференция считает целесообразным подготовку сводных изданий записей и приписок на рукописных и печатных книгах и проведение научных конференций по данной тематике.

Придавая важное значение разрешению проблемы создания научной истории русской книги и считая, что в настоящее время имеются реальные возможности для выполнения этой задачи, Конференция призывает желательным выделить в качестве головных учреждений:

Библиотеку Академии наук СССР — по истории книги эпохи феодализма (довести серию «Книга в России» до середины XIX в.);

Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — по истории книги эпохи капитализма;

Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина — по истории советской книги.

Головным учреждениям работу по истории книги проводить в соответствии с планами Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР как координационного центра исследований по истории книги и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина как научно-методического центра научно-исследовательской работы библиотек в области книговедения и истории книги.

Конференция рекомендует научным учреждениям и библиотекам углубить исследовательскую работу по истории книги, обратив особое внимание исследователей на следующие недостаточно разработанные проблемы:

— составление персоналий лиц, связанных с развитием книжного дела в нашей стране (переписчики, заказчики, вкладчики, типографские работники, переводчики, библиотекари, владельцы книжных собраний, книгопродавцы и т. д.);

— изучение архивных фондов исследователей, работавших в области истории книги, а также архивных фондов книговедческих учреждений и организаций;

— изучение истории переплета;

— исследование вопроса о стоимости переписки книг;

— изучение исторического опыта реставрации книг,

Для создания надлежащих условий исследовательской работы в области истории книги Конференция считает необходимым просить Президиум Академии наук СССР, Министерства культуры СССР и РСФСР расширить и укрепить подразделения Библиотеки Академии наук СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, занимающиеся историей книги.

Конференция просит Министерства культуры СССР и РСФСР обратить внимание на необходимость создания условий для планомерной работы музейных учреждений над сводными каталогами рукописей, предусмотренными Государственным координационным планом научно-исследовательских работ, а также создания нормальных условий для работы исследователей в отделе рукописей, старопечатных книг и письменных источников Государственного исторического музея.

Для улучшения положения дел с публикацией исследований и материалов по истории книги Конференция считает необходимым обратиться в Госкомиздат, РИСО АН СССР, издательства «Наука», «Книга», редакции ведущих журналов с просьбой о выделении дополнительного листажа для публикаций монографий, статей (и сборников статей) и архивных материалов по истории книги,

а также рецензий на вышедшие работы. Особое значение представляет регулярная публикация тематических сборников статей, подготавливаемых библиотеками, ведущими большую работу в области истории книги (ГБЛ, БАН, ГИБ и др.).

Отмечая большое научное и практическое значение всесоюзных конференций по проблемам книговедения, Конференция рекомендует наряду с этим проведение конференций и симпозиумов по отдельным проблемам истории книги и считает желательным регулярное (один раз в три года) проведение конференций на тему «Книга в России до середины XIX века».

В целях координации научно-исследовательской работы библиотек и библиотечных учреждений Конференция считает необходимым просить Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина уточнить и детализировать сводный перспективный план исследовательской работы в области истории книги на 1976—1980 гг., просить Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР составить перспективный (на 15—20 лет) план научно-исследовательских работ в области истории книги. Конференция признает целесообразным проведение исследований по истории книги совместно с научными учреждениями социалистических стран.

Конференция обращает внимание библиотек СССР на необходимость усиления работы, направленной на пропаганду литературы по истории книги и признает целесообразным просить редакции периодических изданий расширить информацию по истории книги.

Конференция считает необходимым опубликование докладов и сообщений, заслушанных на конференции.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (1966—1976)
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.*

Академия наук СССР. Библиотека. Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги... М.—Л., 1966. 207 с.

Академия наук СССР. Библиотека. Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. (К 400-летию русского книгопечатания). Л. [Вып. 1]. 1965. 339 с.; Вып. 2. 1970. 341 с.; Вып. 3. 1973. 495 с.

Альманах библиофила. Редколлегия: Е. И. Осетров и др. М. Вып. 1. 1973. 288 с.; Вып. 2. 1975. 303 с.

Антюхин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края. 1798—1917. Воронеж, 1973. 282 с.

Анушкин А. И. Тайны старопечатной книги. (Поиски, находки, загадки). Симферополь, 1972. 127 с.

Аристов В. В., Ермолаева Н. В. Все началось с путеводаителя... Поиски литературные и исторические. Казань, 1975. 222 с.

Археографический ежегодник за 1965—1975 гг. Ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966—1976 гг. (АН СССР. Отделение ист. наук. Археогр. комис.).

Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973. 356 с.

Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. (Учебник). М., 1971. 463 с.

Берков П. Н. Русские книголюбцы. М.—Л., 1967. 316 с.

Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Сборник статей. Ред.: Н. С. Карташев и др. Новосибирск, 1975. 282 с.

Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976. 223 с.

Вопросы истории книжной культуры. Сборник статей. Ред. Н. С. Карташев. Новосибирск, 1975. 237 с.

XVIII в. век. Сборник. М.—Л., 1966. (АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом)). Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. 459 с.

Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения, 1-я. Москва. 1971. Материалы... М., 1971. 164 с.

* Описание книжной выставки на Всесоюзной конференции «Книга в России до середины XIX в.», Ленинград, октябрь 1976. Сост. К. В. Александрова.

Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения, 1-я. Москва, 1971. Тезисы докладов. М., 1971. 25 с.

Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения, 2-я. Москва, 1974. Тезисы докладов. М. Секция рукописной книги. 1974. 41 с. Секция истории книги (Общие проблемы истории книги. История книги в СССР XV—XIX вв.). 1974. 114 с.

Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград. 13—15 окт. 1976 г. Тезисы докладов. Л., 1976. 72 с.

Глухов А. Г. Из глубины веков. Очерки о древних библиотеках мира. М., 1971. 112 с.

Глухов А. Г. «В лето 1037». (Очерки). М., 1974. 192 с.

Глухов А. Г. Книги, пронизывающие века. (Очерки). М., 1975. 141 с.

Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник статей. (АН СССР. Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР). М. Сб. 1. 1972. 368 с.; Сб. 2. 1974. 343 с.

Дунаева Е. Н. Декабристы и книга. М., 1967. 63 с.

Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Сборник статей. Ред.: Н. С. Карташев и др. Новосибирск, 1969. 284 с.

Из истории книги и библиотечного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. (Сборник статей). Ред. Н. С. Карташев. Новосибирск, 1973. 184 с. (АН СССР. Сиб. отд. ГПНТБ. Сб. науч. трудов. Вып. 17).

Катанов В. М. Друзья на всю жизнь. Заметки книголюбца. Тула, 1975. 152 с.

Книга. Исследования и материалы. М., Кн. 12, 1966; кн. 31, 1975, Книга и графика. (Сборник статей. Посвящается 80-летию чл.-кор. АН СССР А. А. Сидорова. Редколлегия: А. И. Маркушевич и др.). М., 1972. 335 с.

Кукушкина М. В. Книгописная школа Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970, вып. III, с. 108—130.

Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. — Археографический ежегодник за 1970 г. 1971, с. 357—372; за 1971 г., 1972, с. 341—356.

Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. 224 с.

Кулябко Е. С. и др. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. 227 с.

Ласунский О. Г. Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. Воронеж, 1966. 303 с.

Ласунский О. Г. Книжный знак. Воронеж, 1967. 167 с.

Литература о книжных знаках. Библиогр. список. Сост. М. Ю. Панов. Вологда, 1971. 127 с.

Лихтенштейн Е. С. Роль Академии наук в становлении отечественного научного книгоиздания. Тезисы доклада на Второй Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. М., 1974. 18 с.

Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. 224 с.

Луппов С. П. Книга в России в XVII и первой четверти

- XVIII века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук. Л., 1972. 44 с.
- Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. 374 с.
- Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976. 380 с.
- Львов С. Л. Эхо в веках. М., 1969. 158 с.
- Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. Сборник избр. книговедч. работ. М., 1972. 327 с.
- Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., 1969. 183 с.
- Минаев Е. Н., Фортинский С. П. Экслибрис. М., 1970. 240 с.
- Назиратель. (Текст). Изд. подгот. В. С. Гольщенко и др. Под ред. С. И. Коткова. М., 1973. 751 с. (АН СССР. Ин-т рус. яз.).
- Накорякова К. М. Редакторское мастерство в России. XVI—XIX вв. Опыт и проблемы. М., 1973. 196 с.
- Начало русского книгопечатания и Литва. (Сборник статей. Отв. ред. А. Ивашквичюс). Вильнюс, 1966. 235 с.
- Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. 404 с.
- Немировский Е. Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указ. литературы, 1574—1974. М., 1975. 197 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. редких книг).
- Немировский Е. Л. Проблемы книговедения, история книжного дела. Обзор отечественной литературы. 1964—1969. М., 1970. 58 с. (Всесоюз. книжная палата. ЦБНТИ по печати).
- Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. 269 с.
- Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974. 224 с.
- Об организации работы с рукописными и старопечатными книгами. (Методическое письмо). Л., 1974. 12 с. (Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Сост. Н. Н. Розов.
- Овсянников Ю. М. Ради братьев своих... Иван Федоров. Историческая повесть. М., 1975. 144 с.
- От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. 1574—1974. Книга-альбом. Авт. текста В. Г. Горецкий и Г. В. Карпюк. Редколлегия: А. И. Маркушевич и др. М., 1974. 239 с.
- Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Редколлегия: Д. С. Лихачев и др.). М., 1975. 475 с.
- Поливановский С. Е. Московские книжники. М., 1974. 160 с.
- Проблемы рукописной и печатной книги. Сборник. Редколлегия: А. А. Сидоров и др. М., 1976. 363 с. (АН СССР. Науч. совет мировой культуры. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
- Пятьсот лет после Гутенберга. 1468—1968. Статьи. Исследования. Материалы. Под ред. Е. С. Лихтенштейна, А. А. Сидорова. М., 1968. 415 с.
- Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971. 123 с.
- Розов Н. Н. Русская книга XI—XIV вв. Опыт историко-культурного исследования старейших памятников русского языка.

Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1973. 46 с.

Рукописная и печатная книга. (Сборник. Редколлегия: А. А. Сидоров и др.). М., 1975. 258 с. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры).

Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. (Сборник статей, посвящ. 60-летию В. И. Малышева. Отв. ред. А. М. Панченко). Л., 1972. 423 с.

Сапунов Б. В. Книжная культура Древней Руси (XI—XIII вв.). Автореф. докт. дис. Л., 1975. 34 с.

Свиригин А. Н. Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1964. 299 с.

Сидоров А. А. История оформления русской книги. Изд. 2-е. М., 1964. 391 с.

Сидоров А. А. Записки собирателя. Книга о рисунках старых и новых. Л., 1969. 239 с.

Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972. 231 с.

Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. Из истории книжного просвещения. М., 1968. 231 с.

Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973. 252 с.

Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. 447 с.

Утков В. Г. Книги и судьбы. Очерки. М., 1967. 168 с.

Федоров Иван. [Азбука. 1574—1974]. Изд. подгот. Г. В. Карпюк. М., 1974. 93 с.

Черняк А. Я. История технической книги. Учебник. М., 1969. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 г. 240 с.

Шидгал А. Г. Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практики применения. М., 1974. 208 с.

ПЕЧАТНЫЕ КАТАЛОГИ БИБЛИОТЕК И КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ

Быкова Т. А. Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII века. (1715—1800). Л., 1971. 178 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Быкова Т. А. Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения. Сост.: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева. Ред. П. Н. Берков. Л., 1972. 272 с. (БАН СССР. Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ю Ин-та истории СССР АН СССР).

Гермашева Ф. В. Каталог инкунабул Научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1970. 14 с. 12 л. илл.

Горфункель А. X. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Л., 1970. 81 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Науч. б-ка им. М. Горького).

Зернова А. С., Каменева Т. Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968. 567 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. редких книг).

Институт русской литературы. Ленинград. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). Сост. В. И. Малышев. М.—Л., 1965. 230 с.

Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта

XVI—XVII вв. Л. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
Сост. В. И. Лукьяненко.

Вып. 1 (1523—1600 гг.). 1973. 196 с.

Вып. 2 (1601—1654 гг.). 1975. 266 с.

К а т а л о г русских книг кирилловской печати XVI—XVIII вв.
М., 1972. 37 с. (М-во культуры РСФСР. Гос. публ. Ист. б-ка). Сост.
Н. Ф. Чернышева.

К н и г о т о р г о в ы е каталоги первой половины XIX века.
Указатель. Учеб. пособие по курсу «Общая и книготорговая библиография». Ред. В. О. Осипов. М., 1976. 48 с.

М е л ь н и к о в а Н. Н. Издания, напечатанные в типографии
Московского университета. XVIII в. Под ред. П. Н. Беркова. М.,
1966. 455 с.

П е р г а м е н н ы е рукописи Библиотеки Академии наук
СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков.
Л., 1976. 236 с. Сост.: Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева,
В. Ф. Покровская.

П р о т а с ь е в а Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания
(не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невструева).
Под ред. М. В. Щепкиной. М., 1970. (Глав. архивное упр.
при Совете Министров СССР. Археогр. комис. при АН СССР. Гос.
ист. музей). Ч. I, № 577—819; IX, № 214; X—XXVII. 19 л. илл.

П у б л и ч н а я библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Ленинград. Краткий отчет о новых поступлениях рукописей
в библиотеку. (1969—1973). Л., 1974. 157 с. Сост. А. Н. Михалева.

Р у к о п и с н а я и печатная книга в фондах Научной библиотеки
Московского университета. (Сборник статей). М., 1973.
Вып. 1. 128 с. («Книги из б-ки И. М. Дмитриева и книги, принадле-
жащие М. А. Дмитриеву с автогр. рус. писателей»).

С в о д н ы й каталог русской книги гражданской печати
XVIII века. 1725—1800. (В 5-ти т.). М. (Гос. Публ. б-ка
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, Гос. Публ. ист.
б-ка РСФСР, Науч. б-ка им. А. М. Горького МГУ).

Т. 1. А—И. 1962. 435 с.

Т. 2. К—П. 1964. 505 с.

Т. 3. Р—Я. 1966. 515 с.

Т. 4. Периодические и продолжающиеся издания. 1966. 287 с.

Т. 5. Указатели. 1967. 299 с.

Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. 1975. 101 с.

С в о д н ы й каталог русской нелегальной и запрещенной печати
XIX века. (Книги и период. изд.). Ч. 1—9. М., 1971.

С м и р н о в - С о к о л ь с к и й Н. П. Русские литературные
альманахи и сборники XVIII—XIX вв. (Библиогр. указатель). М.,
1965. 592 с.

С м и р н о в - С о к о л ь с к и й Н. П. Моя библиотека. Библиогр.
опиcание. В 2-х т. М., 1969. Т. 1, 532 с.; т. 2, 574 с.

С п и с о к разыскиваемых изданий, не вошедших в сводный
каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800.
М., 1969. 228 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. редких
книг). Сост. И. М. Полонская.

Т и х о м и р о в М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей.
М., 1968. 194 с. (АН СССР. Сиб. отделение. Ин-т истории,
филологии и философии.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный Исторический музей (г. Москва)
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просве- щения
Изв. АН СССР	— Известия Академии наук СССР
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
Исторический очерк и обзор фондов	— Исторический очерк и обзор фондов Руко- писного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛО ААН	— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР
МГА МИД	— Московский главный архив Министерства иностраннх дел
ОДДС	— Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода
ОРРК	— Отдел рукописной и редкой книги Библио- теки Академии наук СССР
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской им- перии
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПСС	— Полное собрание сочинений
РГО	— Русское географическое общество
СК	— Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800 гг.)
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив военно- морского флота СССР (г. Ленинград)

- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (г. Москва)
- ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы
- ЦГА ТАССР — Центральный государственный архив Татарской АССР (г. Казань)
- ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (г. Ленинград)
- ЦНБ АН МССР — Центральная научная библиотека Академии наук Молдавской ССР
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аб-ль-Фарадж 243
 Абу-ль-Фид 238, 243
 Абульгази Бахадур-хан 236, 241
 Аверлино Антонио 287
 Авиценна (Ибн Сина) 229, 250
 Авраамка, летописец 40
 Аврамов М. П. 92
 Агапов Иван 121
 Агафонилов Ивашка 166
 Агриколянский В. С. 5, 142
 Адарюков В. Я. 8
 Аделунг Ф. 191
 Адрианова-Перетц В. П. 49
 Александр I 149, 188
 Александр Македонский 275
 Александрова К. В. 300
 Алексеев М. П. 91, 285
 Алексеев С. П. 286
 Алексей Петрович, царевич 210, 211, 214, 215
 Алексей, митрополит 38
 Алпинус Р. 250
 Алфонс Петр 222
 Альбегерти Сигизмунд 224
 Альмакин Георгий (Ибн Амид) 243
 Аль-Тограй 244
 Аль-Фергани 244
 Амман Иоганн 211
 Амосов А. А. 47
 Анастасевич В. Г. 145, 150—152
 Андерсен, автор 222
 Андрей, дьякон 44
 Андрей Васильевич Меньшой 41
 Андроник Невежа 208
 Анзель Краковский 221
 Аничков Д. С. 270
 Анна Иоанновна 89, 240, 261, 263
 Антюхин Г. В. 300
 Анушкин А. И. 53, 300
 Апанович Е. М. 5, 27, 62, 195
 Апинис А. А. 4, 125, 154
 Аполлос (Байбаков А. Д.) 179
 Апостол Даниил, гетман 203
 Арескин Р. К. 210, 214—216, 228—230, 248
 Аристов В. В. 300
 Аристотель 202, 229, 266
 Арндт Б. Ф. 178
 Арсений, епископ Тверской 44
 Арсений (Верещагин В. И.), архиепископ Тверской и Кашинский 75
 Арсений (Желиборский), епископ Львовский 165, 208
 Арсений (Мацевич А.), митрополит Ростовский 75
 Артхус Готард 222, 233, 253
 Арфей 229
 Архангельский А. С. 163
 Асаки Г. 272
 Асафьев К. М. 62
 Атанасов П. 52, 53
 Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский 301
 Афанасий К. 206—208
 Афанасий Сербянин 225
 Афанасьев-Чужбинский А. 140
 Афанасьева Т. А. 5
 Ахмет III 87, 257
 Баженов В. И. 274, 275, 285
 Базанов В. Г. 300
 Байер Г.-З. 232, 236, 238, 258
 Байков 189
 Байрон Д. Г. 135
 Бакланова Н. А. 27, 47, 62

- Бакмейстер И.-К. 217, 251, 252, 255
 Бакунин И. 242
 Балде Филипп 228
 Бандтке Е. С. 144, 150
 Бандье М. 234
 Бантыш-Каменский Н. Н. 86, 218
 Банулеску-Бодони Г. 271
 Барбо де Брюер 274, 281
 Баренбаум И. Е. 4, 28, 51, 61, 87, 300
 Барков И. С. 84
 Барон, актер 281
 Барсук А. И. 28
 Бевзо О. А. 197
 Бейль Пьер 266
 Бекетов П. П. 78, 190, 193, 194
 Белинский В. Г. 147, 132—138
 Белокуров С. А. 228, 239, 242, 261, 265
 Бельмура А. 88
 Беляев И. С. 170, 173
 Бенеvский М. 144
 Бенедиктов В. 135, 138, 140
 Бентковский Ф. 152
 Беньян Д. 127
 Бередников Я. И. 286
 Березин-Ширяев Я. Ф. 274
 Берейтус 229
 Беринг Витус 254
 Берит, епископ 227
 Берков П. Н. 300, 303, 304
 Бернартович Ф. 146, 147
 Бернулли Даниил 94
 Бернье Франсуа 253, 258
 Берында П. 161, 162, 168
 Бестужев А. 132, 134
 Бецкий И. 134, 138
 Билькевич Сильвестр 165
 Битовт Ю. Ю. 170
 Блондель Франсуа 263
 Богданов А. И. 95, 213, 253, 254, 258
 Богданович И. Ф. 194
 Богуславский В. 145
 Боеклер 243
 Бозов Егор 119, 122, 125
 Болотный Семен 118, 122, 125
 Болотов А. Т. 119
 Болт, купец 124
 Болтин И. Н. 76, 79, 82, 84, 85
 Болховитинов Е. А. 152
 Борзаковский Филипп 203
 Борис, дьяк 44
 Боровиковский Л. 140
 Боровкова-Майкова М. С. 163
 Борухович В. Г. 300
 Боциус Ансельм 158
 Бошняк М. 52
 Брейткопф Ф. 185, 188
 Бржостовская Н. В. 49
 Бри Теодор де 234
 Брискман Н. А. 151
 Брониковский А. 146, 147
 Бруин Корнелис де 225, 227, 232, 233, 238, 258
 Брунков Федор 185, 189
 Брюс Я. В. 211, 214, 219, 231, 232
 Бубнов Н. Ю. 29, 304
 Бувэ 238
 Буддей 232
 Булгарин Ф. 143
 Бунин А. П. 135
 Бургундий Викентий 222
 Бурцов В. 164, 168
 Бусбек А. Г. 249
 Бухарский А. И. 274, 277
 Бухсторф Иоганн 238, 247
 Быкова Т. А. 8, 13, 27, 180, 303
 Бюаш 274
 Вагилевич П. 134, 141
 Вазов Иван 53
 Валк С. Н. 82
 Вандербех М. 224
 Варлаам, митрополит 269
 Вартиган И. К. 269
 Василий II 41
 Василий Суражский 162
 Василий Ушакевич 206
 Везенберг 252
 Вейсман Э. 178
 Вейтбрехт 252
 Вейтбрехт И. 185
 Величко Самийло 199, 200
 Велланский Ю. 153
 Вербицкий А. А. 134, 135
 Вердые 234
 Веселовский Н. И. 223
 Вешняков А. А. 88, 254
 Викторов А. В. 58
 Вильковский Е. К. 185, 188
 Виниус А. А. 210, 214, 219, 226, 227, 228, 248
 Витвицкий С. 145

- Витзен Николай 225, 227, 230
 Витт Корнель 265, 266
 Витт Ян 265, 266
 Вишневецкая К. И. 57
 Вишневецкий М. 152
 Владимир Мономах 78, 79, 80,
 81, 83—85
 Владимир I Святославич 76, 77,
 82
 Вобан Себастьян 93, 263
 Вовилье 275
 Воейков А. Ф. 271
 Володарский Я. Е. 69
 Волчок С. С. 90, 91, 94, 111
 Вольтер Ф. А. 91, 187, 192, 281
 Вольнский А. П. 89, 236, 261,
 262, 264, 266
 Вольф 232
 Воробьев М. Н. 37
 Всеволожский Н. 190, 193, 270
 Вукович Божидар 55, 57
 Вюртембергская М. 145
 Вяземский П. А. 135, 144
- Гавриил (Бужинский), архи-
 мандрит 257
 Гавриил, епископ Казанский
 247
 Гавриил, митрополит 283
 Гагенар Генрик 258
 Гаевский П. 150
 Газневид Махмуд 259
 Гален 229
 Галченков Ф. А. 124
 Гамалея Д. 276
 Гамалея С. И. 119
 Ганнибал А. П. 230, 248
 Ганье Томас 231
 Гарабурда В. М. 168
 Гарткнох И.-Ф. 124
 Геккер В. Г. 190
 Гельтергоф Ф. 178
 Геннадий, архиепископ 41, 42,
 55
 Герасим, епископ 45
 Герасим Поповка 41
 Герман И. Ф. 277
 Герман Я. 94
 Гермашева Ф. В. 303
 Геродот 266
 Гете И. В. 135
 Гинкулов Я. 272
 Гиппиус И. Ф. 124
- Глазунов И. П. 188, 194, 270,
 271
 Глинка Ф. 135, 138
 Глухов А. Г. 301
 Глюк Эрнст 261
 Гмелин Ф. 94
 Гоббс Томас 264
 Говоров А. А. 184, 192
 Голиус Якоб 243, 244, 253
 Голицын В. В. 222
 Голицын Д. М. 230, 233—235,
 253, 263, 265
 Головацкий Я. 134, 141
 Головин Петр 120
 Головкин Г. И. 75
 Головкин М. Г. 19, 211
 Голодович Иван 121
 Голубев С. 165
 Голуховский Ю. 153
 Голышенко В. С. 45, 302
 Гончаров И. А. 271
 Горецкий В. Г. 302
 Горлицкий И. 94, 95
 Горобец В. И. 204
 Горский А. В. 304
 Горфункель А. Х. 25, 51, 56,
 303
 Готье И. 190
 Готье Ю. В. 264, 266
 Гофман-Таньская К. 145, 147
 Гоффрид 247
 Гоцинский С. 145, 148
 Грабовский М. 148
 Грабянко Григорий 199
 Гранстрем Е. Э. 38
 Грант 275
 Грасиан-и-Моралес Балтасар
 (Грациан) 90, 266
 Гребенка Е. П. 133, 134, 137, 140
 Грекул И. 269
 Гренрод 124
 Грибоедов А. С. 143
 Гривс Джон 244
 Григорий, игумен 42
 Григорий Богослов 43
 Гришко, дьяк 41
 Гробец, автор 232
 Гроций Гуго 264, 265
 Губерт Соломон 160
 Гуковский М. А. 287
 Гулак-Артемовский П. П. 133,
 137
 Гунашевский Михайло 197, 198,
 199

Гунин-Котовщикова С. 119, 123
Гуревич М. М. 180, 303
Гусева А. А. 5, 162, 166, 204
Густав III 276
Гутенберг И. 303
Гуду Л. А. 267
Гюйгенс Христиан 92

Давыдов Иван 114, 121
Давыдова Т. Е. 300
Данилевич И. 152
Данило, дьякон 42
Данилов Федька 166
Даниловский Аким 189
Данте 18
Данциг Б. М. 224
Данпер Ольферт 225, 227, 249
Дасье 263
Дашкова Е. Р. 113
Дейч Г. М. 49
Декарт Рене 91, 202, 264
Делиль Ж. Н. 94, 211, 274
Демени Л. 52
Державин Г. Р. 119, 135
Дидо Фирмен 267, 271
Дионисий Синкевич 207
Дмитревский 188
Дмитриев И. И. 178
Дмитриев И. М. 304
Дмитриев Л. А. 26, 86
Дмитриев М. А. 304
Дмитриев-Мамонов Ф. И. 187
Дмитриевский 281
Дмитрий Ростовский 75, 205
Добровский Йосеф 76
Добролюбов Н. А. 132
Долгова С. Р. 6, 35, 274, 284,
285
Доленга-Ходаковский 152
Домашнев С. Г. 113
Домбровский В. 140
Дониц А. 272
Дорофей, авва 162, 209
Дорохин Федор 220
Досифей, игумен 42
Досифей (Топорков) 163
Достофей, переписчик 43
Драганов П. Д. 267
Дрехслер 189
Дубровин 190
Дубровский П. 152
Дуглас 242
Дунаева Е. Н. 301

Дурих 76
Дуров Н. П. 275
Дьяконов Григорий 119, 123
Дю Альд 253
Дю Мон 247, 259

Евгений (Булгарис) 78
Евгений IV 293
Евстафий Завадовский 206
Евфимий, архиепископ 41
Егоров Е. Е. 62—64, 66, 71
Екабс из Киккулиса 128
Екатерина II 75, 80, 85, 109—
111, 183, 184, 192, 270, 278, 280
Екатерина I 176, 177, 211
Елагин И. П. 79, 81, 82, 84, 85
Елизавета Петровна 92, 258
Ермолаев А. И. 7, 189
Ермолаева Н. В. 300
Еропкин П. М. 261, 262
Еустафий, священник в Пскове
44

Жеребин 189
Жижсбертс Р. 258
Жиль 265
Жолкевский С. 144
Жуков Василий 119, 123
Жуковская Л. П. 38
Жуковская В. А. 135, 140, 271

Забелин Иродион 123
Забилла В. 140
Загоскин М. 143
Загребин В. М. 38
Зайцева А. А. 5, 183
Закревский А. А. 286
Залеский Б. 145, 148
Зандерс О. О. 5, 154
Западов Н. В. 35
Запаско А. П. 8, 52
Зарубин Н. Н. 48, 49
Захарий Копыстенский 162
Захарьин Михаил 111
Захиреддин Бабур 241
Зборомирский С. В. 112
Здобнов Н. В. 177
Зедербан И. 190
Зеленский 123
Зернова А. С. 56, 58, 163, 165,
168, 303

- Зизаний Л. 161
 Зубрицкий Никодим 206
- Ибн Амид см. Альмакин Г.
 Ибн Арабшах Ахмед 243
 Ибн Рупд 228, 229, 248, 250
 Иван Григорьевич 124
 Иванов А. И. 162
 Иванов П. И. 223
 Иванов Давыдка 166
 Иванов Федор 165
 Ивашкявичюс А. 302
 Иверсен 189, 222
 Иверяну Антим 269
 Иероним 288
 Избрант И. 218, 219, 225, 227, 230, 238, 247, 251
 Измайлов Лев 219, 226
 Иконников В. С. 187
 Иларион, митрополит 30
 Илия, гравер 206, 207, 209, 269
 Иннокентий (Гизель), архимандрит 64, 206
 Иоанн Васильевич 41, 78
 Иоанн Дамаскин 309
 Иоанн Златоуст 162, 164, 165, 209
 Иоанн Мосх 163
 Иоанникий Галатовский 205
 Иоганн-Фридерик, Николай 244
 Иона, архиепископ 41
 Иосиф Волоцкий 38
 Иосиф Шумлянский, епископ 206, 208
 Исаак Сирин 45
 Исаевич Я. Д. 5, 25, 35, 47, 52, 161
- Каемпфер 252
 Кактиньш К. 130
 Калайдович К. Ф. 79, 82, 85, 285, 295
 Калашников Емельян 123
 Каменева Т. Н. 25, 56, 162, 166, 303
 Кампанелла Томмазо 18
 Кантемир А. Д. 91, 92, 95, 178, 261
 Кантемир Д. 223—225, 234
 Капнист В. В. 135, 187
 Капустин 119, 121
- Карамзин Н. М. 76, 77, 82, 86, 118, 135, 152, 178, 194, 270
 Каратаев И. П. 54, 58
 Каржавин Е. Н. 274
 Каржавин Ф. В. 6, 178, 274—278, 280—285
 Карли Ринальдо 239
 Кармелюк Устим 132
 Карон Франсуа 258
 Карюк Г. В. 302
 Карташев Н. С. 300, 301
 Кастерин А. И. 13, 54
 Кастриот Георг 234
 Катанов В. М. 301
 Катиба Челеби 238
 Кацпржак Е. И. 35
 Каченовский М. 150
 Квитка-Основьяненко Г. Ф. 133, 137, 138, 140
 Кейл 190
 Кер Г. Я. 238, 240, 242—246, 248
 Керзен 122
 Кидель А. С. 267
 Килессо С. К. 209
 Киприан, митрополит 42, 44
 Кирилл Белозерский 43
 Кирилл Терлецкий 165
 Кирилл Транквилион Ставровецкий 168, 207
 Кирилл Флоринский 275
 Кирьяк В. 271
 Кирхер 222, 229
 Киселев Н. П. 164
 Киселева Л. И. 6, 27, 285, 287, 294
 Кланнер 252
 Клаудий Х. А. 124
 Кледичен 252
 Клейман Р. Я. 6, 267
 Клепиков С. А. 212
 Клинг Иоганн 122
 Клодиус Христиан 244, 253
 Клушин А. И. 277
 Ключевский В. О. 70
 Кнок Роберт 235
 Князевская О. А.
 Кобленц И. Н. 95
 Когэлничану М. 272
 Кожневский Ю. 148
 Козинцева Р. И. 180, 303
 Козлов И. 145
 Козловский Василий 242
 Колбасин Е. 136
 Коллинс А. 265

Коллоних 229

Колодькевич 113, 124
Колосов Е. Е. 35
Колубакин И. В. 122
Коляда Г. И. 269
Коменский Ян Амос 270
Кондакова Т. И. 5, 177
Конфуций 247
Конце 84
Копанев А. И. 4, 23, 48
Копержинский К. 162
Коперник Н. 91, 152
Коплан Б. И. 274
Коплан-Шахматова С. А. 274
Кореал Франсуа 253
Кореницкий П. 141
Корнилов В. Д.
Коробейников Трифон 64
Коровин-Сибберенин С. В. 88, 95
Короткий 120
Корсаков А. И. 28
Корф И. А. 211, 219, 246, 247, 254, 257
Котельников П. Е. 116, 117, 120
Котков С. И. 302
Котляревский И. П. 132, 133, 136, 137, 140
Костюхина Л. М. 46, 63
Кохановский Я. 145
Красицкий И. 145, 147
Краснов А. 112, 122
Красногоров М. 119, 123
Крачковский И. Ю. 244, 245
Крашевский Ю. И. 147, 148
Крекшин П. Н. 75
Кривоборский Ф. И. 75, 78
Кропинский Л. 145, 146
Круа Диана де 294
Крумлинг А. А. 55
Крусинский 234
Крылов И. А. 135, 277
Кряжев 190
Ксенофонт 266
Кубанська-Попова М. М. 51
Кугорн Минно 263
Кукушкина М. В. 19, 27, 32, 47, 301
Кулябко Е. С. 34, 301
Кундус 250
Куник А. А. 286
Куработ С. 123
Курций Квинт Руф 275
Куфаев М. Н. 190, 192
Кучкин В. А. 27

Кшижановский Ю. 146
Кюхельбекер В. К. 132

Лаврентий Горка 18
Ладинский Павел 204
Лажечников И. И. 135
Лазаревский А. 203
Лазарь Баранович 205, 206
Ла Кроз 246
Лакруа 238
Ла Крузе 252
Ламб И. В. 119
Лами 263
Ламотре 253
Ланге Лоренц 239, 255
Лаплас 90
Ларок 234, 238, 258
Ла Руа 237
Ласунский О. Г. 301
Лашков Н. В. 271
Лебедев 189
Лебедев А. Н. 62, 121
Лебедев Д. М. 219, 277
Лебедева И. Н. 5, 6, 210
Лебедников Б. 225
Левашов 242
Лейбниц Г.-В. 84
Леклерк С. 178
Лекуврер 281
Лелевель И. 152
Леллонг 252
Лемэр Ж. 234
Леонидов Детян 113, 124
Леопольд, император 222
Лермонтов М. Ю. 135, 138
Леруа П. 247
Лефран Мартин 294
Либрович С. Ф. 104
Ливий Тит 287
Ливотова О. Э. 258
Лизола 265
Линде С. Б. 144, 152, 153
Литвинов Тимофей 164
Литгоу В. 232, 249
Лихачев Д. С. 12, 28, 29, 47, 80, 83, 86, 302
Лихачев Н. П. 39, 173, 275, 281
Лихачева О. П. 38, 304
Лихтенштейн Е. С. 301, 302
Лихуды 224
Логинов 176
Лоенклау Иоганн 229, 232, 234, 243

- Локк Джон 264, 265
 Лольм 192
 Ломилави 229
 Ломоносов М. В. 4, 21, 34, 84,
 96—108, 135, 160, 275, 301
 Лопухин И. В. 119
 Лопухин Ларион 166
 Лоран 246
 Лосицкий М. 196, 197
 Лоттер И. Г. 240
 Лудольф 222, 229, 233
 Лука П. 230, 234—237
 Лукьяненко В. И. 25, 52, 58, 59,
 304
 Луппов С. П. 3, 8, 11, 28, 32—
 34, 47, 48, 52, 62, 166, 211—214,
 216, 225, 226, 230, 233, 236,
 237, 249, 252, 259, 261, 267, 301,
 302
 Лурье Я. С. 163
 Львов С. Л. 302
 Лызлов А. И. 220, 221
 Люби 190
 Любич-Романович В. 145
 Люблинский В. С. 28, 302
 Людовик XIV 263
 Люнлье 234

 Магомет V 87
 Мадан И. 271, 272
 Мазарини 275
 Майков В. 136
 Маккэ Ж. 249
 Максим Воцанка 208
 Максим Грек 162
 Максименко Ф. П. 52
 Максименко Ф. Ф. 55
 Максимович М. А. 133—135, 139,
 140
 Малбергс Ф. 130, 131
 Малеин А. И. 170
 Малиновский А. Ф. 86
 Мальбранш Никола 264
 Малышев В. И. 39, 303, 304
 Малэ М. А. 263
 Мамоничи, типографы 168
 Манделсло 229, 251, 253, 258
 Мануций Альд 267
 Манцель Георг 158, 160
 Маргарита де Валуа 266
 Мариотт Э. 263
 Маркович А. 203
 Маркович Я. 201—203
 Маркушевич А. И. 275, 301, 302
 Мармонтель Ж. Ф. 187
 Маролау С. 263
 Марсель Гн 281, 283
 Марсильи Л. Ф. 87, 88, 95, 238,
 254, 256
 Мартемьянов Шестой 164
 Мартин 187
 Мартини М. 249
 Мартинус 222
 Мартинье 259
 Мартынов И. Ф. 4, 35, 109, 274
 Мартынов П. Н. 302
 Марше 258
 Маскрир 259
 Маслов С. И. 58
 Маслович В. 134
 Массальский Э. Т. 147
 Массе 251
 Маттеи Х. Ф. 277
 Махмуд I 240
 Мацевский В. 152, 153
 Медакович Д. 52
 Медведев Иван 120
 Медичи 250
 Мезро 229
 Мей 190
 Мейер Ф. 124
 Мелков Павел 119, 123
 Меллер К. И. 277
 Мельникова Н. Н. 304
 Менке 252
 Менцель 232
 Мерзляков 190
 Меркатор 250
 Меркель Г. 128, 130, 131
 Мессершмидт Д.-Г. 211, 235, 236
 Мехмед II 243
 Миллер Г.-Ф. 77, 84, 101, 221,
 256, 257
 Миллер Ю. К. 185
 Мильтон Джон 89
 Минаев Е. Н. 302
 Миних Б. X. 211
 Михаил Слезка 206, 208
 Михаил Стрельбицкий 271
 Михалева А. Н. 304
 Мицкевич А. 135, 143—145, 148
 Модзалевский Вадим 203
 Моисеева Г. Н. 4, 29, 74
 Моллин Николай 5, 155, 156,
 157—159
 Молчанов «Сидка» 41

- Мольер Ж.-Б. 266
 Монтани А. 249
 Монтегье Ш. Л. 91, 143
 Мопертюи П. Л. М. 91
 Мор Томас 264
 Морозов П. 135
 Мортге 253
 Мошин В. А. 38
 Мстислав смоленский князь 79
 Мстислав Давыдович, князь 76
 Мундрелло Генри 235
 Мусин-Пушкин А. И. 4, 39,
 74—86
 Мусин-Пушкин П. И. 262
 Мыльников А. С. 17, 28
 Мыцык Ю. А. 200
 Мютеферрик Ибрахим 241
- Набгольд И. К. 280, 281
 Надеждин Н. 135
 Назаров А. И. 8
 Накорякова К. М. 302
 Нарезный В. 143
 Нарышкин С. Ф. 276
 Нарушевич А. 152
 Наседка Иван 164
 Нассау-Зиген К. Г. 276
 Наталья Алексеевна, царица
 210
 Нафанаил, игумен 165
 Невожин И. 169
 Неволин С. 123
 Невоструев К. И. 304
 Неврев И. Т. 119, 121
 Негруцци К. 272
 Некрасов Н. А. 132, 271
 Нельсон 250
 Немировский Е. Л. 4, 8, 9, 26,
 28, 32, 33, 47, 51, 52, 53, 55,
 57, 58, 60, 168, 302
 Немцевич Ю. У. 152
 Неплюев И. И. 88, 254
 Никитенко А. 135
 Никифоров Терентий 258
 Никодим Зубрицкий 207
 Никольский Н. К. 49, 70, 71
 Никон, патриарх 38
 Нил Синайский 163
 Нил Сорский 163
 Нихов И. 225, 227, 229, 233
 Новиков Н. И. 84, 108, 111, 115,
 118, 119, 124, 125, 183, 194,
 219, 221, 270, 274, 283
- Нодэ Г. 265
 Нордстет И. 178, 179
- Овсянников Ю. М. 302
 Овчинников М. К. 124
 Огородников С. Ф. 123, 185
 Одоевский А. 132
 Одынце Э. 145
 Олеарий Адам 221, 222, 227, 230,
 232—234, 237, 249, 251, 258
 Ольга, княгиня 78
 Орандаренко Т. 198
 Орлов В. Г. 112
 Осетров Е. И. 300
 Осипов В. О. 304
 Осман, султан 243
 Остерман А. И. 19, 94, 211, 219,
 237, 239, 240, 263
 Отроковский В. 167
- Павел I, император 184, 186—
 188, 190, 192, 283
 Павлов А. 164
 Палафокс, автор 238
 Пален П. А. 283
 Палкин Олешко 43
 Пальцов Г. 122
 Панаев И. И. 119, 135
 Панов М. Ю. 301
 Панченко А. М. 303
 Паскевич П. Ф. 119, 124
 Паузе И. В. 211
 Пашке Г. 211, 235
 Пейтанс Я. 129
 Пекарский П. П. 87, 94, 218,
 219, 221, 224, 227, 231, 232,
 240, 241
 Перхурий, дьяк 42
 Пестель В. В. 202
 Петерсен И. 116
 Петр II 257
 Петр Могила, митрополит 162,
 165
 Петр Мстиславец 57, 208, 269
 Петр I 24, 34, 39, 75, 87, 93, 196,
 210, 211, 213—217, 219, 223—
 228, 230, 231, 235, 250—252,
 257, 261, 263, 264, 276
 Петров А. 123
 Петров А. П. 119
 Петров И. 137
 Петряев Е. Д. 18

- Пипинус 243
 Писаревский С. 140
 Питкейрн А. 219, 250, 251
 Плавильщиков В. А. 185, 188, 189, 194, 270
 Плавильщиков П. А. 277
 Плантен 271
 Платон 266
 Платон (Левшин П. Е.), митрополит 175
 Плутарх 266
 Плюшар А. 189, 270
 Погодин М. П. 39, 54, 137, 140
 Подобедова О. П. 35
 Подолинский А. 135, 140
 Подосенов З. А. 164, 165
 Пожарский Д. М. 166
 Поздеева И. В. 47, 57
 Пококк Э. 243, 244
 Покровская В. Ф. 38, 49, 304
 Покровский А. А. 164
 Поливановский С. Е. 302
 Поликарпов Ф. 178
 Поликола Г. 211
 Поло Марко 243
 Полонская И. М. 278
 Полонский Я. 136
 Пономарев А. 188, 189
 Пономарев М. П. 124, 185, 190
 Пономарева Н. 189
 Попков Ф. 123
 Попов А. 271
 Попов В. С. 80
 Попов Н. 120
 Попов Н. И. 118
 Попович К. 269
 Пореш В. Ю. 5, 6, 260
 Португаль В. Б. 258
 Поршнев Г. И. 104
 Потемкин Г. А. 278—280
 Потоцкий А. 146, 147
 Потоцкий Я. 144, 150
 Прийма Ф. Я. 77
 Прозоров 123
 Прокудин П. И. 118, 122
 Прогасьева Т. Н. 26, 77, 304
 Прохор, иеромонах 44
 Пугачев Емельян 278
 Пузына А. 165
 Пуланс И. 128, 129
 Пусонис 250
 Пуффенлорф С. 264
 Пушкин А. С. 21, 137—139, 143, 144
- Пушкинич Х. 42
 Пыпин А. Н. 220
- Радзивилл Н. 222
 Радзивилл Х. 253
 Радищев А. Н. 183, 194, 283
 Радищевский А. М. 161, 163
 Раевский В. 132
 Разумовский А. К. 286
 Разумовский К. Г. 101
 Райков Б. Е. 92
 Раковецкий И. 152
 Рассохин Ларион 255, 256
 Рафилов А. X. 5, 6, 217, 234, 236, 239, 243
 Рей М. 145
 Рейналь Г. Т. Ф. 187, 192
 Рейски, автор 235
 Реланд А. 245
 Ремезов И. 93, 95
 Реннвиль Константин 266
 Рехехузен И. 160
 Решетников А. Г. 124, 185, 186
 Рибейро Ж. 252
 Ригельман А. 201
 Риккер А. 121
 Рикот П. 224, 228, 229, 233, 238, 247, 250, 257
 Рингубер Лаврентий 222
 Робинсон А. Н. 167
 Ровинский Д. А. 207, 269, 274, 281
 Рогов М. 164, 165
 Розберг М. 135
 Розов Н. Н. 4, 29—31, 35, 42, 45, 47, 302
 Рознатовский А. В. 274
 Рознатовский Е. В. 274
 Роллен Шарль 87, 88, 95, 114, 246
 Ругенс Я. 130
 Руддимап Томас 250
 Рудометов И. И. 104
 Рудь Н. П. 5, 131
 Румянцев Н. П. 39
 Румянцев-Задунайский П. А. 135
 Руссо Ж.-Ж. 145, 151, 193
 Руссов С. 150
 Рылеев К. Ф. 132, 134
 Рычков П. И. 221
 Рюмин И. 118, 121

- Саади 222, 230, 253
 Сабеллини 229, 248
 Савари де Брюлон Жан 94
 Саватей, справщик 164
 Савельев П. 241
 Савинков 189
 Сагрето 246
 Садиков П. 187
 Сакович К. 162
 Салминь А. Я. 126
 Сальви Антонио 88
 Самон Н. 250
 Самсон Г. 157
 Самуил, дьяк 44
 Самуил Миславский 75
 Сансон 221
 Сапунов Б. В. 4, 27, 31, 35, 47, 61, 74, 161, 303
 Светлов Л. Б. 111
 Свириин А. Н. 303
 Свифт Джонатан 265
 Селивановский И. А. 278
 Селивановский С. И. 86, 134, 185, 190, 193, 194, 270
 Семен А. 270
 Сен-Реми П. С. 92, 263
 Серапион, игумен 43
 Сервантес М. 266
 Сергеев Сенька 166
 Сергей Радонежский 38
 Сестрещевич Б. 150
 Сигизмунд III 158
 Сидоров А. А. 3, 7, 21, 28, 33, 35, 47, 224, 276, 301—303
 Сикорский Н. М. 28
 Симеон Полоцкий 166
 Симмонс Д. Г. 52
 Симон, монах 43
 Симонов Р. А. 29
 Симоновский П. 201
 Скобенников Ф. И. 118, 122
 Скорина Франциск 52, 53, 55, 58—60, 167
 Скотт Вальтер 146
 Скутарлеев Л. 124
 Слабченко М. Е. 203
 Сленин И. В. 270
 Словацкий Ю. 144, 148
 Слуховский М. И. 34, 35, 47, 62, 303
 Смагин Н. 123
 Сметанина С. И. 62
 Смирдин А. Ф. 270
 Смирнов И. А. 163
 Смирнов-Сокольский Н. П. 26, 304
 Смит Адам 192
 Смотрецкий Герасим 163
 Смотрецкий М. 64, 165
 Снядецкий Я. 151, 152
 Соболевский А. И. 165, 222
 Сობоль Спиридон 161, 163, 168, 208
 Соймонов Ф. И. 262
 Соколов Григорий 277
 Соловьев А. В. 86
 Соловьев С. 140
 Сомерс Э. 249
 Сопиков В. С. 188, 191
 Софроний Мигалевич, архимандрит 240
 Спафарий Н. Г. 218, 219
 Спиноза Б. 202, 264
 Спиридон, монах 43
 Срезневский И. И. 134, 136
 Ставроецкий К. Т., см.: Кирилл Транквиллион Ставроецкий
 Старовольский С. 220, 222
 Стафенгаген И. И. 276
 Степанов Н. 119, 120, 134
 Стефан Яворский 174
 Стефаник В. 55
 Столпянский П. Н. 93
 Стоний Захарий 154
 Страленберг Ф.-И. 243
 Стрельбицкий М. 161
 Строганов А. Г. 89
 Строев П. М. 285
 Стройновский В. 151
 Стройновский М. 151
 Струй Ж. 230, 253
 Струйский Н. Е. 280
 Суворов А. В. 135
 Судненко М. 203
 Сукайкир Мухаммед ибн Ахмед 245
 Сумароков А. И. 89, 280—282
 Сумароков П. 272
 Суровецкий 151, 153
 Суханов Арсентий 19
 Сухирин 119, 122
 Сырку П. А. 220
 Сытин И. Я. 185
 Тавернье Ж.-Б. 88, 228, 234, 238, 253, 258

- Тальман П. 88, 89
 Тамерлан (Тимур) 243, 251, 252, 258
 Тарасий Земка 167
 Тассо Торквато 135
 Татищев В. Н. 79, 81, 83, 221, 261, 262
 Тауберт И. И. 98, 99
 Тебур М. 234
 Тевено 234, 247, 259
 Титов 162
 Титов А. А. 39
 Титов Павел 72
 Титов Ф. 120
 Тихомиров М. Н. 27, 47, 49, 62, 63, 196, 300, 303, 304
 Тихомиров Н. Б. 26, 38
 Толстой П. А. 224, 257
 Толстой Ф. А. 6, 39, 54, 285—287, 289, 290, 294, 295
 Толстяков А. П. 35
 Томас Д. 235
 Тома А. Л. 276
 Тома, типографщик 278
 Торген Д. 239
 Тредиаковский В. К. 87, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 254, 257, 264
 Трембицкий С. 145
 Трифон, игумен 43
 Троепольская Т. М. 281
 Туманский Ф. О. 112, 113, 123
 Турнефор 234, 247, 253, 259
 Тюличев Д. В. 4, 96
- Угримов Иван 116
 Улугбек 241
 Ульянинский Д. В. 170, 171, 175
 Ундольский В. М. 13, 176, 177
 Унферцагт 232
 Устрялов Н. Г. 286
 Утков В. Г. 303
- Фандербурх 252
 Федоров Иван 8, 9, 26, 33, 35, 52, 53, 56—58, 64, 161, 166, 167, 169, 208, 302, 303
 Феллер М. Д. 169
 Фенелон Ф. 88—90, 262, 264, 265
 Феогност 43
 Феодор, священник в Пскове 44
 Феодосий, печатник 55
 Феодосий Софонович 200
- Феофан Прокопович 18, 202, 221, 264
 Феофил, архиепископ 41
 Феофилакт Лопатинский 247
 Феррапонт Белозерский 43
 Фет А. А. 138
 Филипп С. 246
 Филипп Молдованин 55
 Филипповский Г. Ю. 75
 Фиоль Швайпольт 26, 33, 53, 55
 Фирсов 255
 Флавий Иосиф 64, 222, 229, 230, 232
 Фомин А. И. 122, 123
 Фонтенель Б. 91, 92
 Фортинский С. П. 302
 Фофанов Н. 163
 Фохт 222
 Франко И. Я. 141, 142
 Фредро А. 148
 Фрейер И. 178
 Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский 210
 Фуке Жан 292, 294
 Фумели Н. 136
 Фурмон Э. 246, 253
 Фус П. Н. 286
- Хайд Томас 245
 Хаймендорф 229
 Халдаров Г. 124
 Ханин П. И. 101
 Харлампович К. В. 166
 Харрис 251
 Хене-Вронский Ю. 153
 Херасков М. М. 280
 Хлудов А. И. 54
 Хованский В. А. 77
 Ходзько А. 145, 148
 Хомяков А. С. 139, 140, 143
 Хорошавин П. 120
 Хоттингер И.-Г. 243, 245
 Хохлов Р. Ф. 51
 Христофор, книгописец 43
 Хрущов А. Ф. 6, 89, 95, 211, 236, 260—267
- Царский И. Н. 54
 Цветаев Д. 222
 Цезарь Гай Юлий 213
 Целларий Х. 178
 Цельтис Конрад 33
 Цертелёв М. 133

- Чацкий Т.** 152
Чернышева Н. Ф. 304
Чернышевский Н. Г. 132, 141
Черняк А. Я. 303
Четков А. Д. 54
Чистоклетов Г. 120
Чистякова Е. В. 220, 221
Чичерин Д. И. 109
Чурчич Л. 52, 57
- Шиллер Фридрих** 129
Шильдбах 190
Ширяев А. С. 54
Шипгал А. Г. 34, 35, 303
Шишкин И. 92
Шлецер А. Л. 84
Шмидт С. О. 4, 37, 47, 49
Шнор И. К. 124, 185, 188, 189, 274
Шомон 228
Шпигоцкий А. 145
Шредер Г. 5, 159, 160
Штелин Я. Я. 98, 101
Штеллер Г.-В. 147
Шторх А. 190, 191
Штымер Л. 148
Шувалов И. И. 281
Шувалов М. М. 241
Шукшин Н. 116
Шульц В. 249
Шумахер И. Д. 94, 99, 101, 104, 221, 251, 252, 262
Шустер 252
- Щапов В.** 122
Щапов П. В. 54
Щапов Я. Н. 165
Щепкин М. С. 134, 137
Щепкина М. В. 77, 304
Щербатов М. М. 76, 84
Щербяна Н. 136, 138
Щукин П. П. 63
- Эмин Н. Ф.** 276
Эразм 229
Эразм Роттердамский 264, 267
Эрбело 244, 246, 251
Эрпени Томас 229, 244
- Юрковский А.** 146, 147
Юн 124
Юстиниан, император 209
- Ярослав Владимирович, князь** 80, 81
Ярославцев М. 119, 120
- Bergmann L.** 154
Bianu 268, 269
Blonska M. 61
Buchholtz A. 154
Buchwald-Pelcowa P. 61
Bulhak H. 61
- Dauzat A.** 179
Demény L. 55
- Grasshoff H.** 53
- Heymans I. C.** 286
Hodos 268, 269
- Istrate P.** 59
- Kapełus H.** 61
Kawecka-Gryczowa A. 61
- Lilienfeldt F.** 163
- Manolache M.** 59
Mircea I.-R. 53
Moran B. 249
Michaud 243
- Nadson A.** 53
Nazor A. 55
- Pomeau R.** 264
Porcher L. 289
- Simmons J. S. G.** 53
Simonescu D. 52
- Tetzner I.** 252
Tomescu M. 269

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА

А. А. Сидоров. Об исследовательской работе по истории русской книги	7
С. П. Луппов. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма	11
А. И. Копанев. Советская литература по истории русской книги эпохи феодализма за последние десять лет (1966—1976)	24
Н. Н. Розов. Статистика и география русской книги XV в. (предварительные данные)	36
С. О. Шмидт. Некоторые источниковедческие вопросы изучения истории русской книжности	47
Е. Л. Немировский. К вопросу о создании сводного каталога старопечатных изданий кирилловского шрифта XV—XVII вв.	51
Б. В. Сапунов. Книга и читатель на Руси в XVII в.	61
Г. Н. Моисеева. А. И. Мусин-Пушкин — издатель древнерусских памятников	74
И. Е. Баренбаум. Издание французской переводной книги в России во второй четверти XVIII в.	87
Д. В. Тюличев. М. В. Ломоносов о распространении книг как средстве просвещения и об организации академической книжной торговли	96
И. Ф. Маргынوف. Книга в русской провинции 1760—1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли	109
А. А. Апинис. Латышская крестьянская рукописная книга во второй половине XVIII и первой половине XIX в.	125
Н. П. Рудь. Украинские литературные альманахи и сборники первой половины XIX в.	131
В. С. Агриколянский. Книги польских авторов в России первой половины XIX в. (к постановке вопроса)	142

II. КНИГОПЕЧАТАНИЕ

О. О. Зандерс. Первопечатники Риги	154
Я. Д. Исаевич. Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI—первой половине XVII в.	161
Т. А. Афанасьева. «Реестры» книг XVIII в. Московской синодальной типографии	169
Т. И. Кондакова. К истории формирования понятия «издатель» в связи с профессионализацией издательской деятельности в России в XVIII в. (постановка проблемы)	177
А. А. Зайцева. Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв.	183

III. КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ В БИБЛИОТЕКАХ СССР

<i>Е. М. Апанович.</i> Историческая рукописная книга XVI—XVIII вв. в фондах Центральной научной библиотеки АН УССР	195
<i>А. А. Гусева.</i> Украинская книжная графика второй половины XVII в. в собрании Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина	204
<i>И. Н. Лебедева.</i> К вопросу о выявлении и изучении частных библиотек XVIII в. в фондах Библиотеки Академии наук СССР	210
<i>А. Х. Рафиков.</i> Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в.	217
<i>В. Ю. Пореш.</i> Библиотека А. Ф. Хрущева (собрание преимущественно французских книг)	260
<i>Р. Я. Клейман.</i> Книги гуманитарного цикла XVI—первой половины XIX в. в Молдавии (по материалам фондов ЦНБ МССР)	267
<i>С. Р. Долгова.</i> Редкие книги и рукописи из библиотеки Ф. В. Каржавина (по материалам ЦГАДА)	274
<i>Л. И. Киселева.</i> Иллюминированные западноевропейские рукописи в собрании Ф. А. Толстого (БАН СССР)	285
Рекомендации Всесоюзной научной конференции «Книга в России до середины XIX в.»	296
Советская литература (1966—1976) по истории русской книги до середины XIX в.	300
Список сокращений	305
Указатель имен	307

КНИГА В РОССИИ (до середины XIX века)

Утверждено к печати Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры» и Ученым советом Библиотеки Академии наук СССР

Редактор издательства И. П. Палкина. Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры О. И. Буркова и Г. И. Семерикова

ИБ № 6545

Сдано в набор 14.11.77. Подписано к печати 04.05.78. М-07321. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 10=16,80 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18,02. Тираж 7850.
Изд. № 6797. Тип. зак. № 906. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

